

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
ВОЛОГОДСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО В МОСКВЕ
БЕЛОЗЕРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ВАДИМ ДЕМЕНТЬЕВ
СЛОВО О ПОЛКУ БЕЛОЗЕРСКОМ

История старейшего воинского формирования России

Вологда
2008

Ответственный редактор — *Р. П. Биланчук*

Ответственный за выпуск — *С. А. Тихомиров*

Фотографии А. Л. Жуковской, Л. А. Каршиловой,
Л. С. Лебедевой, И. В. Папина, А. В. Торопова

Дементьев В. В.

Д 30 Слово о полку Белозерском. История старейшего воинского формирования России. — Вологда: «Книжное наследие», 2008. — 320 с.: ил.

В книге представлен боевой путь славного Белозерского полка, первое упоминание о котором в летописи относится к 1183 году. Храбро и героически сражался Белозерский полк на Куликовом поле в 1380 году. По указу Петра Первого с 1708 года в регулярной русской армии отсчитывает свою историю Белозерский пехотный полк, носивший имя древнего города Белозерска. За 210 лет своего существования полк стал одним из лучших воинских формирований Российской империи. Полтава, Бородино, Севастополь — адреса его боевой славы. Знамена полка развевались на берегах крупнейших рек Европы — на Висле, Дунае, Рейне, Сене, во многих европейских столицах. Он был возобновлен одновременно в Белой и Красной армиях.

Читателей, интересующихся историей, не оставят равнодушными неизвестные страницы, посвященные доблестному военному прошлому Вологодчины. Книга рассчитана и на вологодскую молодежь, которой продолжать лучшие традиции отечественного воинства.

Выходит к 300-летию образования Белозерского полка.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
департамента культуры Вологодской области,
согласно Протоколу о сотрудничестве
Правительства Вологодской области
и РОО «Вологодское землячество»*

*Белозёрам Сергею Орлову и Сергею Викулову,
офицерам Великой Отечественной войны и русским поэтам,
посвящаяю*

«...все бывали тут»

М. Ю. Лермонтов

К нам возвращается историческая память. Мы пытаемся разобраться, что с нами происходит, изучая отечественную историю. Без познания ее, нет для нас и будущего.

Вроде бы одно только событие произошло в 2008 году в канун светлого праздника Рождества Христова в городе Белозерске, но зато какое!.. В местную действующую церковь вернулась икона Богородицы Белозерской — копия современного мастера, пожелавшего остаться неизвестным, со святыни Белозерского края, датируемой началом XIII века, и находящейся в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге.

Семь с лишним веков этот чудный образ, хранившийся до 1930-х годов в Спасо-Преображенском соборе, являлся самым древним и чтимым в Белоозере. Перед ним молились удельные князья, начиная с Глеба Васильевича Белозерского. Икону выносили из храма, когда провозжали на поле Куликово ратников Белозерского полка. Перед ней просили о помощи и заступничестве, изливали сокровенные слезы любви и прощения десятки поколений жителей города и его земель. Пресвятая Богородица, изображенная в иконографическом типе Богородицы Умиление, являлась представительницей белозёров перед Богом. Она родственна защитнице Руси — чудотворной иконе Богородицы Владимирской.

Если вернулся список Матушки Заступницы, ее иконный Божественный лик, то будет жить и здравствовать славный град Белозерск. Если теплятся у образа Богородицы Белозерской негасимые лампады — мир и радость воцарятся в душах людей. В это нужно верить.

Человек без таких исторических и духовных символов не может существовать. Народ без веры мертв. Россия не мыслится без святынь.

Приведем еще один пример, как незримо связан любой старинный районный центр Вологодской области с историей большой Родины. Из краеведческого музея в Устюжне, который располагается в соборе Рождества Богородицы, в 90-е годы прошлого века злые люди похитили чудотворный образ Богородицы Одигитрии Смоленской-Устюженской с клеймами земной жизни Богородицы, датируемый началом XVI века. Икона спасала устюженцев во времена Смуты от польско-литовского нашествия.

Она нашлась не так давно в Англии, и оттуда добрые люди вернули ее на Родину. Передавая Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексею II чудотворный Устюженский список Смоленской иконы Божией Матери, президент В. В. Путин сказал: «Хотел бы поздравить Вас с возвращением одной из самых древних и почитаемых на Руси икон, которая, казалось, была практически безвозвратно утеряна. Она покинула пределы России и вот теперь возвращена на Родину».

Сегодня икона находится в столичном Храме Христа Спасителя на солее, у того места, где молится президент России по большим православным праздникам. Как символична эта перекличка веков и как сильна государственная, мирская и церковная память в сбережении святынь!..

Устюженская икона — список с древнего образа Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии. Богоматерь указывает рукой на Младенца Христа, как бы говоря, что истинный путь всякого человека — это путь ко Христу. Для нас особенно примечателен тот факт, что в Византии, откуда она происходит, икона почиталась как путеводительница в военных походах, а на Руси с XVI века еще и как символ единства Русских земель.

Смоленская икона Богородицы — самый намоленный образ для русского воинства (перед ним служила молебен русская армия на Бородино). Чудотворная икона, хранившаяся в Смоленске, бесследно исчезла в годы Великой Отечественной войны.

Город Белозерск имеет к обретенной устюженской иконе прямое отношение. Белозёры в декабре 1608 году предупредили жителей Устюжны о надвигающейся опасности со стороны вражеских отрядов и предложили выступить против поляков сообща, «друг за друга главы свои положить». Устюженцы-оружейники со славными воинами-белозёрами радостно объединились. Почитаемая чудотворной с XVI века, икона вселяла в защитников северной земли веру и надежду, что натиск врага будет успешно отражен. Так и случилось. Дважды жители выносили икону Богоматери под стены осажденного города. В результате Устюжна героизмом ее защитников и чудесным заступничеством иконы спаслась.

Без развития и воспитания исторической памяти и духовной культуры наш народ уйдет из мировой истории. Постараемся же вместе с современными белозёрами, со всеми вологжанами и русскими людьми сделать так, чтобы этого не произошло никогда.

Автор

ВСТУПЛЕНИЕ

Летописное Белоозеро... Нынешний в меру тихий, в меру скромный районный центр Вологодской области. Так и слышишь здесь шелест страниц или, лучше сказать, тяжелое перелистывание пергаментных листов истории Отечества. Будто ветра с Белого озера их шевелият, грозы озвучивают громовыми раскатами и расщечивают сполохами молний, дожди пытаются смыть рукописные буквы.

Одни могучие городские земляные валы, едва ли не единственные, оставшиеся в такой величественной красе в европейской России, напоминают нам о преходящем времени. Как несли они на себе деревянный, каждое сосновое бревно в обхват, детинец с восемью сторожевыми и проезжими башнями. Как перекликались между собой караульщики на стенах, выкрикивая названия русских полков: Олонецкий! Каргопольский! Архангелогородский! Пермский! Наконец, свой, родной — Белозерский!

И хотя в городе к началу XXI века немного осталось памятников древности, да и сам старинный посад менял свое местоположение за более чем тысячелетнюю историю, но как-то по-особому сладко и радостно произносить его имя-название — Белоозеро, Белозерск... Звуки по-северному округлые, протяжные, певучие...

«Белое» — это любимый цвет Русского Севера, а «озеро» здесь чаще звучало как озеро. Монахи, кирилловские летописцы, в своем списке именно так и поправляли московскую Ермолинскую летопись XV века: не «Белоозеро», а «Белоезеро», не «на Белеозере», а «на Белеезере».

Здесь нужно представить тогдашние границы Древней Руси: она не имела прямых выходов к морям-океанам, оставляя будущее территориальное расширение на долю следующих поколений. Свой плач о гибели Руси от полчищ Батыя неизвестный нам автор XIII века начинает с главной приметы родной земли: «озерами многими ты славишься». А Белое озеро тогда считалось одним из крупнейших внутренних русских водоёмов.

К нему и сейчас, когда подъезжаешь по дороге от речного парома через Шексну, со стороны Кириллова, чувствуешь особое внимание. Мелькающие среди деревьев на подъемах водные дали невольно притягивают к себе все взгляды. Хочется скорее увидеть ширь и даль круглого, как гигантское блюдо, озера. Так обычно путешественники вырываются к распахнутому до горизонта морю, когда в окружающем пейзаже отсеивается всё суетное и малозначительное.

Неизвестный нам (как же их много — неизвестных, — в русской истории!) создатель рукописного «Описания о граде Белеезере», местный уроженец конца XVIII века, описал озеро тремя короткими словами: «Воду имат в себе белу, густу и клейку». Объяснений его названию дано много, но одно бесспорно: в отличие от других озер, в том числе и достопамятного новгородского Ильменя, и близких

Кубенского, Воже и Лаче, Белое озеро по своему имени самое что ни на есть коренное русское, и уж с каких веков так называется, является ли простым переводом с угро-финского, о том мы не узнаем никогда.

И древность города, здешней град-столицы Белозерска, отсчитывается по легенде, внесенной в первую русскую летопись, с 862 года. И хотя археологи этот срок пока не подтверждают, как, впрочем, и основание Вологды в 1147 году, седая древность здешнего обитания человека налицо, когда многочисленные упоминания Белоозера встречаются в начальных русских летописных сводах, в дошедших до нас княжеских грамотах и посланиях — бесценных документах той поры. Их совокупность говорит об одном объективном факте — отсюда, с этой северной округи, с окрестностей Белого озера, в частности, и «пошла Русская земля».

А если нынешний Белозерский район Вологодской области является одной из прародин отечественной государственности, то вместе с ней здесь, без сомнения, зародилась и ратная слава Отечества. Ибо, как афористично сказано в Ипатьевской летописи конца XIII века, «мир держится до рати, а рать — до мира».

Белозерская рать — это княжеские дружины, народные ополчения, это «вои» — первые русские воины и ратники, это — городовые формирования, пехотинцы и конники, гренадеры и мушкетеры, то есть все те, кто защищал родную землю, участвовал в далеких походах и сражениях. Многие поколения защитников отчего края, всей северной земли, по общим родственным признакам могут быть сегодня нами названы **воинами Белозерского полка**.

Что для нас кроется в самом названии «полк»? Откуда оно произошло? Так и слышится в его корневой основе русское слово «поле» — характерная особенность отечественного раздольного пейзажа. Все наши сражения происходили на полях славы, на вольных пространствах земли, где можно было разгуляться и пахарю и воину. Вещая соединенность этих понятий читается и в слове «рать», происходящем от глагола «орать», в древнем смысле — пахать. Дисциплинированная военная *рать* в нашем чутком языке противопоставит анархической *ораве* (толпе).

Полк, читаем в словаре Даля, — в старинном понятии *войско, ополчение*. «Он в полках служил», — говорилось еще в XIX веке, значит, этот некто служил в регулярной армии. О появлении кого-то на людях говорит и дошедшая до нас присказка: «Нашего полка прибыло» (или в обратном смысле — убыло). Поэтому хрестоматийное название «Слово о полку Игореве» нужно воспринимать не как поэтическую песню о конкретной войсковой единице, насчитывающей два или три батальона по четыре роты в каждом, а как об ополчении, о рати и одновременно о самом факте похода Игоря Святославича, князя новгород-северского.

В «Иллюстрированном военно-историческом словаре» (М., 2007), с другой стороны, утверждается, что термин «полк» все же имел самостоятельное значение, появившись в Древней Руси в

X веке, как название отряда, действующего отдельно от войска. В XII–XIII веках русская рать состояла из княжеской дружины и отдельных полков, выставлявшихся боярами-вотчинниками и городами. Полк не мог затеряться не только в рати, но и в русском прошлом: мы должны гордиться славными полковыми историями лучших отечественных полков.

Можно, конечно, и подробнее заняться этимологией слова «полк», но, так или иначе, нам его сущность ясна, как и производные от него слова-понятия, связанные с военным делом, — полковник, полководец, однополчане*...

Кто же и когда, возникает дальнейший вопрос, сформировал Белозерский полк? Не варяг ли Синеус, призванный править белозёрами в IX веке?... Не великие ли киевские князья, владевшие позднее самим Белозером и его волостями? Не их ли сродственники — князья владимирские?

Первое письменное упоминание о «*полке белозерцов*» (так назван!) встречается в русской летописи за год раньше похода князя Игоря — в 1184 году (Полное собрание русских летописей. Т. X. С. 9–10). Продлим эту достоверную дату до нашего времени: получится, что в 2008 году Белозерскому полку исполняется восемьсот двадцать четыре года! Возраст немалый!.. А если счет лет вести с дружины Синеуса, с 862 года, то выходит совсем уж уникальная в мировой истории продолжительность существования войскового соединения — тысяча сто сорок шесть лет! Даже если мы вычтем период с 1946 года, когда Белозерский кавалерийский полк Советской Армии, последний, носивший имя города Белозерска, был расформирован, вплоть до нашего времени, то и тогда срок существования полка по всем историческим меркам будет фантастичен.

Для сравнения и примера приведем возраст старейших полков зарубежья. Исследователь этой темы Валериан Скворцов пишет: «Довольно-таки трудно определить, какой из существующих ныне в мире полков является самым старинным (речь, понятно, идёт о чужеземных полках. — *В. Д.*). Западные историки считают, что это должен быть все-таки британский полк и, в частности, именно шотландский. Один из шотландских полков — Королевских шотландцев — претендует на то, что прослеживает свою родословную с 882 года и, таким образом, существует двенадцать веков. Возможно и так. Но справедливости ради следует отметить, что в этом случае его британская или шотландская принадлежность по служебной линии остается сомнительной. Королевские шотландцы верой и правдой и, конечно, за хорошую плату служили, может, и действительно с 882 года королям Франции вплоть до конца XVIII века. И не только им. Сражались они и под знаменами Густава Адольфа Шведского, а также многих других монархов Европы, при этом иногда и вопреки интересам своей далекой родины».

* В старину существовало и такое, ныне забытое, слово, как *исполчаться*, то есть выстраивать, согласно приказу, полки перед битвой в том или ином порядке.

Можно ли, согласимся с автором этой цитаты, по праву гордиться такой военной историей!? Это — история наёмников, ландскнехтов*.

Справедливости ради, отдадим должное старинным английским традициям. В современной Великобритании бережно чтят свои полковые соединения, особенно древнейшие. Впрочем, как и во всех других развитых странах мира.

Тот же дотошный исследователь зарубежных армий утверждает, что термин «полковник» (colonel) произошел от слова «колонна», имеется в виду солдатская колонна, и впервые такое звание стало присваиваться в Италии в XVI веке. В России офицеров, исполнявших подобную должность, называли в армии «колонновожатыми».

Здесь необходимо уточнить, вернее, развести русские воинские звания «полковника» и «колонновожатого». Первые из них командовали полками, вторые распределяли войска по позициям. В регулярной (императорской) армии «колонновожатый» считался унтер-офицерской должностью Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части (приравнивался к портупей-прапорщику), тогда как «полковник» являлся сравнительно высоким военным чином 6-го класса, соответствующим гражданскому коллежскому советнику того же класса. Этот чин, кстати, носил небезызвестный гоголевский герой Чичиков, почему его с полным доверием и уважением принимали в провинциальном губернском обществе.

И в европейских армиях звание «полковник» имело свои национальные отличия. «В Германии, — продолжает свой рассказ Валериан Скворцов, — ранг полковника начал присваиваться позже, чем в Италии, и лишь командирам пехотных частей. Однако понадобилось значительное время для того, чтобы звание «полковник» заменило употреблявшееся ранее — «фельдмастер»**. Во Франции к званию «полковник» обычно прибавлялось прилагательное «почетный». За определенную плату любой мог стать «собственником» полка, которому и присваивалось имя благодетеля королевской казны». Интересно, что в зарубежных армиях лишь в конце XVIII века полковники получили привилегию давать полкам свои имена и иметь собственные полковые знамена, тогда как в русской армии такая традиция соблюдалась с XVII века (при своем рождении Белозерский полк носил имя «гранадерский Тейлера полк»).

Русское воинство, как мы убедимся и далее, имея только ему присущие самобытные традиции и национальные особенности, успешно заимствовало зарубежный опыт, использовало всё богатство иноземной военной науки и армейского строительства. Поэтому можно с полным правом отнести торжественные слова, которые

* Война и деньги издавна тесно связаны между собой. Достаточно сказать, что слово «солдат» — производное от итальянского «солди», то есть от денег, которые выплачивались воинам.

** Что лишний раз подтверждает нашу гипотезу о связи понятий «поле» и «полк»: каждый школьник знает, что немецкое слово *das Feld* — по-русски значит *поле, пашино*. Отсюда, кстати, *die Feldarmee* — полевая армия и знакомое нам воинское звание *фельдфебель*.

стоит здесь процитировать, издателя книги Валериана Скворцова «Старейшие полки зарубежья» (М.: Кода-Пресс, 2002) Валентина Власова и к отечественным полковым соединениям, а в нашем случае — к Белозерскому пехотному полку: «Громкое имя и порядковый номер, кокарда на шлеме, кивере или фуражке, нашивка на рукаве, покрой и цвета мундира, грозное оружие и, конечно же, боевое знамя, символ верности присяге, воинской доблести и чести, для всякого, в том числе и не военного или еще не военного человека, неразрывно связано с понятием ПОЛК. Из легенд, былей и рассказов о полках складываются истории армий.

Не сосчитать километров, отмерянных в полковом строю солдатами всех времен и народов. Эти расстояния — со знаком бесконечности. Нет, и не будет компьютера, который «узнает», сколько атак предприняли и отбили воины разных национальностей, вероисповеданий и континентов под своими полковыми знаменами. Миллионы сильных и молодых полегли на полях брани и ушли в неизвестность.

И всё же неумолимая Лета не всемогуща. Многие воинские части, волею обстоятельств называвшиеся по-разному — фаланги, легионы, полки, батальоны, батареи, эскадроны, бригады и полубригады, живы в памяти поколений, а некоторые несут службу и поныне. Их солдаты и офицеры совершили свой марш в бессмертие — славное или запятнанное поражениями, кому какая выпала воинская и человеческая судьба...».

...В сентябре 2007 года автору этих строк довелось побывать на Международном фестивале «Кремлевская зоря», который состоялся на Красной площади столицы. Впервые в Москве, да еще в самом памятном месте для каждого соотечественника, прошел парад полковых соединений и оркестров из разных стран мира. Красочное зрелище на фоне кремлевских стен и башен в лучах закатного солнца произвело на всех собравшихся очень сильное эмоциональное впечатление. Особенно поразил сводный полк шотландских волинщиков, который заполнил всю площадь и под дробь барабанов и призывные звуки волюнок маршировал в высоких меховых шапках и клетчатых юбках по кремлевской брусчатке.

Но когда появился наш Президентский Кремлевский полк, одетый в ладно сидящие на фигурах русских молодцов синие с золотом мундиры любимцев Петра Великого Преображенцев, да еще с оркестром, исполнявшим старинный марш Преображенского гвардейского полка, удивительно сочетающем в своей мелодии героическую смелость порыва в атаку и печаль по погибшим товарищам, когда он начал выходить стройными маршевыми колоннами из распахнутых Спасских ворот Кремля в пушечном дыму, все выстулавшие до этого момента полки — и германского бундесвера, и королевских норвежцев, и итальянских карабинеров, и шотландских волинщиков отступили на второй план, затмившись красотой, бравастью и безукоризненной воинской выучкой родной русской пехоты.

Подумал я тогда, что вот так же могли чеканить парадный шаг по Красной площади и Белозерцы * под свой полковой марш «Славься вечно, славься вечно, православный русский царь!». Впереди brave офицеры в форме пехотных мушкетеров: в сюртуках и камзолах из зеленого сукна с позолоченными пуговицами, с серебряным погоном, в шарфах по поясам и в черных фетровых шляпах. За ними стройными рядами нижние чины в красных галстуках, красных суконных штанах и такого же цвета башмаках-штиблетах.

Идут победители шведов, турок, поляков, французов, пруссаков, венгров, немцев, разгромившие великих полководцев мира Карла XII, Наполеона и Гудериана.

Над батальонами, марширующими повзводно, на вечернем ветре плещется знамя Белозерского полка с гербом древнего города Белозерска **, реют батальонные Георгиевские знамена с надписью «За Севастополь в 1854 и 1855 гг.». На шапках блестят почетные знаки «За Варшаву 25 и 26 августа 1831 года».

Марш, марш, марш!..

Идут парадным расчетом грозные и славные молодцы Белозерцы!

Вместе с ними пойдем и мы, дорогие читатели, по путям-дорогам Белозерского полка.

* Так, с большой буквы, называли «членов Белозерской семьи», офицеров и солдат Белозерского полка. И мы будем следовать далее в своем рассказе этой хорошей традиции.

** Исторический герб города Белозерска утвержден в 1781 году. Он взят из гербовника Миниха 1730 года. В своей основе он сегодня является гербом Белозерского муниципального района. Так же он представлен на его флаге.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПОЯСНЕНИЕ

*Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу.*

А. С. Пушкин

О Белозерском полке автор этой книги узнал случайно: читая областную газету «Красный Север», на глаза попала короткая информация о том, что в городе русской воинской славы Севастополе побывала делегация Вологодской области, чтобы открыть мемориальную доску. Кому? О том и писала газета:

«21 декабря 2006 года в г. Севастополе на улице Белозерской прошла торжественная церемония открытия памятной доски воинам Белозерского полка, героическим защитникам южного форпоста России в годы Крымской войны (1854–1855 гг.) от земляков. В торжествах приняла участие вологодская делегация, в состав которой вошли помощник губернатора области В. М. Бабкин, вице-президент Северно-Западной ассоциации участников боевых действий С. И. Полонский и делегация Белозерского района: заместитель главы по социальным вопросам Т. А. Головкина, начальник отдела региональных связей и информационного обеспечения Т. А. Ермакова, учащиеся средней школы № 1 г. Белозерска Илья Клышев и Максим Сараев.

Торжества прошли на высоком уровне: почетный караул, военный духовой оркестр, выступления представителей командования Черноморским флотом и администрации Севастополя, возложение цветов.

Программа пребывания нашей делегации на крымской земле за короткие два дня была очень насыщенной: встреча с командующим Черноморским флотом, посещение военного крейсера «Суздалец», экскурсия в музей Черноморского флота и в панораму Севастопольской битвы, посещение мемориального некрополя, Свято-Никольского храма-памятника, встречи в школе и детских садах».

Из других источников удалось узнать, что малый противолодочный корабль «Суздалец» для посещения был выбран не случайно: в списки его экипажа навечно зачислен череповчанин, Герой Советского Союза Дмитрий Глухов. Да и встреча в штабе Черноморского флота с начальником штаба ЧФ вице-адмиралом Александром Трояном В. М. Бабкина готовилась заранее — на ней обговаривались условия договора о шефстве Вологодской области над одним из кораблей Черноморского флота. «Историческая связь вологодской земли с Черноморским флотом и Севастополем, — сказал тогда Владимир Михайлович, — прослеживается с обороны города Белозерским полком, но и не только. Белозерский район вырастил и воспитал шестерых российских адмиралов».

Меня, естественно, не мог не взволновать факт существования в XIX веке героического Белозерского полка. Значит, его история не

прервалась на Куликовом поле?.. Плохо все-таки мы знаем не только общерусскую, но даже свою, местную, историю.

Дальнейшее было, как говорится, делом техники. Я направился в военный отдел Российской Государственной библиотеки, бывшей Ленинки. Там еще работают всезнающие библиографы, которые почти наизусть помнят свои книжные фонды. Для начала одна из таких добрых библиотечек провела меня в комнату, в которой нашла статью о Белозерском полке из дореволюционной сытинской Военной энциклопедии. Краткая справка гласила:

«Белозерский, 13-й пехотный, генерал-фельдмаршала графа Лас-си, полк, имеет старшинство с 6 декабря 1708 года, когда из гренадер Шлиссельбургского, Бутырского, Ярославского, Нижегородско-го, Белгородского, Невского, Ямбургского и Тверского полков был сформирован гренадерский Тейлора полк, названный в 1709 году гренадерским Лассия».

Прерву цитирование, чтобы сразу обратить внимание на дату — 6 декабря 1708 год. Не хитрый подсчет сразу определил — в 2008 году Белозерский полк отметил бы своё 300-летие.

«Во время Северной войны, — продолжаю чтение энциклопедии, — полк принимал участие в боях у Опошни и под Полтавой. 10 мая 1725 года полк переименован в пехотный, с 16 февраля по 6 ноября 1727 года назывался Белозерским. 25 апреля 1762 года наименован пехотным генерал-майора Шплингера*, 29 ноября 1796 года — Белозерским мушкетёрским, 2 октября 1798 года — мушкетерским генерал-майора Кульнева...» И далее шел перечень названий, которые, как потом я выяснил, зависели от меняющихся правил наименования полков Императорской армии.

Более интересным показался в этой энциклопедической статье боевой путь полка (он здесь подробно указан, начиная с XIX века): «Белозерский полк участвовал в сражениях при Красном, Смоленске, Валутиной горе, Бородино, Вязьме, Бауцене, Кацбахе, Лейпциге, при осаде Данцига и Суассона и под Парижем. Затем полк участвовал в усмирении польского восстания 1830–1831 гг. и за боевые отличия ему пожалованы 6 декабря 1831 года знаки на головные уборы с надписью “За Варшаву 25 и 26 августа 1831 года”... С 3 января 1843 года полк стал называться по имени шефа, князя Н. М. Волконского».

И вот, наконец, я добрался до Крымской кампании: «Во время Восточной войны полк входил в состав Севастопольского гарнизона и с 5 по 27 августа оборонял Малахов курган. За отличия под Севастополем полк награжден Георгиевским знаменем с надписью “За Севастополь в 1854 и 1855 гг.”**».

Оборона Малахова кургана — одна из самых героических страниц русской военной истории. И если Белозерцы три недели сража-

* Правильнее: Шпрингера Иоганна (Ивана Ивановича).

** Небольшая неточность — два из трех батальонов Белозерского полка получили почетнейшие в Императорской армии Георгиевские знамена.

лись здесь, то, значит, недаром благодарные севастопольцы назвали одну из улиц города *Белозерской*.

Остальные ратные деяния полка — Полтава, Смоленск, Бородино, Вязьма, Париж также не прошли мимо моего внимания. Вот он, значит, какой славный!..

В библиографии статьи давалась только одна справка на книгу некоего Э. Мержеиевского «История 13-го Белозерского пехотного полка», изданную в Варшаве (не зря Белозерцы дважды усмиряли восставшую шляхту!) в 1894 году.

Этого источника оказалась достаточно, чтобы пожилая библиотечарша задвигала ящиками с карточками, ища нужные сведения. Книг о полке оказалось всего две — и обе составил офицер Белозерского полка Э. М. Мержеиовский (так правильно читать его фамилию!). Вскоре они лежали передо мной на столе.

Самый большой, почти 600-страничный, фолиант назывался «История 13-го пехотного Белозерского генерал-фельдмаршала графа Ласси полка (1708–1893 гг.)». Место и год выпуска — Варшава, 1894. Вторая книга представляла собой скромную брошюру, именуемую «Памяткой Белозерца» (см. приложения к нашей книге). Составил ее капитан Э. Мержеиовский в 1906 году с пометкой «Для нижних чинов» и тем же местом выпуска.

«На рубеже XX века, — прочитал я позднее у современного исследователя полковых историй Императорской армии России Александра Бондаренко, — словно бы ощущая конец “старого мира” и стремясь сохранить хоть какую-то овеществленную память о прошлом, в большинстве полков русской армии поспешили издать свои полковые истории. Впрочем, основным поводом написания полковых биографий послужили грядущее празднование столетия Отечественной войны 1812 года и начавшиеся двухсотлетние юбилеи петровских полков...». Именно к таким книгам, изданным, кстати, в месте тогдашней дислокации Белозерского полка в губернском городе Ломжа, бывшей столице Мазовии, Варшавского военного округа, и относится полковая история Э. М. Мержеиовского, сохранившаяся в фондах РГБ.

«Чем, однако, интересны подобные книги, написанные, как правило, не профессиональными литераторами и не историками-специалистами? — задается вопросом А. Бондаренко и сам же отвечает: — ...В них нередко содержатся уникальные сведения из полковых архивов, преданий и воспоминаний ветеранов, официальной и личной переписки, документов, некогда захваченных у противника. Особую ценность имеет взгляд автора — как правило, полкового офицера — на события минувших дней, его трактовка исторических событий, оценки и выводы. Ведь одно дело — беспристрастный взгляд историка, литератора, и совсем другое — точка зрения человека военного, принадлежащего всё к той же полковой семье, пусть и столетия спустя после описываемых событий. Офицер, носящий, предположим, измайловский или павлоградский мундир, не может быть сторонним, равнодушным очеркистом, когда идет

речь об истории его полка, той самой части, службой в которой он гордится».

Действительно, мы должны быть благодарны поручику, а затем получившему звание капитана Императорской армии Э. М. Мержеиовскому. История, к сожалению, не сохранила его биографию, может быть, факты его участия в тогдашних сражениях. Знаем только, что его полное имя-отчество Эдуард Мартин, что родился он 21 мая 1861 года. Несмотря на относительно недалекое время — конец XIX — начало XX века — он так и остался для нас неизвестным (по своей биографии) автором, как и многие безымянные средневековые летописцы. Но армейский поручик сделал большое и важное дело — он составил подробную летопись Белозерского пехотного полка. Вряд ли бы мы сегодня без его труда могли восстановить боевой путь Белозерцев*.

«Задавшись целью составить историю славного Белозерского полка, — заканчивает свое предисловие «От составителя» наш армейский летописец, и даже сквозь эти простые слова чувствуешь волнение человека, выносящего на суд однополчан и читателей свой четырехлетний труд, — я в 1889 году с одобрения командира полка полковника Ямщикова приступил к собиранию материалов, рассчитывая, что старые Белозерцы откликнутся на мою просьбу, помещенную в газете «Русский Инвалид», и поделятся со мной некоторыми сведениями о боевых подвигах и прежней жизни полка.

К сожалению, никто не откликнулся, и мне пришлось ограничиться составлением истории исключительно лишь на основании официальных документов, как печатных, так и рукописных, хранящихся в Военно-ученом архиве Главного Штаба и библиотеке.

Не будучи в состоянии по рассмотренным мной документам составить ясной и полной картины боевой и мирной жизни Белозерского полка, проследить за ним изо дня в день и, сознавая, что труд, взятый мной на себя, не по силам одному человеку, я, тем не менее, приложил всё свое старание и усердие, дабы сгруппировать славные деяния полка, изобразить события с документальной точностью и составить, так сказать, канву для будущей истории, надеясь, что со временем найдется лицо, которое пожелает выткать по этой канве роскошный ковер — картину двухсотлетней жизни Белозерцев.

А потому, как бы ни был мой труд слаб и несовершенен, прошу отнестись к нему снисходительно».

Сколько истинного благородства в этих словах! Устами автора как бы говорят лучшие представители русского офицерства с его врожденным и отшлифованным кадетским воспитанием представлением о личной чести и достоинстве. Говорят офицеры, которые затем, спустя совсем немного лет, в большинстве своём погибли в пламени революции и в братоубийственной Гражданской войне.

Благодаря автору белозерской полковой истории, до нас дошли сведения о военных походах и сражениях, которые сегодня мало-

* Часть архива 13 пехотного Белозерского полка (1884–1917 годы) хранится сегодня в Российском Государственном Военно-историческом архиве (фонд № 2627; содержит 259 единиц хранения).

известны даже специалистам-историкам, и которые в советской историографии попросту замалчивались. В книге сохранились для потомков звания и имена храбрых Белозерцев, офицеров, шефов и командиров полка, и мы можем рассказать об их подвигах.

Как это важно знать подрастающему поколению вологодской молодежи! К примеру, юным белозёрам, которые сегодня чуть ли не ежедневно видят на здании районной администрации флаг муниципального района с двумя скрещенными рыбинами Белого озера и золотым крестом, попирающим поверженный полумесяц, но даже не предполагают, что этот же герб на знаменах Белозерского пехотного полка гордо реял на Бородино и в Севастополе, на берегах немецкого Рейна, французской Сены и польской Вислы. Вот в какие европейские дали победно залетали потомки белозерских ястребов из куликовских полков князей Федора Романовича и Ивана Федоровича Белозерских!..

Следует пояснить, что в русской Императорской армии непродолжительное время в начале XVIII века сосуществовали вместе два Белозерских полка — пехотный и драгунский. Если история белозерских пехотинцев исчисляется 210 годами, то белозерские драгуны просуществовали всего 9 лет. Начало им положил полк князя Андрея Федоровича Шаховского, сформированный в 1703 году в Москве. В 1704 году полком командовал ближний воевода и окольничий Петр Матвеевич Апраксин, а фактически — полковник Кулаков. В этом году полк участвовал во взятии Нарвы и в походе в Карелию. В 1707 году полк стал называться Белозерский драгунский. В 1711 году участвовал в Прутском походе. В 1712 году был расформирован, личный состав направлен в Сибирский драгунский полк.

Интересно отметить, что в Полтавской битве участвовали Белозерский драгунский полк, входивший в дивизию генерал-лейтенанта Бауэра, находившуюся на правом фланге, и два Вологодских полка — гренадерский (пехотный) и драгунский. Одно из первых боевых крещений под Полтавой принял и гренадерский полк П. П. Ласси, будущий, с 1727 года, Белозерский пехотный, о котором рассказывает наша книга.

В годы правления Петра I регулярная армия России только создавалась, одни полки учреждались, другие расформировывались, из их батальонов и эскадронов (в кавалерии) составлялись новые полковые единицы. Всё было в движении, в поиске приемлемых вариантов, связанных со многими факторами — комплектованием, вооружением, снабжением, размещением и т. п. Подчеркнем очевидный вывод из сказанного: **полковое имя Белозерский было очень популярно в армии Петра I**, что говорит об историческом и современном значении города у Белого озера, о его известности.

Радует, что интерес к истории Белозерского полка в Вологодской области начал проявляться за последние пять-семь лет. В череповецком альманахе «Исторический вестник» № 1 (редактор Сергей Веселов, капитан, директор Верещагинского Череповецкого кадетского корпуса) вышла статья о ратных делах Белозерцев историка

кадетского корпуса Александра Марова*. Реконструкцией полка (мундиры того времени и вооружение) активно занимается военно-исторический клуб в Череповце и даже группа энтузиастов в Англии. Ребята из череповецкого военно-исторического клуба в форме гренадеров Белозерского пехотного полка принимают участие в исторических реконструкциях сражений в России и в европейских странах. Также они участвуют в торжественных мероприятиях, проходящих в области.

В настоящее время Российская армия старается упрочить доблестные традиции отечественной армии. Воинским соединениям возвращаются старинные знамена, овеянные славой предков, в частях культивируется патриотический дух русского воинства, во время парадов в честь годовщин Победы на Красной площади звучат марши Преображенского и Семеновского полков.

Вологодская область шефствует над подводными лодками Северного флота, над Кольской флотилией, помогает военным морякам переносить тяготы военной службы. В День знаний 1 сентября в школах области проходят уроки мужества, ребята вспоминают защитников родной русской земли.

Знамена Белозерцев, никогда не запятнавшие себя сдачей в плен, снова обязаны взвиться над полками и соединениями современной Российской Армии.

Прецеденты с возвращением к традициям в отечественной армии не раз бывали. Действующие полки, в частности, получали наименования старинных соединений. К примеру, император Александр III в 1884 году повелел своим указом «для сохранения наименований двух старейших полков в России — Великолуцкого и Выборгского, старшинство их в виде исключения из общего правила присвоить 12-му пехотному (Великолуцкий) и 85-му пехотному (Выборгский) полкам». Командование Красной Армии также сохранило наименование «Белозерский» в названии одного из кавалерийских полков.

Потомство нам скажет спасибо за восстановление этой в высшей степени актуальной и благородной традиции. Воссозданный Белозерский полк, верится, также никогда не уронит своих знамен, сохранит и продолжит боевую славу русского оружия.

* Этот исследователь ратных деяний земляков работает над исследованием о Белозерцах. В этом году вышла в свет его первая книга, посвященная истории полка (Маров А. А. Белозерский пехотный полк в августовских боях 1914 года. Череповец: Ермак, 2008). Также укажем на статью известного историка русской армии А. А. Подмазо «Белозерский пехотный полк», опубликованную в самарском военно-историческом журнале «Воин» (№ 12).

ПОЯСНЕНИЕ ЛИЧНОЕ

*Оглядываюсь с гордостью назад:
Прекрасно родовое древо наше!
Кто прадед мой?
— Солдат и землепашец.
Кто дед мой?
— Землепашец и солдат.
Солдат и землепашец мой отец.
И сам я был солдатом, наконец.*

Сергей Викулов

Историю можно (и нужно!) открывать через свои семейные предания, легенды, домашние архивы, через свою родословную, через прошлое отчей земли. Тогда она видится живой, близкой, очеловеченной, родной.

Наша семья дружила с двумя выходцами из белозерских земель — Сергеем Сергеевичем Орловым и Сергеем Васильевичем Викуловым, знаменитыми на Вологодчине именами, да и в современной культуре России хорошо известными.

Я их помню с раннего детства. К Орловым в Ленинград мы приезжали в пору белых ночей. Как к своим родным, навещался к ним и я один, будучи студентом. С Викуловыми, Сергеем Васильевичем и сыном Сашей, рыбачили на Андозере в Белозерском районе, на их родине. Да и в Москве все мы встречались постоянно. Общими были литературные, творческие интересы, взгляды на жизнь, а у моего отца была и близкая с двумя белозерскими тезками биография, родственная судьба, которая крепилась настоящей мужской дружбой. Действительно, жили и служили три товарища...

Каким был Белозерск в пору их ранней юности, в беззаботное (так сейчас думается в дымке прошедших лет) предвоенное время? А всё таким же, каким он был и для поколений мальчишек, которые здесь рождались, жили, не ведая, что в любой момент ураган беды может их, молодых, сорвать, как листок, с крепкого родительского дерева и унести по дорогам очередной войны.

Пенсионер Г. А. Пучков, бывший врач по профессии, вспоминает Белозерск 30-х годов именно так, — словно приснившуюся сказку. Вероятно, и Викулов с Орловым видели его таким же: «С палубы парохода пассажирам открывалась величественная панорама уходящего в гору города со всеми его 17 храмами, увенчанными 11 шпилями и 50 главами, и серой деревянной каланчой с проблеском солнечного зайчика на медной каске пожарника. Смотреть и не наглядеться».

Нет уж сегодня многих храмов, погублены они нашей беспамятностью, да и городская пристань практически бездействует... Но остался знаменитый Обводный канал, и он тепло вспоминается: «Набережная канала — мостки и бечевник — была самым излюбленным,

оживленным и веселым местом для воскресных прогулок горожан целыми семьями. Водный путь был единственной ниточкой, соединяющей Белозерск с миром. Автобусного сообщения не существовало, грузовых машин было мало, да и переезд на них был связан с большими хлопотами, уговорами и неудобствами из-за разбитых дорог».

Юные в те годы Викулов и Орлов уже пописывали стихи. У меня сохранилась одна из первых книг Сергея Васильевича Викулова, выпущенная в Вологде после войны. Тонкая, скромная, на желтой бумаге... И стихи ничем особо не запоминающиеся, кроме одного четверостишия, которое, как мне кажется, хорошо рисует белозерскую юность поэта с его, памятной нам, интонацией простодушия:

*Ухожу я в озеро, ребята,
Истомилось сердце — не могу!
Теплые вечерние закаты
Мне не пережить на берегу.*

Но вот пришла, вернее, нагрянула в тепло отчего дома и родного озерного края стужа войны. Белозёры, как дозорные с деревянных башен земляного вала, усматривая передвижения неприятеля, наблюдали то зарево бомбежек над далеким Тихвином, то, когда прорвали блокаду Ленинграда, всполохи пожарищ за горизонтом. И слово-то какое упоминает Г. А. Пучков, словно из летописей, описывая, как через город в 1942 году проследовали с ночевкой сибирские полки на помощь Ленинграду: «Рано утром войско ушло...»

«Каждое лето в Карголоме, — читаем дальше воспоминания белозерского ветерана, — организовывались учебные лагеря для допризывников и новобранцев. Летом 1944 года, как раз в сенокос, дошла очередь и до нашего поколения. В два ряда были поставлены палатки, в них сколочены нары, выданы чехлы для матрасов, подушки и одеяла. Постели заправлены. Ну а дальше — всё как в армии.»

Нет, не совсем, как в действующей армии. Далеко не так! Там — вздыбленная от снарядов земля, цепи наступающего противника за серыми коробками танков, внезапные налеты штурмовиков, снова огненные взрывы, смерти, ранения товарищей... В армии шла настоящая война. В эту войну со школьной скамьи ушли два Сергея — Викулов и Орлов.

Воспринимал ли я, человек следующего поколения, их, офицеров Великой Отечественной, как героев? Нет, особенного пиетета к ним не было, каждого из них я знал почти по-семейному, как своих дядьёв. Помнил, и немало, из их биографий, читал стихи, знал наизусть многое из Орлова, всю его фронтową классику... С Сергеем Сергеевичем я работал в Союзе писателей России. Печатался и у Викулова в журнале «Наш современник», который он возглавлял почти 20 лет; у меня в его редакции и среди авторов журнала было немало хороших друзей.

А потом главным для нас считалось тогда иное — они были нашими, прежде всего, земляками. Это состояние души и жребий судьбы перевешивали все другие биографические детали.

Викулов скупно писал о войне, она у него где-то была под спудом, внутри, в глубине души. Орлов, более открытый к повседневности, возвращался к войне постоянно, всё в нем бурлило, клокотало, он и сам был скорый, как ветер, с разметавшейся огненной бородежкой на обожженном, в рубцах, лице. Мой отец из этой троицы был самым по себе, «скрытным», еще и от горькой безотцовщины, но и он по-вологодски расходился, когда выпадало настроение. Война для него была нечеловечески трудной работой, он о ней редко вспоминал.

В 1970-е годы Сергей Викулов и Валерий Дементьев обзавелись на своих родинах домами, исполнив свою мечту, чтобы хотя бы летом приезжать в любимые с детства края. Еще раньше отец взял меня как-то на рыбалку в викуловские места. В Белозерске переночевали в двухэтажном доме колхозника (здание это и сегодня цело), что находился рядом с земляным валом, затем добрались на машине до села Карл Либкнехт, экзотически названного так местными крестьянами после революции (чаще, правда, говорят — Карлипки).

Село стоит на знаменитом Новоозере, где на острове Огненном существовал некогда богатый монастырь преподобного Кирилла Новоезерского, местного чудотворца. Здесь побывал по дороге на Марциальные Воды, тогдашний и нынешний карельский курорт, основатель Белозерского пехотного полка Петр Первый. Снова видим некую символику.

Сегодня на острове находится знаменитая тюрьма для пожизненников, так называемый, «Пятак». От Карлипок мы на моторных лодках переправились в деревню Веромень на соседнем Андозере, ее уже сегодня нет, а тогда, живя у приютившей нас крестьянской семьи, славно порыбачили.

Не так далеко от викуловских родных мест и отчие края Сергея Орлова — поселок Мегра, что стоит на одноименной реке. Сергей Сергеевич тоже мечтал прикупить где-то на родине избу, но у него при его суетливой жизни возможностей надолго выезжать в Белозерский район просто не было. И с финансами вечно было туговато. Орлов с семьей кормился на гонорары, называя свои стихи «мужиками». Так и говорил: «Меня мои “мужики” кормят».

Я думаю, что их военные специальности отразились на их характерах, сформировали в чем-то поведение, объясняют кое-какие жизненные поступки. Орлов был бесшабашен, как танкист, который на своем КВ (тяжелом танке «Клим Ворошилов») в прорыве обороны далеко опережал пехоту. Он увлеклся своими теориями, не связанными с повседневной жизнью, был романтичен и прям. Викулов смотрел на современность через окуляр наводки своей гаубицы, трезво размечая, где и как уложить точнее снаряд. Он был неспешен в делах и повадках, но одновременно и смел, сто раз отмеривал, но когда уж решал, то рубил с плеча, по военному командовал: «Та-а-к, Леня Фролов снимает вопросы с Распутиным, я сам согласовываю, та-а-к, повесть печатаем в ближайшем номере!» Валерий Дементьев шел, как по минному полю, осторожно, про себя размечая, до какого

пригорка, до какой опушки можно добраться невредимым. Всё в нем было подчинено одной цели — победить в жизни.

Интересен и другой, сближающий их, факт личной жизни, вернее, одна из особенностей характеров: все они не любили технику, не хотели больше в ней копаться. И такое неприятие после офицерских инженерно-технических специальностей и навыков! Видно (пробую объяснить), до того надоело им железо на войне, все эти моторы и траки, разные там хитрые минные взрыватели и замедлители, солярка и порох, что глаза бы на всё это не глядели.

Чувствовалась в таком психологическом отторжении и крестьянская родословная, когда наследственная память вызывала совсем иные, теплые и человеческие, предметы и механизмы, созданные для труда, а не для убийства. Военная служба для этих крестьянских сыновей (Орлов выходец из учительской среды, но тоже сельской) была, как бы поневоле, ради исполнения мужицкого долга защиты матерей, Родины, слабых. Война для них и не являлась в полном своем значении жизнью, а виделась предысторией, *преджизнью*, после которой они могли сами распоряжаться своей судьбой.

В этом они расходятся с известными литературными героями Э.-М. Ремарка — такими же фронтовыми тремя товарищами. Если у писателя воспето фронтовое братство, чистое и бескорыстное, которое видится антитезой страстям и порокам мирной жизни, то для поколения наших отцов-победителей рубеж страстей и пороков отсекала от мирного существования сама война, ее неестественность, чуждость человеческой натуре. Антигуманной природе войны можно было противопоставить только лучшие человеческие проявления, как то: героизм, отвагу, самопожертвование, милосердие, взаимовыручку и многие, многое другие.

По всем своим психологическим, нравственным, духовным качествам вологодские друзья-товарищи представляли собой глубоко русский тип *труженика-солдата*, столь убедительно обрисованный Твардовским. Мы всегда воевали *поневоле*. Вынуждены были воевать, отстаивать свои земли и свои интересы, доказывать свою правоту. «Наши войны, — писал в эмиграции публицист И. Л. Солоневич, — по крайней мере, большие войны, всегда имели характер химически чистой обороны. Так же как германские — завоевания и английские — рынка. Не потому ли на трех языках термин война так близок терминам: «добыча» — в немецком (*der Krieg — krieg*); «торговля» — в английском (*the war и the ware*); и «бедствие» — в русском (*вой и война*)». Хорошее наблюдение!..

В троих наших героях, офицерах Великой Отечественной, я вижу именно такие тысячелетние черты, психологические мотивации, поступки, характеры, доставшиеся им от воинов белозерцев, наших общих далеких предков и близких нам прадедов.

А с кого я еще могу брать пример?.. Война для нас, родившихся в середине прошлого века, хотя и была где-то совсем рядом, но — там, далеко, мы — солдатские дети той войны.

К 50-летию окончания войны я собрал и выпустил в издательстве «Современник» антологию поэзии «Шел отец...», названную так по строчке стихов Юрия Кузнецова «Шел отец, шел отец невредим через минное поле». Я и спустя двадцать с лишним лет считаю, что наше поколение сполна высказалось о самом главном, как оказалось, в нашей судьбе: «В пятидесятых рождены, войны не знали мы, и всё же в какой-то мере все мы тоже вернувшиеся с той войны...». Так хорошо писал, ушедший вслед за Юрием Кузнецовым из жизни, рано и преждевременно, Николай Дмитриев. Поэтому историзм, тяга к традиции, интерес к наследию, к отцовской шинели (кто помнит, так называлась замечательная картина художника Виктора Попкова) — в нашей крови, эти качества естественны и привычны для нас.

Но вот время всё дальше и дальше стало отсчитывать года, десятилетия, отлетать от военных лет. Первым ушел из жизни Сергей Сергеевич Орлов. Затем на 76-ом году жизни умер мой отец. В XXI веке закончил свой земной путь Сергей Васильевич Викулов.

Сергею Орлову установили очень хороший памятник в родном Белозерске, открыли музей, назвали его именем в Вологде одну из самых древних и по-старинному красивых улиц на берегу реки. Он везде оказался без своих друзей.

Я помню, как Сергей Сергеевич в любое время суток, почти ежедневно звонил нам домой. Порой вопросы его были странными:

— Как там у фрицев звали автомат? Шмайссер?..

Это название позже всплывало в его стихах. Война поэта никуда не отпускала.

Насчет белозерского происхождения* трех товарищей читатель может подумать, что это простое совпадение. Нет, уверяю вас, не совпадение, а закономерность. Для меня история Белозерского полка — это и их судьбы. Я всегда помнил стихи Сергея Орлова о ратнике Белозерского полка, представляющие собой монолог русского воина с Куликова поля:

*Нет России с песней державной,
С моря синя до моря синя,
Ни тесовой, ни златоглавой
Нет еще на земле России.
Есть земель вековая обида,
Есть рабы, восставшие к мести:
Чем так жить — лучше быть убиту,
А для нас это дело чести.
Всё сомнут мохнатые кони,
По степи помчат на аркане,*

* Мой отец родился в Кубеноозерье, на границе с Белозерьем. Имеется официальная версия историков, что в пору удельной раздробленности территория района Кубенского озера входила в Белозерское княжество, с чем я, кстати, не совсем согласен (см. книгу: Вадим Дементьев «Свет малой родины. Отчина и дедина», (М., 2008)). Но правда в том, что от Кубенского озера белозерские земли недалеко, по вологодским масштабам они представляют, действительно, один регион.

*Но на нас наткнется погоня,
Ну а мы отступить не станем.
Конь мой гривой мотает рыжей,
Прыщут тучей на солнце стрелы,
Кычут коршуны, кружит крыжень,
А какое до них нам дело!
Как орда Мамая качнется,
Как мы ляжем костьми на поле, —
Так Россия с нас и начнется,
И вовек не кончится боле.*

Эти строки автора реквиема «Его зарыли в шар земной» Сергея Орлова — обо всех русских солдатах, в том числе, и о земляках белозерцах. Поэт естественно ставит в один ряд героических ратников и наших солдат-современников.

Историческую предысторию Орлов искал везде и, найдя ее, радовался, как ребенок. Для него настоящим открытием, к примеру, стал факт участия Константина Батюшкова, которого многие считают сладкоречивым и изнеженным пиитом «звуков италийских», в двух войнах с Наполеоном и в войне со шведами. Константин Николаевич в 20 лет ушел добровольцем в народное ополчение, участвовал в Прусском походе против Наполеона. Там же получил тяжелое ранение. После выздоровления поэт вновь в действующей армии, принимал участие в Финляндской войне (1808–1809 годы), совершал с корпусом Багратиона легендарный марш по льду Ботнического залива на Аландские острова. С 1813 года Батюшков вновь в армии, на этот раз принят на военную службу с зачислением в Рыльский пехотный полк штабс-капитаном и с назначением в адъютанты к генералу А. Н. Бахметеву. В октябре того же года участвовал в Лейпцигской «Битве народов», за которую был награжден орденом святой Анны II степени.

Сергей Орлов справедливо считал Батюшкова первым русским фронтовым поэтом, к коим принадлежал и сам. Такая переключка эпох, русских армий, родственных душ стихотворцев была для него очень важна, и он ею особенно дорожил, гордясь «памятью сердца». Любил читать из «военного» Батюшкова:

*Несут полки славян погибель за врагом,
Достигли Немана — и копыя водрузили.
Из снега выросли бесчисленны шатры,
И на берегу зажженные костры
Всё небо заревом багровым обложили.*

Как ему, белозерскому парню, рыбабившему на зорьках на озере, или танкисту, отдыхавшему на таких же биваках, называемых дневками, были не близки эти строки?.. Опыт войны у каждого человека близок фронтовому опыту его предков.

Об этом Сергей Сергеевич Орлов, как руководитель Союза писателей России, говорил в Спасо-Прилуцком Димитриевом монастыре на открытии памятника Константину Николаевичу Батюшкову, ко-

торый вологжане восстановили на том месте, где покоится прах поэта-фронтовика, учителя Пушкина. О военной жизни Батюшкова и мой отец написал небольшую повесть «Питомец муз», с интересом прочитанную Орловым.

Только почему-то не знали они, что в соседнем строю с воинами начала XIX века, в одной армии с сотенным в первой войне, подпоручиком во второй, штабс-капитаном в третьей Константином Батюшковым, во всех перечисленных кампаниях с французами и шведами принимал участие полк, носивший имя Белозерского, имя их любимой родины. Так мы порой проходим мимо главного, основного, видя лишь частности и детали.

Поэтому задачу своей книги я вижу еще и в том, чтобы восполнить этот пробел в памяти поколения наших отцов. Многие они для нас открыли, дали нам жизнь, свою породу, но что-то и не успели сделать, что-то не досказали.

По сути, для меня знакомство с историей Белозерского полка началась с подвигов гвардии старшего лейтенанта, командира тяжелого танка КВ-1 Сергея Орлова (1921–1977) из села Мегра Белозерского района, командира артиллерийской батареи Сергея Викулова (1922–2006) из деревни Емельяновской Белозерского района и старшего лейтенанта взвода инженерно-сапёрной разведки Валерия Дементьева (1925–2000) из деревни Каргачево Кубено-Озерского района.

Когда Россия отмечала сразу две годовщины — 60-летие Великой Победы над Германией и 625-летие Куликовской битвы, я обратился с письмом к губернатору Вологодской области В. Е. Позгалеву с предложением установить в Белозерске гранитный камень-валун в память о наших предках, которые, по словам Дмитрия Донского, погибли «ради земли Русской и веры христианской, чтобы старые рассказывали, а молодые помнили».

Реакция, к моей радости, последовала незамедлительно: в области была создана юбилейная комиссия; первого сентября во всех вологодских школах прошли «уроки мужества», посвященные двум датам, а в конце октября на территории Белозерского кремля, у Спасо-Преображенского собора, состоялось торжественное открытие не какого-то там памятного камня, а настоящего гранитного памятника-символа с выкованным местными умельцами железным свитком, на котором выгравированы такие слова: «В год 625-летия Куликовской битвы в память князей белозерских с дружиною, погибших “ради земли Русской и веры христианской, чтобы старые рассказывали, а молодые помнили” (Дмитрий Донской), от благодарных потомков».

Теперь этот памятник стал местом, где белозерская молодежь отмечает военные годовщины и воинские праздники, где проходят театрализованные представления, восславляющие удачу, мужество и храбрость воинов Белозерцев.

Так для меня сомкнулись времена, и подвиги пехотинцев Белозерского полка объединились с подвигами наших отцов — солдат и офицеров Великой Отечественной войны.

ОТ СИНЕУСА ДО ВАСИЛЬКА РОСТОВСКОГО

*Вчера прошло,
завтра еще не наступило,
сегодня поможет Господь!*

Девиз русского воинства

«Время призвания варягов» — так условно определяют отечественные историки 862-й год. Дважды в этой связи упоминается в Повести временных лет Белоозеро. Пр процитирую этот отрывок: «И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по себе всю русь, и приидоша, старейший Рюрик седее Новегороде, а другой Синеоус на Белеозере, а третий Изборьсте Трувор... По дву же лету Синеоусу оумре и брат его Трувор. И прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро». Двойное упоминание северного форпоста Руси в столь кратком, но и в чрезвычайно важном для отечественной истории контексте летописи, может быть объяснено только его значением. Белоозеро фигурирует, как в первой тройке древних городов наряду с Новгородом и Изборском, так и во второй — рядом с Полоцком и Ростовым. Ясно сказано — «град Белоозеро», а не местность, княжество, волость...

Несмотря на продолжительные и масштабные раскопки в Белозерье культурных следов второй половины IX века так и не найдено. Не было, значит, «града»?.. Если Синеус пришел с Балтики «с роды своими», то есть со всем людским и хозяйственным «обозом» — одноплеменниками, дружиной, обслугой, скарбом, в том числе и с оружием, было бы естественно ожидать проявления хоть каких-то следов пребывания варягов в Белозерье. Но их, повторяю, нет или еще не найдено. Не считать же таковым пустой курган в Белозерье, будто бы ставший усыпальницей варяжского князя?!

Через два года Синеус и одновременно его брат Трувор — сосед по Изборску «чудесным образом» «умре», самоустранившись с исторической сцены. Так и хочется добавить — ради воцарения на Русской земле единственного властелина Рюрика, родоначальника великой княжеской династии.

Непонятно, кстати, зачем было тащиться в такую даль трем, как принято думать, скандинавам, двое из которых не женаты и бездетны, а значит, судя по всему, не имевших элементарного житейского, а вместе с ним и политического, военного, хозяйственного опыта?! Неужели на просьбу веси, угро-финского племени, проживавшему оседло в Белозерье, нельзя было подыскать в заморских краях более опытных «володетелей»?! Тем более, что они, Синеус и Трувор, вскоре не выдержали своего «сидения» и одновременно умерли в свою самую юную пору (а тогда женились очень рано, особенно князья).

Если следовать рассказу летописи, Рюрик из Новгорода распорядился посадить своего «мужа», то есть соратника, видного для того времени человека, «на Белоозеро». Правь, мол, и володей весью дальше. Никаких следов преемника также не сохранилось, ни его имени, ни звания мы не знаем. Но то, что опять в раздаче земель выделено Белоозеро, очень характерно (трупоров Изборск, например, забыт).

Акцентирование внимания на Белоозеро может быть объяснено только одним: спустя два с половиной века после описываемых Нестором событий, около 1113 года, этот северный регион был широко известен. Не в силу удаленности и таинственности, а по причине своего, как бы сегодня сказали, стратегического хозяйственного значения. Белоозеро считалось богатой вотчиной киевских князей, куда за сбором дани и податей отправлялись самые знатные люди великого княжества. Поэтому исторически «закрепить» Белоозеро за Русью являлось делом естественным и логичным.

И с племенем весь, чуть ли не в единственном числе будто бы обитавшем в этом озерно-лесном краю, недавно разобрались археологи.

Здесь необходимо заметить, что весь Белозерский район, как, может быть, никакой другой на Русском Севере и в Центральной России, обследован археологическими экспедициями. Заключение ученых однозначны: «После многолетних разведок на территориях вокруг Белого озера и в верхнем течении реки Шексны можно сделать вывод, что на этой территории в IX–X веках существовало сравнительно небольшое число финских поселений». И далее: «...Современные археологические данные о финских памятниках IX–X вв. на Белом озере не дают основания считать, что здесь находилось основное ядро племенной территории веси. Эта небольшая группа памятников едва ли соответствует летописным характеристикам веси как одного из главных участников событий, связанных со становлением Северной Руси».

Легендарно и скандинавское происхождение Синеуса (и двух его братьев). Виднейший современный историк, директор Института Российской истории РАН, академик А. Н. Сахаров, говоря о монографии В. В. Фомина «Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу» (М.: Русская панорама, 2005), констатирует: «Монография вернула нашу науку к реальной исторической оценке варягов как южно-балтийских славян. После этой книги только злбные и закомплексованные неучи, или слабо осведомленные в российской истории люди могут утверждать, что варяги во главе с Рюриком — это норманны, скандинавы». В. В. Фомин, автор этого выдающегося исследования, положившего конец спорам почти трех столетий, проделал колоссальную работу, проанализировав источниковую базу, и убедительно доказал, что своими корнями варяжская Русь связана со славянским южнобалтийским Поморьем, определявшем в IX–XI веках жизнь всей Северной Европы.

В книге о Белозерском полке вряд ли целесообразно подробнее останавливаться на сугубо научных разработках и дискуссиях, прав-

да, имеющих огромное значение для изучения прошлого не только Белозерья, но и всей России. Для нас выводы ведущих ученых (а выше еще цитировались заключения директора академического института археологии Н. А. Макарова) имеют свой интерес при рассказе о начальной истории Белозерска.

Обратите внимание на везде фигурирующий IX век — время первого упоминания Белоозера, прихода сюда Синеуса. Значит, можно с уверенностью предположить, что первая княжеская дружина, прообраз будущего Белозерского полка, состояла из воинов славянского племени, которое поселилось на берегах Белого озера.

В крайне полезной, скрупулезно подготовленной офицерами Генерального штаба Императорской армии книге «Русская военная сила» (Т. 1. Изд. 2-е. М., 1892) содержится подробная характеристика славянских дружин далекого времени*. Мы скажем о главных.

Городское вече решало вопросы о войне и мире. Славяне сражались пешими, любили простор, дорожили свободой и довольствовались всегда малым. В поход отцы брали старших сыновей, младшие оставались дома. Воины предпочитали одиночный бой. Защитных лат до IX века не носили, сражались в одних портах. Дружинники отличались сообразительностью, переимчивостью, в бою сами принимали решения. Членами дружины являлись *мужи*. Они стояли в боевом порядке впереди войска. Младшую часть дружины называли *молодь*, *гридьбой* (гридьями). В порученцах князя ходили *отроки*, *детские*, *пасынки*. Позднее *мужи* дружины стали называться *дворянами*, так как она стала близка княжескому *двору*.

Сама дружина подразделялась на две части — *боевую* и *кошовую* (обоз). Кроме дружины начали формироваться и полки. В последних сражались *вои*. В целом княжеское войско и состояло из дружины и *воев* (народного ополчения, полков). «Считались обязанными военной службой, — замечают авторы «Русской военной силы», — все способные носить оружие, и уклонение от службы преследовалось судом».

Поэтому существовала ратная повинность — от нескольких *сох*. Одна соха представляла собой землю, которую можно запахать руками трех человек при трех лошадях. Три сохи выставляли конного ратника. Кстати, в рати участвовали *охочие* люди и наемные дружины. Кто такие «охочие»? Поскольку в освоении и в развитии Русского Севера огромное значение играл Великий Новгород, то там так называли *ушкуников*. Речными и озерными судами являлись *лодья*, *насады*, *ушкуи*. Ушкой с веслами среди этих плавсредств — самый известный, он вмещал 12 *ушкуников* — *охочих* людей. Пехота при этом оставалась главным родом войск. Но при развитии ратного дела и наземных путей конники все-таки стали играть основную роль, а пехота — вспомогательную.

* Главными элементами вооруженных сил Древней Руси были княжеская дружина и народное ополчение.

В XII веке Новгород мог выставить до 20 тысяч ратников. В том же веке мужи стали дворянами, а отроки боярских дружин — боярскими детьми.

Из вооружения назовем чисто русское изобретение — ножи засапожные. Еще недавно о них в вологодских деревнях складывались частушки. Особенно любят их петь Анатолий Ехалов, вологодский писатель и кинематографист, и Константин Пирожков, из «золотой десятки гармонистов России»:

*Мы ребята-ежики,
В голенищах — ножки.
По две гирьки на весу,
Револьвер на поясу.*

Бой на *засапожниках* являлся доказательством мужества и доблести рати. Кстати, и в «Слове о полку Игореве» имеется упоминание о засапожных ножах.

Ратное умение, жаркий рукопашный бой по-своему отразились и на русской пляске. Сошлюсь в этой связи на один из рассказов А. К. Ехалова: «Виктор Соловьев, хранитель народного фольклора, искусный гармонист и плясун, много лет собирает традиции и приемы деревенской пляски. Он не без основания доказывает, что русская пляска есть не что иное, как скрытое боевое искусство. И что человек, в полной мере владеющий этим искусством, непобедим. Поскольку русская пляска, как боевое искусство, превосходит все известные и широко рекламируемые восточные единоборства. Действительно, стоит только увидеть, как Виктор со своими юными учениками пляшет, сомнений в этом не останется. Тонкий и стройный, как тростинка, Виктор во время пляски вращает вокруг себя огромное бревно. И оно летает как соломинка. Попробуй, подступись!». Анатолий Константинович любит увлекаться, но здесь он точен: настоящий русский мужской перепляс — это и своеобразный поединок, где никто из пляшущих не хочет уступать, выделявая такие ухарские коленца и так самозабвенно, что наряду с очевидным танцевальным искусством (не будем сбрасывать и его со счета) в рисунке пляски проступают и грозные очертания рукопашной схватки. Совсем, как у Твардовского в «Василии Тёркине»:

*И пошел, пошел работать,
Наступая и грозя,
Да как выдумает что-то,
Что и высказать нельзя.*

Пешая рать подразделялась на копейщиков, вступавших в рукопашный бой (понятно, что они были вооружены еще и копьями), и лучников (стрельцы). Над ратью реяли стяги (знамена). Военные историки XIX века подчеркивают: «Славяне уже в древнейшие времена чрезвычайно высоко чтит свои знамена, считая их в военное время выше своих идолов, а в мирное сохраняли их в своих главных храмах и воздавали им Божеские почести». Каждая область (земля)

или город имели свой *стяг*. Интересно, каким он был у древних белозеров?

Музыка, как и стяги, были обязательной принадлежностью рати. Из музыкальных инструментов можно назвать волынку, гудок, дудку и гусли (с VI века). В войсках настроение солдат поднимали трубы и бубны (барабаны). В походе против волжских булгар в 1220 году упоминаются еще сурны и сопели. Народный инструмент зурна сохранился до сегодняшних дней на Северном Кавказе. Интересно, что сурны и сопели на «вооружении» русской армии просуществовали до XVIII века.

Во времена первых князей в построении войск (или *раты*) соблюдался следующий боевой порядок: в середине стоял большой полк (или *чело*), по бокам — правое и левое крылья. В строю чела находились варяги и другие наемники, а также земские вои (полки), на крыльях — княжеские дружины. Это был главный ряд. Позднее прибавились передовой и сторожевой полки, и они вместе составили передний ряд. С конца XII века впереди всех выступали стрелки или стрельцы (лучники), представлявшие собой сборную из всего войска часть.

Содержать подобную воинскую силу могли только обеспеченные князья и властители, *лучшие люди* той или иной земли. Белозерье таким краем и являлось, поставляя пушнину, главную русскую валюту тех веков, рыбу, соль, другие товары. Через него шли товарные потоки с предгорий Урала, со всего Поморья. Не случаен вывод крупнейшего историка Белозерья А. И. Копанева: «В XI веке Белозерский край был уже значительно населенным и богатым». Также активно развивалось земледелие, которое, как пишет Н. А. Макаров, «появилось на Севере в XI–XII вв. (а на Белом озере, возможно, и несколько раньше)... Главным стимулом для колонизации на начальных ее этапах был пушной промысел». Летопись 1071 года перечисляет товарное производство в Белоозере, где наряду с зерном, рыбой и медом упомянуты меха, в частности, шкурки белки.

Период от правления Синеуса, пусть и кратковременного и в чем-то легендарного, до образования в здешних местах в XIII веке удельного княжества считается малоизученным, хотя последние археологические экспедиции и расширили наше знание о древнем Белоозере. К примеру, в Белозерской округе только деревень, возникших в X–XIII веках, выявлено около 60. «Любопытно, — замечает Н. А. Макаров, — что три крупнейших гнезда поселений X–XIII вв. на Белом озере находились в тех местах, вблизи которых локализируются лучшие промысловые угодья, — в приустьевой части Кемы, около Киснемы и у Крохинского брода в истоке Шексны. В двух последних пунктах на каменистых отмелях нерестились самые ценные породы рыб, и в XVII веке эти участки считались заповедными — здешний улов шел к царскому столу».

Известно, что после Синеуса край подчинялся князьям Велико-го Новгорода Рюрику и Олегу. Затем перешел к Киеву, управлялся

наместником. Об этом говорит летописный рассказ о сборе дани с белозерцев в начале 1070-х годов боярином киевского князя Святослава Ярославича Черниговского Яном Вышатичем, сыном Вышаты — тысяцкого (главного воеводы) великого князя Владимира Ярославича. Столь знатный и родовитый киевский сановник мог быть послан в далекие края только за обильной данью, что лишний раз подтверждает значение Белозерья в истории Древней Руси. Здесь же, у истоков Шексны произошел известный инцидент Яна Вышати́ча с волхвами, пришедшими на Белоозеро из ярославских пределов Ростовской земли, смущавшими новокрещеный народ и губившими «лучших жен» (представительниц племенной знати). Убийство Яном и его дружинниками волхвов явилось актом восстановления государственного порядка в Белозерье.

С конца XI века Белозерский край перешел в подчинение Владимиро-Суздальской земле.

В эти века белозерцы, по словам исследователей, принимали участие практически во всех войнах и походах. Первым упоминанием ратных действий местной дружины (или ополчения) считается поход князя Олега на Смоленск и на Киев в 882 году, в котором участвовало племя весь, ассоциируемое с Белозерьем. В 1096 году воины белозерцы сражались с князем Изяславом в битве с Олегом Гориславичем под Муромом.

Следующий эпизод, относящийся к 1146 году (то есть за год до основания Москвы и Вологды), процитируем по Карамзину: «Князь Черниговские выгнали Святослава из Брянска, Козельска, Дедославля, но слыша, что Георгий (Юрий Долгорукий) прислал к нему 1000 Белозерских латников, отступили к Чернигову». Столь могучее войско, присланное из Белоозера (княжеские дружины обычно насчитывали сотни человек), представляло собой огромную для тех времен силу. И это были хорошо экипированные и, вероятно, отлично подготовленные воины-латники, носившие металлические доспехи* (другой летописец пишет, что Юрий Владимирович Долгорукий прислал на помощь Святославу «тысячу бронник дружины Белозерской», да еще под командованием своего сына Ивана). Кстати, время встречи Юрия Долгорукова с опальным новгород-северским князем Святославом Ольговичем на следующий год после того, как он с помощью Белозерцев хотел ему помочь, и является первым упоминанием Москвы, датой ее рождения.

Количество воинов белозерской дружины, их вооружение, командование княжича Ивана говорят о том, что Север для великих князей стал **отличным воинским гарнизоном и крепким тылом в бесконечных междоусобных битвах**. Таковую роль Белозерье сохраняло и далее.

* Военная лексика, как и земледельческая, в наших языках древнейшая по своим этимологическим корням. «Латники с копьями» упоминаются Гоголем в «Тарасе Бульбе», а портрет «блистающего в латах, как в огне», воина представил Пушкин в «Руслане и Людмиле».

Об этом свидетельствует и следующая запись летописца под 1183 год, когда Всеволоду Большое Гнездо удалось организовать грандиозный поход русских князей на болгар. Волжско-камские болгары — это не нынешние братья-болгары. В X веке эти тюркские племена, кочевавшие с VII века в бассейне Нижней Волги, создали собственное государство на Средней Волге и Нижней Каме. В XV веке потомки болгар стали составной частью Казанского ханства.

Среди прочих в походе на болгар участвовал и сын знакомого нам Святослава Ольговича князь Владимир Святославович. Но теперь Белозерским полком командовал сам великий князь Всеволод Большое Гнездо, а воеводами его были Фома, Дорожай* и другие. Судя по количеству воевод, полк представлял собой внушительную силу, не одну сотню ратников.

По всей видимости, Белозерцы спустились на ладьях по Шексне к Ярославлю (месту встречи с другими полками) и оттуда вниз по Волге проплыли до устья реки Цевцы, где находился остров Исады. Здесь князь Всеволод оставил Белозерцев сторожить ладьи, а сам с большим войском отправился на штурм города.

Далее процитирую еще одного известного исследователя русской истории В. А. Кучкина: «В то время, когда Всеволод двигался к Великому городу, Белозерский полк, оставленный при ладьях, подвергся нападению болгар... Сражение было выиграно русскими. Разбитые татары бежали к Волге, к своим судам... Поход 1183 года был самым значительным походом русских князей против болгар в домонгольское время. Об этом походе знали в Новгороде Великом и помнили в Южной Руси, где автор “Слова о полку Игореве”, обращаясь к Всеволоду, писал: “Великий князь, Всеволод!.. Ты можешь Волгу веслами раскропить...”». Остается добавить, что болгары, напав на остров Исады, предполагали отрезать для русской рати пути отступления. Но Белозерский полк стоял насмерть и побил пяти-тысячное войско болгар, утопив к тому же в Волге почти тысячу человек из нападавших.

Так в 1183 году впервые в русских летописях упоминается «полк белозерцов», и если взять этот год временем рождения этого воинского соединения, то сегодня ему бы исполнилось 825 лет, также юбилейная дата.

Белоозеро и раньше представляло собой яблоко раздора между Новгородом и Владимиро-Суздальским княжеством. Кроме указанных нами экономических и хозяйственных причин, здесь, на Белом озере, пересекались стратегические водные пути Древней Руси; само местоположение Белозерского края было крайне выгодным и важным. По сути, тот, кто владел Белоозером, тот имел в руках ключ к богатейшим кладовым Севера.

* Таким образом, летопись донесла до нас имена первых, известных нам, командиров Белозерцев (Фому по другим источникам звали Ласковым). И, как бы сказали в XVIII веке, первыми шефами полка стали князья Иван Юрьевич, сын Юрия Долгорукого, и сам великий князь Всеволод Большое Гнездо.

Большое значение придавали Белоозеру в своей политике владими́ро-суздальские князья. Между тем, строптивый Новгород не оставлял попыток отбить столь лакомые для всех земли. Об одном из походов в 1169 году повествуют сразу несколько летописных сводов. Новгородская дружина под командованием Даниила Лозутича (Даньслава Лазутинича) в количестве 500 человек отправилась в Заволочье собирать дань. Об этом узнал великий князь Андрей Боголюбский, который выслал навстречу им свой отряд (полк). Битва состоялась в окрестностях Белого озера: «И перехватила эта рать новгородцев на Белоозере, и началась битва» («Сказание о битве новгородцев с суздальцами»). Победа осталась за новгородцами. Правда, Псковская летопись указывает, что белозерцы сражались в рядах новгородской дружины, но все другие источники указывают, что князь Андрей «присла полк свой на них (новгородцев — *В. Д.*)».

Зимой 1170 года князь Андрей Боголюбский решил взять реванш и осадил Новгород большими силами, включившими суздальский, смоленский, муромский, торопецкий, рязанский и полоцкий «полки». И вновь боевой успех сопутствовал новгородцам. Под стенами древнего города «понизовые» дружины потерпели жестокое поражение...

Историческим памятником былого противоборства князей Ростово-Суздальской земли и новгородцев, воевавших за контроль над северными землями, стала икона новгородских живописцев XV века «Знамение от иконы Богородицы», которая больше известна под ее вторым, «неофициальным» названием: «Битва новгородцев с суздальцами».

Еще не раз белозерцы участвовали в походах и сражениях, представляя собой немалую силу, которую при всяком удобном случае использовали князья-вассалы. С начала XIII века Белоозеро начало вновь «определяться», не само, конечно, по себе, а через княжеские разделы. В 1207 году Всеволод Большое Гнездо выделил сыну своему Константину вместе с Ростовом и Белоозеро. Через одиннадцать лет уже сам Константин Всеволодович «посла старейшего сына своего Василька Ростову на стол, а Всеволода на Ярославль на стол». А где же Белоозеро? А. И. Копанев не без основания предполагает, что «к Васильку перешло, очевидно, и Белоозеро, так как после смерти его князем на Белоозере сделался его сын Глеб Василькович, который был основателем особого Белозерского княжества. Еще при жизни Константина из Ростовской земли выделился Ярославский удел, а при жизни сына его Василька Константиновича из состава Ростовского княжества выделилось Белозерское княжество».

Эти переделы имели большое значение для белозерцев, путь к самостоятельности был ими воистину выстрадан, и сам край после Батыева нашествия стал считаться, как правильно пишет А. И. Копанев, «своего рода убежищем».

Значение Белоозера в русской истории, как тыла Руси, как земли спасения, неизмеримо возрастает. Сюда приезжает епископ

Ростовский Кирилл, чтобы «избыть ратных людей», здесь селятся, бежавшие из центральных земель, пострадавшие от татаро-монгольского ига, сотни, тысячи русских семей. На Белозерскую землю князь Глеб Василькович привозит из своих поездок в Орду выкупленных, освобожденных русских рабов и расселяет их в своем княжестве.

Но всё это будет чуть позже, а пока вернемся к 4 марта 1238 году, когда на реке Сить, притоке Мологи, состоялась битва между войсками великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича, основателя Нижнего Новгорода, и монгольского темника Бурондая, отколовшегося от основных сил татаро-монгол с целью завладеть как можно большей территорией. Наши полки (в том числе и белозерцы) стояли лагерем у села Станилово на перекрестке дорог на Новгород и Белоозеро. Точнее, они размещались по окрестным деревням и селам Бежецкого Верха (ныне — северо-восток Тверской области).

Юрий Всеволодович не имел точных данных о противнике и о его местонахождении. Для прояснения ситуации на разведку был послан воевода передового русского отряда Дорож (Дорофей Федорович). Тот никак не ожидал поблизости встретить татар, которые стремительным маршем, покоряя города Северо-Восточной Руси, двигались к реке Сить. Отряд боярина Дорофея Федоровича в количестве трех тысяч человек вступил в бой с передовыми разъездами Бурондая в верховьях Сити между селениями Божонки и Могилыцами. Но тут подоспели основные силы неприятеля, и сопротивление отряда Дорожа было сломлено, а сам воевода, вырвавшись из окружения, и преследуемый татарами, успел передать князю Юрию Всеволодовичу, что враг совсем рядом.

Фактор неожиданности сыграл свою зловещую роль. Русские войска не успели собраться, подготовиться к сражению, выстроить свой боевой порядок. Татары ворвались в их лагерь, где началась жестокая сеча. Почти всё войско великого князя, и он сам, и его племянник, ярославский князь Всеволод Константинович «полегли костью» в тот день. Ростовского князя Василька Константиновича татары захватили в плен («взяли руками»). Видя его геройство и мужество на поле брани, противник предлагал князю перейти на свою сторону, но Василек гневно отметал даже саму мысль о предательстве. Какое-то время татары водили знатного пленника из одного своего стана в другой, добиваясь согласия, но поняв, что им ничего не добиться, зверски замучили и бросили тело в лесу. Там его вскоре нашла одна из местных крестьянок. «И причтен бысть в лице мученик», — как, тяжело вздохнув, закончил свой рассказ летописец.

В Ростове Великом в кафедральном соборе, под главным престолом сегодня погребен благоверный князь Василий (Василько) Ростовский. Сюда, на родину, его тело со следами ран и истязаний было доставлено из недалекого, у Борисоглеба, Ширенского леса. Как писал в тяжелый 1942 год нового иноземного нашествия в поэме «Князь Василько Ростовский» поэт Дмитрий Кедрин:

*И умер князь кудрявый,
Но с той лихой поры
Поют герою славу
Седые гусяры.*

Этот один эпизод из, вероятно, всей благочестивой жизни святого князя дошел до нас, но прославил прекрасного Василька Константиновича на века. Не со слов ли его вдовы Марии, первой русской женщины-летописца, написан вдохновенный портрет князя: «Был же Василек лицом красив, очами светел и грозен, храбр в охоте, сердцем легок, до бояр ласков... Мужество и ум в нем жили, *правда и истина с ним ходили* (курсив наш, ибо как прекрасно сказано! — **В. Д.**). И сидел он в добрых днях на отцовском столе?»

А в подклете соседнего ростовского Спасо-Преображенского, что на Песках, храма ныне покоятся и сама княгиня Мария, и ее сын Глеб Василькович Белозерский и Ростовский. Кто проезжает по московской трассе, по федеральной дороге «Холмогоры», сверните на Ростов Великий, найдите у ближайшего Спасо-Иаковлевского Димитриева монастыря отдельно стоящий пятиглавый Спасо-Преображенский собор. Здесь погребены вдова благоверного князя Василько княгиня Мария (1271 год) и ее младший сын местночтимый святой благоверный князь Ростовский и Белозерский Глеб Василькович (память его совершается 23 мая и 24 июня).

Светильники «во мраце истории» — так можно назвать эту семью. Княгиня Мария была дочерью князя Михаила Всеволодовича Черниговского, еще одного мученика за веру, убитого в 1246 году татарами в Орде. Ее сестра и дочь князя Михаила, монахиня Ефросиния Суздальская, также прославилась благочестивой жизнью, врачеванием в монастырской больнице многих людей, пострадавших от войск хана Батыя.

Чем страшнее было наступившее время иноземного ига, тем активнее становилось сопротивление, прежде всего, духовное, а затем и военное. Чудом русской святости можно назвать, связанных близкими узами, одну семью, один род — князя Михаила Черниговского, его зятя Василько Ростовского, сына последнего Глеба Белозерского, дочерей Михаила Ефросинью Суздальскую и княгиню Марию, ставшими святыми в самый тяжелый для Руси XIII век.

Не забыта потомками и Ситская битва. В селе Божонка, где происходило наиболее кровопролитное сражение, установлена памятная стела в честь первых защитников Отечества. Она стала памятником ратным деяниям Белозерского полка, первым мемориалом из четырех других, которые на сегодня мы имеем, — в Белозерском кремле, под Полтавой, на Бородинском поле и у Малахова кургана в Севастополе.

ГЛЕБ БЕЛОЗЕРСКИЙ

Судьба этого князя по-своему показательна для тех драматических десятилетий. «В лето 1236 родился великому князю Василку Костянтиновичю Ростовскому сын Глеб» — записал летописец и через два года сделал новую запись: «А князь Борис Василковичь сяде в Ростове... а брат его князь Глеб Василковичь сяде на Белеозере». Борису было тогда семь лет, а брату Глебу всего два года. Ясно, что за них вершили дела в отчинах другие, пока новые владетели не повзрослеют.

Ума набираться в то время приходилось по ходу своих хозяйственных и дипломатических забот. Уже в 1245 году Борис и Глеб (имена в честь первых русских князей страстотерпцев) со «мнози князи», в составе княжеской делегации «поиде во Орду к царю Батью».

Как он, князь Глеб Белозерский, по нашим возрастным критериям мальчишка, чувствовал себя среди убийц своего отца? Но сама жизнь заставляла ладить с татарами, искать с ними компромиссы, идти им на уступки. Сила солому ломит. Русь пока не была готова к открытому вооруженному сопротивлению, хотя время от времени, в том числе и в Ростовской земле, восставала против иноземцев («и побиша татар везде, не терпящее насилия от них»).

Дипломатическими уступками, вопросами сбора дани была вызвана и поездка князя Глеба к своему вассалу хану Сартаку в 1249 году. В 1251 году, когда ему исполнилось 14 лет, он, наконец, «сел» в Белоозере, в своей вотчине, переехав туда из Ростова. На то он получил ярлык от ордынцев.

Через шесть лет Глеб Белозерский «сбирается» в Орду в третий раз. Первым из русских князей он женится на ханской дочери, принявшей по традиции тех лет православие. «Бе бо всему хитр», — заключает летописец. Теперь он, уже татарский зять, с большой честью принимается в Орде, куда приезжал еще трижды — в 1269, 1271 и в 1277 годах. Последняя поездка с сыном Михаилом совпала со смертью в Орде ростовского князя, родного брата Бориса. Вместо него на важнейшее ростовское княжение татары поставили своего родственника Глеба Васильковича. Но недолго владел он своей отчиной — 13 декабря 1278 года умер на 42-м году жизни.

Такова краткая канва жизни первого удельного белозерского князя. Но не нами замечено, что в летописях и других документах той поры имя Глеба Белозерского упоминается намного чаще и с более интересными подробностями, чем у других княжеских властителей. Память он по себе оставил крепкую и добрую. Как и немало местных легенд, связанных с основанием монастырей, рытьем речных перекопов, украшением церквей, своими многочисленными странствиями. Место его погребения — в белозерской часовне (или в церкви) святого Василия — и то легендарно.

Но, несмотря на дипломатическую политику Глеба Васильковича, его осторожность, ордынцы не давали Белоозерскому княжеству привилегий и не числили его на каком-то особом счету. Только что не нападали, не грабили, но здесь причиной была относительная удаленность Белоозера. И — еще богатство, которое приносило хорошую дань. По словам вологодских историков, «во многих местах нашего края сидели татарские баскаки (сборщики дани) со своими отрядами. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до наших дней названия многих деревень: Баскаково (на реке Шексне, близ города Череповца), Баскакова Гора (в Кирилловском районе на бывшем волоке у озера Никольского), Татарово (там же), Баскаки (в Тотемском районе), Баскачье (у слияния рек Вычегды и Северной Двины)».

Иноземное иго и есть самая настоящая неволя, драма, трагедия. Но с героическими подвижниками, мучениками за веру Васильком Ростовским и Михаилом Черниговским в один ряд вскоре встали князья-воины, такие, как Александр Невский, выдающийся полководец и государственный деятель, умелый и гибкий политик. Его лучшим учеником может считаться его племянник Глеб Белозерский.

Белоозеро переживало в эти темные времена подъем, вызванный его особым положением в начинающейся общерусской борьбе с «погаными», с ненавистным игом. «После татарского нашествия Белоозеро, — пишет А. И. Копанев, — было более населенным, чем раньше». Еще до Москвы, объединившей русские земли, до ее исторической роли в борьбе с татаро-монголами, здесь, на берегах Белого озера, был едва ли не первый центр сопротивления иноземным поработителям.

Через несколько десятилетий интерес к Белозерью стал подпитываться сильным московским влиянием, реальными стратегическими и экономическими расчетами, которые строил по поводу земель, находившихся за шестьсот с лишним верст, Иван Данилович Калита. Его знаменитые «купли», в первую очередь, Белоозера (два века все крупнейшие русские историки Карамзин, Соловьев, Чичерин, Любавский, Пресняков, Черепнин, Насонов, Платонов, все современные ведущие специалисты по истории Руси спорили и спорят, что под этими «куплями» понимать), имеют огромное значение для возвышения скромного Московского удельного княжества, становления Московского государства, а, значит, и для всей тысячелетней истории России.

Князь Глеб Белозерский стоял у истоков процесса возрождения Руси, когда в других землях еще дымились развалины монастырей, княжеских палат и изб простолюдинов, когда поля были усеяны костями безвинных страдалцев. Белозерский князь не стал отсиживаться за мологскими и шекснинскими болотами, за комельскими лесами, а повел активную хозяйственную деятельность, укрепляя свое княжество-форпост. Он был строителем в годы, когда всё вокруг было разрушено. «Многих христиан обиженных татарами избавил от плена, печальных утешил, нищих и убогих подаянием не

обносил, странникам, сиротам и вдовицам помогал, поминая слово Господне. Церкви многие создал и украсил иконами и книгами, священников и монахов почитал, ко всем относился с любовью и милостиво. Смиранным был, ненавидел гордость и отвращался от нее, как от змея искушителя... Немало жалости и плача оставил по себе всем знавшим его», — такими словами в летописном некрологе запечатлен в народной памяти князь Глеб Белозерский.

Глеб держал в Белозерье свою княжескую дружину (или полк). В книге Т. И. Осминского, Н. В. Озернина, И. И. Брусенского «Очерки по истории края (Вологодская область)» (Вологда, 1960) сказано, что «со своим белозерским полком ходил Глеб в походы с ханом на Северный Кавказ и на камских булгар». Значит, даже в черные десятилетия отечественной истории русское военное искусство продолжало развиваться: ратное мастерство, воинская удаля теплились под кольчугами и шлемами белозерских воев и дружинников.

В историческом романе Льва Дёмина «Глеб Белозерский» (М., 2003) имеется сцена, как князь Глеб готовит свою дружину к дальнему походу. В какой-то степени, читая ее, мы можем представить то далекое время:

«Вернулся Глеб в Белоозеро с чувством выполненного долга. Отдохнув, решил собрать свое воинство и устроить ему смотр. Дружина теперь была доведена до сотни человек, и возглавлял ее Ипатий, бывший десятник, сын тиуна с Шексны. Глеб вызвал к себе Ипатия:

— Собери всю дружину. И поскорее.

— Как же всех скоро соберешь? — растерялся сотник. — Кто-то отправился на рыбалку, кто-то занимается хозяйством.

Ипатий после недолгих раздумий приказал ударить в вечевой колокол, который висел с незапамятных времен на городской площади перед главным храмом, с тех самых времен, когда на Белоозере собиралось вече. Но вече давно ушло в прошлое. В колокол звонили только тогда, когда в городе случались пожары.

Собрать всю дружину оказалось не так-то просто. Многие дружинники жили по своим домам, в разных частях города. Пришлось Ипатию посылать ходоков. Не все дружинники находились дома. Одни заготавливали в лесу дрова, другие отправились на охоту. Поэтому собралась дружина далеко не полная, да и после долгих ожиданий. Глеб вышел на площадь перед храмом, произнес строго:

— Плохо служите, мужики. Скверно служите. Подводите вашего сотника.

Князь Глеб, не скрывая своего раздражения, долго и непотребно, что с ним случалось не часто, ругался. Закончил свою речь словами:

— Повелеваю. Половина дружины остается в казарме и несет охранную службу на постах. На следующий день ее сменяет другая половина. Сотник должен быть осведомлен, где каждый из вас находится. Отлучаться из города по всяким хозяйственным делам имеете право только с его ведома. Кто нарушит мое предписание, тому урежу жалование. А злостных нарушителей порядка из дружины выгоню. Вот так-то, мои дорогие.

Потом князь Глеб стал выяснять, кто из дружинников располагает кольчужной рубахой. Таких оказалось немного, всего двенадцать человек.

— Мало, — решил Глеб и отобрал еще полтора десятка самых рослых и плечистых дружинников. Приказал им: — Пойдите к кольчужному мастеру и закажите кольчуги. Скажите ему — расходы берёт на себя княжеская казна.

Остальным дружинникам Глеб приказал пошить кожаные рубахи, грудь прикрыть металлическими пластинами.

— Рубахи изготовите своими руками, а пластины приобретете у кольчужника.

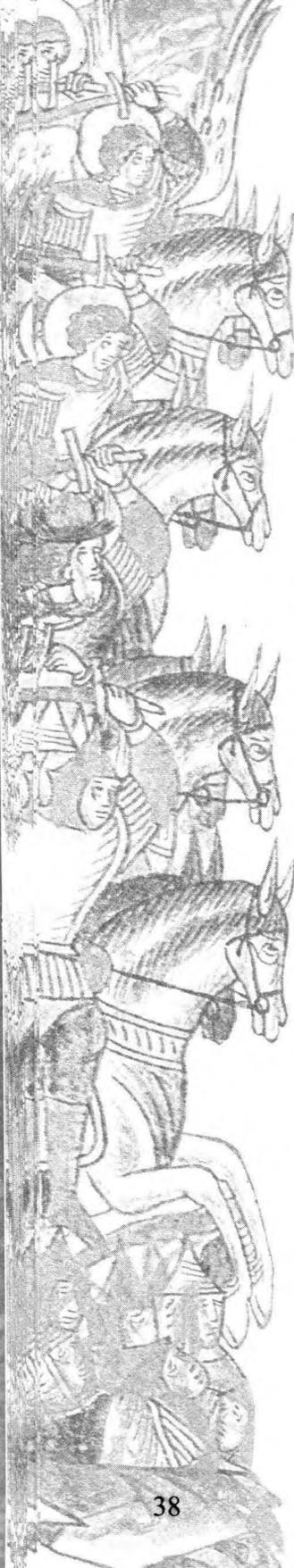
Глеб Василькович понимал, что княжеству ничего не грозит, кроме набегов мелких банд новгородских ушкуйников. Они появляются изредка на западе княжества, на верхней Суде, на Мегре, но открытых столкновений с дружинниками избегали. Обычно местные жители брались за оружие и сами давали ушкуйникам отпор. Но князь Глеб ожидал, что золотоордынский хан снова вызовет его к себе с дружиной и заставит участвовать в походе против непокорных кавказцев. И к такому походу приходилось готовиться».

Можно спорить с автором лишь по деталям: лучший специалист по военной истории Руси в XIII–XV веков А. Н. Кирпичников уверяет, что с XIII века кольчугу вытеснили наборные доспехи, кольчужников уже не существовало, как ремесленников, а изготовлением оружия занимались мечники, сабельники, бронники (панцирники), щитники, лучники, стрельники, тульники. Выбирай на любой вкус!.. Да и сама служилая прохладца белозерцев, описанная Дёминым, не могла доходить до такой крайней степени. Но в главном он прав.

«Татарское нашествие, — заявляет тот же А. Н. Кирпичников, — не вызвало упадка русского военного дела — как на севере, так и на юге страны оно развивалось, пожалуй, с большей активностью, чем раньше». Может быть, эта оценка и чрезмерно завышена (вряд ли уж так успешно могло совершенствоваться ратное искусство в колониальной стране), но историк пытается обосновать свою точку зрения реальными фактами: «Весь строй войска и его основные тактические и технические приемы были унаследованы от домонгольского периода. Существовало хорошо заметное иностранцу почти национальное своеобразие боевых приемов и вооружения, названное венграми, поляками и шведами «русским боем».

«Военно-технический взлет Руси в XII–XIII вв., — делает еще одно неожиданное открытие А. Н. Кирпичников, — был настолько мощным и многообразным, что оказал заметное воздействие на всё последующее развитие боевой техники. Относится это и к организации военного ремесла, и к ассортименту изготавливавшегося оружия, и к некоторым приемам ведения борьбы с определенной очередностью использования технических средств, и к регламентированности построения полков, и, наконец, к продолжавшей существовать дружинной воинской идеологии».

Трагическое для Руси татаро-монгольское иго должно браться во всей совокупности исторических причин, факторов и следствий. Огромная территория страны с трудом управлялась, и была, по сути, открыта для любого врага или захватчика. Препятствиями для завоевателей служили лишь природные преграды и отчаянная храбрость сражавшихся русских дружин и полков.

С одной стороны, удельные княжества препятствовали объединению сил перед грозным, сметавшим всё и вся на своём пути, врагом, а, с другой, пытались обустроить свой край, ввести в хозяйственный оборот новые земли, промыслы и т. д. Из чересполосицы удельщины со временем выросло общенациональное ядро — Московское княжество, подчинившее себе добровольно и в борьбе другие княжества вотчины.

Белоозеро еще со времен возвышения Ивана Калиты являлось союзником московских князей. Дочь Калиты, Феодосия, была выдана замуж за князя Федора Романовича Белозерского, героя Куликовской битвы. На Белоозере сидели московские наместники. Можно поэтически сказать, что исток у Белоозера Шексны и устье у Московского Кремля Неглинки — это были реки одного бассейна — московско-белозерского. Белозёры и сами с начала сороковых годов XIV века — москвичи по своей княжеской принадлежности.

Москва утвердилась в центре новгородских владений и создала себе в татарские времена тыл, сравнительно безопасный. Им она, прежде всего, в экономическом и военно-стратегическом планах, и подпитывалась. «Купля» Белоозера, по словам историка С. Ф. Платонова, подразумевала не покупку (это слово в Древней Руси было многозначным), а договор, совокupление, соединение. В любом случае, Иван Калита сделал правильный, умный выбор. И наши земляки здесь не проиграли.

Белозерский князь Федор Романович, пишет Николай Борисов, автор прекрасной книги об Иване Калите в серии «ЖЗЛ», «не был завистлив, дружно жил со своим московским тестем, а потом и с шурыями — Семеном Гордым и Иваном Красным. В 1375 году Федор по призыву Дмитрия Московского принял участие в походе на Тверь... Его жена княгиня Феодосия Ивановна прожила долгую жизнь. Она была еще жива в 1389 году, когда по завещанию Дмитрия Донского основная часть Белозерского княжества была передана его третьему сыну, князю Андрею Дмитриевичу. Однако своей тетке Феодосье Дмитрий Донской оставил в пожизненное владение несколько Белозерских волостей. После ее кончины они должны были перейти к вдове Дмитрия Ивановича княгине Евдокии» *.

* Родственные хитросплетения московского и белозерского княжеских домов с интересными деталями, открытиями и сюжетами рассмотрел А. И. Копанев в книге «История землевладения Белозерского края XV–XVI вв.» (М.-Л., 1951). Кстати, этому выдающемуся историку принадлежит бесспорное доказательство женитьбы дочери Калиты Феодосии Ивановны на князе Федоре Романовиче Белозерском.

Важно еще заметить, что в состав Белозерского княжества входили земли нынешней Устюжны, которую в старину называли Устюжной Железнопольской. Издревле здесь добывали болотную руду и плавили в домницах, получая железо, которое шло, помимо хозяйственных нужд, и на военные цели, на доспехи и оружие ратников и дружинников. Даже сушеная рыба, знаменитый белозерский снеток, служил хорошим питанием воинов в дальних походах.

Всё это, вместе взятое, позволяет говорить о продолжении ратных традиций белозёров, героическим и самым мощным взлетом которых стало историческое сражение в 1380 году с войсками Ма-
мая.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

*Калита и Симеон готовили свободу нашу более умом,
нежели силою: настало время обнажить меч.*

Н. М. Карамзин

«20 августа 1380 года через трое ворот Кремля московские войска выехали навстречу неведомой судьбе», — такие красочные детали приводил академик Б. А. Рыбаков в своем докладе на торжественном заседании, посвященном 600-летию Куликовской битвы.

Три дороги с Боровицкого холма через нынешнюю Таганку, Котлы и Коломенское вели на юг, в пограничную Коломну, куда по решению военного совета был отнесен второй сборный пункт войск. Необходимо было поспешать, так как, писал Н. М. Карамзин, «Мамай, совокупив всю Орду, уже три недели стоит за Доном и ждет Ягайла Литовского». Запад и Восток пытались, и в который раз, охватить железными клещами русские земли.

По одной из дорог, называемой Болвановской (через Таганку) двигался конным порядком с большим обозом Белозерский полк во главе с князем Федором Белозерским и его сыном Иваном. «Выехали князи белозерские из каменна града Москвы своим полком во главе: бе бо храбро воинство их». Историки утверждают, что своим отдельным маршем белозерцы являли собой пример образцового по боеиспособности и дисциплине отряда Дмитриевой рати.

Уверенно сидели в седлах дружинники и воеводы, бояре и холопы, горожане и крестьяне... Кузнецы, плотники, ювелиры, охотники-промысловики, стражники, тиуны, купцы, кожевники, даже монахи из Троицкого Усть-Шехонского и Спасо-Преображенского Каменного монастырей... Мерно колыхались шишаки шлемов, поблескивая на утреннем, еще по-летнему теплом, солнце. «Доспехи на них и шелому, яко вода колышит морскими волнами», — потом запишет летописец-писатель (в древности так называли писателей).

Болвановской дорогу москвичи называли «из старины» по Таганскому холму — Болвановой горе, где когда-то на самой вершине стояли языческие идолы одного из первых московских поселений. Сколько раз московские князья выезжали по этому пути в Орду!.. С какими гнетущими душу предчувствиями или тяжелыми раздумьями, когда и сам свет не мил, проезжали они первые версты по дороге скорби и печали после теплых и домовитых кремлевских хором!..

Белозерцы с любопытством вглядывались в тенистые кущи холма: где-то там, в садах, размещалась главная резиденция баскаков, татарских сборщиков дани. Тишина там стояла, ни шороха. Видно, сбежали татарские мздоимцы или притаились в деревьях Болвановой горы. Зато, обернувшись назад, можно было попрощаться с ма-

тушкой-Москвой, с кремлем-красавцем. Увидят ли многие из белозерцев его вновь!?

Только три дня удалось им передохнуть в столице Московского княжества. Сюда, на Боровицкий холм, одними из первых «приспели князи белозерские подобны суть воинам крепким, вельми доспешни и кони воински наряжены под ними». В «Сказании о Мамаевом побоище» белозерцы также выделены особо: «И пришли к нему (князю Дмитрию Ивановичу) князья белозерские, готовы они к бою, и прекрасно снаряжено войско их». В «Задонщине» развернута целая поэтическая метафора: «И уже соколы, и кречеты, и белозерские ястребы рвутся с золотых колодок из каменного города Москвы, обрывают шелковые путы, взвываясь под синие небеса, звоня золочеными колокольчиками на быстром Дону, хотят ударить на несчетные стада гусиные и лебединые, — то богатыри и удалыцы русские хотят ударить на великие силы поганого царя Мамаю».

В пути Белозерские ратники были уже с неделю, проехали по сухим еще дорогам от Белого озера более семьсот верст с того дня, как в город прискакал гонец великого князя Дмитрия Ивановича с известием, что к границам Руси движется войско темника Мамаю, и что русским княжествам сообщая придется дать ему бой, не пускать в свои отчины и дедины, как допустили прадеды в свои владения войско Батюя, закабалившее Русь.

Князь Дмитрий Иванович еще просил своего сродственника Федора Романовича помочь оружием, поэтому белозерцы и снарядили большой обоз для «небывальцев» из соседних княжеств — ремесленников и крестьян, к ратному бою непривычных. Торопил сборы князь Федор Романович, прекрасно зная, что белозерское войско на Руси из лучших. Мог он здесь сравнивать, когда пять лет назад ходил с Дмитрием Ивановичем на Тверь, и сам видел боевое умение и экипировку воинов из других княжеств.

Кто же они были, князь Федор и его сын Иван?

«Славянская энциклопедия» (Т. 2. М., 2002.) о Федоре Романовиче пишет очень кратко: в летописях упоминается только его поход на Тверь. О его сыне Ивана говорится чуть больше: «В 1363 году привез суздальскому князю Дмитрию Константиновичу Старшему от хана Амурата (Мюрида) ярлык на великое княжение владимирское». И еще: «Оставил единственного сына — Константина, удельного князя Белозерского».

Вкратце восстановим генеалогию Белозерских князей от знакомого нам Глеба Ростовского. После его смерти (1278 год) Белоозером правил его сын Михаил, который «умре» в 1293 году в Орде, оставив двух сыновей Федора и Романа. Последнего летописи называют не иначе, как Романчук Белозерский. Он вместе с ярославским князем Василием Давыдовичем Грозным в 1339 году отправился в Орду жаловаться князю Узбеку на Ивана Калиту, который покушался на их вотчины. Иван Данилович пытался перехватить князей, но те отбились от его дружины и ушли все-таки к Узбеку.

А. И. Копанев, как мы писали в предыдущей главе, доказал, что сын Романа Михайловича Федор женился на дочери Ивана Калиты Федосье. «Можно полагать, что брак, — пишет историк, — был заключен после 1339 года». В 1363 году сын от этого брака Иван Федорович едет в Орду и выступает там против Дмитрия Донского на стороне Дмитрия Константиновича, когда они «тягались» за великокняжеский стол. Значит, к 1380 году князю Федору было уже около 60 лет (А. И. Копанев справедливо считает, что брат его с Федосьей был заключен еще при жизни Калиты), а его сыну Ивану где-то около сорока. В таком возрасте два этих витязя вместе со своим полком и оказались в южной Коломне, где Дмитрий Иванович собирал своё войско, и где предложил белозерцам следовать навстречу Мамаю в своем великокняжеском Большом полке («к себе примим князи Белозерьския, храбри бо бяше»).

На Куликовом поле Белозерский полк стоял бок о бок с отрядами ярославцев под предводительством князя Василия Васильевича и с мOLOGскими ратниками (с реки Мологи, притока Шексны) во главе с моложским князем Федором Михайловичем. По замыслу великого князя московского Дмитрия Ивановича эти подразделения составляли полк левой руки, охранявший левый фланг русского войска и тыл Большого и Сторожевого полков. Командовать полком левой руки великий князь назначил одного из лучших своих воевод, боярина Льва Ивановича Морозова-Мозыря, героически погибшего в ходе сражения.

Утром 8 сентября на горизонте местных холмов перед глазами русских воинов появилась несметная татарская рать (по подсчетам, Мамай вёл с собой до 100–120 тысяч человек, причем, многих национальностей, «разных языцей»). Улюлюкая, крича, нечеловечески рыча и хоркая, эта лавина, изрыгавшая к тому же из себя сплошной дождь стрел, неслась на заслонившихся щитами, с ужасом смотрящих на катящуюся смерть, ряды русских воинов.

Сторожевой полк, выдвинутый навстречу татарской коннице и пехоте, во главе с князьями-братьями Семеном Константиновичем Оболенским, Иваном Константиновичем Тарусским, молча, на конях наблюдал невиданную картину, ощетинившись частоколом копий. Ему предстояло выдержать первый натиск. Вторым эшелоном должен был встретить татарскую орду пехотный Передовой полк двух братьев князей Всеволожей, Дмитрия и Владимира Александровичей.

Русские войска в обороне применили старинный тактический приём «стены», когда противник последовательно натывался на стоящие заградительные полки. За двумя «стенами» располагался третий Большой полк пехоты, в основном, московской, под командой удельного селеховского (смоленская вотчина) князя Ивана Васильевича и московских воевод. Фланги прикрывали полк правой руки князя ростовчанина Андрея Федоровича и его полного тезки стародубского князя (в котором сражался и Устюжский городской полк) и полк левой руки, где стояли с нашими белозерцами ярославцы

и моложане, все почти что земляки. Считается, что два последних полка были конными, вместе и с третьим Сторожевым.

Два отряда князь Дмитрий Иванович оставил про запас. Один полк располагался в тылу Большого и назывался Резервным, а в Зеленой дубраве, за речкой Смолкой, позади полка Левой руки с белозерцами скрывался Засадный полк — тяжелая конница, ударная сила нашего войска во главе с Владимиром Андреевичем Серпуховским и знаменитым воеводой Боброком-Волынцем.

Диспозиция русских войск была хорошо подготовлена, правда, рельеф местности, с одной стороны, помогал нам, так как лишал возможностей обходных маневров татарскую конницу из-за глубоких балок и оврагов, а, с другой стороны, усложнял и наши действия, ибо на тылах мы имели реки Дон и его правый приток Непрядву. Отступать, действительно, было некуда. «Смерть нам ныне не смерть, а жизнь вечная», — как возгласил Дмитрий Иванович перед битвой, обращаясь к своему войску.

Свой жертвенный призыв князь подтвердил небывалым в битвах такого рода примером: он приказал своему любимому воеводе Михаилу Бренку, одному из командиров Большого полка, облачиться в свою великокняжескую одежду — золоченые доспехи и стать к своему стягу, а сам поскакал в Сторожевой полк, не слушая отговоры верных спутников-бояр. Тем самым, великий князь выдвинулся в первые ряды начинающейся битвы, став простым ратником, солью русской земли.

Сторожевой полк, прикрывая остальную рать, должен был втянуть татар в рукопашную сечу, не дать им возможности гарцевать перед русским строем и по традиции выбивать наши ряды тучами стрел. Сторожевому полку было не важно, кто на кого нападал, кто с кем сближался, главной его задачей было навязать противнику знаменитый «русский бой», когда сходятся стенка на стенку, и где всё решают молодецкая удаля, отвага, беззаветная храбрость и сила. В этом смысле Сторожевой полк играл для лучших сил Мамаевой конницы роль приманки, оттягивая ее сокрушительный удар от пехотинцев Большого полка, необученных ратному делу.

«В душе свой Дмитрий, — живописует начало битвы историк Николай Борисов, — ощутил стремительную силу жертвенного порыва. Она подхватила и понесла его, точно пловца на гребне волны. И когда бояре умоляли его не ездить «наперед битися», князь спокойно, почти весело возразил (здесь мы переведем для лучшего понимания древнерусский текст. — *В. Д.*): «Да как же я вас призвал — погибнем все до единого, а сам начну хорониться в задних рядах!? Хочу не только своим словом, но и делом сложить голову за братьев своих и всех христиан. Пусть все увидят, и сами примут такое же решение».

Расчет великого князя оказался правильным. Сторожевой полк бился до последнего, Дмитрия Ивановича воины прикрывали своими телами, дважды меняли под ним коней, его, раненого, выводили из-под удара, «сторожили» остальные русские силы крепко. Глав-

ное, что не отступили, не подставили наседавшему противнику свои спины, на что рассчитывали татары, чтобы гнать уже не войско, а толпу послушных баранов, сеча их безбожно и легко раскидывая островки сопротивления.

На помощь погибавшим конникам Сторожевого полка выдвинулась «стенка» Передового пехотного полка. Битва возобновилась с новой силой. Русские татарами вырубались, как лес в чащобе, но басурманы и сами увязли в кровавой сече. В бой втягивались всё новые русские резервы, действительно, шли стенка на стенку и, казалось, кто кого перебьет числом, тот и будет победителем.

Мамай не предполагал такого яростного сопротивления русских. Даже московские ополченцы, простые горожане, вооруженные собранным с других земель оружием, дрогнув в первые минуты боя, а некоторые и «на беги обратившаяся», и то подхватили боевой «кураж». Видя всё это с Красного холма, откуда разворачивалась картина центра битвы, Мамай распорядился ударить всей силой по левому флангу русского Большого полка, чтобы взять в оборот всю русскую рать и добить ее на полуострове реки Непрядвы. Ему разведчики подсказали, что именно на задах полка Левой руки, за Зеленой дубравой (где татары не узрели главного — схоронившегося русского Засадного полка) имеются наведенные через Дон мосты для переправы пешей рати, куда и могут побежать отступающие русские части.

Мамай сам себя обрёл на ловушку. Но чтобы наш тактический замысел удался, предстояло выстоять в битве еще и полку Левой руки. Как редут за редутом, татары перебирали его порядки, ища в них прореху. Хотя от Мамаевой конницы остались уже ошметки, но шедшая позади ее пехота, «тьма», врубалась в новую русскую «стенку» с не меньшим ожесточением.

Несколько часов уже вершилась битва. Все звуки в природе она заглушила — над полем несмолкаемым гулом стоял скрежет доспехов, ржание тысяч коней, звон копий, свистящие, а чаще от разваливаемого человеческого тела и хрустко-глухие удары сабель, вой и звериный рык людей, крики и проклятия всех наций и наречий, призывы раненых, предсмертные, идущие, казалось, из живота, вопли погибающих... Измазанные кровью головы и руки, мятые и грязные доспехи, кучи убитых лошадей с задавленными и рассеченными всадниками, вперемежку с конскими яблоками и частями человеческих тел, склизкая от крови земля, усеянная брошенными щитами и копьями, усланная навалом стрел — этот вид осеннего поля был страшен и безумен.

Татары теснили русские полки. Их первые ряды еще видели друг друга, вкладывали все силы в образующиеся то здесь, то там людские проломы, соблюдали, хотя бы нечто разумное в бою, но за ними лезли, уже спотыкаясь, падая с визгом по трупам, всё новые и новые цепи, ошалевшие, ничего не понимающие, кроме одной и той же животной цели убить, убить и убить...

Мы не знаем, на каком месте в полку Левой руки стояли белозерцы. Если принять во внимание похвалы их бравому виду, то они

должны были располагаться в центре построений полка, в первых его рядах. И какой же надо было иметь напор противнику, если именно белозерцы были выбиты татарами чуть ли не все до единого!.. Перебив почти весь полк, татары, казалось, в шаге от общей победы, перелезая с победными криками через груды тел и лошадей, готовы были ринуться за отступающими, выскочить в тыл русскому войску...

Что переживали, глядя на эти картины, бойцы Засадного полка, остается только догадываться. Рядом с ними гибли лучшие русские воинские части, умирали их друзья, товарищи, а они продолжали сквозь густую листву деревьев на прибрежном холме наблюдать за невиданной сечей. Князь Владимир Андреевич в тот момент, когда умирали на их глазах белозерцы, вопрошал воеводу Дмитрия Боброка: «Доколе будем ждать? Не пора ли?» Боброк хмуро молчал, сидя на коне. Опытнейший воевода, он знал, что, если выскочишь рано, изгоном, а у противника еще не прошел боевой запал, то и сам увязнешь в сече, обесмыслив тактический замысел удара Засадного полка. «Терпи, князь, терпи!» — только и цедил сквозь зубы Боброк, перекладывая из руки в руку тяжелый меч.

Наконец, кучки низкорослых татар покатились, прорвав оборону, к Непрядве, добывая русских воинов. Из ручейков вражеского войска на глазах стали образовываться реки, в проемы прорывов устремились с надеждой хоть какого-то выхода из душного клубка битвы, как отступающие русские, так и наседавшие на них татары. Бойцы Засадного полка оказались вмиг позади всех основных сил татар, в их тылу. Солнце, если обернуться на Зеленую дубраву, слепило в глаза, не давало противнику увидеть, сколько свежих сил русских сейчас навалится на него. И ветер переменялся: задувал в сторону татар.

«Ну, с Богом, князь!» — наконец, пришпорив коня, с облегчением, как-то по-молодому зычно, крикнул Дмитрий Боброк, первым выскакивая из-под тени деревьев. Вся лавина тяжелой русской конницы двумя ударами, одним по тылу, вернее, по спинам татар, другим в обход по первым наступающим рядам, полоснула саблями, смяв всякое сопротивление противника. Удар был настолько порывист, что опытнейшие Мамаевы бойцы потеряли всякую пространственную ориентацию, не знали с какого бока им защищаться. Неведомый противник, как туча, непонятно откуда на них налетевший, вызвал приступ животного страха и безысходности. И татары, смятая друг друга, рассекаемые вдоль и поперек засадными бойцами, бросились бежать назад. Первые ряды вовлекли других, эта лавина потащила всех, как река в половодье, расстраивая нерешительные движения все еще наступающих. Через короткое время бурный людской поток неся, перепрыгивая через завалы, бросая на ходу оружие, сдирая с себя тяжелые доспехи.

Сорок верст до реки Мечи гнали русские войска татар, добывая их. В пылу преследования не вспомнили даже о Мамае, но тот, хитрый волк, видя, что на его глазах происходила катастрофа, и

никакими силами и способами ее уже не переломить, сам со своими охранниками и посыльными помчался на хорошо откормленных конях, куда глаза глядят, главное, чтобы подальше от проклятого поля.

Разобравшись с разбегающимся противником, князь Владимир Андреевич поручил найти великого князя. Тот лежал под деревом без сознания. Быстро привели Дмитрия Ивановича в чувство, раны, к счастью, оказались неопасными для жизни.

Ободренный известием о полной победе, князь сел в седло и решил объехать поле сражения.

Вид места побоища был ужасен, но Дмитрий Иванович, как бы вновь переживая эпизоды битвы, не спеша, объезжал поле. Вот лежат, вкуче побиенные, воины Сторожевого полка, вместе с которыми великий князь начал битву. Среди огромных, еще кровоточащих, груд тел Большого полка нашли в великокняжеских одеждах растерзанного Михаила Бренка. Татары, прорвавшись к главному стягу битвы, и приняв, как и задумывалось, воеводу за князя Дмитрия, несмотря на ожесточенное сопротивление, всего его исполосовали саблями и искололи копьями.

Кто-то из свиты подсказал поехать на левый фланг и добавил, как там полег весь полк Левой руки, о чем Дмитрий Иванович не мог знать. Князь приблизился к погибшим белозерцам молча (в летописи сказано так: «Наехал на место, иде же лежат князи белозерские, вси вкуче посечени»). А когда увидел дородное тело Федора Романовича, будто прикрывающее собой после смерти шуплого сына Ивана («настолько твердо бились, что один за другого погибли»), — вновь цитируем летопись), нервы у Дмитрия Ивановича сдали, плечи его заходили ходуном, и он безутешно выплакал все свои горестные слезы и все свои трагические мысли.

Придя в себя, оглянувшись на стоявших в потрясенном молчании всадников, Дмитрий Иванович, спрыгнул с коня, подошел к погибшим отцу и сыну и закрыл им глаза. Затем, не в силах унять вновь поднявшееся волнение, поднял глаза к небу, трижды, задумавшись, со всем значением перекрестился и уже спокойным голосом сказал, как бы про себя, но слышимо: «Братья мои князья, сыны русские, если имеете смелость пред Богом, помолитесь за нас, чтобы вместе с вами нам у Господа Бога быть, ибо знаю, что послушает вас Бог!»

Прохладный осенний вечер давал о себе знать. Надо было торопиться в шатры, которые были разбиты на другом берегу реки. Еще раз осмотревшись, Дмитрий Иванович дал распоряжение подсчитать потери и собрать на поле оружие.

«Единоборство Куликова поля, — писал Борис Зайцев, — вышло из размеров исторических. Создало легенду. Подробности пусть отпадут, но, разумеется, миф лучше чувствует душу события, чем чиновник исторической науки. Можно отвергать известие, что Дмитрий отдал мантию великокняжескую Бренку, а сам дрался простым воином, что, раненый, был найден на опушке леса после тридцати-верстного преследования. Вряд ли мы знаем, сколько войска было у

Мамая, сколько у Дмитрия. Но, уж конечно, битва-то была особенная и с печатью рока — столкновение миров».

И каких, добавим, миров!.. С одной стороны, мы, русские. С другой, более чем стотысячная армия восточного деспота Мамай, и стоявший со своим войском в 30 или в 40 верстах от поля битвы великий князь литовский Ягайло. «Счастливым Дмитрием, — заключал Н. М. Карамзин, — одним ударом освободил Россию от двух грозных неприятелей». И далее добавлял: «Мамаево побоище... считалось знаменитейшим в преданиях нашей Истории до самых времен Петра Великого, или до битвы Полтавской».

И хотя в отечественной науке до сих пор продолжается спор — сколько же белозерских князей погибло в тот день на Куликовом поле (здесь данные исторических источников разнятся)*, остается неопровержимым факт, что белозерские князья, «множество бояр их» (Никоновская летопись), воеводы, простые ратники — крестьяне и мещане внесли вместе с Засадным полком один из главных вкладов в великую победу на Куликовом поле.

А насчет битвы миров, о чем писал в эмиграции замечательный русский писатель Борис Зайцев, то его мысль, уже в наше время, раскрыл академик Б. А. Рыбаков: «Русь сделала то, чего не смогли сделать ни Китай, ни держава хорезмшахов, ни Грузия, ни половцы — Русь остановила Батюгу (добавим и других татаро-монгольских завоевателей, вплоть до темника Мамай. — *В. Д.*) на пороге Европы и невольно спасла европейскую цивилизацию».

Подвиг Белозерского полка в этой связи приобретает очевидную значимость и, скажем более, символику, потому что и в следующих веках ту же миссию спасителей Европы Белозерцы со всей доблестью храбрейших воинов доказывали вновь и вновь.

* Дмитрий Донской просил поминать погибших на поле Куликовом. Из белозерцев в синодике сохранилось поминание только «князю Федору Белозерскому и сыну его Ивану».

ГОРОДОВОЙ ПОЛК XV–XVII ВВ.

«Ратного строя никогда не забывайте»

Царь Алексей Михайлович

До нас не дошло никаких исторических данных о том, как встретили в Белоозере известие о гибели своего полка. Не все местные воины, конечно, погибли на поле Куликовом. Они-то, вернувшись, и рассказали землякам о том, что произошло в тот сентябрьский день. Но и без летописных свидетельств можно представить горе и слезы жителей Белоозерья, когда они узнали о смерти своих мужей и сыновей.

Имеется один факт, говорящий о том, что, несмотря на трагедию, жизнь в Белоозере быстро взяла свое. Средневековое общество испытывало на себе немало губительных трагедий и несчастий, связанных не только с войнами и набегами разного рода захватчиков-чужеземцев. Люди постоянно подвергались опасности природных катаклизмов, которые вели к недородам, а затем и к голоду, массовых эпидемий (к примеру, Белоозеро дважды в XIV веке почти вымирало: моровая язва (чума) в 1352 году выкосила городское население, и через одиннадцать лет вспышка чумы повторилась). Тогда-то горожане и приняли решение перенести столицу своего княжества на 17 верст западнее, где современный Белоозерск и располагается.

После победы над Мамаем спустя два года на Русь, как известно, нагрянул Тохтамыш. Он взял реванш за поражение на Куликовом поле и сжег Москву. Этот татарский набег был мстью и грозным предупреждением тем, кто победил 8 сентября 1380 года. Русской земле нельзя было спокойно пожинать плоды одной, пусть и великой, победы, нельзя было расслабляться ни на миг.

Дмитрий Донской, видя реальную для Москвы и всей Русской земли угрозу, сам поскакал в Переяславль собирать местный, суздальский и белоозерский полки, как перед Куликовской битвой. Но было уже поздно — Тохтамыш его опередил.

Значит, белоозерцы спустя два года оправились от беды, восстановили часть своих сил, смогли обеспечить свой полк новобранцами и достойно вооружить их. Жаль, что вновь их сила и героизм Руси не пригодились!..

В 1386 году Белоозерский полк, согласно летописи, участвовал в войске Дмитрия Донского в походе на Новгород. На этот раз обошлось без кровопролития.

В самом Белоозере после гибели князей Федора и Ивана оставалась княгиня Федосья, активная и деятельная женщина. А. И. Копанев раскопал сведения, что в этой семье был еще один сын Федор. Что с ним стало, что произошло, нам неизвестно. Пос-

ле гибели на Куликовом поле князя Федора Романовича с сыном Иваном Белозерьем владел племянник Федора князь Юрий Васильевич.

От того времени до нас дошла лишь знаменитая духовная грамота (завешание) князя Дмитрия Донского 1389 года, в которой он, в частности, ссылаясь на «куплю» своего деда Калиты, присоединяет большую часть Белозерья к Москве, завещав ее своему младшему сыну Андрею, князю Можайскому, и оставляя в пожизненном владении своей тетке Федосье часть белозерских волостей у Волочка Словенского. Вскоре и она скончалась, и согласно тому же завещанию эти волости перешли к вдове князя Дмитрия Ивановича Евдокии Дмитриевне. А полузависимый князь из рода Глебовичей Юрий Васильевич превращается в князя-наместника.

Во владельческом отношении, как пишут вологодские историки Т. Осьминский, Н. Озеринин, И. Брусенский, «судьба Белоозера типична для ряда других княжеств. Белоозеро — сначала независимое княжество (1238–1338 гг.), затем вассальное княжество (1338–1389 гг.), позднее — удел московских князей (1389–1486 гг.) и, наконец, уезд Московского государства». С окончательным воцарением на Белом озере москвичей резко усилилось духовное влияние из Центра, будто теперь судьбой было предназначено Белозерью, действительно, стать центром Северной Фиваиды — огромной монашеской области, подобной египетской пустыне.

Князь Андрей Дмитриевич, сын Донского, княжил в Белоозере с 1389 по 1432 год, один из самых продолжительных сроков, вместивших всё: и правление великого князя Василия Дмитриевича (1389–1425 годы), и основание двух в будущем знаменитых монастырей — Кирилло-Белозерского (1397 год) и Ферапонтовского, и начало тяжелой княжеской междоусобицы (или войны) наследников Дмитрия Донского, и стычки с новгородцами, и глады, и моры... Фактически трижды местные городки, селения и те же монастыри разоряли в 1398, 1401 и 1408 годах новгородцы, борясь с Москвой за свои северные земли, но в письменных источниках нигде нет упоминаний о достойном отпоре, который должны были и обязаны дать белозерцы своим воинственным и жадноватым западным соседям. Но Белоозеро и в это тяжелое время (а когда оно на Руси было не тяжелым!?) росло и развивалось.

Вероятно, что в самом городе при великокняжеских тиунах-наместниках сохранялись дружины, пусть и не в той степени военной готовности, как при удельных правителях, но с элементарной войсковой подготовкой. Правда, в эти же десятилетия постепенно начали затухать традиции народного ополчения, некогда обособленного от княжеского войска. Новому времени требовалось единоначалие, объединение в один кулак всех военных сил. Поэтому с 1374 года должность тысяцких была упразднена.

Одни понятия и стоящие за ними вооруженные силы отмирали, уступая место всё более регулярным, профессиональным формированиям, другие продолжали существовать. Названия «рать» и «вой-

ско», к примеру, употреблялось в официальных русских документах до XVIII века.

Менялось и вооружение. При осаде Тохтамышем Москвы русские впервые применили дальнобойные самострелы (арбалеты) и, так называемые, «тюфяки» — огнестрельное оружие для отражения противника, штурмующего городские стены. С конца XIV века русская артиллерия становится постоянной частью войск осадных городов и позднее полевой армии. Особенно большое значение ей придавал Иван IV Грозный.

Так как с XIV века белозерцы стали «москвичами», то при характеристике московского войска сошлюсь на компетентное мнение А. В. Чернова, автора книги «Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв.» (М., 1954). «Главными составными частями войска в великом княжестве Московском, — констатирует историк, чей труд, кстати, не устарел и по прошествии более чем полстолетия, — оставались великокняжеский двор и народное ополчение. Численность княжеского двора значительно возросла. Среди московского боярства появились «служебные» князья со своими дворами. Это были лишившиеся политической самостоятельности бывшие удельные князья и их потомки.* Ряды московского боярства также пополнялись боярами из других русских княжеств, откуда бояре переходили на службу к более сильному московскому князю».

Всё это привело к тому, что в московский период русской истории, начиная с Ивана Калиты, в основе устройства вооруженных сил постепенно складывалась сильная поместная система. При ней ратным вельможам раздавались земли в пользование в качестве вознаграждения за службу. Позднее Иван Грозный ввел военную службу для помещиков как обязательно наследственную.

Вологодские земли до начала царствования Петра Великого представляли собой две своеобразные разновидности государственной ратной службы. Так исторически сложилось, что на юго-западе и в центре края — Устюжье, Белозерье, в Пошехонье и Вологде веками складывалось вотчинно-феодалное землевладение с зависимым от помещиков и монастырей крестьянством. Северо-восток края формировали «черные» (государственные) и дворцовые земли.

Со времен Дмитрия Донского на первую категорию земель «садились» родственники и ближнее окружение великих князей. Такая традиция существовала в наших краях более трехсот лет. Особенно широко практиковал раздачу земель на Севере первый из Романовых Михаил Федорович, который за верную службу и поддержку в годы Смуты выделял большие земельные наделы южным и запад-

* Остатки большого по территории Белозерского княжества со середины XIV века вплоть до начала XV века многочисленные потомки Глеба Белозерского делили между собой на уделы, напоминающие поместья. Белозерская земля дала стране известные дворянские фамилии с местными топонимическими фамилиями Белосельских-Белозерских, Ухтомских, Вадбольских, Шелешпанских и других родов.

ным дворянским фамилиям, богатым казачьим родам. В ответ они верой и правдой служили своему вассалу.

На примере дворянского рода Межаковых, имевших огромные надель в кубенском Заозерье, автор этих строк показал, что иных из представителей этой фамилии, выходцев из донского казачества, местное крепостное крестьянство десятилетиями даже не видело.* К примеру, в XVIII веке Михаил Межаков служил по ратному делу более 20 лет, участвовал во многих походах и битвах. В послужном списке его сына Александра Михайловича значатся военные чины от рядового конной гвардии до секунд-майора. Исключений для помещного дворянства не существовало: все обязаны были служить, проливать кровь за Царя и Отечество.

В сборнике документов и материалов «Старая Вологда» (Вологда, 2004) приводятся любопытные отписки и росписи вологодского архиепископа Маркелла и архиерейской казны о высылке на государственную ратную службу в Москву детей боярских и перечень расходов на их обмундирование и воинское снаряжение. «Велено мне, — пишет царю Алексею Михайловичу архиепископ Маркелл, — с домашних вотчин своих детей боярских пять человек на добрых конях с саблями, и с карабины, и с парами пистолей, и с полными годовыми запасы выслать к тебе, великому государю, к Москве тотчас, не мешкав ни часу». Такая срочность в сборе конных воинов диктовалась угрозой нападения шведского короля Карла X с целью присвоить себе, принадлежащие России, польские территории. Этот документ — один из предтеч будущих мобилизаций населения.

Архиерейская казна оплачивала и все, так сказать, накладные расходы, связанные с ратной службой. Скрупулезно перечислены 7 кафтанов «сукна зеленого да лазоревого» за 42 рубля, 12 аршин крашенины травчатой — окрашенного домотканого полотна или холста, 7 шапок за 8 рублей 25 алтын. Да детям боярским сшиты 7 штанов суконных зеленых, да куплено им по епанче (япанче) — разновидности дорожного плаща из сукна или войлока, да сапог, рубах и рукавиц, да вооружения — карабинов с крюками и пистолей. Еще — «по седлу с подседельниками и со всеми седельными снастями». Итого, «на всякого издержано на покупку по 42 рубля по 25 алтын», а на всех — 299 рублей 12 алтын 2 деньги. Средства немалые!..

Но и это не всё. Вместе с детьми боярскими на войну собирали с ними обоз с извозчиками и поклажей. На 12 возах везли ржаную муку, сухари, толокно, крупы, соль, масло, свиные туши, рыбу семгу и «палтусину», а также короб с иконами.

Дворяне до 1762 года обязаны были служить поголовно, а затем до 1874 года в добровольном порядке. Крестьяне и мещане вначале несли ратную повинность пожизненно, с 1793 по 1834 год — их забривали на 25 лет. Этот срок постепенно снижался. С 1874 года

* См.: Дементьев В. В. Свет малой родины. Отчина и дедина. М., 2008. С. 433–434.

действительная служба в армии стала длиться всего шесть лет. А с 1905 по 1908 год — три-пять лет. Военная служба до 1861 года освобождала крестьян от крепостной зависимости.

В том же вологодском сборнике исторических документов содержится отписка о присылке воинов в черкасские (украинские) города. Сбор проводился «по окладу» даточными, то есть с определенного количества дворов по одному вооруженному воину. Система такой государственной повинности называлась «посохой», а воины — «посошной ратью». Население содержало воинов и во время их службы. Сбор даточных людей прекратился с введением при Петре I в 1705 году рекрутской повинности.

Царь и земляки своих воинов в беде не бросали. В «Старой Вологде» приведен интересный документ, подтверждающий наш вывод. В присланном в Вологду уведомлении из Посольского приказа говорится о том, что по указу царя Алексея Михайловича дан выкуп из плена (настоящего рабства) за вологодского рейтара (конного воина) Петра Александрова. Причем, выкупали его в Константинополе в складчину — из государевой и домово́й казны вологодского архиепископа.

В тех же отписках содержатся факты, когда даточные отлынивали от государственной повинности, по-нашему, старались «откосить от армии». Каким было наказание? Наказывали строго. К примеру, один из тех, кто отвечал за набор, когда не явились конные воины, был поставлен на прауж.

Самих «нетчиков», тех, кто не хотел служить или совершал побег со службы, также сурово наказывали. Историк Н. Павлов-Сильванский перечисляет: «За бегство с поля битвы у служилого человека отнималась половина поместного и денежного оклада. За двукратный побег из полка виновного карали, кроме наказания кнутом, убавкой 50 четей поместного оклада; наконец, за третий побег он лишался всего поместья. Неявка на службу также влекла за собою умаление или полную потерю поместья».

Наряду с поместной развивалась и поселенная система для вольных людей, служивших добровольно. Им отводились поселения в городских слободах. Поселенцы с этого момента также становились наследственно обязанными к воинской службе. В мирное время они занимались торговлей и ремеслом, а во время войны объединялись в отряды под командованием выборных голов. Только вот мирного времени стране всегда не доставало — войны шли одна за другой.

Еще одной составной частью войска являлось знакомое нам ополчение — даточные (бывшие посошные) люди. В своей основе ополчение дожило до XIX века, став «дубиной народной войны» (Лев Толстой) в борьбе с Наполеоном.

Постепенно в русских войсках вводились полки иноземного строя. Но о них наш рассказ будет впереди.

Итак, отечественная армия продолжала развиваться и совершенствоваться. Ее боевая единица полк всё более и более приобретала, знакомые уже нам по современной армии, очертания. Если во

времена Древней Руси и борьбы с монголо-татарским игом полком называли любой вооруженный отряд, в котором не регламентировался ни состав, ни количество воинов, ни обмундирование, ни вооружение (полком могли быть и ополчение княжества, и городская «тысяча» или отдельная сотня, и княжеская дружина, и войско, собранное с нескольких княжеств), то с разделением на виды вооружения стали выделяться из общего «войска» с начала XVI века полки пищальников, вооруженные огнестрельным оружием, пушкари, стрельцы и другие.

Белоозеро в эти десятилетия и даже столетия постепенно превращалось в тихую провинцию. Казалось, что историческая слава Белозерской округи и древнейшего русского города-посада осталась в прошлом, в седой старине.

После Куликовской битвы и участия с московским войском в борьбе с Великим Новгородом белозерский полк в межкняжеской войне XV века, растянувшейся почти на двадцать пять лет, участия не принимал. Вернее, у нас нет никаких данных о его участии. Имеется лишь одно косвенное свидетельство, говорящее о том, что москвичи в междоусобице обходились собственными силами. Об этом рассказывает летописный эпизод с вторжением московского войска в пределы нынешнего Вологодского уезда в середине XV века, посланного Василием II Темным для окончательного разгрома и поимки его соперника князя Василия Юрьевича Косого. Войском командовали самые известные московские воеводы Ф. М. Челедня, В. М. Морозов-Шея, А. Ф. Голтяев и другие. Беспечно расположившись в Вологде и ее окрестностях, поджидая Косого, москвичи были застигнуты врасплох неожиданным ударом противника, пленившего весь цвет тогдашнего военного командования великого князя. Сам эпизод, забытый, к сожалению, в нашей истории, получил звучное название «вологодское имание». Белозерцы, насколько можно понять из письменных источников, в этом сражении не принимали участия.

Хотя они могли биться на полях сражений после кончины в 1432 году князя Андрея Дмитриевича, владельца Белозерья, когда краем завладели два его сына Иван Можайский (восточная половина) и Михаил Верецкий (западная половина), непримиримые противники в междоусобице. В результате первой гражданской войны, как ее называют историки, победителем над князем Дмитрием Шемякой вышел его дядя великий московский князь Василий Темный, а вместе с ним и белозерский князь Михаил Андреевич.

Смерть в 1486 году Михаила Андреевича Верецкого, который еще при своей жизни за три года до своей кончины завещал свой удел великому князю Московскому Ивану III, официально заканчивает удельную историю Белоозера на протяжении 235 лет, причем, под Глебовичами — 138 лет.

Упоминание о Белозерском полке в XV веке мы встречаем в летописи, рассказывающей, как «Вятку всю развели по всей земле», то есть утомили этот бунташный край, набеги с территории которого

не давали покоя жителям Устюга и окрестных земель, вплоть до богатых волостей Кокшеньги и Ваги. Вятку окончательно покорило в 1489 году московское войско в рядах которого сражался и *Белозерский городской полк*.

Укрепление Белоозера Иваном III говорит о сохранявшемся еще значении этого северного форпоста в обороне Московского государства. Северо-восточная полоса обороны при этом великом князе, который сам не раз бывал в нашем краю, знал его досконально (воевал еще в свои молодые годы на Кокшеньге и в Устюге), протянулась от Белозерска, Вологды до Устюга.

Да и как было не оборонять Белоозеро, если через него проходила стратегическая торговая дорога из Москвы на Белое море и дальше — в Европу!.. «Онежский путь был особенно оживленным, — пишут вологодские историки о XVI веке. — Он почти вдвое короче Двинского и по нему шла основная часть грузов на север. Успешно развивались главные пункты этого пути — город Белозерск, пристань Коротецкая, посад Чаронда и город Каргополь».

С основанием в 1585 году в устье Северной Двины нового города Архангельска, а также в связи с трудной проводкой судов по Онеге и закрытием внешнего торга в Коле и на Мурманском берегу значение Белозерска резко снижается, как и всего Онежского пути. Город начинает приходить в упадок. Хотя еще 20 лет назад Белозерск вошел в число опричных городов Ивана Грозного, а в них, как известно, попадали самые важные центры страны. Но и опричнина скоро закончилась, сошла на нет. В чем-то она даже подорвала хозяйство города и уезда: «много людишек перебрали» опричники, сослали (хотя, куда дальше Белоозера-то сослать?!), казнили. Но под боком в Вологде жил в эти годы сам царь Иоанн Васильевич, строил кремль-крепость, выезжал в Кирилло-Белозерский монастырь, к чудотворцу, попробуй дерзни против него выступить — голова с плеч долой!

До конца этого века северян, и белозерцев в том числе, посылали в посошную рать, а затем направляли в качестве даточных людей (по человеку от определенного количества дворов) в цареву войско. А воевал Грозный много и долго!.. Еще командуя в 1552 году походом объединенных сил Московского государства на Казань, штурмуя ее, Иван Васильевич убедился, что победы в любой войне не достичь без «посохи», которая с крестьянской основательностью и трудолюбием занималась инженерно-строительными и подсобными работами. Также царю Ивану был люб ратный труд артиллеристов и военных инженеров, называемых «розмыслами». Неприятельские фортификации и средства их защиты, укрепления становились всё более сложными, а чтобы взять их штурмом, стала необходима долгая и хитроумная подготовка. Казань, к примеру, взяли, когда построили осадные башни, насыпали земляные укрепления, завалили рвы у кремля, проделали подкопы, уничтожили источник воды оборонявшихся. И только после этих приготовлений подорвали стены, образовав проломы, создав условия для успешного завершения штурма.

Развивая тактику и стратегию военного дела, Иван Грозный, чередуя победы с поражениями, вновь воюя на два фронта — с казанскими татарами и крымским ханом, с одной стороны, с литовцами, поляками и шведами, с другой, стал подозревать своих верных воевод и боярство в измене. Последние и сами давали на то основания, замышляя заговоры, предавая и перебегая к противнику, как неизвестный князь Андрей Курбский из ярославского княжеского дома. Под тяжелую длань царя попал костяк военного руководства, сгинув в развернувшемся терроре против служивых аристократов. Опричнина вводилась для того, чтобы переломить складывающуюся веками традицию руководства войсковыми соединениями, ратью, дружинами князьями и боярством, где великий князь и царь были подчас зависимы от чужой воли и чужих действий. «Опричное войско представляло собой ударные отряды из поместной конницы, одновременно служившей для охраны государевой особы и для участия в обычных боевых действиях, — анализирует военную стратегию XVI века Д. М. Володихин в книге «Иван Грозный. Бич Божий» (М., 2006). — Нет сведений, что на уровне тактики, вооружения, походного снаряжения опричная армия сколько-нибудь отличалась от земской. Но она *управлялась по-другому*, и в этом всё дело». Далее вместе с автором этой книги проследим: «Русская военная система, унаследованная государем Иваном IV от своего отца Василия III, и деда, Ивана III, была исключительно сложна». Дмитрий Володихин перечисляет ее составляющие, которых «в деле» видели и мы в предыдущих главах.

«Удельные князья со своими боярами и со своими армиями». Пример — Глеб Белозерский. «Князья, сохранившие огромные вотчины в княжествах, где их предки были полновластными хозяевами, и обладающие на этих территориях значительными судебно-административными привилегиями». Пример — Федор Белозерский. «Князья — крупные землевладельцы». Пример — Михаил Верейский. «Князья — рядовые помещики». Пример — хозяева мелких уделов Белозерского княжества. «Князья, давным-давно попавшие на службу московским государям». Пример — Юрий Васильевич, последний белозерский князь из Глебовичей. «Князья, выехавшие к Москве совсем недавно». Пример — многие князья из боковых ветвей белозерского дома. «Бояре из родов, служивших еще Даниилу Московскому или Иване Калите». Пример приводит А. И. Копанев с неким Аникием, наместником, как считает историк, Ивана Калиты на Белоозере. «Бояре из родов, служивших совсем другим князьям, в том числе прямым противникам московского княжеского дома в политической борьбе». Здесь у нас имеются примеры не только с боярами, а с белозерскими князьями. В частности, Роман (Романчук) Михайлович, отец героя Куликовской битвы Федора Романовича, чуть ли не воевал с Иваном Калитой, пока не замирился на почве женитьбы своего сына на дочери московского правителя.

Далее по книге Д. М. Володихина перечислим другие составляющие военной системы: «Захудалые родом и богатством бояре, спо-

собные исправить личный служилый статус и положение рода так же только в Москве, на дворовой службе. Знатные в провинции дети боярские «по выбору», они же — никто или почти никто в Москве. И — самое дно, городовые дети боярские... При Василии III всё это варево еще кипело и булькало, не застыв, не отвердев до конца».

Поломать эту традиционную систему и решился сын Василия Иван Грозный. Стрелецкое войско, им учрежденное, не зависело от князей и бояр, от служилой со времен Ивана Калиты аристократии. Стрельцы, прежде всего, охраняли своего патрона — царя. Они являлись первым видом русской регулярной пехоты.

Во-вторых, Иван Грозный открыл двери России для иностранных наемников — от простых солдат до инструкторов. И, наконец, учредил опричнину и особое опричное войско.

По роду службы войска делились на поместную полевую конницу и городовые войска (полки). В конницу набирались дети боярские (с 1566 года дворяне). Интересно отметить, что отряды поместной дворянской конницы уже тогда, в середине XVI века, стали называться по местам своего формирования — смоляне, володимерцы, туляки и т. д. В русской армии возрождалась местническая традиция присвоения воинским соединениям имен земель, уездов, городов и т. д. Позднее, как мы увидим, также восстановится в регулярной армии и Белозерский полк.

Городовое войско, как и прежде ополчение, формировалось из мастеровых, ремесленников, торговцев и других городских сословий. К ним прибавились только стрельцы и казаки, которых появилось в XVI веке на севере немало в связи с массовым разорением крестьянства в центре государства, вынужденного нести неподъемные тягла и повинности, платить огромные подати. Городовые войска, по принятому в отечественной истории мнению, имели наибольшую степень боевой готовности; организация их была сотенная. Можно не сомневаться, что в Белозерске, который еще не склонился к своему упадку, существовал такой городской полк, несший постоянную охрану крепости-детинца и участвовавший во всех войнах Московского государства.

Эт и меры были в строительстве вооруженных сил звеньями одной цепи, которой царь пытался упорядочить, переподчинить, сделать победоносной, а, значит, и сильной русскую армию. Увы, как заключает Д. М. Володихин, «общий итог деятельности Ивана IV в военной сфере с рядом оговорок следует признать отрицательным».

В XVII веке продолжились преобразования в русской армии. Авторы энциклопедического словаря «Россія» (М., 1898) по этому поводу пишут: «При Василии Шуйском и Михаиле Федоровиче были призваны на службу целые полки иноземцев (как их не призвать, если в Смутное время и сразу после него страна переживала демографическую катастрофу, погибло около половины населения. — **В. Д.**). По примеру этих последних, в первой половине XVII столетия были сформированы и из русских конные и пешие полки нового (иноземного) строя, в которых иноземцы были инструкторами. К

концу столетия это уже был главный вид войск, в составе 39 солдатских (пехотных) и 25 копейно-рейтарских (драгунских) полков, общей численностью до 90 тысяч человек». Прервем цитату, чтобы уточнить малоизвестные для современного читателя военные названия и термины. Рейтары — разновидность тяжелой кавалерии, в России появились в 1632 году; драгуны — кавалерия, предназначенная для действий, как в конном, так и в пешем строю; в России первый полк драгунского типа был сформирован в 1631 году из иноземцев.

Продолжим далее: «Солдатские полки были вооружены мушкетами, бердышами, шпагами и короткими копьями; рейтары-копейщики — карабинами, пистолетами, саблями и копьями. И те, и другие пользовались поместными правами. Войска иноземного строя собирались в учебные сборы осенью на месяц, после чего распускались по домам».

Так, шаг за шагом, Россия подходила к созданию регулярной, строящейся и действующей на основе единых правил комплектования, организации, обучения и снабжения, армии. Опыт пятисотлетней истории, особенно времен Ивана Грозного и периода Смуты, говорил о том, что только регулярная армия может прервать цепь трагических и драматических событий с постоянной периодичностью обрушивающихся в лице иноземных поработителей на Русское государство. Такую армию должна была буквально выстрадать Россия, начиная с поражений Ливонской войны, с создания первого и второго земского ополчений в годы Смуты, когда сам народ вынужден был сказать своё веское слово, с русско-польской войны за Украину и Белоруссию (1654–1667 годы), — всё свидетельствовало о том, что необходима коренная военная реформа.

А пока, особенно в годы страшной Смуты, народу зачастую самому приходилось отбиваться от ворогов. В декабре 1609 года в Белозерье поднялось восстание против «тушинского вора» Лжедмитрия 2-го. Горожане выгнали из города его подопечных поляков, и на следующий год отразили все попытки польского отряда взять Белозеро. По давней традиции, белозерцы поддержали москвичей, правительство царя Василия Шуйского.

Если в первом земском ополчении северян было немного, то во втором, которое формировалось Пожарским и Мининым в Ярославле, наших земляков заметно прибавилось. Поморский историк Леонид Санников утверждал, что отряды архангелогородцев бились у Кремля с октября 1612 года. Мы можем только предполагать, что в эти решающие моменты русской истории не сидели без дела и белозерцы, жившие от Москвы куда ближе своих двинских соседей.

Правда, им вновь пришлось в эти месяцы и на своей родине сражаться с интервентами. Еще в августе 1612 года шайки врагов, пробравшись через леса, топи и болота, напали на Кирилло-Белозерский монастырь, крепостную монашескую обитель, стремясь здесь поживиться, особенно монастырскими драгоценностями и съестными запасами. Белозерская крепость устояла, но польско-литовские

захватчики и воровские казацьи шайки сожгли все хозяйственные сооружения обителѣ за пределами стен.

В декабре того же года крупный отряд интервентов во главе с полковником Песоцким вновь попытался штурмом овладеть монастырем. Несколько часов длилась осада. «Воровские люди» вели наступление с двух сторон: от московской дороги и со льда Сиверского озера. Поляки пытались поджечь строения монастыря, пуская «огненные стрелы», но штурм вновь захлебнулся. Защитники обители стояли насмерть, более того, уничтожили часть наступавших, другие утонули в озере, в том числе погиб и полковник Песоцкий.

Отряды интервентов несколько месяцев хозяйничали, сея смерть и оставляя после себя выжженную землю, в Белозерских волостях, под Вологдой и на Кубенском озере. Время от времени они выдвигались к монастырю, собираясь с силами, готовясь к новому штурму, но взять его так и не смогли.

Поляки с литовцами были первыми и последними интервентами на белозерской земле (не считать же за таковых новгородцев!). Это разорение принесло огромный урон краю, многие деревни вовсе исчезли и уже не возобновлялись; оставшиеся в живых жители на своих пепелищах бедствовали, хозяйство оказалось разграблено. Десятилетия ушли на то, чтобы возродить Белозерье и волости за Вологдой.

Теперь уже зная, на что способны иноземные захватчики, люди стали серьезнее относиться к защите своих земель. В 1660-х годах началось сооружение огромных стен крепости по последнему слову фортификационного искусства вокруг служб и построек Кириллова монастыря. Эта обитель-крепость и сегодня кажется неприступной, удивляя нас, спустя триста пятьдесят лет, огромными трехъярусными стенами, на галереях которых могут разъехаться две конские повозки, и красавицами-башнями, настоящими сторожевыми утесами.

Но Белозерью в дальнейшем, вплоть до нынешнего времени, не довелось отбиваться от иноземных захватчиков, испытывать свое мужество и терпение в осаждаемых монастырях, за стенами Белозерского кремля. Враг здесь больше не появлялся.

Всѣ, что могло делать Белозерье для развития и укрепления государства, рождению которого оно так способствовало, заключалось в направлении своих плотников, землекопов, каменщиков на проекты, которые вскоре стал осуществлять великий преобразователь России, главным образом, на строительство новой столицы на Неве.

Вторым, традиционным, «государственным служением» продолжала оставаться воинская повинность. В описании города Белозера, проведившегося писцами стольником Никитой Торокановым и подъячим Игнатъем Пигиным в 1670-е годы, указан «двор воеводский, в длину 25 сажень, поперек 22 сажени». Сажень равна трем аршинам, или 2,13 метра. Вот, и считайте, каков по площади земельный участок был у белозерского воеводы. Правда, затем писцы заметно «расширяют» эти владения: за счет двух огородов общей пло-

щадью 43 на 61 сажень, да «дьяческого места» — 13 на 8 сажений. Итого получается довольно большое земельное хозяйство, да еще в «городе», то есть за земляными валами с крепостью.

Леонид Санников ухитрился подсчитать, что каждый третий новобранец в полках «нового строя» был с Русского Севера. «Ко времени вступления Петра Первого на царский престол (1682 год) полки «нового строя», в которые входили и северяне, — заключает поморский историк, — составляли более половины вооруженных сил России и стали ядром созданной реформатором русской новой постоянной армии». Северяне участвовали в 1687 и 1689 годов в Крымских походах и в 1695 и 1696 годах в Азовских походах. Более сотни вологжан числились в составе Владимирского полка, который при взятии крепости Азов находился в центре передовой линии наших войск.

С конца XVII века началось формирование полков, носивших названия городов и уездов, рекрутами из которых комплектовались первые петровские воинские соединения. По подсчетам доцента Поморского государственного университета А. М. Кондрескула полки из северян составляли в 1708 году почти пятую часть пехотных и четвертую часть драгунских (кавалерийских) полков армии России.

Так открылась новая глава в истории Белозерского полка. Ее начал писать великий полководец России и всего мира Петр Алексеевич, ставший навсегда и во многом Петром Первым.

ПО УКАЗУ ПЕТРА ПЕРВОГО

«Каждый солдат должен знать прошлое своего полка, должен знать, где и когда началась жизнь полка, должен знать его боевую жизнь, в каких землях развевались знамена его, с кем и когда был он в схватках боевых и какие имеет боевые отличия.

Если солдат не знает этого, не интересуется, он не солдат: он трутень и дармоед!

Прошлое дается в наследие, как пример и поучение».

Капитан Э. М. Мержеиовский

Рекрутская система комплектования армии России начала вводиться в 1699 году. Согласно указу Петра Великого, данного генералу А. М. Головину, бригадире Вейде и подполковнику князю А. И. Репнину, весной и в начале лета 1700 года было сформировано 29 пехотных полков, из которых 8 дислоцировалось в Москве, 9 — в Новгороде и остальные в понизовских городах. Полки составили три пехотные и три драгунские дивизии. В них набирались даточные и охочие люди под командованием как иностранцев, так и русских офицеров Преображенского и Семеновского полков. Общее количество рекрутов-даточных составляло 32 тысячи человек. Строй, обмундирование, вооружение, снаряжение и продовольствие устанавливались по немецкому образцу. «Пехота, — писал А. С. Пушкин в «Истории Петра», — имела мундиры зеленые с красными обшлагами, камзолами и штанами. А конница — синие...» Но куда важнее для создания русской армии была следующая запись поэта: «Петр, рассматривая роспись боярам и дворянам и видя многих неслужащих, повелел всех распределить по полкам, а других во флот, послав в Воронеж и Азов для обучения морской службе. Петр обнаружил, чтоб никто не надеялся на свою породу, а доставал бы чины службою и собственным достоинством». Таким образом, «под ружье» становились как крестьяне, так и дворяне. В фундамент создания великой армии был положен, традиционный для русских, принцип священного долга перед Отечеством, обязанности («повинности») защищать его. В этом — главном — армия России отличалась от иностранных войск, где царствовал принцип найма и вербовки.

Рекрутский набор, окончательно утвердившийся к 1705 году, представлял только одно из коренных петровских нововведений в военной области. Реформа проводилась комплексно, с учетом всего лучшего, что доказало свое право на дальнейшее существование, и с отбрасыванием всего отжившего, ненужного, тормозившего развитие военного дела.

К примеру, вот, как решался вопрос с провиантом для армии. Если до Петра поместные войска и полки иноземного строя на марше, во время боевых действий сами были вынуждены добывать для себя продовольствие, что неизбежно вело к массовому недовольству населения, то с началом петровской реформы «сбор провианта для армии и флота предлагалось вести путем закупок у помещиков по «указанной цене», — пишет военный историк Л. Г. Бескровный. — В 1700–1723 гг. в местах дислокации войск создавались специальные магазины. Такие магазины были построены в Нижнем Новгороде, Чебоксарах, на Рогачевской, Дубенской, Белозерской, Ладожской и Крохинской пристанях, в... Вологде...».

Наряду с созданием полевых войск, прежде всего, пехоты и кавалерии, которые имели в своем составе артиллерию, с 1711 года городские войска стали заменяться гарнизонными. Личный состав армии был доведен до 220 тысяч человек; из казны на его содержание выделялось почти 4 миллиона рублей. Была учреждена военная коллегия. В военное время войска управлялись фельд-маршалом с полевым штабом. В 1716 году был издан «Устав Воинский»*, то есть введены правовые нормы армейской жизни.

Замечательный историк А. А. Керсновский, к труду которого «История русской армии» в четырех томах, написанного в эмиграции, мы будем еще обращаться, очень точно сформулировал содержание петровской реформы: «Дружинники Святослава, обещавшие “сложить свои головы, где его голова ляжет”, храбрые жители Козельска — “злого города” Батяга, венденские пушкари, предпочтительные смерть плену, Сергиевские иноки, смолянские и псковичи, целовавшие крест сидеть до конца, — вот от кого произошли по прямой линии Полтавские драгуны, Цорндорфские фузилеры, Рымникские чудо-богатыри! Двух армий — “московской” и “императорской” — не существует, есть одна Русская Армия...» В этот перечень мы можем с полным на то основанием добавить Белозерцев, история регулярного воинского соединения которых начинается с Петровских времен.

Первыми петровскими полками были знаменитые «потешные» Преображенский и Семеновский, учрежденные в 1683 году, окончательно оформленные с 1691 года, и два «выборных», что значило «отборных», сформированных еще в 1642 году из московских жителей и стрелецких детей. В начальные годы правления Петра они носили названия по своим командирам — Первомосковский Лефорты и Бутырский Гордона.

После азовских походов 1695–1696 годов, когда на полях сражений выявились все недостатки прежней русской армии, эти четыре полка послужили юному венценосному полководцу основой для создания новейших вооруженных сил России. Из первых пол-

* И этот важнейший для становления регулярной армии Российской империи документ имел предшественником первый воинский на Руси устав «Учение и хитрости ратного строя пехотных людей» (1648 г.).

ков Петра, вначале названных по своим командирам полковникам, некоторые просуществовали более 200 лет. «Военные мероприятия его, — подводит итог А. А. Керсновский, — реформа армии, зарождение флота — отмечены печатью гения и одни уже дают ему право именоваться Великим». «Царю подобает быть воином», — гордо говорил Петр Алексеевич, и эти его слова выделяет А. С. Пушкин в своих подготовительных текстах к «Истории Петра».

Одним из следующих этапов в создании регулярной армии стал указ Петра от 5 января 1708 года о формировании новых полков путем выделения из имеющихся отдельных рот. Необходимость такого шага диктовалась, как минимум, двумя причинами. Война с Швецией показала, что против сильного противника, возглавляемого великим полководцем Карлом XII, необходима достойная контрсила, и по своему количественному составу, и по вооружению. Воюя со шведами, Петр Первый уверял, что те нас учат искусству воевать, но ученики скоро превзойдут учителей.

Поэтому основное свое внимание Петр стал уделять подготовке в русской армии полков, призванных вести не оборонительные, а наступательные действия. Январским указом было создано семь таких полков — три драгунских и четыре гренадерских.

Среди последних был будущий **13-й пехотный Белозерский генерал-фельдмаршала графа Ласси полк**, сформированный в местечке Бешенковицы, что расположено на Западной Двине, где к первым числам марта сосредоточилась русская армия, расположившись напротив шведских войск во главе с Карлом XII. Белозерцы именовались гренадерами.

Гренадерские полки являли собой большую ударную, наступательную силу, так как были вооружены, помимо ружей и штыков, ручными фитильными гранатами и даже ручными мортирками. В то время как обычный пехотный полк имел на вооружении 4-6 артиллерийских орудий, то гренадерский — до 12. Гренадерские полки придавались дивизиями и выдвигались на самые горячие участки сражений, их воины отличались отличными физическими данными и выносливостью. Мы и сегодня говорим о статном молодом человеке: «настоящий гренадер». Полки состояли из 8 рот, сведенных в два батальона, как и в других русских полках.

В иностранных армиях впервые гренадеры появились в Европе в годы Тридцатилетней войны (1618–1648 годы). Это были солдаты, обученные метанию ручных гранат. Как особый род войск гренадеры образовались в армии Франции с 1667 года. Гренадерные роты набирались в пехотные полки из самых рослых и храбрых солдат. Пример французов вскоре был использован в других европейских армиях. В России гренадеры с 1694 года имеются в «выборных» полках Гордона и Лефорта, а с 1699 года вводятся по примеру европейцев во всех пехотных полках.

Среди полковых соединений в дивизии генерала от пехоты князя Аникиты Ивановича Репнина значился и Шлиссельбургский пехотный полк, из которого, а также из семи других полков, согласно ука-

зу Государя Императора Петра Великого от 10 марта 1708 года, был сформирован в составе двух батальонов *гренадерский князя Репнина полк*. В его состав отчислено по одной гренадерской роте от полков: Шлиссельбургского, Бутырского, Нижегородского, Невского, Ярославского, Белгородского, Ямбургского и Тверского. Полк Репнина позднее был преобразован в Белозерский пехотный полк.

Так по воле Петра Первого продолжилась история белозерских дружин, и с 10 марта 1708 года началось их новое служение Отечеству.

Название пехотного соединения носило не только память о героических белозерских полках с Куликова поля, но и определенный территориальный смысл. «В 1711 году, — пишет А. А. Керсновский, — полки были расписаны по губерниям и содержались за счет этих губерний. Каждый полк имел свой определенный круг комплектования — провинцию, давшую полку свое имя. В Псковском полку служили псковичи, в Бутырском — солдатские дети Бутырской слободы (ныне известный московский район. — *В. Д.*), в Ингерманландском — жители северных новгородских пятин. Великий царь оценил всё значение столь развитого в русском народе чувства землячества (первой ступени патриотизма). К сожалению, после Петра на сохранение территориальной системы не было обращено надлежащего внимания, полки непрерывно меняли свои квартиры и свои округа комплектования, переходя из одного конца России в другой. К половине XVIII века система эта совершенно заглохла, и в результате Россия — единственная страна, имевшая в начале XVIII века территориальную систему, к началу XX века является единственной страной, системы этой не имевшей».

Замысел Петра Первого о территориальной системе комплектования, помимо своей сверхзадачи создания народной армии, где в одних рядах состояли бывшие крепостные крестьяне и офицеры из дворянского сословия, преследовал и вполне конкретную цель облегчить положение рекрутов, навсегда в те годы отторгавшихся от семьи, родных, от отчей земли. Тоска по привычной жизни, по родине приводила на первых порах комплектования регулярных войск к большому числу дезертиров. Так, к примеру, в Бутырском полку, одном из лучших в армии, с 1712 по 1721 годы бежал 361 рекрут. Пожизненная рекрутская повинность легче переносилась в земляческих войсковых соединениях.

Первым командиром Белозерского полка являлся полковник Тейлер. С 1709 года полком командовал будущий генерал-фельдмаршал, граф Ласси. В русской истории он известен как Петр Петрович Ласси.

Граф П. П. Ласси считается одним из самых известных командиров Белозерского полка. По этой причине, в память об отце-командире, 25 марта 1891 года полк был переименован в 13-й пехотный Белозерский генерал-фельдмаршала графа Ласси полк.

Краткой биографией П. П. Ласси открывается «История 13-го пехотного Белозерского полка» (Варшава, 1894), составленная Э. Мер-

жеиовским. Мы посчитали необходимым дать в приложениях к этой книге биографический очерк современного историка А. А. Шапрана, рассказывающий о героической судьбе и ратных деяниях этого незаурядного и когда-то славного полководца России, к сожалению, ныне почти забытого.

Белозерцев еще называли *Лассиевцы* по имени своего отца-командира. В этом тексте укажем только, что Петр Петрович Ласси родился 30 октября (9 ноября по новому стилю) 1678 года в ирландском городке Лимерик. Служил в европейских армиях, а с 1700 года по «петровскому призыву» приехал в Россию, начав службу в русской армии с чина поручика. Участвовал в Северной войне 1700–1721 годов, отличился в Полтавском сражении 1709 года. Первым со своим полком (Белозерским) вступил в Ригу и был назначен комендантом города. Там же он и скончался в 1751 году.

«Граф Ласси, — писал первый историк регулярного Белозерского полка Э. Мержеиовский, — занимает одно из первых мест между иностранцами, служившими под знаменами России в первой половине XVIII века. С гордостью говорит заслуженный ветеран времен Петра I в последние дни своей жизни, что «находился везде на воинских потребах, именно в 31 кампаниях, на генеральных 3 баталиях, в 15 акциях и 18 осадах и при взятии крепостей, где немало и ранен».

Трудно себе представить и в последующие века и в наши дни такой послушной список доблестного воина за 50 лет. Граф Ласси целиком посвятил себя ратному делу своей новой родины России, не вмешиваясь, подобно другим царским полководцам из иностранцев в «большую политику», всегда и везде отстаивая интересы только родной армии. «Отважно храбрый, — заканчивает пересказ его биографии первый историк Белозерского полка, — служивший военному делу по призванию, Ласси прошел курс боевой школы Петра I с замечательной последовательностью. Командуя сначала небольшими частями, он хорошо узнал русского солдата, имел над ним влияние, как ни один из иностранцев, и практически ознакомился с самыми разнообразными боевыми задачами. Столь счастливое сочетание природного таланта, высоких нравственных достоинств, замечательно правильное понимание обязанностей солдата-воина, любовь к военному делу и прекрасная боевая школа способствовали выдающимся достоинствам Ласси, как боевого генерала и организатора».

Благодаря таким полководцам, и, самое главное, благодаря таким русским солдатам, не заставили себя долго ждать и громкие победы. Петровские реформы привели, как пишет Л. Г. Бескровный, к тому, что «к концу XVIII века русская армия являлась лучшей среди армий абсолютистских государств Европы, она была свободна от формализма и шаблона, к которому привела система Фридриха II армии европейских абсолютистских государств».

ПОБЕДНЫЙ МАРШ

«Не множеством побеждают»

Петр Великий

Первым боевым крещением нового гренадерского полка стало, как говорили в старину, «дело у Головчино» (ныне Могилевская область Украины). Здесь наши командующие сосредоточили 30 000 войск, чтобы не допустить шведов к Днепру. В целом, результаты битвы, состоявшейся 3 июля, были для нас неутешительными: мы потеряли более тысячи убитыми и ранеными, 600 пленными и отступили на Оршу и Мстиславль, закрывая Карлу XII дорогу на Москву. Шведы, в свою очередь, не досчитались 1500 убитыми и ранеными.

Петр, прибывший в войска, был в гневе от того, что чуть было не потеряли всю армию (шведы не преследовали отступавших). Князя Аникиту Ивановича Репнина царь разжаловал в рядовые (!) и приказал ему из его личных средств возместить потерянные в бою пушки и обозы.

Между тем, гренадеры Белозерцы в своем первом сражении проявили себя с самой лучшей стороны, сдерживая наступление шведов у переправы через реку Бабич. Не раз они бросались в штыки, но мост не покидали, тем более, не бежали с поля битвы, как другие наши части. Белозерцы потеряли в первом бою 26 убитыми, 63 ранеными. 80 нижних чинов пропали без вести. Потери офицеров составили 12 убитыми и ранеными. Это были первые потери полка.

Чтобы понять дальнейший путь Белозерцев, стоит сказать об общей русско-шведской диспозиции, которая получила в истории название «Северная война 1700–1721 годов». Эта кампания со стороны России велась за возвращение русских земель, потерянных в предыдущей войне со шведами в XVII веке, и за выход к Балтийскому морю.

19 августа 1700 года мы объявили Швеции войну и уже осенью осадили крепость Нарву. В это время шведский король Карл XII заключил мир с Данией и перебросил свою отборную армию на помощь нарвскому гарнизону. Удар шведов по русским войскам был внезапен. Только гвардейцы Преображенского и Семеновского полков смогли остановить противника, чтобы вывести из-под огня всю русскую армию. Она чудом спаслась. На большее мы и не могли рассчитывать: сказывалась отсталость всего хозяйства страны, «неискусность», по верному слову Петра I, нашего войска.

Карл XII, решив, что с Россией покончено, пошел дальше войной в Польшу. Эту временную передышку Петр I использовал, как мы знаем, для реорганизации армии и флота, для активного военного строительства. И вскоре русские войска научились побеждать

грозного противника, одного из сильнейших в Европе, постепенно расчищая путь к Балтике, отвоевывая у него крепость за крепостью (в том числе знаменитый Орешек в 1702 году), освобождая от захватчиков старинные русские города. В 1703 году Петр I на берегу Невы заложил новую столицу России.

Не терял времени и Карл XII. Разбив войска польского короля Августа II, он вновь вторгся в пространства России. Стратегической целью шведов являлась Москва, которую предполагалось взять, разбив русскую армию в генеральном сражении — любимом «коньке» шведского полководца.

В середине 1708 года Карл XII занял Могилев и двинул свою 35-тысячную армию на Смоленск. Русские упорно сопротивлялись, изматывая противника в оборонительных и партизанских боях. В результате, шведы не выдержали и повернули на Украину, где рассчитывали получить, так им тогда необходимое, продовольствие, а заодно и помощь от турок, крымских татар и гетмана Мазепы, и уже оттуда через Брянск и Калугу вновь пойти походом на Москву. Но и на Украине их продолжали донимать бесконечными стычками наши войска, а местные жители повели с иноземцами вооруженную борьбу.

Шведская армия, насчитывающая 116 000 человек, была разделена на отдельные корпуса, разбросанные по разным направлениям. Когда Карл XII стал испытывать нехватку буквально всего для продолжения похода, он вынужден был запросить помощи у А. Левенгаупта, стоявшего со своим 16-тысячным отрядом в Прибалтике. Генерал Левенгаупт, имея при себе семь тысяч гужевого подвода с продовольствием и боеприпасами, двинулся на соединение с главными силами шведской армии.

Наши войска следовали за противником буквально по пятам или двигались с ним параллельно, имея точные сведения о его замыслах. Отряд Левенгаупта решено было разбить. Удачный момент для сражения представился у деревни Лесной.

Петр с отрядом в 12 000 человек вышел навстречу шведам и 28 сентября после 10-часового боя разгромил корпус неприятеля, захватив весь его обоз, орудия и 44 знамени. «Матерью Полтавской победы» назвал Лесную Петр Великий, и под впечатлением славной виктории простил и вернул всё Аниките Ивановичу Репнину.

«Значение “дела при Лесной”, — особо подчеркивает А. А. Керсновский, — было громадно, и, прежде всего, в моральном отношении. Это была первая наша победа над шведами в превосходных силах (вернее сказать, — с превосходящими нас силами: 12 тысяч русских сражались с 15 тысячами шведов. — В. Д.). Материальные ее последствия были тоже очень важны, она лишала шведов столь нетерпеливо ими ожидавшихся боевых и жизненных припасов — в частности, пороху. И под Полтавой шведская артиллерия будет молчать...».

Здесь самое время сказать о Карле XII (1682–1718). Шведскому королю, его жизни, сражениям посвящены сотни книг и исследова-

ний. Он по праву считается великим полководцем, но, как заметил современный нам историк, в итоге он разгромил свою же страну. Военный талант с политическим, как наш Петр Великий, он не умел совмещать.

Начало военных действий Карла XII было прекрасно. Юный полководец одержал ряд блестящих побед в самом начале Северной войны. Армия Швеции в эти годы славилась своей мощью и организованностью, маневренностью и отличной техникой штыкового боя.

Разгром корпуса Левенгаупта у деревни Лесной стал первым тревожным звонком, вернее, трагическим звуком походной трубы для Карла XII. Катастрофа не заставила себя долго ждать — случилась Полтава.

После поражения под Полтавой с 1500 воинами шведский король и свергнутый с пьедестала успешный полководец отсиживался в Турции, безуспешно стремясь натравить эту страну на Россию. Вернувшись в 1715 году на родину, Карл XII вновь принялся собирать под свои флаги армию и в 1718 году вторгся в Норвегию. Но здесь судьба ему окончательно изменила: пуля, пущенная из неизвестного мушкета, оборвала его храбрую и авантюристическую жизнь.

Великому шведу посвящена одна из лучших исторических миниатюр Валентина Пикуля, которая начинается так: «Король был прост. Сначала имел сервиз из серебра, потом цинковый, а под Полтавой ел из жестяной миски». Современников Карла XII удивляла его крайняя неприязнательность в быту, «некоролевский» аскетизм в походной жизни: он грелся в палатках от раскаленных ядер, не пил совсем вина, свой мундир не менял годами, в нем же он и спал, сапоги также не любил снимать. «Накануне Полтавской битвы, — рассказывает В. Пикуль, — король ввязался в дурацкую перестрелку с казаками* и был ранен: пуля вонзилась в пятаку и, пройдя через ступню, застряла между пальцев. Король сказал:

— Не в голову же! Вырежем пулю на славу...»

Такая лихость и беззаветность Карла XII отражалась на шведском войске. Будто вернулись летописные времена викингов!.. Шведы, пребывая в восхищении от своего командующего, покорно и не менее мужественно сносили жестокие тяготы военного быта: голод, зимовку в голой степи, постоянную нехватку пороха, боеприпасов.

К началу апреля 1709 года уставшая и сильно поредевшая от потерь армия шведов оказалась в окружении, со всех сторон ее теснили русские войска. По совету Мазепы Карл осадил Полтаву, надеясь, что Петр I придет на помощь своему гарнизону, то есть кинет и ему, Карлу, перчатку открытого боя. С другой стороны, король рассчитывал в случае успеха поживиться богатыми полтавскими запасами продовольствия и снаряжения. На войне, как на войне, — говорят французы.

* На самом деле, король, осматривая русскую диспозицию перед битвой, выскочил со своей конной группой на наш дозор.

Два месяца гарнизон Полтавы под командованием полковника А. С. Келина держал героическую оборону, отразив почти 30 атак неприятеля, и сам постоянно предпринимая вылазки из крепости. Позднее, вступая победителем в разблокированный город, Петр I снял перед полковником шляпу в благодарность за его воинское мужество.

Русский главнокомандующий, действительно, привел сюда свои полки, чтобы помочь осажденным. Его шведский противник в это время с отчаянием обреченного штурмовал Полтаву, теряя солдат, расходуя последние снаряды.

Двадцать седьмого июня началась Полтавская битва. Гениально о ней написал А. С. Пушкин. Со школьной скамьи мы помним эти строки, передающие нервные мгновения начинающегося сражения:

*Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как Божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком, —*

до последних победных аккордов сражения:

*Пирует Петр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего.*

Пушкин опустил в своем описании обязательный в то время молебен перед битвой и текст приказа, которым русские цари обычно напутствовали войска. Советские историки также об этом не писали, и чтобы представить русскую воинскую традицию, которая повелась с давних времен, коротко воспроизведем эпизоды подготовки к решающему сражению.

Петр прибыл к армии только 4 июня, когда она располагалась лагерем у села Крутой Берег. Узнав, как тяжело обороняется полтавский гарнизон, сколько сил ему на это требуется, командующий решил действовать немедленно.

Двадцатого июня русская армия переправилась через реку Ворсклу и расположилась в десяти верстах от Полтавы. Через пять дней русские приблизились еще на четыре версты ближе к осажденному городу.

Петр приказал на поле, единственно открытом к противнику и к Полтаве, построить шесть редутов, которые очень помогли нашим войскам в сражении. Редуты представляли собой четырехугольные земляные укрепления полевой фортификации, окруженные рвом и

валом, охранявшиеся пехотой и артиллерией. Они были выкопаны на расстоянии ружейного выстрела. Такая система укреплений была применена впервые в истории русского военного искусства. Она способствовала излюбленной тактике Петра — активной обороне и последующему за ней контрнаступлению. Линейное построение неприятельской армии в таком случае теряло свою наступательную силу.

Вскоре русская разведка донесла, что Карл XII назначил атаку на 27 июня. Петр отдал распоряжение в полдень 26 июня выстроить войска.

Далее процитирую поручика Э. Мержеиовского: «Объехав полки, встретившие любимого монарха долго несмолкаемым “ура”, он напомнил им об обязанностях воина по отношению к государству и Родине и поставил им в пример полковника Келина, отражавшего со своим слабым гарнизоном все попытки многочисленной неприятельской армии овладеть Полтавой, сошел с коня, и началось молебствие о ниспослании победы над врагом, по окончании которого войска были окроплены святой водой и им прочтен был отданный государем приказ.

Каждое слово этого приказа, дыша простотой и любовью к Отечеству, глубоко западало в душу воинов.

Приказ этот гласил следующее:

“Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за православную нашу веру и Церковь. Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которого ложь вы сами, своими победами над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении перед очами вашими правду и Бога, а о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего”».

Эти искренние и духоподъемные слова вместе со всеми слышали и два батальона гренадерского полка под командованием полковника П. П. Ласси*, входившие в дивизию «реабилитированного» князя А. И. Репнина.

Полтавская битва была сравнительно короткой: до рассвета шведы атаковали позиции русских, а в полдень они уже побежали.

Сначала под бой барабанов вперед пошла пехота неприятеля, за ней выдвигалась между пехотными батальонами конница. Шведы, как и предполагал Петр, увязли в боях за редуты, стали там нести большие потери.

Тогда Карл XII приказал колоннам пехоты и эскадронам конницы Расса и «пылкого», как писал Пушкин, Шлиппенбаха обойти препятствия с левого фланга. Противник оказался за русскими ре-

* К февралю 1709 года П.П.Ласси сменил на посту командира Белозерского полка полковника Тейлера.

дугами в окружении, и стал колоннами покидать место боя, оттягиваясь назад. Тут-то его и настиг сокрушительный удар кавалеристов А. Д. Меншикова, применивших такой же прием, как и засадный полк на Куликовом поле. Отряды Росса и Шлиппенбаха были добыты в соседнем лесу, а последний из генералов попал в наш плен.

В это время на центральном участке боя противник все-таки одолел русские редуты и вышел на русский укрепленный лагерь. Шведы не ожидали, что здесь их встретит столь яростный ружейный и артиллерийский залп. Не выдержав его, неся крупные потери, полки неприятеля также откатились к спасительному лесу.

Первый этап битвы был за нами, тактика активной обороны Петра блестяще оправдалась.

Чтобы разгромить шведов, Петр выстроил войска в две линии: в центре пехота, между полками и впереди артиллерия, на флангах конница, а тылу резерв пехоты. Таким наступательным порядком обеспечивался мощный удар по сломленному, но еще не сдавшемуся противнику. Теперь уже мы под бой барабанов с развернутыми знаменами двинулись в наступление. Но и Карл XII вывел все свои силы из леса, построив пехотные полки в одну линию с кавалерией на флангах.

В 9 часов утра начался второй, решающий, момент битвы: войска стали медленно сходиться. Русская артиллерия, подпустив шведов на пушечный выстрел, стала выкашивать их ряды. Но и здесь не струсилась самая сильная армия Европы! Шведы шли и шли мужественно вперед. Вновь откроем поэму А. С. Пушкина:

*В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падишим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся плеча.
Бросая груды тел на гряду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.*

И дальше знаменитое:

*Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть, и ад со всех сторон.*

В этом аду вместе с пехотинцами и кавалеристами сражался наш царь, бился с великим вдохновением и отвагой. Пуля пробивает ему шляпу, вторая бьет в крест на груди, срикошетив, третья попадает и застревает в седле. И видя такую отвагу и храбрость, все — от полковников до нижних чинов самозабвенно бились в одном с ним строю.

Два часа длилась смертельная схватка, и когда шведские фланги охватила русская кавалерия, противник, наконец, дрогнул и побежал обратно к лесу.

Всё! Победа была за нами! Спасавшихся шведов дорубил и взял в плен конный отряд Меншикова у Переволочны. Сдались без малого 14 000 человек!.. Одному Карлу XII с остатками своей «непобедимой» армии удалось переправиться через Днепр и уйти в Турцию.

Где же находились во время сражения Лассиевцы? Наш гренадерский полк наступал в центре второй линии, имея правее себя Астраханский и левее Киевский и Шлиссельбургский полки. Когда ударили в штыки, Петр Петрович Ласси, находясь впереди линии, был тяжело ранен в голову. Его успели вынести с поля боя.

«Так закончился второй период великой Северной войны, — подводит итог А. А. Керсновский, — период решительного единоборства Швеции с Россией, Карла XII с Петром Великим. Солдаты Петра завершили под Полтавой дело, начатое дружинниками Александра Невского на берегах Невы. И целых два столетия с тех пор нога нашего западного врага, германского завоевателя, не оскверняла русской земли...

«Все славяне, где только ни сходились с немецким племенем, покорялись ему, — пишет немецкий историк Коль. — Германский дуб гордо распускался на их развалинах, и они мирно почтили под его тенью. Был один день — и навсегда решилась бы судьба славянского племени, но этот день решил противное — это день Полтавской битвы. Петр Великий со своими русскими за всех славян одержал эту вечно славную победу».

Победа является первым днем великодержавности России, и весь великий XVIII век, век национальных устремлений — Россия праздновала день 27 июня».

В 2009 году исполнится ровно триста лет Полтавской битве, которая знаменовала собой рождение русской регулярной армии, победоносной на все последующие столетия.

* * *

Тринадцатого июля из лагеря под Полтавой Лассиевцы двинулись вместе с войсками генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева, который привел их под своей командой сюда, на осаду Риги.

СПРАВКА *: Борис Петрович Шереметев (1652–1719) — генерал-фельдмаршал с 1701 года, первый русский граф, командовал крупными русскими соединениями и армиями. Участвовал в Азовских походах Петра Великого, сражался со шведами в Лифляндии, захватив там несколько крепостей. Его военный гений рос вместе со своей армией. В 1702 году

* Не имея возможности подробно рассказывать о всех выдающихся русских военачальниках, под командой которых находился за 210 лет Белозерский пехотный полк, мы будем ограничиваться короткими справками о них.

Б. П. Шереметев возвратил России древние русские города Ямбург и Копорье. Именно он, пленец гнезда Петрова, прорубил тем самым «окно в Европу», чем помог своему Государю начать строительство Санкт-Петербурга.

Блестяще проявил себя в Полтавском сражении и при осаде Риги. Горожане вынесли русскому фельдмаршалу, как победителю, два золотых ключа от Риги более одного килограмма весом каждый.

Своего любимца Петр Великий похоронил с самыми торжественными почестями в Александро-Невской лавре Санкт-Петербурга.

Целью похода в Прибалтику было окончательное завоевание балтийского побережья. Гренадерский П. П. Ласси полк непосредственно, как и раньше, до Полтавы, входил в дивизию А. И. Репнина, которого Государь 6 июля удостоил орденом святого апостола Андрея Первозванного и богатыми поместьями. Офицеры-лассиевцы также получили за победу портреты Петра Великого, осыпанные алмазами, и золотые медали, а солдаты — серебряные медали и деньги.

Пехотная дивизия Репнина считалась одной из лучших в русской армии. В ее составе, в частности, были лейб-гвардии Преображенский и Семеновский полки, любимцы Петра. Им вместе с другими русскими частями предстоял длинный переход из Малороссии в Лифляндию. Дело привычное!.. Но князь Репнин решил переправить пехоту на судах, что и сделал, а обозы пустил сухим путем.

В ноябре русские, соединившись под командованием Б. П. Шереметева, осадили город. Прибыл Петр. На военном совете решили отложить штурм Риги до весны, установив блокаду города, и поручив ее отряду А. И. Репнина. Всю зиму русская артиллерия подвергала бомбардировке неприятеля, не давая ему покоя.

Гренадеры расположились на зимние квартиры, ожидая своей очереди для замены блокадных войск на позициях. Своим полком вновь командовал выздоровевший после ранения Петр Петрович Ласси.

В конце апреля решено было приступить к осаде, которая чуть не сорвалась из-за эпидемии чумы. Треть русской осадной армии погибла от страшной болезни.

Оправившись от эпидемии в конце мая, Лассиевцы совершили смелую атаку в предместье Риги и там укрепились, несмотря на отчаянные попытки шведов их отбросить. В эти дни русское кольцо вокруг города стало сужаться. Дело шло к штурму.

Б. П. Шереметев, жалея город и горожан, и зная, что в Риге тоже свирепствует чума, предложил шведам сдаться без боя. Те долго думали, но ответили отказом. Тогда русские возобновили бомбардировку, в том числе из предместья, где засели гренадеры Ласси. День и ночь продолжалась бомбардировка, пока шведы не выкинули белый флаг. На переговоры с ними Б. П. Шереметев отправил полковника П. П. Ласси и бригадира Чирикова, которым шведы подписали полную капитуляцию.

В «Журнале Петра Великого» так описано вступление в Ригу русских войск: «Впереди шел генерал от пехоты князь Репнин и генерал-лейтенант Остен. За ними шел гренадерский полк Ласси. За

ним несли наш морской флаг и при нем морской капитан Лобик с матросами. Далее следовали пехотные полки: Ингермаландский, Киевский, Астраханский, Сибирский, Казанский, Бутырский».

Вскоре полковник П. П. Ласси был назначен комендантом Риги. Именно он, храбрейший из храбрых, встречал с рапортом въезжающего в поверженную Ригу фельдмаршала Б. П. Шереметева.

Процедура капитуляции была торжественной и красочной. Она описана в книге Э. Мержеиовского: «Члены Рижского городского управления («магистрата») поднесли завоевателю на бархатной подушке два золотых ключа... Вслед затем началась салютационная пальба из всех, находившихся в городе и цитадели, пушек. При громе орудий и восторженных криках жителей Шереметев проследовал в Королевский замок, при входе в который он встречен был духовенством, старейшими гражданами и чинами «магистрата», произносившими приветственные речи. Затем в кирхе, находившейся во дворе замка, приведены были к присяге жители города.

По окончании присяги фельдмаршал вместе с генералитетом направился к городской ратуше, где в одном из зал устроена была эстрада, обитая красным сукном и на ней кресла с бархатными подушками, украшенными золотой сеткой и позументом, предназначавшиеся для фельдмаршала со свитой. Когда лица эти заняли приготовленные для них места, начался привод к присяге чинов «магистрата», после чего все шведские гербы, находившиеся на воротах крепости, Королевском дворце и иных местах, были заменены российским двуглавым орлом.

Вскоре фельдмаршал отправился обратно в лагерь и у себя со всем генералитетом банкетовали. На пир приглашены были некоторые шведские офицеры, оставшиеся верными Государю и находившиеся в Риге, а также и «шляхта».

Читая, как проходили эти почести, невольно поражаешься цивилизованным манерам, как победителей, так и побежденных. Они встретились в Риге, будто старые друзья, словно и не гремели день и ночь бомбардировки города, не уносила тысячами жертв чума... «Саталюционная» пальба в честь большой виктории и щедрое «банкетование» со «шляхтой» (сколько предстоит с ней бороться в дальнейшем Белозерцам!) и шведскими офицерами!.. Великодушные победителей...

А как же наши солдаты Лассиевцы? Нижние чины? И они не были забыты: «Отпущенная чарка вина вскоре заставила наших молодцов забыть все лишения, перенесенные ими в течение целого года походной жизни и стоянки в зараженной местности. Песни, музыка и пальба «для счастливого получения города Риги» из больших и полковых пушек, свезенных к ставке фельдмаршала, не умолкали далеко за полночь. Наконец, сон превозмог, и усталые весельем воины с радостными улыбками на лицах начали расходиться по палаткам. В этот день они узнали, что на их долю выпало счастье остаться вместе со своим командиром полковником Ласси защитниками покоренного города».

В 1710 году русские завоевали Лифляндию. В Финляндии нам покорились крепости Выборг на Финском заливе и Кексгольм на Ладожском озере, что обезопасило строящийся Санкт-Петербург. «Однако дальнейшие успехи русского оружия, — пишет А. А. Керсновский, — временно были приостановлены. Происки Карла XII в Турции увенчались успехом, и Порта в ноябре 1710 года объявила войну России».

* * *

Вновь Лассиевцы собрались в поход, недолго они отдыхали в Риге, помогая своему командиру устанавливать в городе порядок и наводить дисциплину. Лифляндский корпус, куда входил гренадерский пехотный полк П. П. Ласси, вместе со своим командиром 13 марта 1711 года уже был в составе армии фельдмаршала Б. П. Шереметева в Слуцке. Общее командование в Прутском походе осуществлял Петр Великий.

Лассиевцы, как и прежде, числились в составе дивизии А. И. Репина. 12 июня гренадеры прибыли к Днестру, где, переправившись через реку, встали до 22 июня лагерем у города Сороки. Поход к Яссам был для русских очень труден «от безводицы», как записано в «Журнале Петра Великого». Также «у многих солдат идучи кровь гортанью от зною и жажды так, что от того падали помирали, а иные отворением жилы спасались, понеже жары великие были».

Турки в это время перешли Дунай. Начались боевые стычки, пока наши не встретились с армией противника на реке Прут 9 июля 1711 года. Полк П. П. Ласси в сражении не принимал участия, находясь в лагере русских войск.

«Участь России была в тот день в руках великого визиря, — пишет А. А. Керсновский. — Даже если бы русским удалось пробиться сквозь кольцо врагов, отступление обратилось бы для них в катастрофу; все переправы через Прут были в руках турок, остатки армии очутились бы в Молдавии, как в мышеловке, и их постигла бы участь шведов у Переволочны».

Величие Петра сказалось в эти трагические минуты в полном блеске. Готовясь к последнему бою, он заготовил указ Сенату: в случае пленения, его Государем не считать и его распоряжений из плена не выполнять.

Но Бог хранил Россию. Визирь Балтаджи-паша согласился на переговоры... Россия по Прутскому договору возвращала Турции крепость Азов с его округом и обязывалась срыть укрепления на Днепре и Дону и Таганрогскую крепость. Кроме того, Петр обязывался не вмешиваться в польские дела и давал Карлу XII пропуск в Швецию.

Трудно представить себе, что было бы с Россией, если бы Петр погиб на Пруте. При несчастном Алексее Петровиче (наследнике) ей бы пришлось пережить новое смутное время. Все старания и достижения Петра пропали бы даром...».

С Прута дивизия князя Репнина дошла к 13 августа до города Острога в Волынской губернии и получила приказ дожидаться проезда Карла XII через Польшу, а затем следовать в Смоленск на зимние квартиры.

* * *

Из города Острога гренадерский полк выступил 29 января 1712 года, получив пополнение рекрутами. Рекруты набирались в десятки тогдашних великорусских губерниях. В армию шли служить на всю жизнь. Полк становился для рекрута и домом, и семьей, и кровом, и горем, и радостью... Полковое товарищество являлось большой дисциплинирующей силой. Традиции полка были для сослуживцев святы. Земляки обычно попадали в один полк. Так легче переносилось тяжелое бремя солдатчины. «Русский солдат петровских времен, — пишет А. А. Керсновский, — навсегда противившийся с семьей во имя службы России, являл собою пример стойкости и терпения, верности и самоотречения, каких не знают другим народам. И благодарная Россия сохранит его образ в своем сердце навеки».

Полк П. П. Ласси состоял из 2 батальонов и 176 рот, общая численность его составляла 1482 человека всех чинов. В штате полка имелось 4 штабных офицера, 34 обер-офицеров, 80 унтер-офицеров и рядовых 1152 человека. Полковую музыку представляли 8 гобоистов и 16 барабанщиков. Кроме того, в штатах числилось 28 нестроевых, 24 мастеровых, 80 извозчиков (они же обозные) и 56 денщиков.

Гренадеры П. П. Ласси с большим хозяйством полка уверенным маршем продвигались в Померанию, чтобы помочь союзникам русских Дании и Польше сокрушить оставшиеся там шведские силы.

Полком командовал полковник де Бриньи, сменивший П. П. Ласси, который после Прутского похода произведен был в бригадиры (средний чин между полковником и генерал-майором) и оставлен на службе в дивизии А. И. Репнина. Знакомая нам дивизия вместе с приданными ей Преображенским и Семеновскими полками вошла в армию под начальством фельдмаршала князя А. Д. Меншикова.

СПРАВКА. Александр Данилович Меншиков (1673–1729) командовал соединениями в ходе Северной войны, президент Военной коллегии, первый губернатор Санкт-Петербурга. Гроссмейстер русской кавалерии. В 1693 году служил бомбардиром, то есть простым рядовым артиллеристом Преображенского полка. Карьера его была стремительна. А. Д. Меншиков сопровождал Петра I в поездках по России и в Азовских походах. В 1704 году произведен в генерал-майоры. В годы Северной войны в 1706 году разбил корпус шведского генерала Мардефельда при Калише. В 1708 году при Лесной, командуя конницей, внес один из главных вкладов в победоносное сражение, «матерь Полтавской баталии». В 1709 году одержал победу под Опошной. В битве под Полтавой Меншиков сначала командовал авангардом, а затем левым флангом. За эту победу произведен в генерал-фельдмаршалы — в высший военный чин, носивших который в России было наперечет. Итак, за 16 лет жизни Александр Данилович, один из ярчайших представителей Петровской эпохи, «птенец гнезда Петрова»,

прошел путь от рядового до «его высокопревосходительства» фельдмаршала русских войск. В 1709–1713 гг. командовал войсками, освобождавшими от шведов Польшу, Курляндию, Померанию, Гольштейн. Во время отъездов Петра возглавлял управление страной. После кончины Петра Великого оказал решающую поддержку Екатерине I в утверждении ее на престоле. В 1727 году стал генералиссимусом. В том же году обвинен в государственной измене и хищении казны и с самых высот власти вместе с семьей сослан в Березов.

Русские в июле осадили крепость Штетин, но без осадной артиллерии решили не рисковать, понадеявшись (в который раз!) на союзников, которые должны были подтянуть к Штетину осадные орудия, но так этого и не сделали (опять-таки в который раз!).

До конца 1712 и начала 1713 года наши войска вели наступательные действия, не встречая большого сопротивления противника, и в январе вступили в Гольштейн. Сюда же прибыл Петр Великий. На военном совете с союзниками 29 января было решено направиться к Фридрихштадту и атаковать в нем шведов. Петр вместе с двумя батальонами Преображенского, Семеновского и гренадерского под командованием де Бриньи полков дошел до Швабштедта и приказал по плотине наступать на шведские позиции. Первыми пошли в бой Лассиевцы, успешно преодолев укрепления противника. Передовой отряд шведов был наголову разбит, а за этим последовало их бегство из Фридрихштадта, в который русская армия вступила 1 февраля.

Необходимо отметить, что во всех этих многочисленных боевых действиях на европейском театре войны Лассиевцы были в числе самых храбрых и смелых воинов, они беспрекословно выполняли приказы и команды Петра I, А. Д. Меншикова, своего дивизионного командира князя Репнина и полковника де Бриньи.

В июле гренадеры, вернувшись в Померанию, осадили крепость Штетина. Готовя редуты, им приходилось постоянно отражать вылазки противника. Во время одного из таких боев 25 июля был ранен полковник де Бриньи.

На сей раз союзники доставили к Штетину осадную артиллерию и вместе с постоянными атаками русской пехоты, прежде всего, гренадеров Ласси вынудили сдать гарнизон крепости. Защитников крепости было 4200 человек, треть из них перебита, сдалось 2800.

Лишь в начале апреля 1714 года Лассиевцы вернулись на свои зимние квартиры в Смоленск.

Однако Северная война еще не закончилась. Неугомонный Карл XII, вернувшись на родину, вновь начал готовиться к продолжению военных действий. Лассиевцы и здесьгодились: то они походным маршем выдвигались в Польшу, то на датских кораблях перебрасывались в Копенгаген, то зимовали в Мекленбурге. Гренадеры вернулись в Россию лишь в начале 1719 года, следуя в Ревель, но срочно были переброшены на галерном флоте адмирала Апраксина к восточному шведскому берегу и поступили, вернее сказать, вернулись под начало своего отца-командира П. П. Ласси, носившего звание генерал-майора, в его десантный отряд.

Гренадеры, подобно будущей морской пехоте, действовали на шведском побережье смело и активно. Вот одно только сообщение: «Высадив с галер гренадерский своего имени полк, Ласси повел его против неприятеля, ретировавшегося в лес и засевшего в нем в засеках. Взятые в первой схватке пленные показали, что шведов находится в эти места два полка под командой генерал-майора Шиха. Не останавливаясь перед численным превосходством неприятеля, будучи уверенным в мужестве и храбрости своего полка, Ласси смело направился против неприятеля, который, не выждав нападения и выстрелив из имевшихся пушек, обратился в бегство к недалеко находившимся железным заводам, где располагался Ших с остальным отрядом. Ласси последовал за ним, но неприятель бежал и оттуда. Предав завод огню, Ласси вернулся к галерам».

Перезимовав в Ревеле, в 1720 году гренадеры вновь добивали шведов на их же территории под командой Ласси. «Поход этот, — пишет историк Белозерского полка, — не стоивший России ни малейших жертв, обессмертивший имя Ласси и принесящий огромные материальные выгоды, был главной причиной окончания войны, известной в истории под названием «Северной».

Русский флаг развевался от Выборга до Риги!

По заключению 30 августа 1721 года Ништадского мира гренадерский Ласси полк был переведен на квартиры в Ригу, которую они в ходе этой войны доблестно штурмовали, и где праздновали одну из самых замечательных своих побед. Комендантом города назначили выздоровевшего после ранения полковника де Бриньи. В этом же году П. П. Ласси произведен был в генерал-лейтенанты за оказанные им в ходе военных действий в Швеции отличия.

Закljučая свой рассказ о долгой Северной войне и о квартировании гренадеров, Э. Мержеиовский пишет: «Здесь они вполне успели отдохнуть после трудов походной жизни. В Риге расположено было 14 полков, главной обязанностью которых было несение караульной службы и отчасти производство крепостных работ. Поэтому служба была не обременительна».

Что ж, Лассиевцы мирную жизнь заслужили, как мало какая другая военная часть. Во время стоянки в Риге полк был 10 мая 1721 года переименован в «пехотный», в составе которого оставалась одна гренадерская и семь фузелерных рот. Фузелеры, они же пехотинцы, солдаты, мушкетеры, были вооружены фузеями — гладкоствольными дульнозарядными кремневыми ружьями, в начале XVIII века заменившими мушкеты. 28 февраля 1731 года полк был переформирован в 8 фузелерных рот с распределением в каждой по 16 гренадер, которые в случае надобности сводились в одну гренадерскую роту — 9-ю. Штат полка в мирное время насчитывал 1407 человек, в военное — 1537 человек.

Шестого ноября 1727 года полк был вновь переименован. На сей раз он стал называться «**Белозерский пехотный**», каковым он и вошел в историю Вооруженных Сил России. Белозерцы считались украшением русской пехоты.

* * *

Ушло в прошлое славное время Петра Великого. Царь, как о том единодушно говорят российские историки, гениально совмещал в себе лучшие качества политика, стратега и тактика. Он стоит в одном ряду с такими именами, как Фридрих II, Наполеон и И. В. Сталин.

Император, создатель русской регулярной армии, ввел не только крестьянскую и мещанскую рекрутчину, но обязательную, личную и пожизненную, службу дворян. Принудительный характер воинской повинности, защиты Отечества, резко отличался от наемно-вербовочной системы европейских стран.

В 1733 году Белозерцам, расквартированным в Риге, и впервые получившим долгую передышку от ратных дел, вновь предстояла возможность постоять за интересы России, выступить в поход в Европу. Отсель, из Риги, вспоминая поэта, мы стали грозить, на этот раз полякам.

В тот год скончался польский король Август II, наш союзник в Северной войне. Сейм вместо того, чтобы избрать королем наследника Августа III Саксонского, избрал русофоба Станислава Лещинского, ставленника Франции. Отношения России и нашей союзницы Австрии с Польшей резко обострились.

Императрица Анна Иоанновна направила из Риги в Польшу корпус П. П. Ласси, ставшего к тому времени генерал-фельдмаршалом. В составе корпусе был и Белозерский полк. Без боев отряд Ласси овладел Литвой и Курляндией и в двадцатых числах сентября подошел к Висле, встав в предместье Варшавы — Праге. На польский престол был избран Август III Саксонский, а Лещинский сбежал из Варшавы в Данциг, прося помощи у своего зятя, французского короля Людовика XV.

В конце года Ласси пошел на Данциг, оставив в Польше часть своего отряда, в том числе и Белозерский полк. Четыре месяца длилась осада Данцига, в котором сосредоточилось 20-тысячное войско, состоящее из шведов, французов и поляков. 8 июля 1735 года Данциг сдался.

Франция использовала борьбу за польское наследство для начала военных действий против России и Австрии. Белозерский пехотный полк, простояв до июня 1735 года в Польше, двинулся вместе с Тобольским и Нарвским полками в Австрию на соединение с корпусом под командованием любимого своего командира П. П. Ласси и, соединившись, одним отрядом пошли на Нюрнберг. «До сих пор поход совершался благополучно, — доносил в столицу Петр Петрович Ласси, — солдаты в пропитании нужды не имели и жалоб ни от кого на войско не приходило. В здешних краях очень удивлены, что многочисленная армия содержится в столь добром порядке; из дальних мест многие приезжают смотреть наше войско...»

Полки дошли далеко, до Рейна, куда русский солдат попал впервые. Знамя Белозерского пехотного полка развевалось в центре ны-

нешней Германии. Но корпусу Ласси в «делах» так и не пришлось участвовать. Французы заключили перемирие, а потом и мир с двумя империями, после которого Белозерцы вернулись в Польшу и расположились на зимних квартирах в Кракове.

Зимовать им в древней столице Польши пришлось недолго: началась Первая турецкая война (1736–1739 годы), вызванная намерением императрицы Анны Иоанновны уничтожить унижительный Прутский договор и наказать крымских татар, подвластных Турции, от набегов которых сильно страдала Малороссия.

В феврале 1736 года Белозерский полк двинулся из Польши на Украину. Он шел в составе корпуса генерала Кейта (генерал-фельдмаршал Ласси с отрядом отправился осаждать крепость Азов). В местечке Цариченки корпус Кейта соединился с другими войсками под начальством графа Б.-Х. Миниха.

Русская армия двинулась к Перекопу. В это время Азов штурмовал корпус фельдмаршала П. П. Ласси, овладевший этой крепостью 20 июля. Петр Петрович был в этом сражении легко ранен.

Пока Ласси осаждал Азов, Миних вел свою армию одним большим каре к перекопским линиям. Построение войска, оцетинившегося штыками, служило хорошей защитой от крымской конницы и оберегало огромный русский обоз — в 40 тысяч телег.

Двадцать первого мая Миних штурмовал Перекоп и, сбросив с линий противника, открыл русским войскам прямую дорогу в Крым. На полуострове русская армия твердо и смело шла вперед, испытывая в то же время немалые лишения, главным образом, от недостатка питьевой воды. 5 июня был взят Козлов (нынешняя Евпатория), где захвачена большая добыча.

Здесь Миних проявил хитрость, распустив слух, что русские решили вернуться обратно на Перекоп, а сам неожиданно для татар пошел на Бахчисарай, столицу ханства. 16 июня пал Бахчисарай, осиное гнездо крымских татар, которые отсюда столетиями совершали набеги на русские земли, грабили их, уводили наших предков в рабство на невольничьи рынки. Чтобы никогда больше отсюда не исходила эта угроза, Миних сжег Бахчисарай. Только после этого русская армия отошла за Перекоп.

Трехмесячный победный крымский поход стоил нам больших потерь, главным образом, от болезней, сильнейшего утомления, отсутствия питьевой воды, жары. Из строя выбыло 30 000 человек, почти половина армии, хотя потери в боях составили лишь 2000 человек.

Миних, отходя, разрушил крепость Перекоп и всю линию обороны и отбыл к российским границам. Армия зимовала в селениях по Днепру. Белозерцы расположились в Белгороде.

Турки, вступив с Россией в войну, в феврале 1737 года со 100-тысячной армией перешли Днепр и двинулись к Полтаве. Фельдмаршал П. П. Ласси, собрав с зимних квартир свои войска, двинулся им навстречу, но турки быстро ретировались обратно за Днепр. Главным фронтом они считали для себя австрийский, ради которого Турция собрала в Бессарабии и на Дунае 200-тысячную армию.

Миних убедил императрицу Анну Иоанновну действовать в войне раздельно: австрийцы сражались в Сербии, русские — в Новороссии. Россия воевала с противником двумя армиями. Главная армия Миниха в количестве 70 тысяч человек с 656 орудиями должна была перерезать сухопутные сообщения Крыма с Турцией, овладеть Очаковым, затем взять Бендеры и идти на Дунай. Армия П. П. Ласси с 40 000 человек шла на Крым.

Белозерцы вновь наступали вместе с генерал-фельдмаршалом Б. К. Минихом. «Следя за движением Белозерского пехотного полка, — рассказывает полковой историк, — мы видим его в составе дивизии Румянцева 18 мая на реке Омельник, где он простоял вместе с прочими войсками армии до 21 числа; затем 27-го переправляющимся через реку Ингулец; 5 июня у реки Сугоклеи; 9-го у реки Мертвые воды, где войска вследствие проливных дождей, сделавших переправу невозможной, простояли до 14 июня; далее 17-го числа переправляющимися через реку и, наконец, 29 июня у Очаковских стен».

Второго июля русские штурмом взяли Очаков. Миниху помогло мастерство русских артиллеристов, которые метким осадным огнем подорвали городские пороховые склады. В то время как русские пехотинцы, отступая, гибли под саблями турок, бросившихся из крепости в контратаку, в самом Очакове началась паника от взрывов пороховых складов и страшных пожаров. Турки капитулировали.

Миних оставил в крепости 9-тысячный гарнизон, в который входил и Белозерский полк, и отступил на Украину. Вновь, как в походе на Крым, русские войска гибли от эпидемий, случилось и другое несчастье — массовый падеж гужевого скота. Армия пребывала в плачевном состоянии, но все-таки была в относительном порядке отведена на Днепр, где в конце сентября была распущена на зимние квартиры.

Когда Миних покинул разрушенный Очаков, турки решили вернуть крепость себе. В начале октября у русских укреплений появилась сначала турецкая эскадра, затем и пехота неприятеля в количестве 40 000 турок и татар (против гарнизона в 5000 человек). Начался штурм, продолжавшийся три недели. Белозерцы вместе с другими полками показывали чудеса героизма и отваги. Много раз они отбивали атаки осаждавших, выходили им навстречу в штыковую. В крепости почти не осталось строений, всё было сметено турецкой артиллерией.

Защитники гарнизона находились за крепостными валами и в редутах. Каждый день следовали турецкие приступы, и все они с кровью и жертвами отбивались. Наконец, турки, поняв, что малочисленный гарнизон крепости не сдастся и продолжит оказывать героическое сопротивление, бесславно покинули свой лагерь.

Белозерцы потеряли много людей, самых смелых, храбрейших. История сохранила их имена, с благодарностью их назовем: капитан Куприянов, капитан Соболев, поручик Колесников, поручик Прыгунов... Погибли многие солдаты, оставшиеся безвестными.

Оборона Очакова стала одной из самых доблестных страниц в истории Белозерского полка. Будем помнить и мы об этом подвиге Белозерцев!

В Очакове русские полки находились до 1739 года, теряя свой личный состав не по причине новых атак неприятеля (турки больше не штурмовали крепость), а вследствие страшных моровых эпидемий. Наконец, Миних сжалился: приказал стереть с лица Очаков и идти полкам в Запорожскую Сечь, где поступить под начало отца-командира Белозерцев П. П. Ласси. И сразу же после заключения в том же году мира с Турцией, Белозерский полк в составе дивизии генерал-майора Румянцева* вернулся в Лифляндию на свои постоянные квартиры.

По штатному расписанию на 11 декабря 1741 год полк насчитывал 1557 человек: штабс-офицеров — 3, обер-офицеров — 36, унтер-офицеров — 40 капралов — 38, рядовых — 1280, гобоистов — 9, барабанщиков — 25, нестроевых — 28, мастеровых — 14, извозчиков — 24, денщиков — 60. На 27 января 1747 года полк приведен был в состав 3 фузелерных батальонов с одной гренадерской ротой и по штату имел 2229 человек. На 1 июля 1753 года каждый батальон переформирован был в одну гренадерскую и 4 фузелерных роты и числил 2859 человек.

* * *

Итак, «простояв, — как пишет историк полка, — 17 лет в Лифляндии близ Дерпта, где в то время расположены были лучшие войска русской армии, Белозерский полк в конце 1756 года начал готовиться к участию в новой войне, известной в истории под названием «Семилетней», в которой приняли участие, с одной стороны, Пруссия и Англия, и, с другой — Россия, Австрия, Франция и Саксония».

В 1757 году в войну вступила Россия. Русская армия под командованием генерал-фельдмаршалом С. Ф. Апраксина перешла границы Восточной Пруссии, наступая на Кёнигсберг (современный российский Калининград). Белозерский полк входил в состав дивизии графа Шувалова 1-го корпуса генерала Лопухина.

В дивизию, кроме Белозерцев, входили также полки: 1-й и 3-й гренадерские, Санкт-Петербургский, Воронежский, Новгородский, Выборгский, Бутырский, Псковский, Ростовский, Архангелогородский и Апшеронский. Белозерский полк состоял из трех мушкетерских батальонов с двумя гренадерскими ротами. К 30 апреля 1757 года полк переведен был в Ригу, хорошо знакомую прежним Белозерцам.

С. Ф. Апраксин наступал двумя колоннами. Дивизия графа Шувалова под общим начальством генерала Лопухина находилась в ле-

* В состав дивизии входили три драгунских полка — Каргопольский, Пермский и Тобольский и четыре пехотных — Белозерский, 1-й Московский, Муромский и Бутырский.

вой из них. Из Ковно, соединившись, обе колонны направились к реке Неман и перешли 21 июля границу с Восточной Пруссией.

Прусская армия при великом полководце Фридрихе II (годы правления с 1740 по 1786) считалась в Западной Европе одной из лучших, насчитывая до 200 тысяч человек. Почти половину ее составляли наемники. Прусская военная система отличалась педантизмом и муштрой, слепым повиновением и механическим исполнением. «Не рассуждать» — было главным ее условием.

Фридрих II ввел в наступательном бою, так называемую, косую атаку, когда линейный строй усиливался на одном из крыльев, пытаясь охватить в бою с фланга неприятеля. Прусский король использовал так же и другие тактические новинки, в частности, введя по примеру армии Петра I конную артиллерию. Если пруссаки успешно вели боевые действия с союзниками России, то с нашей армией терпели одной поражение за другим. И не случайно: наемники не обладали замечательными качествами русских солдат и офицеров. Последние всегда вели бой творчески, на полной самоотдаче, их героизм не знал пределов, часто использовалась рукопашная схватка, от которой, как от чумы, бежали иностранные наемники.

В походе на Кёнигсберг Белозерский полк входил в авангард генерала Сибильского. Русским корпусам противостояло войско под командованием генерал-фельдмаршала Х. Левальда. 19 августа недалеко от Кёнигсберга, у деревни Грос-Егерсдорф, произошло сражение двух армий.

Наши войска были атакованы противником в самый неподходящий момент, когда они были на марше. Прусская армия имела организационное и огневое превосходство, нанося главный удар по дивизии генерала В. А. Лопухина, не успевшей закончить боевое построение. Сам Лопухин, тяжелораненый, попал в плен, но был отбит гренадерами и умер от ран на их руках.

Авангард генерала Сибильского в это время успел построиться в боевой порядок, где Белозерцы были поставлены в центре. Донские казаки, приданные авангарду, хитростью выманили противника на нашу пехоту и артиллерию. Подскакав к передовой линии фланга, донцы круто повернули назад. За ними бросилась конница принца Голштинского с драгунами дивизии Шормлемера, подставив себя под сильнейший огонь наших войск. Пруссаки бросились обратно, но тут донцы перерубили их всех до одного.

Левый фланг противника обнажился, а правый, видя разгром, побежал. Так закончилась Грос-Егерсдорфская битва, принесящая еще одну громкую победу Белозерскому полку вкуче со всей русской армией. За это победное сражение, каких по словам одного очевидца, «по жестокости еще не бывало в Европе», отдельные офицеры Белозерского полка получили повышение в чинах. К примеру, подполковник Андрей Писарев был произведен в полковники и назначен командиром Низовского полка.

Но беды, связанные с эпидемиями, вновь стали преследовать славных молодцов из русских полков. В 1757 году от болезней, в ос-

новном, оспы, погибло в 8,5 раза больше солдат, чем на полях сражений. Апраксин вернул армию в Литву на зимние квартиры. Белозерцы вместе с Ладожским полком расположились в городе Лавкове, а в ноябре перешли в местечко Тверь.

Недолг был в эти годы мирный отдых солдата и офицера. 4 декабря русская армия, а вместе с ней и Белозерский полк, вновь направились в Восточную Пруссию. Сражений в 1758 году не происходило. Русские войска заняли всю Восточную Пруссию, а конница П. А. Румянцева без боя вступила в Кёнигсберг.

В 1759 году главнокомандующим русской армии был назначен П. С. Салтыков.

СПРАВКА. Петр Семенович Салтыков (1698–1772)* — командовал русской армией в 1759–1760 гг. в ходе Семилетней войны. Начал службу в 16 лет рядовым гвардейского полка. Петр Великий отправил его во Францию учиться мореходному делу. В 1734 году стал генерал-майором. Участвовал во взятии крепости Данциг в 1734 году и боях со шведами в Финляндии в 1742 году. В 1758 году в Семилетней войне брал Кёнигсберг, за сражение при Корндорфе произведен в генерал-аншефы. В июне 1759 года назначен командующим русско-австрийскими войсками, одержал ряд славных побед.

Русские войска, соединившись с австрийским корпусом, под предводительством П. С. Салтыкова, рассчитывали взять Франкфурт-на-Одере и затем прусскую столицу Берлин. Фридрих II с армией в 48 тысяч человек и 240 орудиями решил дать генеральное сражение.

Битва произошла 1 августа у деревни Кунерсдорф близ Франкфурта, который к тому времени сдался нашим войскам. С нашей стороны в битве участвовало 41 тысяча русских войск и 18 тысяч австрийцев под командованием Т. Э. Лаудона при 248 орудиях.

Белозерцы, находясь в авангарде генерала Вильбуа, вновь были поставлены в центре второй линии.

Фридрих II начал сражение в 11 часов своей любимой косою атакой, направив удар против левого фланга союзников, где стояли русские войска. При большом численном преимуществе пруссаки захватили высоту Мюльберг. Отсюда, построившись в узкую колонну, пехотинцы противника намеревались продольным ударом отеснить армию Салтыкова к Одере. Порядок построения лишил пруссаков возможности вести залповый огонь по широкому фронту, им пришлось идти в штыковую атаку, где русские были знатными мастерами.

Продольный натиск захлебнулся, и Фридрих II перенес свой главный удар на центр расположения боевых порядков союзников. Ударами пехоты и кавалерии король предполагал захватить их в клещи, но и здесь его план провалился. Лучшая в Европе конница

* Интересен следующий факт: Салтыковым до 1785 года принадлежало богатое село Кубенское на побережье Кубенского озера в Вологодском уезде.

генерала Ф. В. Зейдлица была отражена контрударом русской кавалерии. Пехота противника завязла в четырехчасовом бое на центральной высоте. Все попытки смять обороняющихся разбивались о героическую стойкость союзных, прежде всего, русских войск.

Уставшие пруссаки к вечеру расстроили свои боевые порядки и, так как не могли самостоятельно ориентироваться в бою и принимать решения, боясь палки капрала больше, чем огня неприятеля, оказались неспособны к дальнейшей борьбе. Перелом в битве наступил, когда Г. Э. Лаудон со свежими австрийскими силами ударом с правого фланга окончательно смял войска противника. Тот побежал с поля боя. Разгром хвалёного Фридриха II был полным: его армия просто разбежалась, оставшихся при короле под ружьем было всего 3 тысячи человек.

Белозерцы находились во время сражения в самом его пекле, хотя принимали участие в боевых действиях непродолжительное время. Полком командовал с 1758 года полковник барон Шульц. На высоте Мюльберг он препятствовал пехотной колонне пруссаков расцечь армию Салтыкова продольным ударом.

Белозерский полк потерял в кровавой схватке штыкового боя убитыми и ранеными 26 офицеров и 700 солдат. «Наши россияне дрались в сей раз с величайшим ожесточением и запальчивостью, — рассказывал участник событий Андрей Болотов. — Пруссаки писали о них после, что русские ложились целыми шеренгами и давали возможность переходить через себя, как чрез побитых и мертвых, а потом вскакивали и стреляли по ним сзади».

Андрей Тимофеевич Болотов — известный русский писатель, автор знаменитой книги «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1737–1796 гг.». Его отец служил подпоручиком в Белозерском гренадерском полку. «Из сего полка, — пишет сын, — при случае сочинения третьего гвардейского полка взят был тем же чином в Измайловский полк, в котором служил он до 1740 года, и почти до самого того времени, как я родился». Поясним, что речь идет об учреждении Измайловского гвардейского полка, в который набирали лучших воинов, в том числе, как видим, и из Белозерского полка, что лишний раз говорит о его высокой боеспособности.

А. Т. Болотов приводит и любопытный документ, оставшийся в семейном архиве с тех времен, когда его отец служил в Белозерском полку: «Вся достопамятность состоит в том, что я нашел один ордер, данный отцу моему от Петра Великого, сего славного и беспримерного в свете монарха, подписанный собственной его рукой. Мой отец был в то время еще армейским подпоручиком и послан был из Риги от самого государя для отвоза жнецов немецких в наши степные места». Интересный, кроме всего прочего, факт заселения наших южных пашен немецкими колонистами, задолго до Екатерины II.

Заканчивая с Болотовыми, укажем, что отец А. Т. Болотова, став полковником, командовал Белозерским полком. В Рождественском

соборе Выборга он был похоронен. О церемонии похорон также поведал автор записок: «Весь полк был в параде, а знатный деташементъ (отряд) последовал за гробницей от самой квартиры до соборной церкви, где назначено его похоронить... Могила выкопана была в левой стороне находящаяся. Сие обстоятельство замечаю я для того, чтобы в случае, если судьбе будет угодно завести в сей город когolibo из детей или потомков моих, могли бы они безошибочно отыскать то место, где покоятся кости и прах сего их предка, достойного того, чтобы оросили они оное своими слезами».

Битва при Кунерсдорфе стала крупнейшей в Семилетней войне и одной из самых славных побед русского оружия в XVIII веке. Каждый рядовой за нее был пожалован шестимесячным окладом, не забыты были и наши союзники австрийцы. Все участники сражения были награждены специальной медалью с надписью «Победителю над пруссаками».

* * *

С зимних квартир Белозерский полк, полненный рекрутами и вооружением, в составе дивизии графа Румянцева в мае-июне 1760 года двинулся к сборному месту русской армии в польском городе Познани. В этом году не велось сколько-нибудь значительных военных действий; наши войска взяли без боя столицу Пруссии Берлин.

Главкомандующий граф Салтыков 16 октября распустил свою армию на зимние квартиры в Польшу.

Используем передышку, чтобы рассказать о русской армии в более широком плане.

Перед Семилетней войной с воцарением на престоле в 1741 году дочери Петра Великого Елизаветы Петровны в армии начали возрождаться петровские порядки, расстроены в предыдущее время. Основой военного комплектования был, как и прежде, рекрутский набор. Дворянам с 1736 года снизили срок службы с пожизненно до 25 лет. Сухопутная армия насчитывала 331 тысячу человек. Пехота включала в себя 46 армейских и 3 гвардейских полка (в 1730 году учрежден третий гвардейский полк — Измайловский, наряду с преображенцами и семеновцами). Армейский полк состоял из 3 батальонов, батальон — из 4 мушкетерских (по 144 рядовых и 6 унтер-офицеров) и одной гренадерской роты. Имел свою артиллерию в составе 4 орудий. На вооружении пехотинца было ружье со штыком и шпага. Гренадеры, как и прежде, вооружались ручными гранатами.

Войсками руководила Военная коллегия, а с 1756 года была образована Конфедерация при императорском дворе для ведения боевых действий в годы войны.

Войска по традиции снабжались через специальные магазины и путем закупок продуктов у населения. Разрешалась и реквизиция. Запас продовольствия был рассчитан на месяц и содержался при походах в обозах. Каждый солдат имел четырехдневный запас суха-

рей. В 1755 году введены новые уставы, один из них — «Описание пехотного строя» — предусматривал тактической основой всё тот же линейный строй, шире внедрял телесные наказания, придавал большее значение отработке ружейных и строевых приемов и пр. Сражение начиналось артиллерией, при сближении с противником на ружейный выстрел пехота открывала и усиливала огонь, конница заходила на фланги, поражая противника палашами. Заключительная часть сражения предусматривала знаменитую контратаку «в штыки».

В 1751 году скончался славный и любимый командир Белозерцев генерал-фельдмаршал Петр Петрович Ласси. «Это — благородная солдатская фигура, старый честный и храбрый воин, — пишет А. А. Керсновский, — всегда стоявший в стороне от придворных интриг, живший интересами армии и нуждами своих подчиненных. По словам генерала Д. Ф. Масловского, «он был бессменным часовым на страже действительных нужд осиротевшей русской армии, заброшенной во все время владычества Бирона и Миниха...» Этой армии он отдал пятьдесят лет своей жизни и, умирая, мог сказать, что вся его жизнь была дана «на потребу воинскую» его второй родины».

Белозерский полк в пору своего становления и быстрого роста неразрывно связан с именем П. П. Ласси. В будущем он с гордостью носил его имя.

* * *

В кампании 1761 года Белозерцы участвовали в боевых действиях в составе корпуса Румянцева (18 000 человек), который по приказу Конфедерации был направлен к прусской крепости Кольберг (современный польский город Колобжег).

15 мая Румянцев с 4 пехотными полками и казаками, имея легкий обоз, переправился через Вислу. Корпус медленно, но верно двигался до места своего назначения. К нему стягивались другие войска.

Наконец, 5 августа Румянцев подошел к Кольбергу. Крепость располагалась на берегу Балтийского моря, имея стратегическое значение. Падение ее открывало путь в Померанию. «Я не могу потерять этот город, который мне слишком важен, — заявлял Фридрих II. — Если бы он попал в руки врагов, это было бы для меня величайшим несчастьем».

Четыре месяца продолжалась осада Кольберга русскими войсками и с моря и с суши. Вновь были продемонстрированы чудеса героизма и смелости, в том числе и Белозерцами. Чего, к примеру, стоит подвиг генерала Еропкина, который, командуя Воронежским и Белозерским полками, отбивал у противника Зеленый редут. По болезни генерал не мог сидеть в кавалерийском седле, но он приказал привязать себя к седлу, и так в бою и погиб.

16 декабря 1761 года гарнизон крепости сдался русским войскам. Было взято в плен 89 офицеров и 2903 солдата, захвачено 146 орудий, 25 знамен и 3 штандарта.

П. А. Румянцев впервые в истории военного искусства применил тактику наступления батальонными колоннами и рассыпным строем, которую блестяще развил позднее А. В. Суворов, принимавший участие в осаде Кольберга в качестве кавалерийского офицера. «Быстр при рекогносцировке, отважен в бою и хладнокровен в опасности», — такую характеристику дал ему главнокомандующий А. Б. Бутурлин. Также генерал Румянцев, впервые лично руководивший операцией, искусно использовал легкую пехоту — егерей, для которых Кольберг стал местом их первого сражения.

Взяв крепость, русские добились контроля над участком Балтийского побережья Пруссии и Восточной Померании. Увы, все завоевания оказались утерянными вследствие сепаратного мира, который заключил 24 апреля 1762 года император Петр III с Пруссией.

В июле того же года вступившая в результате свержения своего мужа Петра III на престол императрица Екатерина II повелела войскам вернуться в Россию. Белозерский полк прибыл на свои постоянные квартиры в Смоленск.

В апреле 1762 году полк получил имя своего шефа «пехотный генерал-майора Ивана Шпрингера полк».

СПРАВКА: Иоганн (Иван Иванович) фон Шпрингер (*Springer*) принадлежал к остзейскому дворянству. На военной службе с 1738 года. До середины 1750-х гг. имел чин полковника. В Семилетнюю войну был прикомандирован к австрийской армии. При Петре III несколько месяцев был шефом Белозерского пехотного полка. С 3 марта 1763 года произведен в генерал-поручики с назначением командиром над всеми русскими войсками в Западной Сибири. В 1763–1771 гг. командовал Сибирским корпусом и войсками на сибирских пограничных линиях. В 1767 году был награжден орденом святого Александра Невского. Под его руководством велись работы по строительству новой Колывано-Кузнецкой пограничной линией в районе правобережной части современной Восточно-Казахстанской области и Алтайского края Российской Федерации. В 1763 году заложил Бухтарминскую крепость в районе верхнего течения Иртыша, а в 1768 году — новую Омскую крепость на правом берегу реки Оми, из которой впоследствии вырос город Омск. Умер в 1771 году в Омске и там же похоронен на юго-западной окраине иноверческого кладбища возле Ильинской церкви.

Жизнь одного из командиров Белозерского полка Ивана Ивановича Шпрингера еще раз обращает нас к именам забытых строителей русской армии и всего государства Российского. Сколько на страницах нашей книги упоминается таких людей, о которых надо бы крепко помнить потомкам!.. Разве не большой грех, когда могила основателя Омска исчезла в 70-е годы XIX века?! И год рождения его остался неизвестным, и нет сведений о его потомках. А ведь И. И. Шпрингер может считаться одним из благороднейших людей своего времени, он активно способствовал распространению образования, культуры и искусства среди военнослужащих пограничных линий, содействовал развитию торговых связей русского населения Западной Сибири (среди которого было немало выходцев из вологодских земель) с соседними казахами. И. И. Шпрингер руководил

строительством второй Омской крепости с учетом новейших фортификационных теорий того времени. Построенная под руководством Шпрингера эта цитадель сохраняла свое значение до середины XIX века. При нем были открыты торговый дом в Семипалатинске и меловой двор в Усть-Каменогорске, налажено производство кирпича. По Иртышу начался сплав леса. В Омске и в казачьих станицах организовывались народные школы. В крепости был построен «оперный дом», проводились балы и маскарады. До 20-х годов имя Шпрингера носила улица Омска (теперь она Партизанская). Лишь в последние годы у омичей проснулось чувство благодарности к этому замечательному во всех смыслах человеку: в 2000 году у Тобольских ворот бывшей Омской крепости в честь него установлен памятный знак.

* * *

1763 год для Белозерцев памятен военным походом в Польшу. После кончины польского короля Августа III там начались привычные беспорядки и раздоры, «паны» вновь начали драться, и Екатерине II пришлось прибегнуть к силе для их усмирения. Корпус под командованием генерал-поручика князя Репнина, в который входил Белозерский полк, в конце года прибыл в Варшаву, где 7 сентября следующего года на престол был возведен ставленник Екатерины Великой Станислав Понятовский под именем Станислава Августа II.

Но беспорядки и на этом не прекратились. Белозерцы, рассеивая по всей Польше бунтовщиков-конфедератов, однажды, сами того не ведая, стали причиной нового русско-турецкого конфликта. Преследуя до турецкой границы один из отрядов поляков, Белозерский полк перешел границу и вторгся в пределы Порты, где в пылу сражения, сжег пограничный город Балту. 7 октября 1768 года Турция, не без происков Франции и Австрии, используя факт нападения на Балту, объявила войну России.

То злополучное преследование поляков осуществлял командующий полком, знаменитый екатерининский полководец барон Вейсман фон Вейсенштейн.

СПРАВКА: Барон Отто-Адольф Вейсман фон Вейсенштейн — один из лучших генералов Екатерининской эпохи. Год и место его рождения неизвестны, как и обстоятельства первых лет его жизни. Известно лишь, что в 1744 году лифляндский дворянин Вейсман поступил в русскую армию рядовым, участвовал в Семилетней войне и был дважды ранен. В 1763 году Вейсман уже полковник, а в 1768 году командует Белозерским пехотным полком, с которым принимает участие в войне с польскими конфедератами. Принимал активное участие во Второй турецкой войне (1768–1774 гг.), был произведен в генерал-майоры. За отличия при Ларге и Кагуле (1770 г.) был награжден орденами святого Георгия 3 степени и святого Александра Невского. В ту же кампанию 1770 года Вейсман во главе отряда смелым и внезапным маневром захватил турецкую крепость Исачки. В 1771 году громил турков за Дунаем, захватив однажды 170 орудий. Он был награжден орденом святого Георгия 2 степени и получил в командование дивизию.

Быстрота его действий заслужила ему в русской армии прозвище «Ахилла», а среди турок его имя наводило настоящий ужас. Вейсман победоносно сражался с неприятелем в 1773–1774 годы. Во время одной из стычек янычар выстрелил в Вейсмана из пистолета. Пуля пробила ему левую руку и сердце. Падая, генерал успел только сказать: «Не говорите людям!»

Вейсман, как признавали его современники, обладал яркими военными дарованиями и пользовался безграничным доверием и любовью в войсках. Его имя было самым популярным в румянцевских походах. Многие роднило его с Суворовым. Румянцев понимал это и заменил Суворовым Вейсмана на передовом посту армии у Гирсова, когда она отошла за Дунай. Смерть храброго генерала была предметом искреннего сожаления всей России. В своей переписке Суворов, говоря о делах Румянцевской кампании, горько признался: «Вейсмана не стало — я остался один».

Вызов Турции в 1768 году смело приняла Екатерина II, направив к ее границам две армии под командованием князя А. М. Голицына и графа П. А. Румянцева. Белозерцы, невольные «виновники» войны, вошли в состав армии Голицына, призванной осуществлять наступательные действия, и выступили с занимаемых квартир в начале марта 1769 года к месту общего сбора.

Так как действия Голицына в начале кампании были нерешительными, вялыми, в 1769 году было признано целесообразным заменить командующего 1-й армией на П. А. Румянцева, генерал-губернатора Малороссии, а 2-ю, вспомогательную, поручить П. И. Панину.

СПРАВКА: Петр Александрович Румянцев-Задунайский (1725–1769) — выдающийся русский полководец, генерал-фельдмаршал. Сын видного дипломата, сподвижника Петра I, П. А. Румянцев получил чин полковника в 18 лет. Семилетнюю войну начал генерал-майором, а закончил генерал-аншефом и главнокомандующим. В русско-турецкой войне 1768–1774 гг. отличился летом 1770 года, нанеся туркам несколько сильнейших поражений, особенно в битве у кургана Рябая Могила (17 июня), где разбил вдвое превосходящие войска противника, а также в битве на Ларге (7 июля) в Молдавии и на реке Кагул (21 июля). Эти победы принесли П. А. Румянцеву огромную славу в России и Европе. Потемкин и Суворов считали себя учениками Румянцева. Екатерина II еще при жизни П. А. Румянцева распорядилась поставить в Эрмитаже его мраморный бюст, сказав о нем: «Он — великий человек». Павел I после внезапной кончины Румянцева объявил трехдневный траур.

Справедливо считается, что Румянцев возродил лучшие традиции петровской военной школы и развил их в современном ему направлении. Написанные им «Инструкция» (1761 год) и «Обряд службы», составленный в 1770 году, принятый в качестве общевойсковой устава, для армии России сыграли огромное значение. Румянцев подчинил обучение войск требованиям военных действий. И он имел на это не только право теоретика, но и военного практика, участника боевых действий. «В армии полки хороши будут от полковников, — писал Румянцев, — а не от уставов, как бы быть им должно».

Его огненным крещеньем была битва под Грос-Егерсдорфом вместе с Белозерским пехотным полком, стоявшим в авангарде русской армии. Румянцев, как пишет А. А. Керсновский, «схватив

пехоту авангарда, продрался с ней сквозь непроходимую чащу и принял в штыки хваленую прусскую пехоту, внушавшую тогда еще «робость, трусость и боязнь». Он показал нашему солдату, что пруссак не так уж страшен и русского штыка, во всяком случае, не любит. Эта атака Румянцева решила участь дня. В последующие кампании Румянцев зарекомендовал себя замечательным кавалерийским начальником, не уступая Зейдлици в атаках и значительно превосходя Цитена в аванпостной службе» Когда Румянцев был в Берлине, все генералы прусского генерального штаба явились к нему на квартиру со шляпами в руках с почтением и поздравлениями. «Есть многие отделы, в которых не видно следов влияния, например, великого Суворова или Потемкина, — писал русский военный историк Д. Ф. Масловский, — но нет ни одного отдела, где не осталось бы следов Румянцева. В этом смысле он единственный наследник дела Петра I и самый видный после него деятель в истории военного искусства в России, не имеющий себе равного и до позднейшего времени».

Таков был еще один из командующих русской армией, с которым пришлось драться Белозерцам. По командиру — и его солдаты!..

* * *

К началу 1770 года Белозерский полк нес гарнизонную службу в крепости Хотин, захваченной у турок. Отдельно от полка сражались его гренадерские роты, бывшие в корпусе генерал-поручика Штофельна. Затем они поступили в состав корпуса барона Эльмпта, который в день взятия Белозерцами Хотина 10 сентября 1769 года отправился на поиски неприятеля, рассредоточившегося по Молдавии, и для занятия города Яссы. Этот город был занят русскими без боя, жители встретили наших солдат хлебом и солью. Турки, в свою очередь, везде, где появлялись русские, ретировались.

И лишь, когда отряд подполковника Фабрициена с 1600 пехотинцами и кавалерией, в том числе с белозерскими гренадерами, пошел на поиски неприятеля к Галацу, то здесь турки встретили наши войска огнем. 7 тысяч турецких солдат, выйдя из города, со всех сторон ударили по отряду Фабрициена. Командир приказал захватить неприятельскую батарею, то есть выбить из-под нападавших их ударную силу. Овладев батареей, русские тут же повернули ее на турок. Сплошной огонь накрыл неприятеля и тот, дрогнув, побежал, преследуемый нашей кавалерией до самого Дуная. Урон турок в этом деле превышал 1200 человек убитыми и еще несчетно утонувшими в реке. Из отряда подполковника Фабрициена убыло убитыми всего 12 рядовых. В том числе был ранен подпоручик гренадерской роты Белозерского полка Томашевский.

В Центральном Военно-историческом архиве сохранилась подлинная реляция П. А. Румянцева Екатерине II о занятии города Галаца Х. Ф. фон Штофельном, отправленная 15 (26) ноября 1769 года. Стиль документа тяжеловесен, но нам интересно вчитаться в него,

сокращая второстепенные детали, чтобы увидеть, как главнокомандующий ценил храбрость своих офицеров и солдат:

«Государыня всемилостивейшая!

По отправлении сего дня моей всеподданнейшей реляции, сей час получаю я от генерал-поручика Штофельна рапорт... Вследствие данных от меня повелений для поисков над неприятелем подполковник Фабрициан встречен и атакован был неприятелем от шести до семи тысяч состоявшим и решился отважно атаковать их батарею своею пехотою, которую овладев, неприятеля разбил, гнав его даже до самого Дуная и положа более тысячи двухсот человек турков на месте. Протчих же большею частию в оной реке потопил и Галацем овладел. Знаков победы получено пять пушек, санджак или главное знамя сераскерово и бунчук, взятой гусарским поручиком Требинским. С нашей стороны убито рядовых двенадцать, ранено из штабс-офицеров майоры: Генкинг тремя ранами, Левашов получил контузию, из обер-офицеров гусарские поручики: Требухович, Герсеванов, Донде, из пехотных — Белозерского полку подпоручик Томашевский, рядовых сорок шесть человек, лошадей убито шестнадцать. Вышеупомянутый генерал-поручик по засвидетельствованию подполковника Фабрициана рекомендует яко особо отличившихся при сем сражении майоров: Вуича, Генкинга и Левашова, да гусарского поручика Требинского и протчих офицеров и рядовых, бывших с ним на упомянутом сражении, которых я как действительно достойных и к поощрению другим по данной мне от Вашего Императорского Величества власти наградить не оставляю, а означенного подполковника в Высочайшее Вашего Императорского Величества благоволение препоручить осмеливаюсь.

Вашего Императорского Величества всеподданнейший раб
граф Петр Румянцов».

Вернемся к Белозерскому пехотному полку, который стоял в крепости Хотин. 1 января 1770 года этого года командир полка Вейсман фон Вейсенштейн произведен был в генерал-майоры и на его место к Белозерцам был назначен полковник Ушаков.

Весной появилась неизбежная спутница войны — моровая язва. Главнокомандующий приказал вывести полки Хотинского гарнизона в поле, чтобы хоть как-то сберечь рядовой состав от эпидемии. До августа Белозерцы пребывали в Хотине, а затем выступили в составе корпуса генерал-майора Глебова, коменданта крепости, на Браилов, другую укрепленную крепость. Больше месяца длилась осада, во время которой солдаты Белозерского полка отражали вылазки неприятеля, затягивали кольцо осады, а их командир полковник Ушаков особенно отличился, о чем была составлена соответствующая реляция графа Румянцева императрице Екатерине.

Первый штурм Браилова не принес успеха. Генерал-майор Глебов даже снял осаду и отступил, но от главнокомандующего пришел

приказ повторить штурм. Когда усиленный корпус Глебова вновь появился под Браиловым, то турки не выдержали, испугавшись новой осады, покинули крепость, бросив там всё свое вооружение.

Историк полка обратил внимание на то, что в 1770 году многие офицеры Белозерского полка (более 50) получили новые воинские звания, связывая это с личной храбростью чинов полка и с кровопролитными сражениями этого и предыдущего годов. Так в действительности и было. Белозерцы хорошо поработали в эти два года на полях сражений.

Завершение второй турецкой кампании для полка прошло сравнительно спокойно. Белозерцы до середины февраля стояли в Бухаресте, затем выгнали турок из города Крайовы, оставшись там для наблюдения за окрестностями. В конце года они вошли в состав 2-й армии в корпус генерал-майора князя Долгорукова, который охранял коммуникации, связи с 1-й армией, магазины, обеспечивающие снабжение русских армий (к реквизициям русские войска не прибегали).

На зимних квартирах во Львове полк пробыл до конца 1774 года и после заключения мира с Турцией вернулся в Россию и расположился в назначенных ему постоянных квартирах в Курске, состоя к тому времени в 7-й Севской дивизии генерал-аншефа И. П. Салтыкова.

Правда, еще в 1772 году из полка были отчислены в, так называемые, командировки и состояли при армии две гренадерские роты и егерская команда, которые вели активные боевые действия с неприятелем под общей командой бывшего командира Белозерского полка, волею судеб и начавшего, как мы помним, вторую турецкую кампанию, генерал-майора Вейсмана фон Вейсенштейна. Егеря — легкая стрелковая пехота — появились в русской армии в 1763 году. В 1765 году при 25 пехотных полках были заведены отдельные егерские команды в составе 1 офицера и 65 егерей. Через четыре года такой опыт распространился на все русские пехотные полки. Егеря являлись застрельщиками сражения, сноровисто и ухватисто дрались в рассыпном строю. Благодаря егерям, русское войско приобрело маневренность и огневую активность. Егеря носили особую форму — темно-зеленый доломан со шнурами, такого же цвета брюки в обтяжку, небольшую шапочку и сапоги до колен.

В ходе турецкой войны были созданы также отдельные гренадерские батальоны, куда вошли и две гренадерские роты из Белозерского полка. Как и егеря, они придавали активную подвижность боевым действиям, легко перемещались на полях сражений.

Добывая турок, белозерские гренадеры и егеря в составах других воинских формирований проявляли, присущую им сноровку и отличную выучку, действовали смело и решительно. После заключения мира они присоединились к своему полку.

«Первая турецкая война Екатерины, — заканчивает обзор этой кампании А. А. Керсновский, — длилась почти шесть лет. Протекала она в очень трудных условиях, как внешнеполитических (одновременная борьба с польскими конфедератами, угроза войны со сторо-

ны Австрии), так и внутренних (бунт Пугачева). Военные действия велись в отдаленных, диких краях, стоили громадных жертв людьми и деньгами и сопровождалась народным бедствием — чумой, от Бендер пошедшей на Москву и опустошившей Первопрестольную. Это самая большая из войн, веденных Екатериной.

Значение имеют лишь две кампании: 1770 и 1774 годов... Для истории русского военного искусства особенный интерес представляет кампания 1770 года — классический пример наступательной операции большого масштаба, сразу перенесшая войну с берегов Днестра на Дунай. На полях Молдавии сказалась школа Семилетней войны».

* * *

Историк полка Э. Мержеиовский пишет, что в середине 70-х годов Белозерский полк оказался на квартирах в Курске, и после войны с Турцией не воевал 14 лет. Но в полковой истории он пропустил важную главу, когда Белозерцы входили в 1777–1783 годов в состав Кубанского корпуса, а их командующим был никто иной, как Александр Васильевич Суворов.

СПРАВКА: Александр Васильевич Суворов (ок. 1730–1800) — выдающийся русский полководец, генералиссимус (1799 год), блестящий стратег и тактик, не проигравший ни одно сражение. В 13 лет поступил на службу солдатом. Младшим офицером участвовал в Семилетней войне, в том числе в битве при Кунерсдорфе (1759 год). В 1760 году получил чин полковника. Командуя полком, упростил систему муштры, больше внимания обращал на закалку и воспитание выносливости солдат, а подчиненным командирам дал свободу маневра в зависимости от обстановки. В турецкой войне в 1773 году овладел крепостью Туртукай, в следующем году, в чине генерал-поручика, взял турецкий оплот Козлуджи. После окончания военных действий в 1777 году служил в Крымском корпусе заместителем командира. С 1778, командуя Кубанским корпусом, создавал Кубанскую укрепленную линию для защиты юга России. В Русско-турецкой войне 1787–1791 годов выиграл битвы при Кинбурне (1787 год), под Фокшанами (1789 год) и при Рымнике (1789 год), за что получил титул графа Рымникского и герб: огненную стрелу, нацеленную в турецкий полумесяц. В декабре 1790 года овладел считавшейся неприступной крепостью Измаил. В 1793 году взял Варшаву, за что Екатерина Великая вне очереди присвоила А. В. Суворову звание фельдмаршала и сделала командующим армией. В 1797 году Павел I отправил Суворова в отставку, но в следующем году вернул его и назначил главнокомандующим над русско-австрийскими силами с целью изгнания французов из Северной Италии. Весной и летом 1799 года в знаменитом Итальянском походе одержал победы над французами в битвах при Кассано, на реке Треббия и у города Нови и вытеснил неприятеля из Италии. Без поддержки союзников, проведя русскую армию через швейцарские Альпы, Суворов, будучи 70-летним, одержал еще ряд славных побед, в том числе взял штурмом неприступный Чертов мост. За эти заслуги он был удостоен титула князя Итальянского и высшего воинского звания генералиссимуса.

В середине января 1778 году А. В. Суворов принял от генерал-майора Бринка командование Кубанским корпусом. В его состав, кроме Белозерцев, входили Курский и Тамбовский пехотные полки, батальоны Азовского и Троицкого полков (из Крымского корпуса),

а также драгунские полки — Астраханский и Таганрогский, гусарские и казахи.

Историк и краевед В. А. Соловьев проанализировал случайно найденные формулярные списки полков Кубанского корпуса. Нас интересует, конечно, Белозерский полк. Изучая состав младших офицеров полка, В. А. Соловьев пишет, что его обер-офицеры происходили из бедных дворянских родов, вынужденные добывать себе хлеб шпагой на службе царской. «Так, в полку служил капитан Иван Никулин, 32 лет, владелиц 10 душ, который пошел служить, как пушкинский Петруша Гринев, в 16 лет. На Кубань он прибыл вместе с Бринком и проделал с ним все походы. Брал Темрюк и Таман. Ходил в походы с Суворовым. Прапорщик того же полка Афанасий Мухин, участник всех кубанских походов, владел четырьмя душами. Были и такие офицеры, как капитан Миронов из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, у которого было «все-то душ одна девка Палашка». В формуляре Белозерского полка значится Савва Дронов. Он из «солдатских детей». Участник походов с Бринком и Суворовым, дослужился до чина поручика. Иван Степанов, тоже участник всех походов, в 1783 году стал подпоручиком. Оба они начали службу солдатскую совсем подростками, в 13-14 лет. Таким офицерам удавалось обычно дослужиться до поручика и редко до капитана, а далее дорога в старшие офицеры была им закрыта, ибо правительство за этим строго следило».

Из формулярного списка младшего комсостава Белозерского полка следует, что Белозерцы в Кубанском корпусе появились с «прибытием Бринка» и продолжали служить в 1783 году, как подпоручик Иван Степанов. Эти страницы истории полка неизвестны, их еще предстоит исследовать. Э. Мержеиовский, вероятно, потому обошел их вниманием, что Кубанский корпус, где служили Белозерцы, в большей степени занимался обустройством укрепленной линии, хотя случались и «схватки боевые». Нам важно подчеркнуть другой факт: **Белозерским полком командовал в эти годы великий русский полководец А. В. Суворов.**

* * *

Наступая против турок, Белозерцы (впрочем, и другие русские пехотинцы) кричали: «Виват, Екатерина!». «Матушку императрицу» Екатерину II (1729–1796) в войсках любили. Прежде всего, за то, что она сама любила своих солдат и офицеров, укрепляла, как и Петр I, российскую армию и флот, отчего историки называют ее царствование «золотым веком русской армии». Блестяще проведя две Русско-турецкие войны 1768–1774 и 1787–1791 годов и Русско-шведскую войну 1788–1790 годов, Россия при Екатерине вновь добилась наивысшего могущества.

Одной солдатской кровью одержать славные победы было бы невозможно. И хотя русский солдат, в основном, бывший крестьянин, умел воевать, как умел и пахать, но его отвага и героизм были под-

креплены многочисленными государственными мерами по укреплению армии, развитию военного искусства, новыми вооружениями.

Сразу же по восшествию на престол Екатерина Алексеевна стала возвращать, попорченные ее мужем Петром III, традиции русского воинства. Полкам вернули свои старинные имена (Петр III велел называть их по шефам, как в прусской армии; тогда-то Белозерцы ходили несколько месяцев под именем «пехотный генерал-майора Ивана Шпрингера полк»). Возвращена была и старая елизаветинская форма, а тесная и неудобная, скопированная опять-таки с прусской, отменена.

При Екатерине II была создана Воинская комиссия для проведения военной реформы. Введены в действие новые пехотные и гарнизонные уставы, укреплен флот (в 1796 году он насчитывал более 250 кораблей). Как из гнезда Петрова, так и из гнезда Екатерины «вылетели» выдающиеся военачальники П. А. Румянцев, А. В. Суворов, Н. В. Репнин*, В. М. Долгоруков, П. И. Панин. Они заложили полководческую основу «науки побеждать» для развития гения следующего поколения командующих русскими войсками — М. И. Кутузова, П. И. Багратиона и других победителей Наполеона. «Особенно сильным, — как признают историки, — было звено командиров полков. Именно они оказывали определяющее влияние на систему обучения и воспитания офицеров и солдат, на рост боевой выучки подразделений и полка в целом, что затем приносило победы в сражениях».

Об одном из таких полковников, герое времен Екатерины Великой, Отто-Адольфе Вейсмане фон Вейсенштейне мы постарались подробнее рассказать. Но и судьба одного из шефов (почетного, напомним, командира) полка Ивана Ивановича Шпрингера по-своему замечательна и удивительна. Будучи не русскими по крови и по воспитанию, они внесли большой вклад в лучшие деяния отечественной истории. Сохранять благодарную память о них — наша прямая обязанность и нравственный долг.

* * *

В 1783 году Белозерский полк перешел на квартиры в Санкт-Петербурге.

* Генерал-фельдмаршал Николай Васильевич Репнин (1734–1801) прошел вместе с Белозерским полком через все известные нам баталии. В его послужном списке — Гросс-Егерсдорф, Книгсберг, сражение при Ларге, взятие Силистрии, усмирение Литвы и другие знаменитые походы и битвы. Николай Васильевич приходится внуком другому генерал-фельдмаршалу Аниките Репнину, имевшему, как мы знаем, прямое отношение к Белозерцам. Род Репниных, выдающихся отечественных военачальников, идет от князя-мученика Михаила Черниговского, близкого родственника Белозерских князей.

Но у автора этих строк имеется к Репниным и один скромный личный интерес: мне довелось несколько лет жить рядом с усадьбой Репниных в московском районе Воронцово. Усадьба была разрушена еще Наполеоном. Сейчас она весьма активно восстанавливается и будет одной из московских достопримечательностей.

Здесь нам придется сделать небольшое отступление.

Когда 1 мая 1703 года русские войска заняли Ниеншанц, то устье Невы было возвращено России. 16 мая прозвучало знаменитое: «Здесь будет город заложен!» В Троицын день на Заячьем острове была основана крепость Санкт-Питер-бурх. 29 июня в крепости было начато строительство деревянной церкви в честь апостолов Петра и Павла.

Спустя девять лет Петр I рядом с деревянной церковью, «откуда есть и пошел» Петербург, заложил основание каменному собору, знаменитому Петропавловскому, а первоначальную церковь в 1719 году разобрали и перенесли с Заячьего острова на Березовый (ныне Петроградский остров, Петроградская сторона), где располагались в то время солдатские слободы. Престол этой церкви был освящен в 1720 году в честь святого апостола Матфея. На освящении присутствовал Петр I. Император и далее совершал здесь благодарственные молебны за победу над шведами. Храм святого апостола Матфея стал храмом воинской славы русской армии.

По истории Петербурга известно, что на границах Матфеевского прихода жили солдаты Белозерского полка. Одноименный с пехотным, Белозерский полк считался гарнизонным*. Свое старшинство он вел от полка Ивана Бернера, сформированного 25 июня 1700 года, позднее (примерно с 1714 года) переформированного в Белозерский гарнизонный.

В обязанность гарнизонных полков входило несение службы по типу современных внутренних войск. Они, среди прочих своих задач, заменяли пожарные команды, для чего им передавались разного рода «инструменты для погашения огня»: крючья, щиты, трубы, ломы и т.п.

В солдатских слободах на Петербургской стороне при Петре располагались два гарнизонных полка — Колтовский и Белозерский. Метрические записи, начиная с 1731 года и дальше, свидетельствуют о чинах именно этих полков. Позднее, при императрице Анне Иоанновне, соседями Белозерцев стали солдаты еще двух гарнизонных полков — Санкт-Петербургского и Копорского**, а Матфеевская церковь стала в полном смысле полковой (таковой она, правда, была и раньше — для Белозерского гарнизонного полка).

По праву *первожилцов* в честь гарнизонных Белозерцев были названы «шесть улиц Белозерских» рядом с будущим Сытным рынком, где в небольших домиках жили солдаты. Позднее, когда город стал активно застраиваться, сохранилась только одна из них — Большая Белозерская улица.

* В русской армии имелись солдатские регулярные (полевые и гарнизонные) и солдатские иррегулярные (нерегулярные) полки. Первые из них были жилые, то есть постоянные, а вторые собирались на определенный срок и затем распускались по домам.

** В других источниках говорится о Ямбургском и Невском гарнизонных полках.

В 1775 году Белозерский гарнизонный полк был слит с Воронежским гарнизонным драгунским полком. Затем из лучших офицеров и солдат пяти гарнизонных батальонов в Санкт-Петербурге был сформирован мушкетерский генерала от инфантерии Архарова полк, в 1801 году ставший Тенгинским. Этот знаменитый полк особенно хорошо проявил себя в годы войны на Кавказе, в нем служил М. Ю. Лермонтов.

Таким образом, при Петре существовали три полка, носивших имя Белозерских — солдатский (пехотный), гарнизонный, и драгунский (о котором мы писали выше), что лишний раз подтверждает большое значение, которое придавалось и городу Белозерску, и его воинским традициям.

Не в освободившиеся ли казармы гарнизонного полка в Санкт-Петербурге был переведен в 1783 году состав нижних чинов Белозерского пехотного полка?.. *

Здесь их встретило известие о начале новой кампании со шведами. «Когда в 1788 году, — пишет историк полка, — снова пришлось поднять оружие для защиты родной земли от посягательств шведов, и Белозерцы узнали о назначении их в действующую армию, восторгам не было конца. С лихорадочной поспешностью готовились они к выступлению в поход и жаждали сразиться как можно скорее со шведами, своими первыми учителями военного искусства, учителями, которых они же, ученики, побеждали 80 лет тому назад».

Начало Шведской войны (1788–1790 годы) связано со Второй турецкой войной, объявленной Портой России на год раньше, в 1787 году. Не в первый раз нашим войскам пришлось сражаться на два фронта — на юге и на западе. Подстрекаемый, как и турки, европейскими державами, король Швеции Густав III решил воспользоваться ситуацией, когда большая часть русской армии отправилась на войну с Турцией, и предъявил своему могучему соседу требования вернуть утраченные в прежних войнах земли. Следом 36-тысячная шведская армия вторглась в русскую часть Финляндии и осадила крепость Нейшлот. Неприятелю противостояла слабая, 14-тысячная, русская армия, набранная, что называется, с бору по сосенке: слабые гарнизонные полки, два батальона причетников, казачий полк из ямщиков и т. п. Но Нейшлот и не думал сдаваться. Потоптавшись около него, шведы, не солоно хлебавши, вернулись обратно, закончив тем самым кампанию 1788 года.

* Наше предположение не лишено оснований. В известной книге Н. И. Греча «Записки о моей жизни» в главе 5 упоминается дом, «в котором жил командир Белозерского пехотного полка, расположенного на Петербургской стороне, генерал Седморацкий... Седморацкий ушел в 1805 году в поход и в следующем году умер». Петербургская сторона, она же нынешняя Петроградская, — место, как мы выяснили, квартир Белозерского гарнизонного полка города Санкт-Петербурга. Кстати, на месте этих квартир жил после Великой Отечественной войны поэт Сергей Орлов, не подозревая, что здесь когда-то стоял его родной Белозерский полк.

На следующий год наша армия укрепилась, и ее командующий граф Мусин-Пушкин решил упредить шведское нападение и сам вошел во вражеские пределы с 20-тысячным войском. В течение лета была покорена вся шведская часть Финляндии, хотя больших сражений, как и в первый год, с неприятелем не было.

И следующий, третий, год войны в стратегическом плане не изменил обстановки. Бои под началом нового главнокомандующего графа Салтыкова шли с переменным успехом, тогда, как на море все эти годы русские моряки примерно били шведов.

Видя всю бессмысленность войны, Густав III сам запросил мира, сохранив по договору прежний статус-кво с Россией. Отныне шведы поняли, что своего восточного соседа им больше никогда не одолеть. Наша армия, сражавшаяся в Финляндии, численно уступала противнику, ее боевые отряды не имели такой подготовки, как регулярная армия Швеции, и, несмотря на это, неприятель постоянно перед нами «гнулся», вспоминая слово Пушкина при описании Полтавского боя.

Белозерцы в первый год войны со шведами располагались вдоль границы, ища возможности на него неожиданно напасть. Но таких случаев не представилось. Полк, в основном, участвовал в боевых стычках со шведскими отрядами. Некоторые из них носили кровопролитный характер.

В качестве примера приведем дело 10 июля, которое не увенчалось для нас успехом, но хорошо показывает, в каких условиях, а главное, *как* воевали Белозерцы.

Разведка донесла, что к Нейшлоту движется колонна неприятеля. Командир отряда генерал-майор барон Шульц с 4 ротами, взятыми поровну из Белозерского и Рязанского полков, выступил навстречу шведам. Вскоре появился на дороге неприятель. Сводному батальону было приказано выстроиться в боевой порядок и открыть стрельбу из 3 имевшихся пушек.

Во время боя русские поняли, что силы были явно неравными: шведы шли большими силами, для них небольшой отряд grenадеров не представлял серьезной опасности, но отступить Белозерцам и Рязанцам было уже поздно.

Атаку за атакой сбивали русские, а колонны шведов всё шли и шли... Наконец, противник окружил горстку храбрецов. Наши пушки замолчали: одну разорвало от продолжительной и частой стрельбы, у двух других были подбиты колеса, а сама артиллерийская прислуга и лошади были частью перебиты, частью ранены.

Что оставалось делать русским воинам? Сдаться в плен?.. Нет, только не это!.. С криком «ура» белозерские и рязанские grenадеры и егеря пошли на прорыв, работая штыками и шпагами.

Немногим храбрецам удалось в тот день пробиться к своим. Наши потери были чувствительны: только убитыми 200 человек.

Так полк воевал всегда, во всех петровских и екатерининских кампаниях. Так полк воевал и со своим постоянным противником — со шведами. Правда, в этой войны трудно было показать своё

ратное мастерство. И неприятель был уже не тот, не великий солдат Карла XII!..

После заключения 3 августа 1790 года мира, войска отправились в Россию. Еще одну войну русские солдаты исполнили ратным трудом.

В ближайшие несколько лет, когда полк стоял на столичных квартирах, происходили перемены названий Белозерцев (полк был назван «мушкетерским»), командовать им приходили новые полковники, сам полк то увеличивал свой штат, то сокращал. Привычные дела в мирное время!..

В начале 1797 года полк был переведен на квартиры в Нижний Новгород. 12 октября 1798 года он был назван «мушкетерским генерал-лейтенанта Будкевича», 30 апреля 1799 года — «мушкетерским генерал-майора Кульнева», а уже 13 мая — «мушкетерским генерал-майора Седморацкого». Под последним наименованием Белозерцы участвовали в новой военной кампании — Первой войне с Францией и Голландской экспедиции 1799 года.

* * *

После Французской революции в Европе стал складываться союз, в который вошли Россия, Англия, Австрия, Турция и Неаполь. Целью союза стала необходимость положить предел успехам французского оружия, принудить Францию войти в прежние границы и тем самым восстановить в Европе прочный мир и политическое равновесие. Екатерина II активно готовилась к войне, формируя экспедиционный корпус, который под начальством Суворова направлялся в Западную Европу. Кончина императрицы расстроила эти планы. Павел I отменил поход и отказался от участия в коалиции.

Но вскоре обстоятельства изменились, и император решил ввязаться в войну с Францией. Воевать предполагалось на трех театрах — в Голландии совместно с англичанами, куда морем перебрасывался корпус генерала Германа, в Италии совместно с австрийцами под командованием Суворова и на Средиземном море (флот Ушакова) совместно с Англией и Турцией. Белозерцы вошли в «голландский» отряд (дивизия генерал-майора Эссена экспедиционного корпуса генерал-лейтенанта Германа). Русскими и английскими войсками командовал герцог Йоркский.

Из Ревеля корпус 20 июля 1799 года отправился на эскадре адмирала Чичагова к острову Текселю. Это было тяжелейшее плавание. Историк полка пишет: «Люди, не привыкшие к этому путешествию, совершаемому при противных ветрах и осенних бурях, болели и многие из них умирали. Так, не достигнув еще берегов Голландии, в течение 2-х недельного плавания к 3 августа в полку по спискам числилось уже всего 1628 человек, то есть полк потерял умершими 259 офицеров и нижних чинов».

К Текселю прибыли лишь 3 сентября. Не дав передохнуть русским войскам, перед ними была поставлена задача атаковать город

Берген. Мушкетерам Седморацкого (Белозерцам) приказано было атаковать центр неприятельской позиции. В ночь перед штурмом (далее цитирую историка полка) «солдаты совсем не ложились и сидели, закутавшись в свои мокрые епанчи в ожидании полуночи, когда приказано было собираться к сборным пунктам. Получив в свои фляги по две порции рому с приказанием выпить одну перед выступлением, а вторую по взятии Бергена, и оставив свои намокнувшие епанчи, войска 2-го отделения около полуночи поднялись с бивака и при совершенной темноте и дожде начали собираться на назначенные диспозицией сборные пункты».

Что думали тогда на чужой земле Белозерцы? О своих погибших в морском плавании товарищах? О том, почему и зачем, ради чьих интересов они здесь оказались? Тяжелые думы одолевали их.

И бой за город Берген оказался в высшей степени неудачным, хотя Белозерцы, по традиции, действовали смело и напористо. В первой же по дороге деревне мушкетеры Седморацкого взяли 700 человек пленными и 3 орудия. Но затем согласованность действий союзных войск нарушилась, они так и не смогли овладеть Бергеном, понеся большие потери.

Неудача в Голландии вызвала гнев императора Павла I. Впервые в истории, и незаслуженно, попало Белозерцам. В репликациях союзные командующие все-таки восстановили истинный ход боя, и Павел I вынужден был снять наказание полку.

Но экспедиция от этого не стала более успешной. Виной тому была и дождливая погода, которая превратила район боевых действий в болото, и плохое командование, и болезни наших солдат и офицеров, и отсутствие лошадей, которых обещали выделить англичане... Корпус буквально вымирал в чужой земле. Историк полка рисует мрачную картину той осени: «Войска наши, прибывшие сюда без обозов и палаток, должны были оставаться все время под открытым небом, на мокром песке или болоте, даже без всякой подстилки. Епанчи, измоченные непрерывно лившимся дождем, не приносили ни малейшей защиты. Что же касается продовольствия, то русские не могли привыкнуть к рому и английской пресной пище, в которой к тому же чувствовался недостаток, так как по размытым дорогам трудно было подвозить продовольствие... Неблагоприятные условия, в которых находились русские войска, были причиной сильного развития болезненности». Автор приводит тяжелый список потерь: с 3 августа по 13 сентября полк потерял 5 офицеров и 170 солдат.

Повторный штурм Бергена, на который погнали русских, все-таки дал результат: французы город покинули. Герцог Йорский вновь в своем сообщении Павлу I о ходе кампании выделил полк и лично генерал-майора Седморацкого.

Дальнейшие бои в Голландии шли с переменным успехом. Белозерский полк таял на глазах, впрочем, изрядно был потрепан и весь русский экспедиционный корпус. Со времени выхода из Ревеля Белозерцы, к примеру, потеряли в боях 274 человека, а больными — 523 человека. Эти и указанные нами выше причины вынудили

герцога Йоркского отказаться от наступательных действий против французов.

7 октября заключено было перемирие, затем и мир, а 5 ноября русские войска отплыли обратно в Россию. «Так кончился этот поход, — пишет Э. М. Мержеиовский, — стоивший России огромных жертв и не принесший ни малейшей пользы». «Вся эта экспедиция, — дополняет А. А. Керсновский, — доставила нам мало славы — англичанам еще менее».

Закончился XVIII век — первый век регулярной армии России, созданной Петром Великим. Не будь у нас такой мощной, едва ли не лучшей в тогдашней Европе, военной силы, вряд ли бы устояла и сама наша Родина, с ее независимостью.

Сколько баталий, войн, походов, сражений пришлось пережить русским солдатам и офицерам! Какие мощные боеспособные полковые соединения были заложены в петровские времена! Среди этих храбрых витязей мы с гордостью проследили пути-дороги наших Белозерцев. Этот полк, как другие пехотные формирования, менял свое имя, но для него неизменной оставалась одна обязанность — на поле боя, в труднейших походах, на всех крупных европейских театрах военных действий доказывать, что он не зря пронес через уходящий век имя одного из древнейших русских городов.

Впереди Белозерцев ждал не менее, если не более славный XIX век.

О РУССКОМ СОЛДАТЕ

*Огнем, враждой земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...
— Скажи, родимый, будет ли война?
И я сказал: — Наверное, не будет.*

Николай Рубцов

Самое время поговорить о главном. Не об именах-названиях полков, не об их походах-сражениях. Поговорить, дорогой читатель, о тех, кто служил в Белозерском пехотном полку, и кто еще заступит в него на службу в следующем XIX веке, а затем и в XX. Не только об офицерах, а больше о рядовых солдатах, «нижних чинах», как их тогда называли. Откуда они, кто такие, какие имена-фамилии носили?.. Мы об этом мало, что знаем.

До сих пор, до первой войны с Наполеоном в 1805 году, в истории полка не было упоминаний ни об одном конкретном солдате-гренадере, ни об одном солдате-мушкетере, ни об одном солдате-егере. Встречаются только фамилии офицеров. Можно было бы и мне промолчать...

Но, как не сказать о тех, кто «шел к победе задыхаясь, не думал о себе в пути»?! Я к месту вспомнил строки белозёра Сергея Орлова. И обер-офицеры, и унтер-офицеры под Полтавой и под Ригой, в Прутском и Финляндском походах, в штурме Перекопской линии и Очакова, в делах под Грос-Егерсдорфом и Кёнигсбергом вели за собой солдатскую массу, руками которой, штыками которой и добывались блестящие победы. Они именно «шли» — по всей Европе, по всей России от Балтики до Дуная. Шли колоннами, каре, по-батальонно, повзводно. Тысячи и тысячи километров пешком отмерили молодцы Белозерцы в своих походах*. Располагались на биваках у костров, в мешанских квартирах, в палатках, в черных избах, на сеновалах... «Кто кивер чистил весь избитый, кто штык точил, ворча сердито, кусая длинный ус».

Помните сказку о солдате, который на постое сварил кашу из топора? Это, конечно, не сказка, а притча о находчивости русского солдата, его смекалке. Братья Б. и Ю. Соколовы в начале XX века в Белозерском солдатском краю записывают десятки подобных сказок со схожими сюжетами, где герой, 25 лет отдавший службе, «выслужился и получил отставку». И вот он приходит в родные края... Чего он здесь только не делает — избавляет село от колдуна, выгоняет чертей из дома, дает сонных капель сердитой барыне и делает ее доброй, с помощью богатырей три раза спасает королевскую дочь

* При Петре наши войска за одну кампанию совершали переходы от 1000 до 1500 верст. Сегодня трудно в это поверить.

от Чуда поганого!.. Образ безымянного солдата, отслужившего свой срок или с полком проходящего мимо деревень и сел, образ явно собирательный, рисуется как самый, что ни на есть положительный, добрый, смелый и справедливый. Именно таким он предстал и сохранился в народной памяти. В сказках нет ни одного солдата грабителя или обманщика, пьяницы или труса.

В тематическом разделе «Солдатские песни» братья Соколовы записали в Белозерье выдающиеся сочинения народного творчества, рассказывающие о солдатской судьбе, в большинстве своем драматической:

*Уродило ты, полё,
Один ракитов куст.
Што под тем ли под кустом
Тело белое лежит.
Што лежит, то ли убит
Молодой солдат.
Молодой солдат,
Полковой сержант.*

Но если такие плачи-страдания, в основном, пели женщины, то мужики вспоминали лихие полковые песни:

*Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья,
Мы дрались тогда со шведом
Под знаменами Петра.*

Далее повествуется о том, как любимого батюшку-царя чуть не убили, о чем рассказано и на страницах этой книги:

*Как онна злодейка-пуля
В шляпу царьскую впилась,
А друга злодейка-пуля
Прямо в грудь ему летела
И ударилась, как гром.
Пуля с визгом отскоцила
От цюдеснова креста.*

Горестны и драматичны «Рекрутские песни». Нелегко было, и это еще мягко сказано, крестьянской семье отдавать сына пожизненно или на 25 лет. Сколько слез, горя, воспоминаний рождали эти трагические случаи для каждой семьи, как боялись прихода того дня, когда сына «в солдаты отдадут, в Белозерское свезут»*.

* Еще больше эмоций вызывали случаи нежданной побывки солдат у себя на родине, в гостях у жены. О. Э. Озаровская записала на Русском Севере балладу, сюжет которой строится на том, что на постой в деревню прибыл полк, и к одной вдовушке напросилось много молодцов, а один из гостей сел в большой угол и стал иносказательно общаться с хозяйкой. Он оказался ее мужем, и когда это выяснилось, то он просит жену не будить детей, потому что пришел, горько и с грустью сказано, «на часочек».

В сборнике «Сказки, песни, частушки Вологодского края» (под редакцией В. В. Гуры) предпринята реконструкция северного обряда призыва деревенского рекрута или «некрута», как тогда говорили, в армию. В этом действе, с одной стороны, слышится нежность, ласка и любовь, с другой, — печаль-кручина, скорбь и тоска.

Деревенских парней, идущих служить, начинали задолго до призыва жалеть: не поднимали на работу, не посылали в тяжелый зимний отход, не ругали за проказы и шалости. Тоска и ухарство от близкой разлуки начинали определять их последние семейные и деревенские денёчки.

Летом перед призывом некрут шел на заработки, чтобы справиться себе гармонику, сапоги и суконный «пинжак». Таким франтом он в конце августа и заявлялся в родное село или деревню. Начиналось последнее перед призывом гулянье. Парень не пропускает все свои и соседние «ярмонки», и там знают-ведают, что осенью именно он идет служить, поэтому ему и позволено то, что запрещено другим, — кутнуть по полной.

В октябре некрут гуляет до петухов и прощается с друзьями в родном селе. Обычно в ноябре его забирали, а за неделю до этого срока начинается гостеванье у близкой и дальней родни. Мать в эти дни провожает сына особыми причетами.

Случаются в этом продолжительном обряде и иные церемонии прощания, выработанные веками. Наконец, наступает день отъезда. Мать целует сына, которого, может, больше и не увидит никогда, и плачет с такими словами:

*Ты прощайся со своей родимой сторонушкой,
Ты мое рождение сердечное,
Со широкой быстрой реченькой,
Со всеми со полями со чистыми,
Со лужками со зелеными.
Ты прощайся, сугрева сердечная,
С Преображеньем многомилостливым
И со всеми храмами Господними...*

В знаменитом собрании конца XIX века вологодского исследователя Н. А. Иваницкого приводятся примеры и других по настроению песен:

*Полно, матушка родимая, тужить, —
Не один пойду в солдатушки служить.
Не один гуляю — с братечком,
Не один гуляю — с братом со родным.
Через год пойду солдатом рядовым.
Не один буду служить:
Там и Мишка, там и Гришка,
Там и дядюшка Влас,
Соберется много нас.*

Когда моего прадеда Александра Ивановича Кырова (так называли по-деревенски, а правильное — Кирова, с ударением на втором слоге) забрали на русско-турецкую войну, что называется, забрили*, как и сегодня говорят, то он, выпущенный из воинского присутствия в большом селе Новленском, из ухарства и удали перебил все горшки вдоль большой дороги, выставленные для продажи.

Сначала «забривали» на всю жизнь, а затем снизили солдатчину до 25 лет. Впервые слово «рекрут» упоминается в царском указе от 20 февраля 1705 года с требованием направить в солдаты по одному человеку в возрасте 20 лет с каждых 20 дворов. С этого года начались на Руси регулярные рекрутские наборы, хотя сама система была введена еще в 1699 году. Когда страна воевала, то в армию рекрутировалось намного больше, чем в мирное время. Но таких мирных лет в России выдавалось чрезвычайно мало**.

Каждому рекруту, которого определяли большей частью по жребью сельской или городской общиной, устанавливалось денежное и хлебное довольствие. До 1722 года армия была великорусской, а затем стали набирать мордву, черемисов (нынешних марийцев) и татар. В конце XVIII века солдатские наборы стали производиться на Украине и в Белоруссии.

«Первым русским солдатом» считается не рядовой по званию, не крестьянский рекрут, а офицер, майор артиллерии С. Л. Бухвостов (1659–1728 годы), зачисленный в Преображенский полк, участник Азовских походов и Северной войны. В этом, конечно, сказывается сословный подход, но никогда так и не станет известным, кто конкретно из русских солдат (по званию «нижних чинов») был первым. Выяснить это невозможно, так как армия начиналась не с чистого листа, не с какого-либо указа, а в своей солдатской массе, в своём рядовом составе вела традицию с древности, видоизменяясь, согласно требованиям времени.

Не то, чтобы солдат не считали за людей, хотя они были, в основном, бывшие крепостные, а то и беглые от помещиков (служба в армии делала крестьян «государственными людьми»), но сословное предубеждение имелось. К примеру, в истории Белозерского полка потери указывались с конкретными фамилиями только у господ офицеров, а скопом, общей цифрой — у нижних чинов, солдат. И в описании сражений, боев, которые историк полка Эдуард Мержеиовский черпал из рескриптов, приказов, бумаг разного рода, ни разу не упоминался кто-либо из рядового состава, о последнем он оперирует только безликими цифрами.

Между тем петровский Устав 1716 года требовал от офицеров «о солдатах иметь немалое попечение». «Офицеры, — подчеркивалось

* У годных рекрутов после медицинского осмотра брили лоб, а у негодных — затылок.

** Памятником им, безымянным хлебопашцам, стала повесть Евгения Носова «Усыатские шлемоносцы», о рекрутах-крестьянах, мобилизованных на другую войну – Великую Отечественную.

там, — суть солдатам, яко отцы детям; они должны добрые дела их похвалить, за худые же крепко и с усердием наказывать».

Уделяя огромное внимание армии, понимая, что без нее, сильной, активной, хорошо обученной, России перед супостатами с запада и с юга не сдобровать, Петр всегда подчеркивал, что «имя «солдат» просто содержит в себе всех людей, которые в войсках суть, от высшего генерала даже до последнего мушкетера, конного и пешего». Позднее, уже после Петра, такое солидарное равенство, вызванное государственным долгом — воинской службой, как крестьян, так и дворян, было во многом забыто, вплоть до времен Екатерины и А. В. Суворова.

Между тем, «русский труженик-солдат», как определил его А. Т. Твардовский, — один из главных персонажей русской истории. Безымянный персонаж, а потому и типичный. В этом обозначении слово «труженик» стоит на первом месте. Не «удалец», не «храбрец», а именно по-крестьянски натруженный в каждой войне, терпеливо и стоически переносящий все тяготы армейской жизни, перекопавший окопами и ходами сообщений половину Европы и Азии, вымостивший переправами все известные реки мира. «Встретился овраг. Пехота перейдет, а кавалерия и артиллерия не двинутся. Надо пролагать дорогу, устраивать мост, вырубать деревья. Поэтому нет в мире солдата, которого нельзя было бы не назвать работником. Вот он чудный русский солдат, с топором в одной руке, с винтовкой в другой, в оборванном полушубке, живой, вечно шутливый, грозный и бесконечно великодушный». С кем эта война, чей это портрет? Не ошибусь, если скажу, что перед нами любая война России, и сам портрет — это слепок с миллионов русских солдат, их правдивый образ.

Да, образ!.. Уж как историк-эмигрант А. А. Керсновский, пребывая в бедности, ютясь по заграничным чердакам, любил русскую армию, но и он не назвал по имени-фамилии ни одного солдата-героя (да, и кто записывал их имена, их подвиги?!), и с большой долей обобщения писал, в частности, о петровских «чудо-богатырях»: «Вспомним, какая великая доля выпала хотя бы солдатам полков Островского и Толбухина, первых поселенцев Котлина и Петропавловской фортеции! В далеких финских дебрях, с оружием в одной руке и топором в другой, расчищали они бурелом на месте будущей Невской перспективы под волчий вой и выстрелы шведских партизан. И кости этих первых пионеров, сложивших свои головы в том далеком, неприглядном краю, явились сваями Санкт-Петербурга, фундаментом российской великодержавности...

Вспомним тех же Бутырцев, прадедов по прямой линии Гаврилы Сидорова, пронесших на своих плечах и в еще более диких дебрях корабли из Белого моря в Онежское озеро... И вся эта петровская армия, терпящая лишения, но бодрая духом, железной рукой направляемая все к новым подвигам, в распутицу и стужу совершающая тысячеверстные походы переходы — от Полтавы к Риге, от Риги к Яссам, из Ясс на Копенгаген — не была ли армией великого народа, армией великого Царя?».

Пафос историка понятен, он даже красив, душеподъемен, благороден, но мне, когда рассказываю о Белозерцах, всегда не хватало рассказа о простом солдате, главном герое полка. Но где хотя бы одна его биография? Кто он, этот ратник, дружинник, гренадер, пехотинец, кавалерист Белозерец?

Даже классическая русская литература не дает ответа на вопрос о русском солдате. Хрестоматийные образы пушкинского капитана Миронова, лермонтовского Максима Максимовича, толстовского капитана Тушина — это, прежде всего, образы офицеров, достигших небольших чинов. Плоть от плоти народные типы, они рисуются, как верные и скромные служаки, верные долгу и присяге. Разве что образ легендарного севастопольского матроса Кошки подходит для ответа на вопрос, но мы так и не знаем ни его имени, ни фамилии, запомнив только прозвище народного храбреца.

Во второй половине XIX века историки стали задумываться, почему в их книгах нет того, кто являлся главным творцом победных батальей. «Русский народ может гордиться солдатом, примером того, до какой высоты может подниматься нравственная сила русского человека, — пишет, открывая историю Кавказской войны, ее выдающийся летописец В. Потто. — Недаром он воодушевлял русских поэтов, воодушевлял не менее величественной природы кавказской. И если мы еще в детстве узнаем и научаемся уважать имена героев древности Коклесов, Сцевола, то не дороже ли для нас память наших собственных героев? Конечно, вся Россия знает таких людей, как князь Цицианов, Ермолов, Котляревский; но многим ли известны скромные имена Карягина, Гулякова, Монтезоро, Овечкина, Щербины и многих, многих других — людей, не высоких чинами, но великих своим героизмом и самопожертвованием».

Я и сам, как потомок солдата Белозерца, должен предьявить, прежде всего, строгий счет к себе. Прожив более 50 лет, узнал, наконец, подробности боя моего прадеда Александра Ивановича Кирова, **рядового Белозерского пехотного полка**, на мосту через реку Вид в Болгарии, во время которого он, герой Плевны, был ранен в руку. Разве трудно было сходить в Российскую государственную библиотеку (бывшую Ленинку) и по каталогу заказать книгу «Плевна и гренадеры 28 ноября 1877 г.», вышедшую в Москве через год после сражения?! Был бы интерес!.. В книге сказано, что в составе 2-й гренадерской дивизии Гренадерского корпуса воевали прикомандированные бойцы и офицеры 13-го пехотного Белозерского полка, но опять-таки нет никаких данных о рядовых (а мой прадед, кубенский крестьянин, числился, естественно, рядовым), лишь указаны отличившиеся в бою прапорщики Дробышевский, Свенцицкий и Троицкий, сослуживцы Александра Ивановича.

Сохранились семейные предания, как во время осады Плевны мой прадед сражался в рядах осаждавших город войск. Когда Осман-паша собрал сорокатысячный гарнизон, выстроил его в колонны и направился к старинному мосту через реку Вид, русские пехотинцы

перекрыли ему дорогу на Софию. После многочасовой ожесточенной схватки Осман-паша сдался в плен.

На этом мосту Александр Иванович Киров был ранен в правую руку выше кисти штыком. Шрам сохранился на всю жизнь. Произошло это так: мой прадед замахнулся на турка прикладом, сбил его с ног, но турок успел-таки штыком его задеть. Или по рассказам дословно: «Всех их сгрудили на мосту, наши их тут и били. Их густо-густо шло, они все грудой в свалке-то этой, в груде-то и ударил он турку прикладом, а турка его — штыком». Односельчане знали о его геройстве на Видском мосту, и в его родных деревнях и по округе девушки пели песню: «Как на этой на войне Кырова Сашу ранили».

Читая книгу о деле под Плевной, я почти дословно находил совпадения с устным рассказом, которому почти 150 лет: «Передние, отступая, наседали на шедших сзади, последние, в свою очередь, напирала на бывшие позади их части и обозы и, таким образом, вся масса турок, тесня постепенно друг друга, столпилась у реки Вид, близ мостов... Гренадеры, сопровождаемые артиллерией, продолжали наступление, поражая страшным огнем отступавших». Осман-паша, раненный во время сражения в ногу, решил-таки выкинуть белый флаг... «По прибытии генерала Ганецкого переговоры о сдаче шли недолго; затем Осман-паша быстрым движением снял с себя саблю, задумчиво посмотрел на нее, как бы прощаясь, и молча подал заветное оружие генералу Ганецкому».

Потери турок убитыми и ранеными насчитывали около 6000 человек. У наших убитыми: офицеров 11, нижних чинов около 400; ранеными и контуженными: генералов 1, офицеров 52, нижних чинов около 1200 (среди последних был и мой прадед). В плен нам сдалось 40 тысяч человек. Генерал-лейтенант Ганецкий издал приказ по гренадерскому корпусу: «Бой 28 ноября с Осман-пашою решил участь его армии, столь стойко сопротивлявшейся всем усилиям нашего оружия в течение почти 8 месяцев... Виновниками этого достойного события, которое будет составлять одну из лучших страниц боевой истории русской армии — были вы, подчиненные мне войска. Ура, честь и слава вашему мужеству и беззаветной храбрости!». Император также подписал приказ: «Спасибо вам, богатыри, спасибо за всё, что вы делали до сих пор! Продолжайте так, и враг во веки веков не забудет ваше грозное «ура». Николай». Александр Иванович Киров в это время, раненый, находился на излечении в одном из военно-полевых госпиталей, открытых в местечках Сгалевице и Боготе.

Я не знаю, где он похоронен, могилы его не сохранилось. Но имеется ему памятник в Москве, в центре города. Это знаменитая часовня «Героям Плевны». Мне было не досуг подойти к ней, прочитать надписи на ее стенах (теперь можно зайти и в саму часовню). Три года я работал совсем рядом и не мог собраться... На бронзовой доске памятника солдатам Плевны, а, значит, и моему прадеду Александру Ивановичу Кирову, читаются такие слова: «В ночь с 27 на 28 ноября, собрав у моста через реку Вид все свои войска,

Осман-паша рано утром во главе передового отряда ринулся на русских grenадер. Кровавый, ожесточенный бой турок с гренадерами продолжался с 8 часов утра до часу дня. Осман-паша, теснимый с фронта гренадерами и, не имея пути отступления, сдался со всей своей армией».

Был ли Александр Иванович награжден за этой бой? Если и был (известий на этот счет не имею), то, самое большее, медалью. Русскому солдату за ту или иную громкую победу выделяли дополнительное жалование или лишнюю чарку водки. Даже орден святого Георгия был учрежден Екатериной Великой для офицерства, и первым его кавалером стала сама императрица.

Ради справедливости нужно добавить, что эта победоносная правительница продолжила Петров обычай чеканки медалей для всех чинов в память важнейших побед русского оружия. На медали в честь Чесмы, к примеру, значилось только одно слово «Был». И достаточно, чтобы оценить героизм участника!.. За штурм Очакова всем нижним чином выдавалась серебряная медаль. Такая же за Кагул и так далее.*

На этом фоне прямое обращение Александра Васильевича Суворова к простому солдату выглядело вызывающе. Как известно, в знаменитом наставлении великого полководца «Наука побеждать» одна из главных частей называется «Словесное поучение солдатам о знании, для них необходимом» (или «Разговор с солдатами их языком»). Солдат, по Суворову, не механизм, артикулом предусмотренный: «Каждый воин должен понимать свой маневр».

«Суворовская “Наука побеждать”, — согласимся с А. А. Керновским, — катехизис, подобно которому не имеет и не будет никогда иметь ни одна армия в мире... Наиболее блестящий из комментаторов Суворова, но и в то же время менее всех его понявший, генерал М. И. Драгомиров пытался, например, резюмировать всю суворовскую доктрину крылатой фразой “пуля дура, штык молодец”. Фраза эта взята, выхвачена из другой, и ей придан тенденциозный смысл. Суворов сказал иначе: “Стреляй редко да метко, штыком коли крепко, пуля обмишулится, штык не обмишулится, пуля — дура, штык — молодец!” ... “Наука побеждать” писана не просто для военных, а для чудо-богатырей, все равно, будут ли эти чудо-богатыри иметь кремневые ружья или усовершенствованные пулеметы». За суворовскими словами стоял огромный практический опыт полководца, который сам начал службу в русской армии солдатом.

Впервые на рядового без сословного предубеждения стали смотреть в XIX веке в долгие и тяжелые десятилетия Кавказской войны. Такое внимание характерно для русской «кавказской» литературы, частью романтической, частью реалистической, когда и Лермонтов, и Бестужев-Марлинский, и Полежаев оказались на Северном Кав-

* Только при Павле I солдатам стали выдавать за 20 лет беспорочной службы знаки ордена св. Анны.

казе не по своей воле. Не будь их произведений и при отсутствии переизданий «монархических» историков В. Потто, Н. Дубровина, А. Зиссермана и других, и эта знаменитая для российского прошлого война стала бы попросту забытой. Писать о событиях тех лет особо не поощрялось, чтобы «не разжигать страсти».

Мы обязаны, как и на других войнах, знать о службе, судьбе и подвигах русского солдата, основного армейского тягла той полувековой борьбы, который пришел на Кавказ *не порабителем и колонизатором, а защитником и охранителем покоя и мирной жизни.*

Психологическую трансформацию рядовых в боевых действиях убедительно показал в своих очерках, опубликованных в 1877 году в «Кавказском сборнике», историк И. Дроздов. Русский солдат не был на Кавказской войне «пушечным мясом» и безмозглым исполнителем приказов. Он действовал на поле битвы самостоятельно, умно, побеждал горцев личной храбростью и военным умением. «Одинокое развитие, — замечает И. Дроздов, — но не в смысле казарменной выправки, было доведено почти до совершенства. Солдат способен был думать не только за себя, но иногда, в случае надобности, и за офицера. Разве это не идеал солдатского образования? Шестьдесят лет постоянной войны, бивачная жизнь сблизили офицера и солдата. И горе, и радость были их общим достоянием, которым поделились честно. Солдат отдал офицеру свою силу, офицер солдату свои сведения. Они пополнили друг друга. Солдат сознательно повиновался старшему. Он видел в повиновении порядок в настоящем и залог чести в будущем. Власть не давила его. Он ее не чувствовал. Отсюда безграничное уважение к ней, соперничество в военных доблестях, сыновняя любовь к начальству, слова «отец и командир» были выражением искренним, не подобострастным. Разумная свобода отношений служила основанием администрации кавказской армии».

Когда публиковал свои заметки И. Дроздов, в либеральной прессе России, если и писалось о солдатах Кавказской войны, то выпячивались их негативные качества. «Ошибочно мнение тех, — отвечал им автор очерков, — которые нарисовали себя кавказца пьяницей, буяном. Нет! Кавказец шел суровым путем, нес тяжелый крест. Некогда ему было пьянствовать и буяннить. Может быть, нигде эти пороки не вызывали такого презрения, как в среде кавказских солдат. Не доест, не доспит, сегодня сорок, завтра шестьдесят верст пройдет, послезавтра вволю наработается штыком, прольет слезу над убитым товарищем, помянет его сухарем; и так в продолжение всей длинной службы, пока не свалит его горская пуля или не умрет он в лазарете».

От этих строк до литературы XX века, когда в русскую культуру и литературу пришло образованное крестьянство, создавшее великие образы «труженика-солдата» нашей армии, не такое большое расстояние. Сразу приходит на ум солдат-балагур Василий Теркин. Но эмоциональной вершиной «Книги про бойца» Твардовского стал другой образ, явно подсказанный автору многовековой

традицией числить «нижние чины» в безымянных. Нет в отечественной, да и в мировой литературе других стихотворных строк, которые с такой пронзительной художественной силой создали бы собирательный образ-символ безымянного солдата, того «неизвестного», которому ставят по всей России памятники и зажигают Вечные огни.

В этом солдате-сироте, действительно, можно легко найти черты и всех русских воинов, в том числе и искомым нами Белозерцев. «В общем, битый, тертый, жженный, раной меченный двойной... по земле он шел родной»:

*По вельню нашей силы,
Русской, собственной своей.
Ну-ка, где она, Россия,
У каких гремит дверей!*

Шел пешком, сбивая в дороге не одну пару сапог, не с киплинговским высокомерием белого человека, не железным маршем немецких колонн. «Шел солдат, как все другие, в неизвестные края: «Что там, где она, Россия, по какой рубеж своя?..», пока не оказался у родной деревни. И стоя там, у страшного пепелища, у могилы всей своей семьи, только тут и понял, кто он теперь на белом свете:

*И, бездомный и безродный,
Воротившись в батальон,
Ел солдат свой суп холодный
После всех, и плакал он.*

*На краю сухой канавы,
С горькой, детской дрожью рта,
Плакал, сидя с ложкой в правой,
С хлебом в левой, — сирота.*

...
*Если б ту слезу руками
Из России довелось
На немецкий этот камень
Донести, — прожгла б насквозь.*

Русский труженик-солдат, оказавшись вдалеке от родных мест, по своей неистребимой человечности эту сиротскую слезу даже у своих противников, ох, как чувствовал и понимал!..

У современного поэта Владимира Кострова есть стихотворение о солдате чеченской войны, которое удивительным образом совпадает по своему настроению с приведенными выше строками:

*Не банкира, не детей Арбата,
Не актера в маске какаду —
Я простого русского солдата
Вижу в телевизорном бреду.*

*Вот он курит. Вот он щи хлебает.
Вот вскрывает банку тесаком.
Вот окоп себе, как крот, копает,
Вот стоит плененный босиком.*

*Речи президента и премьера,
Телекомментаторов вранье.
Ты — мой сын, солдат, ты — боль и вера,
Горе неизбывное мое.*

Народ сам создал свой светлый образ-символ русского солдата в последней войне. Им стал Евгений Родионов, который в плену у бандитов не отрекся ни от родины, ни от православной веры, и после мучительных пыток погиб геройской смертью. Так наши предки чтители подвиг князя Василька Ростовского. Так народная память хранила имена пленных русских офицеров, расстрелянных Шамилем в Дарго в 1845 году.

Но со временем многие герои забылись. Увы!.. Вот уже наши соседи в ближайшем заграницьи предают анафеме советских солдат, павших в годы Великой Отечественной войны. Вся Европа засеяна русскими солдатскими могилами! Трудно будет их все извести.

У Василия Ивановича Белова есть один, памятный многим, рассказ на эту тему «Холмы»: «Вдруг впервые обожгла, заставила сжать зубы простая, ясная мысль. Никогда раньше не приходила она в голову. Здесь, на его (рассказ написан от третьего лица. — *В. Д.*) родине, даже кладбище только женское. Он вдруг вспомнил, что в его родословной ни одного мужчины нет на этом холме. Они, мужчины, родились здесь, на этой земле, и ни один не вернулся в нее, словно стесняясь женского общества и зеленого этого холма... Поколение за поколением они уходили куда-то, долго ли было сменить греблевище на ружье, а сенокосную рубаху на защитную гимнастерку? Шли, торопились будто на ярмарку, успев лишь срубить дома и зачать сыновей».

Не дает покоя мысль: почему северяне, с обрядом провожавшие рекрутов в солдаты, когда приходила весть (похоронка) о гибели на войне, не выносили это горе, трагедию на люди, а в каждом доме мужиков оплакивали сами, как могли, не по какому-то писанному и по традиции сложенному уставу. Об этом стоит поразмышлять.

Этот вопрос заинтересовал автора книги «Сказ о Беломорье» Ксению Гемп, когда она встречалась с одной из сказительниц в деревне Унежме. «Не знаем, — призадумалась Прасковья Парамоновна Ампилова, — какие сказания, песни складены по воинам, всем нашим поморам невозвернувшимся. Видать, ничего не написано, али писал кто, а никому на память не легло — так писал, не для нас. Обида это, все молодые они, молодость свою отдали, а говорят нам: “Погиб”, — да не погиб, а на защиту Родины жизнь свою положил. Ничего не сказывают душевного». Прасковья Парамоновна имела право на эти слова: в Первую мировую войну она потеряла трех сыновей, а в Великую Отечественную — четырех внуков.

Ксения Петровна Гемп сама сочинила «Слово о невозвращавшихся с войны» и привезла ее на суд Прасковье Парамоновне. В избу собрались все десять женщин Унежмы. «Слушали они молча, — рассказывает К. П. Гемп. — Безмолвна и горяча была их скупая слеза. Когда чтение кончилось, хозяйка встала и без слов взглянула на женщин. Они помолчали, а потом разом сказали: “Да”. И Прасковья подтвердила: “Вот так”».

Приведу отрывок из этого «Слова...», так как оно касается не только 27 солдат, не вернувшихся в деревню Унежму, а всех северян, и белозерцев в том числе, которые погибли за други своя, за землю родную: «Весь народ поднялся на защиту Родины своей. Вровень всем поднялись и северяне. Встали на борьбу за жизнь, за правду и свободу. Не впервой стеной стоять им. Невпервой их рука не дрогнет на правиле, непервой их глаз наметит в точку цель удара, непервой их тяжелый штык найдет свой путь. Не помедлив, поднялись все по воинскому долгу, по заветам дедов и отцов, по зову разума и сердца своего, по призыву кормщиков своих. Бой идет, бой кровавый долгий. Полегли бойцы отважные, кто в землю, кто на дно морское. Полегли в бою, за дело правое положили жизнь свою.

И звенел литейный колокол. Звенел не день, не два. Звенел он скорбно и протяжно, печали полон. Звенел тот колокол, что один еще остался на деревянной старой звоннице, три века пережившей.

Прошли года. Завоевана Победа долгожданная. И звенит многоголосый хор народный, как колокол звенит».

Почти 200 тысяч вологжан не вернулось домой после победных салютов. Более 150 уроженцев Вологодской области в нынешних ее границах были удостоены звания Героя Советского Союза. Летчик А. Ф. Клубов стал дважды Героем. Полными кавалерами ордена Славы стали 36 вологжан.

Сколько среди них было белозёр? Солдат и матросов? Наследников воинской славы своего района?

Расскажу только об одном герое, память о котором хранится на Вологодчине, прежде всего, в Белозерске и в Белозерском районе. Это — танкист-орденоносец Иван Прокопьевич Малоземов, посмертно, в 1943 году, удостоенный звания Героя Советского Союза.

Родился он 26 ноября 1921 года в деревне Пестово Гришинского сельсовета Белозерского района. Рано оставшись без отца, помогал матери Елене Ивановне, работая подручным кузнеца. С 1939 года учился в средней школе № 1 Белозерска, где в одном классе дружили три товарища — Сергей Орлов, будущий поэт и тоже танкист, Леонид Бурков и Ванюша Малоземов, как с любовью о нем писал в одном из стихотворений Сергей Сергеевич Орлов. Сохранился доверенный снимок этой неразлучной троицы.

Казалось бы, обычные вологодские ребята... Как всё просто и естественно: юность, родной город, Обводный канал, озеро, как море. Хорошо жилось и мечталось.

Война их разделила. Ванюша Малозёмов еще раньше определил свою судьбу: в 1940 году поступил в Саратовское танковое училище,

решив стать профессиональным военным. В январе 1942 года ушел на фронт. У Орлова есть прекрасное стихотворение под названием «Приснилось мне жаркое лето...» И далее: «...Хлеба в человеческий рост, и я восемнадцатилетний в кубанке овсяных волос». Таким он увидел себя через много лет после войны: не горевшим еще в танке, без страшных рубцов на лице, не видевшем и не знавшем ужасов войны.

Иван Малоземов не дождался победы. 31 января 1943 года он, командир взвода 6-й Гвардейской Краснознаменной Сивашской отдельной танковой бригады, погиб в бою за освобождение Сталинграда. Белозерский паренек (ему исполнился всего лишь 21 год) направил свой танк, когда кончились снаряды, и по его приказу экипаж покинул машину, на таран, громя в городских развалинах немецкие танки, разрывая им траки, перебивая жерла пушек. С такой отчаянной, на грани жизни и смерти, смелостью, с самозабвенным «упоеанием в бою», бились с татаро-монголами предки Ванюши, ходили в штыковую атаку на шведов и турок белозерские гренадеры.

Иван Малоземов в этом бою погиб смертью храбрых.

Тридцать пять томов насчитывает «Книга Памяти Вологодской области», в которую столбцами вписаны погибшие на войне вологжане. Для нашей земли такие жертвы были чрезмерными, они сказались на всем послевоенном социально-экономическом развитии области, особенно северной деревни. Но кто из воинов вологжан думал тогда о своей жизни, если на кон истории вновь была поставлена судьба и само существование русского народа?!

Подвиги самопожертвования, удалой храбрости, беспримерного героизма — в крови у вологжан. Почему именно наша земля, не в обиду другим краям будет сказано, рождает такой массовый героизм?.. Ведь, эти погибшие на войне 200 тысяч вологодских мужиков по численности тогдашнего населения области равняются смертельной убыли каждого четвертого жителя Вологодчины. Потери, сравнимые с братской Белоруссией, но там, по белорусской земле, огненным валом прошел немец; там жертвы включают в себя, прежде всего, мирное население, которое истреблялось и выжигалось фашистами по деревням. А у нас погибли лучшие из лучших, которых так все послевоенные годы не хватало.

Мой отец рассказывал, что о войне он узнал из уличного репродуктора на вологодском Каменном мосту. Толпа хмурых горожан слушала выступление Молотова. Когда стало ясно, что началась невиданная в истории война, и мы атакованы противником по всей границе, от Черного моря до Балтийского, стоявший рядом с моим отцом седой дед невольно крякнул: «Эх, не добились мы его в 17-м году!»

Если бы да кабы!.. Не случись катастрофа с армией Самсонова, в рядах которой сражался Белозерский пехотный полк, и почти весь был выбит, не произошли другие, драматические и трагические события в тогдашней истории, Россия, наверно, была бы близка к победе в 1917 году над Вильгельмом. Добей тогда немцев, разгро-

ми их, как шведов в XVIII веке, которые уже никогда с тех пор не лезли на русские земли, может быть, и не было бы Гитлера, и всего остального.

Но зачем гадать?! Не вернешь сотен тысяч солдат вологжан, а во всех войнах, считайте, их были миллионы...

Нам и сегодня рано подводить штыком черту. Так же, как Ванюша Малоземов, нынешние вологодские ребята мечтают о подвигах и славе. Меньше, как ворчат старшие, об этом мечтают, чем хотелось бы, другие у них интересы... Но, когда придет время...

О матросе Сергее Преминине из Великоустюгского района, ценой своей юной жизни заглушившим атомный реактор подводной лодки «К-219», знают многие люди в России. Но вот губернатору Вологодской области В. Е. Позгалеву пришло письмо об увековечении памяти рядового 6-й роты 104-го Гвардейского десантно-штурмового Краснознаменного полка 76-й Гвардейской десантно-штурмовой Черниговской Краснознаменной дивизии Владимира Николаевича Изюмова, родившегося в городе Сокол. Он — боец легендарной 6-й роты псковских десантников, которые преградили путь боевикам в 30 раз превышающим их по численности. Новоявленные враги России рвались 29 февраля 2000 года через Аргунское ущелье в долину и далее в Дагестан. Владимир Изюмов погиб, как большинство гвардейцев десантников, не отступил, не сдался в плен... Был похоронен на родной сокольской земле.

Вам, дорогие читатели, подвиг этого паренька ничего не напоминает?.. Такие же ситуации в боях, когда нельзя было сделать ни шагу назад, ни на Куликовом поле, ни у Полтавы, ни на Малаховом кургане, ни под Москвой в 1941-м году? Теперь к этим битвам прибавилось и Аргунское ущелье Чечни. Неважно, что последняя из них стратегически не имеет такого значения, как великие сражения. Хотя, как и с чем сравнивать?.. Разве происходивший тогда распад России не остановили такие ребята, как псковские десантники и с ними вологодский солдат Владимир Изюмов? Подвиг на войне он и есть подвиг. «Мгновенно человек погибает», — скорбел в своем «Поучении» великий князь Владимир Мономах, сам предпринявший десятки военных походов и видевший не раз смерть в глаза.

Мгновенно, за Родину, за родной Сокол, за реку Сухону, погиб Владимир Изюмов. Склоним перед его памятью головы, а сами оправимся вместе с пехотой Белозерского полка в новые походы и сражения.

Впереди нас ждет Бородино.

В БОРЬБЕ С НАПОЛЕОНОМ

*«За убитых Церковь молится,
живым — победа,
слава, слава, слава!»*

Александр Суворов

С утра 12 сентября 1805 года на пристанях Кронштадта и Ревеля царило оживление. Шла спешная погрузка на корабли русской армии, отправляющейся в Ганновер в распоряжение шведского короля Густава IV. Для России вновь начиналась тяжелая череда войн, продолжавшаяся 10 лет. Приходилось иной год сражаться одновременно на двух-трех театрах военных действий. Постоянным наших противником была Франция во главе с Наполеоном Бонапартом (1769–1821 годы), на южных границах шла война с Персией и Турцией. Страна не испытывала такого напряжения всех сил и мобилизации ресурсов со времен Северной войны.

В 1805 году в полевой армии России насчитывалось 340 тысяч человек, еще под ружьем ходило 100 тысяч гарнизонных войск и более 100 тысяч казаков. Но и этого в 1806 году оказалось мало: сформировали ополчение из 100 тысяч государственных (черносошных) крестьян. К 1809 году русская армия имела 733 тысячи человек. А если сложить численность всех вооруженных сил, которых в случае военной опасности (как в 1812 году, когда было собрано 300 тысяч ополчения) имела при Александре I Россия, то получалась армия в полтора миллиона человек на 40-миллионное население страны.

Погибло в эти годы, страшно сказать, почти 800 тысяч человек. Из этого числа жертв почти 600 тысяч жертв пришлось на годы Отечественной войны и заграничные кампании (1812–1814 годы) в борьбе с Наполеоном. Для сравнения в армии Франции в 1802 году было чуть более 400 тысяч человек пехоты (ударной наполеоновской силы) и 45 тысяч человек конницы. К походу в Россию Наполеон собрал почти один миллион человек.

Размещаясь в трюмах кораблей, отплывающих в шведскую Померанию, Белозерцы, вошедшие в состав 2-й пехотной дивизии десантного корпуса графа Толстого (20 тысяч человек), и думать не думали, что им придется воевать без малого восемь лет. Ревельский рейд, от которого Белозерский полк когда-то отплывал в злосчастный поход в Голландию, конечно, не способствовал хорошим воспоминаниям, но от событий 1799 года почти не осталось ветеранов, новые рекруты за пять мирных для Белозерцев лет сформировали, по сути, новый состав прославленного полка. И хотя вновь море потрепало корабли, не обошлось и без потери 400 казаков и взвода кирасир, высадившихся с разбитых штормом судов на один из остро-

вов, к берегам Померании и к острову Рюген Белозерцы добрались в полном составе.

За чьи интересы шли сражаться Белозерцы? В первую очередь, за английские. Именно Лондон втягивал в эту войну Россию, боясь вторжения императора Наполеона на туманный Альбион. Также нужно учитывать и российские причины для войны, когда победоносный «Бонапарте», как его называли в России, громил одну за другой армии наших европейских союзников. Поэтому, чтобы справиться сообща с французами, и была в 1805 году заключена коалиция Англии, Австрии, Швеции и России против зарвавшегося императора.

Заняв Ганновер, граф Толстой разбил лагерь на правом берегу реки Везера. На военном совете было решено корпусу идти на нижний Рейн. Но тут же пришло известие о жестоком поражении 20 ноября союзных войск России и Австрии от Наполеона под Аустерлицем. Графу Толстому предписывалось вступить в распоряжение прусского короля Фридриха-Вильгельма III, присоединившегося к европейскому союзу против Франции. Но король вскоре заключил мир с Наполеоном и повелел русскому корпусу возвращаться в Россию, что граф Толстой не замедлил исполнить.

* * *

1806 год ознаменовался новыми военными походами в Европе. Война разгорелась нешуточная. Пока посланный Алесандром I русский корпус под командованием генерала Л. Л. Беннигсена, шел на помощь Пруссии, которая вновь вступила в единоборство с Наполеоном, армия Фридриха-Вильгельма III была французами разгромлена. Беннигсен остановился у города Пултуска ожидая Наполеона. Вдогонку ему из России был послан корпус графа Буксгевдена, в который входил Белозерский мушкетерский полк, числившийся в 14-й дивизии генерал-лейтенанта Анрепа.

Два русских корпуса долго маневрировали, Беннигсен разбил французов у Пултуска, но Белозерцы в этом сражении не принимали участия. Наконец, 28 декабря корпуса соединились. Им пришлось испытать настоящее лихо на своем пути: доходило до того, что, голодая, русские солдаты были вынуждены бродяжничать.

Найдя в Тыкоцине складочные магазины, русская армия привела себя в порядок и пошла маршем к городу Баялы. В это время были получены указы о назначении генерала Беннигсена командующим двумя корпусами, а граф Буксгевден оставался Рижским губернатором.

Январь 1807 года прошел в походах, которые рано или поздно должны были закончиться большим сражением. Белозерцы вошли в состав арьергарда под началом, прибывшего из Санкт-Петербурга, князя П. И. Багратиона. Непосредственно они подчинялись генерал-майору Багговуту, с которым 23 января Белозерский мушкетерский полк принял, наконец, боевое крещение в сражении с французами.

Белозерцы под командованием полковника Гордеева стояли в первой линии русских войск. Осыпаемые неприятельским градом пуль и картечи, мушкетеры бросились в штыки. Французы отступили, но пока русские войска перегруппировывали свои силы, неожиданно окружили Белозерский полк. Князь П. И. Багратион позднее доносил об этом сражении: «Без замешательства, производя жесткий ружейный огонь, Белозерский и 4-й егерский полки отбивали атаки конницы, ходили несколько раз в штыки и очистили себе путь».

Взаимное отступление прекратило кровопролитный бой. Таких боевых стычек в ходе зимней кампании было немало. Французы шли по пятам отступающего Багратиона, нападая на его войска.

Наконец, у Прёйсиш-Эйлау 7–8 февраля произошло крупное сражение 53 тысяч французов под командованием Наполеона с 78 тысячами русских и австрийцев под командованием Беннигсена. Французы в два раза уступали нам по количеству артиллерийских орудий.

На рассвете 8 февраля Наполеон атаковал противника по всему фронту, но наша пехота выдержала атаку. Попытки французов во главе с маршалом Даву обойти наш левый фланг, также ничего не дали. 22 часа шла битва, а результата не было. На следующий день Беннигсен отступил, чему Наполеон не препятствовал. Командир Белозерского полка полковник Гордеев за арьергардные бои под началом Багратиона был награжден орденом святого Георгия 4-й степени.

Весной перед русской группировкой была поставлена Государем задача разбить маршала Нея. 24 мая Беннигсен двинулся к Гутштадту, где в отрыве от других сил французов стоял корпус Нея. Имея трехкратное превосходство, русские попытались окружить французов, но неудачно. Ней ушел из западни.

Целый месяц сражались наши войска с неприятелем, то побеждая, то проигрывая, как случилось под Фридландом. Белозерский полк был в составе главных сил, неся потери, но и хорошо воюя. К примеру, командир 1-го батальона Белозерцев подполковник Бревнер «бросался в середину неприятеля и примером личной храбрости воодушевлял подчиненных», за что был удостоен, как и командир полка, Георгием 4-й степени. Другой Белозерец капитан Алексеев «все время отличался храбростью и мужеством и поощрял подчиненных к неустрашимости. Капитан Макаров 2-й, штабс-капитан Хартлинг и поручики Черноянинов и Орлов, «находясь в ближайшей дистанции от неприятельской батареи, которая действовала картечными выстрелами, отличали себя храбростью и воодушевляли подчиненных». Понятно, что о солдатах, нижних чинах, опять не вспомнили.

25 июня в Тильзите был заключен мир с Наполеоном. Он уже не выглядел непобедимым. Русские его уже били, а если он их и побеждал, то с большим трудом.

Белозерский полк вернулся на квартиры в Санкт-Петербург.

* * *

Прошло несколько месяцев. И вновь зазвучали трубы с призывом «сбираться» на очередной поход. На этот раз со шведами, на войну, получившую название «Финляндской» (1808–1809 годы).

Этот противник был хорошо известен Белозерцам. Сколько раз они били шведов! И вот судьба их вновь столкнула на полях сражений. На этот раз нам предстояла задача отвоевать Финляндию, чтобы обезопасить столицу России.

Укрепив свои ряды рекрутами, подучив их, Белозерцы в начале февраля 1808 года двинулись из Петербурга в Финляндию. Первое время они с Рязанским полком стояли гарнизоном в городе Гельсингфорсе. Только с июня начались боевые действия.

Мы не будем в деталях расписывать очередную войну, которую вели мушкетеры Белозерского полка. Читатель, думается, устал от штыковых атак и крепостных осад, боев арьергарда и скрупулезного подсчета убитых и раненых в сражениях. Лучше расскажем об одном из командующих этой кампании, с семьей которого Белозерцев сводила история полка.

В Финляндии храбро, как всегда, воевал генерал-майор Я. П. Кульнев, первый русский генерал, убитый в начале Отечественной войны 1812 года. Он был выдающимся русским военачальником, заслужившим слова высокой оценки от самого Наполеона. Но что нам император Франции?! Вся Россия оплакивала гибель Якова Петровича Кульнева.

Его младший брат Иван Петрович Кульнев 30 апреля 1799 года был определен шефом Белозерского пехотного полка. При Павле I и в первую половину царствования Александра шефы полков являлись их инспекторами. От почетного звания, которое утвердилось позже, инспекторство отличалось тем, что храбрые генералы (шефами были Милорадович, Багратион, Каменский 2-й и многие другие герои Отечественной войны) придавали тому или иному полку «лица необщее выражение»; полки для них становились школами ратного дела, инспекторы отрабатывали в полках тактику боя, вели военную подготовку, занимались воспитанием.

Карьеры в те годы, когда Россия постоянно воевала, делались стремительно. Иван Петрович Кульнев начал службу в 1788 году подпоручиком, а генерал-майором стал уже через 11 лет. И в шефах Белозерского полка он проходил недолго. 13 мая 1799 года И. П. Кульнев поступил в Астраханский гренадерский полк командиром.

Сохранился уникальный документ — письмо Якова Петровича Кульнева своему брату Ивану Петровичу от 28 мая 1799 года, то есть спустя месяц после того, как он был назначен шефом Белозерского полка, и спустя две недели после его перевода к Астраханцам. Знал ли Яков Петрович о последнем назначении брата? Из письма это неясно. Упоминание о стоянке полка в Бресте служит небольшим основанием предполагать, что Яков Петрович дает советы младше-

му брату в качестве шефа Белозерцев. Потому что другие русские соединения под командованием А. В. Суворова в это время бились в Северной Италии с французской армией генерала Моро.

Более опытный Яков Петрович в своем письме пишет, как выстраивать отношения с подчиненными, на что в первую очередь обратить внимание и т.п. Через два века мы слышим голос Я. П. Кульнева, узнаем его мысли о чести и долге, о лучших традициях русской армии. Прочитируем это интересное письмо по возможности подробнее:

«Ты теперь, любезный брат, достиг того звания (И. П. Кульнев произведен был в генерал-майоры. — *В. Д.*), что в руках твоих состоит благополучие и несчастье всех твоих подчиненных: первое, буде допустит случай, немедленно совершай, а последнее всегда отлагай, ибо зло всегда есть время сотворить. Подчиненных своих заставь себя любить и почитать, потому что слабость и упущение навлечет тебе самому несчастье. На это есть способ без сделания зла, разве только необходимость к тому понудит. Заставить любить себя, не воображай, чтобы зависело от истощения твоего кармана, который у нас совершенно пуст; нет! Но будь справедлив, знай различать людей, а больше всего пренебрегай всякой интерес, в противном случае — самая пагубная вещь. Живи, как Бог велел, из одного жалования: будет с тебя и того, никто не взыщет, что не будешь столов давать: эти столы доводят до долгу; денег нет, откуда взять? Посетишь казенный ящик, повадишься в оный ходить, вдруг полк сдаешь! Беда! Нечем пополнить прожитой суммы, все отступятся от тебя, и ты погиб на веки!

Вот, любезный брат, не по карману расход до чего доводит! Все, поступающие в полк суммы, ни мало не мешкая, раздавай, равно и все что только до солдата будет принадлежать. На малые, непредвиденные издержки полковые Государь дал способ, отдав подъемных лошадей на отчет Шефов. В походе содержи весь комплект в лучшей исправности, а на месте довольно и половины, но на недостающее число имей денежки готовые, дабы ни в чем не могла пострадать твоя честь; злое же всему — *интерес*: берегись его аки яду, не тронь чужого и своего не истощай — все будут довольные.

Теперь остается поговорить с тобою о свойственной нашему роду храбрости. Способ единый в нынешнем положении твоем поправить свое состояние, но способ, по крайней мере, признанный благородным. Я полагаю, как слышал о том, что полк ваш находится в Бресте, и пойдет против французов: вот случай хороший отличить себя в военном ремесле. Государь щедро награждает таковые услуги не токмо знаками отличия, но, узнав, что ты бедный человек, кроме жалованья ничего не имеющий, вознаградит и имуществом, но только надо быть истинно храбрым, а не лукавством оное приобрести, а по Суворовски называется *ускройтайством*. Полк, коим командуешь, столь надежен, что ежели заставишь себя любить, то пройдешь до самого Парижа невредим. Между тем, не воображай, любезный брат, чтоб робость могла тебя сохранить от уязвления: лучший спо-

соб к сохранению живота своего есть храбрость, сопровождаемая присутствием духа, без чего не спасешь себя, но стыда наделаешь на весь век.

Ежели ты себя раз определил на сие ремесло, то весь страх должен исчезнуть. Поверь, что не всегда будешь иметь столь удобный случай заслужить хорошую репутацию, а паче в твоём чине; ты теперь и с малым счастьем можешь сделать свое состояние, но не корыстью неприятельскою, — стыд великий! не наше дело! наше — победа! Возьми за правило, когда разгорячишься, не принимай никакого дела.

Вот тебе, любезный брат, мой истинный совет: старайся быть любимым всеми, заслужить хорошее имя и поправить свое состояние. Всего описать нельзя было, но главное зла опасайся — интереса! Прощай, будь здоров и счастлив; мужайся и бей нещадно французов!»

В этом письме содержатся важные для нас наблюдения Якова Петровича Кульнева, кстати, старшего по возрасту, но младшего, в сравнении с братом, по чину (генерал-майором он стал только в 1808 году) над внутренней полковой жизнью, ее спецификой. В чем-то советы старшего брата напоминают своеобразный «кодекс чести» русского офицера — командира, шефа полка. Прежде всего, заслужи любовь и уважение своих полковых товарищей своей храбростью, и ни чем иным; стесненность свою в средствах (Кульневы были выходцами из бедного дворянского рода, жили на жалование от военной службы) нельзя возмещать из полкового ящика (кассы); совершай поступки, будучи хладнокровным, горячность вредит делу; поправить свое имущественное состояние можно только через смелость в бою, которую неизбежно отметит Государь.

В Интернете можно легко найти портрет обер-офицера Белозерского полка: с «пушкинскими» бакенбардами, в треуголке, со шпагой. Таковым мог быть и И. П. Кульнев, и другие шефы и командиры полка. Похожим brave офицером был и подполковник Ермолай Федорович Керн (1765–1841), под командованием которого Белозерцы сражались с французами в 1812 году.

* * *

Шведы в 1808 году в очередной раз были разбиты русской армией. 17 ноября они заключили перемирие на неопределенное время, отдав России всю Финляндию.

Войска расположились на зимних квартирах в местах, в которых их застало окончание кампании. Белозерцы стояли в селах Брункале и Пентис.

Но вскоре выяснилось, что, попросив перемирия, шведские генералы не оставили надежды на реванш, мир с восточным соседом их не устраивал.

Чтобы принудить Швецию к окончанию войны, Александр I распорядился открыть военные действия на Аландских островах.

В состав экспедиционного корпуса под начальство князя П. И. Багратиона был включен Белозерский полк. В феврале войска корпуса выступили в поход.

«Холодная, но тихая погода вполне благоприятствовала русским, — пишет историк Белозерского полка. — Одетые в полушубки, теплые фуражки и обувь, бодро шли наши молодцы по замерзшему морю (через Ботнический залив. — *В. Д.*), снежным сугробам или меж нагроможденных в некоторых местах скал, и к вечеру 3 марта колонна графа Строганова, в составе которой находился Белозерский полк, достигла острова Бене, где находился шведский отряд, расположившийся в укрепленной позиции...

Весь свой путь русские не встречали неприятеля. Все, пройденные ими, деревни оказались сожженными и покинутые жителями, так как шведы главным средством обороны стали считать опустошение населенных мест, ближайших к финляндским берегам. Целью их было не дать русским пополнять запасы продовольствия.

Однако расчет шведов оказался неверен. Множество саней, груженых съестными припасами, водкой и даже дровами, взятыми в месячной пропорции, следовало за русскими войсками, и они не нуждались ни в чем».

Белозерский полк был в авангарде, он шел под командованием знакомого нам Я. П. Кульнева. Шведы отступали без единого выстрела. В пути они бросали фуры, пороховые ящики, снаряды, обозы. Не успевали даже вывезти орудия. Аландские острова были покорены в очень короткие сроки.

Наши войска, не снижая темпа наступления, вышли к берегам Швеции, вызвав немалое удивление противника, не ожидавшего от русских такого быстрого продвижения. С хода заняв прибрежное селение, Я. П. Кульнев доносил князю Багратиону: «Благодарение Богу, честь и слава Российскому воинству на берегах Швеции. Я с войском в Гриссельгаме воспеваю: «Тебя Бога хвалим! На море мне дорога открыта, и я остаюсь здесь до получения Ваших повелений».

Главнокомандующий русской армией генерал Кнорринг, проявив слабость и нерешительность, заключил со шведами перемирие, вместо того, чтобы одним ударом, используя боевой порыв войск, покончить с неприятелем. Войскам было приказано отойти в Финляндию, куда прибыл Александр I, недовольный Кноррингом (позднее он был снят с командования). Армию под свое начало принял М. Б. Барклай-де-Толли, который вместе с князем Багратионом был произведен в полные генералы. Я. П. Кульнев получил орден святой Анны 1-й степени, войскам были выданы денежные награды и серебряные медали, выбитые в знак победы.

Перемирие со шведами в одностороннем порядке Россией было расторгнуто, и 18 апреля военные действия возобновились, закончившись в начале сентября миром со Швецией, согласно которому России в вечное владение перешла вся Финляндия с Аландскими островами и другие территории.

Белозерцы, войдя в состав 17-й дивизии генерал-лейтенанта Олсуфьева, расположились на временных квартирах в Финляндии.

* * *

В ночь на 12 июня 1812 года, не объявляя войны России, Наполеон со своими главными силами перешел через Неман. Началось нашествие «двунадесяти языков», началась Отечественная война.

Белозерский полк числился в 1-й западной армии под командованием военного министра М. Б. Барклая-де-Толли во 2-м пехотном корпусе генерал-лейтенанта Багговута в 17-й дивизии генерал-лейтенанта Олсуфьева. При общей пехотной форме полк имел белые погоны с цифрой «17».

СПРАВКА: Михаил Богданович Барклай-де-Толли (1761–1818) родился в Лифляндии в дворянской семье шотландского происхождения. Службу в русской армии начал в Псковском карабинерском полку в чине корнета. Участвовал в Русско-турецкой войне 1787–1791 годов, отличившись при штурме Очакова, в боях в Польше, в Аустерлицком сражении и в битве при Прейсиш-Эйлау. Войну 1805–1807 годов закончил в чине генерал-лейтенанта. Особо проявил себя в 1808–1809 годах в войне со Швецией, под его руководством русские войска, в том числе и Белозерский полк, зимой 1809 года совершили марш-бросок на Аландские острова. За этот героический переход и вытеснение с островов противника Барклай-де-Толли был произведен в чин генерала от инфантерии, назначен главнокомандующим финляндской армии и генерал-губернатором Финляндии, а также награжден орденом Александра Невского. В 1810 году назначен военным министром. На первом этапе Отечественной войны 1812 года был главнокомандующим крупнейшей 1-й армией (127 тысяч человек при 550 орудиях).

Военную кампанию для России разработал прусский генерал К. А. Фуль: предполагалось иметь две армии — сковывающую и наступающую. Первая отступала перед вторгшимся противником, а вторая, используя момент, заходила ему в тыл. 2-й русской армией командовал П. И. Багратион (45 тысяч человек при 170 орудиях).

Прусская доктрина ведения войны оказалась совсем негодной. Две наших армии оказались разделенными, и на первом этапе, вместо того, чтобы остановить Наполеона, который жаждал одного — генерального сражения, пришлось бросить все силы для воссоединения русских сил в один кулак. Было решено собрать единую армию у Смоленска. Понимая, что русские меняют тактику, Наполеон решил не допустить соединения наших войск.

Вместе с 1-й армией Белозерский полк вел арьергардные бои, отступая в глубь России. К началу войны полк состоял из 2 батальонов (1-й и 3-й), в каждом из которых были по одной гренадерской и по три мушкетерских роты, запасного батальона, сформированного из трех мушкетерских рот 2-го батальона, пополненных до штата военного времени из прочих мушкетерских рот полка, и резервного батальона в составе трех рот. Гренадерская рота 2-го батальона (запасного) вошла в состав 10-го сводного гренадерского батальона 17-й дивизии.

Двадцатого июля армия Барклая-де-Толли вышла к Смоленску и расположилась на правом берегу Днепра. Наполеон, перестав бегать за двумя зайцами, и получив по зубам у деревни Салтановка, в районе Клястиц, где Я. П. Кульнев разгромил 30-тысячный корпус Удино, и в других стычках, прекратил преследование и решил дать отдых своим уставшим войскам. 22 июля армии наконец-то соединились. Замысел французов о быстром и сокрушительном разгроме русских потерпел крах. Окрепнув и прибавив сил, объединенная русская армия двинулась тремя колоннами вперед к Рудне. 2-й пехотный корпус вошел в состав правой колонны под началом генерала Тучкова 1-го. Французы попытались пресечь маневр русских, выйдя через леса им в тыл. Но те разгадали их замысел и стали оттягивать войска по направлению к Смоленску.

Четвертого августа 185-тысячная армия Наполеона атаковала Смоленск. Битва за город, открывавший путь к Москве, продолжалась два дня. Участник сражения артиллерист И. Радожицкий вспоминал: «Какую твердость духа имели тогда русские, оставленные для защиты Смоленска! Ядра, пули, обломки камней, падающие с огнем бревна, всё несло на них смерть и разрушение... Они умирали среди пламени в развалинах города, презирая все ужасы».

Белозерским полком командовал подполковник Е. Ф. Керн. На этом командире остановим своё внимание подробнее, ибо он поведет полк до Бородина. Ермолай Федорович Керн родился в 1765 году. В 1777 начал армейскую службу вахмистром в Смоленском драгунском полку и через два года переведен сержантом в Херсонский гренадерский полк. Под руководством А. В. Суворова принял участие в войне с турками. Произведен в прапорщики за отличие при штурме Измаила и в подпоручики за сражение при Мачине. Также отличился и на войне в Польше. В 1806 году Е. Ф. Керн участвовал в военных действиях на Кавказе. В кампании 1806–1807 годов против французов отличился при Гейльсберге. 4 декабря 1807 года назначен в чине майора командиром Перновского мушкетерского полка и произведен в подполковники через неделю. Е. Ф. Керн, опытный фронтовик, не пропустил и русско-шведскую кампанию 1808–1809 годов.

Раны, полученные в сражениях, давали о себе знать. По здоровью Е. Ф. Керн был в конце 1809 года уволен с «полным пансионом и мундиром», но жить гражданской жизнью старый вояка так и не смог. Подав рапорт, он 16 апреля 1812 года был назначен командиром Белозерского пехотного полка. До Отечественной войны оставалось почти два месяца...

Вместе с Белозерцами Е. Ф. Керн прикрывал отступление 1-й армии от Вильны к Дриссе. Геройски участвовал в сражении под Смоленском, где мы и оставили наш полк.

Добавим еще несколько штрихов к портрету Е. Ф. Керна. За взятие Очакова он получил медаль «За храбрость», вторую такую же — за Измаил. Был известен, как мастер штыковых атак, и в каждом последующем сражении отличился с повышением в чинах и получе-

нием наград. Четыре раза был ранен. Императору Александру I был представлен как один из лучших офицеров русской армии.

Мы еще вернемся к Е. Ф. Керну, а сейчас поспешим к Белозерцам, оставленных нами вместе со своим храбрым командиром под горящим Смоленском.

Отступая, наши войска оказались в критическом положении у деревни Годоиновой, где неожиданно появились французы. Прибывший сюда главнокомандующий Барклай-де-Толли, буквально оставил 2-ю бригаду 17-й пехотной дивизии, в которой шел Белозерский полк, и приказал этому отряду занять у деревни высоты с тем, чтобы уйти от французов, выиграть время.

Неприятель, атаковав высоты с фронта, начал их обходить с тыла. Тогда подполковник Е. Ф. Керн со своим полком бросился в рукопашную, в свою любимую штыковую. Противник оказался не из трусливых, к тому же он получил подкрепления. Чтобы не положить весь полк, Е. Ф. Керн приказал ему временно отступить.

Девятого августа русская армия сосредоточилась в Усвяты, а 17 августа отступила к селу Царево Займище, где ее встретил вновь назначенный главнокомандующий генерал от инфантерии М. И. Голенищев-Кутузов. 19 августа он был произведен в генерал-фельдмаршалы.

У Царева Займища Барклай-де-Толли предполагал дать французам генеральное сражение, но Кутузов, посчитав позицию невыгодной, отвел армию на несколько переходов ближе к Москве и встал у села Бородина, преграждая Наполеону путь к Москве.

* * *

Оторвемся от карты военных действий. Война с Наполеоном вошла в русскую историю, как война Отечественная. Всего, как известно, две войны — с французами в 1812 году и с немцами в 1941–1945 годов — получили это наименование. Название Отечественная подразумевает, прежде всего, что война была народной, велась всем Отечеством, всей страной.

В Вологодском областном государственном архиве хранятся уникальные документы об участии вологжан в народной войне с Наполеоном. Частью они были проанализированы в статье Б. Михайлова «Вологжане в Отечественной войне 1812 года». Но скромная брошюра с этой статьей, выпущенная в Вологде мизерным даже для 1968 года тиражом в одну тысячу экземпляров, стала библиографической редкостью.

Поэтому внимательно прочитаем небольшое исследование Б. Михайлова.

Вскоре после вторжения французов, сообщает историк, отставной солдат Фаногорийского гренадерского полка Никанор Остафьев, живший в Вологде, сочинил текст песни «К русским воинам», опубликованный в журнале «Сын Отечества» (июль 1812 года). Песня стала вскоре настолько популярной, что с ней солдаты шли на бой с французами:

*Братцы, грудью послужите,
Гляньте бодро на врага,
И народам докажете,
Сколько Русь вам дорога.*

Простые, незамысловатые слова легли на душу воинам. В них не было красот или витиеватых фраз. Всё просто, по-народному:

*Посмотрите, подступает
К нам соломенный народ,
Бонопарте выпускает
Разных наций хилый сброд.
Не в одной они все вере
С принуждением идут.
При чувствительной потере
На него же нападут.*

Такой войну с французами видел северный крестьянин.

Далее нам придется полнее процитировать сообщение Б. Михайлова (с небольшими сокращениями), поскольку оно передает настроение жителей Вологодской губернии в год Отечественной войны, а также рисует картины патриотического подъема вологжан в это время.

«Как известно, в первые же дни Отечественной войны для помощи регулярной армии стали создаваться народные ополчения в ряде городов России, — пишет Б. Михайлов. — В Вологодском областном архиве хранится распоряжение губернатора вологодскому городскому голове об образовании Вологодского ополчения из купчества, мещан и ремесленников и о сборе средств на его экипировку и вооружение. В этом документе указывалось на необходимость немедленно приступить к “выбору людей во временную службу и приготовлению всего для них потребного”.

Многие вологжане и прежде всего простые люди (ремесленники, мещане, купцы) стали подавать прошения о зачислении их в народное ополчение. Крестьяне добровольно стремились попасть в регулярную армию. В фонде Вологодской городской думы сохранился список вологжан, пожелавших вступить в ополчение сразу же по получении известия о начале военных действий. Более 140 жителей Вологды записалось в ополченцы. На собраниях и митингах в других городах Вологодской губернии запись добровольцев в ратники ополчения прошла не менее активно. Так, например, по сообщению Тотемского городского головы “к защите Отечества вызвались добровольно из мещан 40 человек”.

Одновременно с этим развернулся сбор пожертвований вологодского населения на экипировку ополченцев и нужды регулярной армии. Здесь также наибольшую активность проявляют не дворяне, а трудовое население города — вологодские цеховые мещане, а также и купцы. Вот краткая выдержка из записи пожертвований: “На обмундировку жертвую 150 рублей — Николай Орлов, Алек-

са... сын Волков — 150 рублей, Федор Иванов Стерляднин жертвую 50 рублей, Иван Дмитриев сын Пушкинов с братом Дмитрием — 150 рублей» и т. д. Только одни купцы и мещане г. Вологды собрали на нужды ополчения и армии за 1812–1813 годы 24 473 руб. 83 коп. Подобную же активность проявило население других городов губернии. Жители Великого Устюга собрали 5385 руб., жители Верховажья — 1325 руб., тотьмичи — 1179 руб., жители Усть-Сысольска — 661 руб. и Лальска — 280 руб”. О пожертвованиях населения других городов сведения пока не найдены. Но нет сомнения в том, что подавляющее большинство вологжан приняло активное участие в этом патриотическом деле. По имеющимся сведениям, населением Вологодской губернии на нужды ополчения и армии было собрано 33 203 руб. 83 коп. Кроме того, вологжане собрали много всякой одежды и обуви, особенно теплых вещей для ополченцев и солдат регулярной армии.

С не меньшей активностью сбор средств прошел в городах Вологодского края, входивших тогда в состав Новгородской губернии. В Белозерском и Крохинском посадах было собрано вместе 12 358 руб., в Устюжне — 5650 руб., в Череповце — 2000 руб. и в Кириллове — 940 руб.

Вологжанам было предоставлено право участия в Петербургском ополчении. 12 июля 1812 года главнокомандующий в Петербурге генерал Вязмитинов отдал специальное распоряжение вологодскому губернатору. В нем говорилось: “Комитет министров поручил мне предписать вашему превосходительству... набрать из обитающих в Вашей губернии народов, в стрельянии зверей упражняющихся, до 500 человек и более... с теми самыми ружьями, которые они при своем промысле употребляют...”

В соответствии с этим указанием был набран отряд в 600 человек главным образом из государственных крестьян Вологодской губернии. Участник Отечественной войны и историк Михайловский-Данилевский писал: “Сих звероловов отправили в августе месяце... в Петербург для присоединения к тамошнему ополчению”. Такой же отряд прибыл в столицу из Олонецкой губернии. В его составе находились и предки современных жителей Вытегорского района Вологодской области.

Олонецкие стрелки составили 17-ю, а вологодские — 18-ю дружины Петербургского ополчения. Они выступили из столицы на фронт 19 октября под общим командованием генерал-майора Ап[к]лечева. Дружиной вологодских стрелков командовал полковник Бердников.

Население западных районов Вологодского края (Череповецкого, Белозерского, Устюженского и др.) тогда, как из известно, жило на территории Новгородской губернии и имело своих представителей в составе Новгородского ополчения. Новгородское и 15 первоначальных дружин Петербургского ополчения были включены в действующую армию и, сражаясь в корпусе под командованием Витгенштейна, показали себя, как серьезную боевую силу. Эти ополчения

сыграли важную роль в ходе контрнаступления русской армии. Новгородское ополчение вместе с Петербургским приняло участие в сражениях под Полоцком, Витебском, Борисовым, у Смоян, у Чашников (в октябре) и при р. Березине (в ноябре 1812 года).

Олонецкая и вологодская дружины могли принять участие только в битве при Березине, так как прибыли на фронт с опозданием. В декабре дружины участвовали в сражении при Лабио, а в середине января 1813 года — в занятии Кёнигсберга. 15 января олонецкая и вологодская дружины вступили в город. Генерал Витгенштейн лично их встретил и приветствовал. На него особенно благоприятное впечатление произвели стройный порядок и общий вид стрелков. По его приказу эти дружины, находившиеся до этого в составе Петербургского ополчения, были переименованы в батальоны вологодских и олонечких стрелков и включены непосредственно в армию Витгенштейна.

Из Кёнигсберга Новгородское ополчение вместе с другими ополчениями и регулярными войсками направилось к Данцигу, представлявшему по тому времени первоклассную крепость. У стен города происходили ожесточенные бои, в которых активное участие принимали ополченцы. Вскоре после занятия Данцига (в январе 1814 года) ополчения были распущены, и ратники вернулись домой.

В то самое время, когда ополчения осаждали Данциг, батальоны вологодских и олонечких стрелков, находясь в составе армии Витгенштейна, участвовали во многих сражениях по пути от границ России до Парижа. Эти батальоны совершили переход через Пруссию, Саксонию, Силезию, Чехию, южную Германию и прошли по территории побежденной Франции до самой ее столицы.

Вологодские и олонечкие стрелки принимали участие в блокаде крепости Шпандау, в сражении при Люнебурге, в битвах при Даннигкове, Веглице и Цеденике. За участие в этом походе четыре офицера 18-й вологодской дружины — генерал-майор Ап[к]лечеев, полковник Бердников, офицеры Евенхов и Людмиг были награждены орденами св. Анны. Четыре офицера этой дружины за отличие и храбрость были повышены в чине.

Между прочим, храбрость вологодских ополченцев была отмечена одним из безымянных русских художников-карикатуристов эпохи 1812 года. Немало подобных картин и рисунков выставлено в зале Отечественной войны Центрального исторического музея в Москве. Один из рисунков называется “Вологодский ратник”. На нем изображен вологодский крестьянин в костюме ополченца, бьющий француза топором и приговаривающий: “Ага! Пардон колчаногой! Поминай, как тебя звали, сидел бы ты дома, так не докарнал бы тебя Ерема”...

Много ополченцев погибло. Из 600 ополченцев вологодской дружины домой вернулось только 194 воина.

Немало вологжан, — продолжает Б. Михайлов, — принимало участие в Отечественной войне и в рядах регулярной армии. В Череповецком краеведческом музее выставлен портрет уроженца дерев-

ни Ботово Череповецкого уезда — солдата карабинерского полка, активного участника войны — Абросима Никифорова. В личном архиве помещика Дружинина и в фонде “Канцелярии Вологодского губернатора” хранятся документы об участии в Отечественной войне офицера Алексея Ивановича Дружинина, который в самом начале войны служил в Пермском пехотном полку, стоявшем в пограничном районе. Поэтому он прошел боевое крещение сразу же, как только армия Наполеона перешла границу. За храбрость, проявленную в сражении у г. Вилькомира, он уже 30 июня одним из первых был награжден орденом св. Анны 4-й степени. Он был активным участником известных сражений при Клястицах и Головчине (19–20 июля), в которых французы были разбиты, а русские преследовали их за реку Дриссу. 30 июля Дружинин участвовал в сражении при Свельске, где действовал “храбро цепью стрелков” и остановил «бросившуюся на мост неприятельскую кавалерию”. После этого он вместе с полком преследует французов до г. Полоцка, а 5 и 6 августа храбро сражается под стенами этого города. Здесь А. И. Дружинин был тяжело ранен и до осени находился на излечении, после чего принял участие в заграничном походе русской армии. За проявленную храбрость в сражении при Свельске и Полоцке он был награжден (24 августа) орденом св. Владимира 4-й степени с бантом, а 18 октября 1812 г. произведен в подпоручики».

Таковы примеры участия вологжан в Отечественной войне 1812 года.

* * *

К 24 августа 1812 года в районе села Бородино сошлись две крупнейшие армии мира. С одной стороны, прикрывая Москву, стояла русская армия в количестве 132 тысячи человек с 625 орудиями, напротив стояли французы, насчитывающие 135 тысяч человек и 587 орудий.

Наполеон планировал прорвать левый фланг русских в соседстве со Старой Смоленской дорогой, прижать Кутузова к Москве-реке и там его уничтожить. Нашим войскам была поставлена задача стойкой обороной остановить французов на подступах к Москве.

Диспозиция на русских флангах препятствовала замыслу Наполеона. Если правый фланг был прикрыт реками Колочью и Москва, то и слева из-за леса также не оставалось места для маневра охвата. Французы могли рассчитывать только на фронтальный удар на 3-х километровом пространстве между деревнями Горки и Утица.

Видя условия, в которые был поставлен противник, М. И. Кутузов на месте фронтального удара построил глубокоэшелонированную оборону, поставил артиллерийские батареи и расположил главные укрепления.

Где находились Белозерцы? Полк, состоявший в 17-й дивизии 2-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Багговута, расположился на правом крыле русских позиций. Он был выдвинут в первую

линию. Командовать правым флангом было поручено генералу от инфантерии Милорадовичу.

«Готовясь принять решительный бой, — пишет историк полка, — главнокомандующий в полдень этого дня (25 августа, накануне сражения. — *В. Д.*) приказал носить по всей армии чудотворную икону Божьей Матери, взятую из Смоленска.

Воины, стекшиеся сюда со всех концов обширной России, с благоговением преклонили колени и, готовясь в страшный час боя вкусить смерть за любимое Отечество, в продолжение нескольких минут молились усердно, прося благословения поднятому против врага оружию.

Затем Кутузов объехал ряды войск, воодушевляя их своею простою, но прочувствованною речью. Русские, не привыкшие к продолжительному отступлению, опечаленные успехами неприятеля и воодушевляемые любимым полководцем, восторженными криками высказывали готовность сразиться со знаменитым противником.

Ночь прошла спокойно. На позиции была полнейшая тишина, хотя немногие заснули в эту ночь...»

Как здесь не вспомнить знаменитые строки «Бородино» М. Ю. Лермонтова:

*И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.*

*И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
— И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.*

— Великое сражение, каких не видел еще мир, началось!

Для маскировки своих намерений Наполеон сначала нанес удар по правому флангу русских позиций, оттеснив наши войска за реку Колоочь. Но французам не позволили переправиться на другой берег. Тогда в 6 часов утра ударная группировка маршала Даву пошла в атаку на левый фланг русских позиций. Наполеон решил все-таки действовать против русских через их левое крыло, где располагались Семеновские флеши, обороной которых руководил Багратион. Французы бросали на них всё новые и новые силы, пытаясь зайти в тыл, но все их попытки отбивались героическими защитниками укреплений.

К полудню против наших 300 орудий на Семеновских флешах действовало 400 французских. Наполеон пытался пробить брешь в русской обороне. Семь атак отразили наши солдаты. Лишь спустя шесть часов французы выбили русских с позиции. На флешах был смертельно ранен генерал Багратион.

Одновременно атакровался центр русской армии, где на Курганной высоте располагалась батарея генерала Н. Н. Раевского. И там русские стояли насмерть.

В это время на левом фланге наши войска, истекающие кровью, стали отходить за Семеновский овраг, где организовали новую линию обороны.

В горячке Бородинского боя не потеряли ли мы Белозерцев? Они с 9 часов дрались на центральном участке сражения.

М. И. Кутузов приказал перебросить 17-ю дивизию к Утицкому кургану, где к этому времени сложилась тяжелая обстановка: превосходящие силы французов теснили дивизию Строганова. Получив подкрепление, корпус Тучкова 1-го перешел в наступление. Дивизия нанесла мощный удар по левому флангу неприятеля, что способствовало общему успеху. К вечеру 17-я дивизия повела наступательные бои, в ходе которых поляки * были отброшены к деревне Утице и далее.

Тучков 1-ый... Еще один легендарный офицер Белозерец... В 1794 году полковник Николай Алексеевич Тучков возглавлял Белозерский пехотный полк. На Бородино он уже сражался в чине генерал-лейтенанта, командиром пехотного корпуса.

СПРАВКА: Николай Алексеевич Тучков 1-ый родился в дворянской семье в 1761 году. Участвовал в русско-шведской войне 1788–1790 годов. Будучи переведен после войны по собственному желанию в Муромский пехотный полк, командовал батальоном в Польше в 1792–1794 годах, воевал против Т. Костюшко. В награду 4 октября 1794 получил чин полковника с переводом в Белозерский пехотный полк и 9 ноября орден Святого Георгия 4 класса. 4 октября 1797 года произведен в генерал-майоры и назначен шефом Севского пехотного полка, которым оставался до конца жизни. Со своим полком в апреле 1799 года выступил в Швейцарский поход в составе корпуса А. М. Римского-Корсакова. Во время похода Тучков был 13 сентября 1799 года произведен в генерал-лейтенанты, а летом 1806 года возглавил 5-ю дивизию. В апреле 1808 года дивизия Тучкова составила правое крыло войск, направленных против Швеции. Он сражался под Куопио (Финляндия), сбил шведский десант в районе Або, пытался взять Иденсальми. Назначен Каменец-Подольским военным губернатором 8 января 1811 года.

При подготовке к Отечественной войне 1812 года Тучков сменил должность на командира 3-го пехотного корпуса. Войска корпуса поддерживали 4-й корпус в бою у Островны, обороняли Смоленск, бились под Лубином, перекрыли Старую Смоленскую дорогу на Бородинской позиции у деревни Утицы. Здесь в первой половине дня 26 августа кипел упорный бой за ключевую высоту — Утицкий курган. Возглавив контратаку Павловского гренадерского полка, Тучков 1-й был ранен пулей в грудь, после перевязки отправлен в Можайск. После трех недель мучений скончался в

* Против корпуса Н. А. Тучкова сражался V (польский) корпус Великой армии Наполеона под командой Ю.Понятовского.

Ярославле и был погребен в Толгском монастыре. В сентябре 1990 года на стене Спасского храма возрожденного монастыря была открыта мемориальная доска Н. А. Тучкову 1-му.

Кто проезжает по дороге из Москвы на Вологду или обратно, найдите время, чтобы поклониться в знаменитом Толгском монастыре на берегу Волги в Ярославле праху Николая Алексеевича Тучкова. Здесь же покоятся святые мощи нашего земляка святителя Игнатия Брянчанинова.

Почему Тучков вошел в русскую историю под номером Тучков 1-й?.. В начале XIX века в Императорской армии служили пять генералов — братьев Тучковых. О судьбе каждого из них можно написать отдельную книгу.

Будучи сыновьями инженер-генерала-поручика А. В. Тучкова, боевого соратника фельдмаршала Румянцева, братья Тучковы быстро делали успешную военную карьеру. О биографии Н. А. Тучкова мы рассказали. Коротко скажем и о другом генерале, его брате Александре Алексеевиче Тучкове 4-м.

В одиннадцать лет он получил первый офицерский чин, в семнадцать стал капитаном, в двадцать два — полковником. В 1806 году он женился на Маргарите Михайловне Нарышкиной и в конце года отправился в поход против французов. Бой под Голыминым стал боевым крещением Тучкова 4-го, где он, как сказано в реляции, «под градом пуль и картечей действовал, как на учении». Тогда же Александр Алексеевич был назначен шефом Ревельского пехотного полка. Воевал в Финляндии. Об одном из боев так рассказывают военные историки: «В ночь на 3 мая 1809 года Тучков с отрядом был направлен в тыл врага. Двадцать четыре версты шли русские, порой по пояс в ледяной воде, а утром вышли на берег и атаковали шведов, пораженных их неожиданным появлением. Есть сведения, что в редкостно тяжелую кампанию того года Тучкова сопровождала его молодая жена, переодетая денщиком, неутомимо и безропотно разделявшая с ним тяготы походной жизни».

В 1812 году мы застаем Тучкова 4-го командиром бригады, которая входила в известный нам 3-й пехотный корпус под командой его старшего брата Тучкова 1-го. Незадолго до войны Маргарита Михайловна родила ему сына, названного в честь старшего брата Николаем. Третий брат Павел Алексеевич Тучков командовал в это время авангардом армии Барклая де Толли.

В Бородинском сражении Тучков 4-й погиб первым, сражаясь в рядах пехотинцев своего родного Ревельского полка. Он повел полк в атаку со знаменем 1-го батальона, но был сражен картечью. О гибели брата через три часа в бою у деревни Утица узнал Н. А. Тучков 1-ый, когда сам был смертельно ранен.

Через два месяца, при уборке Бородинского поля, где не захороненными лежали воины, тело своего мужа искала Маргарита Михайловна Тучкова, но так и не нашла. Она построила храм на том месте, где, по рассказам, погиб ее муж.

Молодую женщину, в прошлом известную красавицу, впереди ждали новые испытания: по делу декабристов был арестован ее любимый брат полковник М. М. Нарышкин и сослан в Сибирь. В 14 лет умер ее единственный сын. Маргарита Михайловна ушла в основанный ей в Бородино монастырь и стала его первой настоятельницей.

«На Бородинском поле, — рассказывают историки, — 26 августа 1839 года был торжественно открыт памятник павшим воинам, и вслед за этим на месте сражения проведены маневры. Два корпуса войск повторили основные передвижения и атаки русских и французских армий, сопровождая их артиллерийской и ружейной стрельбой холостыми зарядами. Сквозь клубы порохового дыма сверкали огни залпов, блестели тысячи штыков, стройно неслись навстречу друг другу полки конницы.

Полюбоваться этим эффектным зрелищем Николай I пригласил в свою ставку на возвышенности настоятельницу Спасопреображенского монастыря. Но, несмотря на то, что прошло уже 27 лет с рокового для нее дня Бородинского боя, вдова Тучкова 4-го так живо представила себе его гибель, что впала в глубокий обморок. С трудом привели ее в чувство царские лейб-медики.

Маргарита Михайловна, мать Мария, пережила своего мужа на сорок лет. Она скончалась в 1852 году».

Судьба молодых генералов Тучковых служит примером патриотического служения русского офицерства и безукоризненного выполнения ими своего воинского долга. Поэтесса Марина Цветаева в юности посвятила Тучкову 4-му восторженное стихотворение, посвященное «генералам Двенадцатого года»:

*Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.
И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след, —
Очаровательные франты
Минувших лет!
Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу.
Цари на каждом бранном поле
И на балу.
Вас охраняла длань Господня
И сердце матери.
Вчера
— малютки-мальчишки,
Сегодня
— офицера!..*

Но вернемся в пороховой дым орудий Бородинского сражения. Белозерцы были брошены на помощь 3-му пехотному корпусу. «С прибытием в подкрепление 2-го пехотного корпуса вид сражения

переменился, — рассказывает историк полка. — Взятые неприятелем несколько наших орудий были тотчас отбиты, и хотя Наполеон, заметив прибытие наших подкреплений, ввел в дело свежие войска, тем не менее, победа начала клониться в нашу сторону».

Несмотря на то, что русские были сбиты со всех своих первоначальных укреплений, наши войска, смыкая свои ряды, вновь, как стена, встали на пути противника. Один из французских генералов хорошо сказал: «Наполеон увидел армию, которая не убегала, а готовилась драться до конца».

К вечеру французы отвели свои войска на исходные позиции. Русские потеряли 44 тысячи человек и 20 орудий, французы с союзниками — свыше 58 тысяч человек. «Из всех моих сражений, — вспоминал Наполеон, — самое ужасное то, которое дал я под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми».

...Спустя сто лет на Бородинском поле был сооружен памятник 17-й пехотной дивизии генерала З. Д. Олсуфьева (архитектор его неизвестен). Он был поставлен на Утицком кургане и представляет собой гранитную колонну с православным крестом на вершине. На мраморной доске, закрепленной в нише пьедестала, надпись: «Славным подвигам 17 дивизии 26 августа 1812 г. Благодарные потомки». Ниже: «1912 г. 13-й пехотный Белозерский генерал-фельдмаршала графа Ласси полк».

Так потомки бородинских богатырей отметили память последних.

* * *

Отвлечемся, дорогие читатели, от описаний сражений и битв, от победного «ура!» и предсмертных стонов. Еще раз перевернем свой исторический бинокль от панорамных видов с передвижениями огромных масс людей в соперничающих армиях к биографиям непосредственных участников исторических событий, к рядовым лицам баталлий.

Расскажем об удивительной, более того, уникальной судьбе одного из офицеров Белозерского полка. Этот офицер была... женщина в чине капитана и звали ее Александрой Матвеевной Тихомировой.

Кто хорошо знает и любит отечественную историю, тот сразу же вспомнит судьбу «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой, которая, обрезав косы и переодевшись в мужское платье, ушла из родного дома в Елабуге воевать с французами. Назвавшись мужским именем, она поступила в уланский полк. За исключительную храбрость Н. А. Дурова (она же «поручик Александров») была награждена орденом святого Георгия. По мотивам ее книги «Записки кавалерист-девицы» был снят популярный кинофильм «Гусарская баллада».

Но еще до 1807 года, когда Н. А. Дурова вошла в состав действующей армии, в Белозерском мушкетерском полку служила в чине капитана Александра Матвеевна Тихомирова. Оставшись сиротой,

она поступила в него по документам своего рано умершего брата, на которого была очень похожа. Александра хорошо служила, получив чин капитана, командира роты.

Во время одной из стычек с французами в 1807 году А. М. Тихомирова повела свою роту в контратаку, была ранена, но осталась в строю. В этом бою она погибла.

В оставленном завещании Александра Матвеевна рассказала, что она дочь майора Тихомирова, и все свои личные сбережения передает на нужды своей роты.

Удивительные у нас женщины!.. Нет таких других в мире: одни из них идут на духовные подвиги в монастыри, другие — в пехотные полки.

* * *

После Бородинского сражения русская армия начала отступление к Москве. Потери были огромны: больше половины состава. Кутузову в этой ситуации важно было сохранить армию, чтобы продолжить войну. Генеральное сражение не решило главную задачу Наполеона: разбить военные силы противника.

Кутузов отступал двумя колоннами к Можайску и по Старой Смоленской дороге. Арьергард под начальством Милорадовича, в составе которого был Белозерский полк, прикрывал отступление армии, отбивая атаки французского авангарда Мюрата.

Первого сентября Кутузов подошел к Москве. Здесь в двух верстах от Дорогомиловской заставы, в Филях было решено оставить Москву. На следующий день наша армия прошла через город и на Рязанской дороге остановилась на ночлег у деревни Панки. Последним уходил арьергард Милорадовича, а за ним в Москву тут же вступили французы.

Кутузову нужно было уводить ослабевшую после Бородино армию из-под удара французов. После двух переходов его войска подошли к Москве-реке. Переправившись на правый берег, они свернули на запад и двинулись форсированным маршем к Старой Калужской дороге. В это время казаки и корпус генерала Н. Н. Раевского «завлекал» неприятеля демонстративным отходом на Рязань и «растворился» в лесах.

Французский авангард маршала И. Мюрата, заседавший на отступающих русских, не понял маневра нашей армии, двигаясь на Рязань. Все эти хитрости дали Кутузову спокойную возможность отводить войска. И все-таки под Подольском Мюрат настиг наши основные силы, но арьергард генерала М. И. Милорадовича (этот храбрец был подло убит на Сенатской площади декабристом Каховским) не позволил ему расстроить ряды отступавших.

В селе Тарутине на Старой Калужской дороге, заняв выгодную позицию, армия Кутузова в количестве 85 тысяч человек (вместе с ополчением) встала лагерем. Стратегически русские полководцы оказались в большом выигрыше: армия прикрывала богатый юг

страны, угрожая коммуникациям французов на Смоленской дороге, и одновременно не давала возможность наступать Наполеону на столицу России Санкт-Петербург.

Простояв три недели в Тарутинском лагере, русские части пополнились рекрутами (армия увеличила свой состав до 120 тысяч человек), пришли в себя после страшных потрясений. С Дона прибыли 26 казачьих полков. Решены были проблемы с зимним обмундированием и со снабжением. Туляки, оружейная кузница России, за два месяца изготовили 36 тысяч ружей.

В лагере участники битвы получили награды: ордена офицерам, по пять рублей нижним чинам. Состав Белозерского полка, кроме обычного количества офицеров, музыкантов, пополнился рядовыми Московского ополчения. Старых Белозерцев насчитывалось 581 человек, солдат-рекрутов — 121 человек, а всего рядовых — 903 человека.

Оборона при селе Тарутине явилась переломным моментом всей кампании. Отныне Кутузов диктовал Наполеону, сидящему, как в клетке, в горящей Москве, обложенному на всех городских заставах народным ополчением и партизанами, свои условия. Михаил Илларионович писал по поводу «стояния при Тарутине»: «Отныне имя его должно сиять в наших летописях, наряду с Полтавою, и река Нара будет для нас так же знаменита, как и Непрядва, на берегу которой погибли бесчисленные полчища Мамая. Покорнейше прошу, чтобы укрепления, сделанные близ села Тарутина, укрепления, которые устрешили полки неприятельские и были твердою преградою, близ коей остановился быстрый поток, грозивший наводнить Россию, — чтоб сии укрепления остались неприкосновенными. Пускай время, а не рука человеческая их уничтожит; пускай земледелец, обрабатывая вокруг их мирное свое поле, не трогает их своим плугом; пускай и в позднее время будут они для россиян священными памятниками их мужества...»

В этой реляции главнокомандующего для нас, пишущих о Белозерцах, с исторической точностью прочерчен путь Белозерского полка — от Непрядвы у Куликова поля через Полтаву до реки Нары. Вряд ли в тарутинском лагере был другой такой полк, который принимал участие во всех баталиях, перечисленным М. И. Кутузовым.

В Тарутине в 1834 году на средства крестьян был установлен монумент с такой, говорящей о многом, надписью: «На сем месте российское воинство под предводительством генерал-фельдмаршала Кутузова, укрепясь, спасло Россию и Европу».

* * *

В позиционных боях, в сражениях, прежде всего, у Малоярославца 10 октября, русские дали понять французам, что отходить из Москвы тем придется по Старой Смоленской дороге, ими же самими разграбленной и сожженной. Разбитый при Малоярославце, Наполеон продолжал отступление через Можайск к Смоленску. Кутузов шел параллельно по Калужской дороге, имея в авангарде генерала

Милорадовича два пехотных и два кавалерийских корпуса, в том числе и полк Белозерцев.

Двадцать второго октября произошло сражение нашего авангарда с четырьмя наполеоновскими корпусами. Русскими войсками в количестве 25 тысяч человек командовали генерал М. А. Милорадович и М. И. Платов. Французов было почти в два раза больше — 37 тысяч, но перевес в коннице оставался за нами.

Общий патриотический подъем нашего войска и желание изгнать ненавистных французов с русской земли, а также лихие конные атаки и прорывы позволили нашим войскам, несмотря на количественное преимущество неприятеля, отрезать путь отступления корпусу Л. Даву. Ему на помощь бросились корпуса Е. Богарне и Ю. Понятовского и прорвали кольцо окружения. У Вязьмы три французских корпуса соединились с корпусом М. Нея. Бой за город длился около десяти часов. Но даже превосходящая сила французов не могла удержать Вязьмы, которая была взята русским авангардом, в рядах которого шли на приступ Белозерцы.

Белозерский полк наступал с развернутыми знаменами и под барабанный бой. Летописец тех событий Федор Глинка в своих «Письмах» дал картину штурма Вязьмы: «Кровопролитное сражение решается в пользу нашу. Победа явно к нам благосклонна. Пушки наши во множестве гремят. Войска наполняют воздух восклицаниями: ура! И толпы неприятеля бегут. Но день меркнет, и темная осенняя ночь готова скрыть бегущих. Победители сетуют, для чего нет власти, могущей сказать солнцу: постой! Но краткость времени заменяется быстротою: 11-е и 26-е отделения войск под начальством генерал-майора Паскевича и Чоглокова, вместе с Белозерским полком, сомкнув строй свои, стремятся выбить запершегося в городе неприятеля... Неприятель стреляет из домов, разбросанные бомбы и гранаты с громом разряжаются в пожаре, горящие здания упадают, пылающие бревна с треском катятся по улицам. Но ничто не может остановить ревности войск и мужества начальников».

Французы спешно отступили к Дорогобужу. За сражение под Вязьмой и за взятие города командир Белозерского полка Е. Ф. Керн был произведен в генерал-майоры. Ударные корпуса Наполеона и дальше терпели поражения, а сам «победитель Москвы» со своей армией откатывался всё дальше к границе.

Бегство Наполеона из России сопровождалось многочисленными ударами регулярной армии и партизан. «Дубина народной войны» гвоздила захватчиков, где только можно было. Белозерцы, как обычно, сражались в первых рядах, добывая Великую армию Наполеона в русских снегах.

* * *

После того, как последний сапог, а то и просто обвязанная тряпками, обмороженная нога французского солдата покинула просторы России, русская армия на границе не остановилась. Александр I в

союзе с Пруссией и Австрией решил разделаться с Наполеоном на европейском театре военных действий. Русская армия выступила из Вильны под командованием М. И. Кутузова двумя колоннами. В колонне Дохтурова наступал Белозерский полк. 1 января 1813 года войска Дохтурова и Торماسова соединились. Им предстояло переправиться через Неман и идти к Плоцку.

Главнокомандующий М. И. Кутузов отдал приказ корпусу под начальством Милорадовича овладеть крепостями Данциг, Торн и Модлин, а также Варшавой. В состав этого корпуса вошел запасной батальон Белозерского полка. 26 января пала Варшава. Победители оставили в ней «запасных» Белозерцев вместе с батальоном Олонецкого пехотного полка в сводном батальоне в качестве гарнизона.

Через три месяца Белозерский батальон выступил из Варшавы и в составе блокадного корпуса русской армии под началом герцога Александра Вюртембергского участвовал в осаде Данцига, продолжавшейся почти полгода. Интересно отметить (как все-таки тесна и просторна одновременно русская история!), что герцог Александр Вюртембергский, герой Бородинского сражения, в 20-е годы возглавлял Ведомство путей сообщения и публичных зданий. Именно он осуществил давнюю отечественную мечту соединить воды Волги и Северной Двины, то есть Каспийского и Белого морей, построив в Белозерье и в Кубеноозерье Северо-Двинский канал, ликвидировав Словенский волок, функционировавший в этих краях сотни, если не тысячи лет. Канал носил по заслугам имя герцога-воина и герцога-строителя. Действует он и в наше время под именем Северо-Двинской водной системы. Пора бы ей вернуть славное имя Александра Вюртембергского.

Шестнадцатого апреля русскую армию постигла тяжелейшая утрата: в силезском городке Бунцлау скончался Кутузов. Перед смертью великий полководец завещал: «Прах мой пусть отвезут на родину, а сердце похоронят здесь, у Саксонской дороги, чтобы знали мои солдаты — сыны России, что сердцем я остаюсь с ними». В Бунцлау поставлен обелиск, на котором выбиты слова: «До сих мест князь Кутузов-Смоленский довел победоносные русские войска, но здесь смерть положила предел славным дням его. Он спас Отечество свое и отверз путь к избавлению Европы. Да будет благословенна память героя». Прах М. И. Кутузова похоронен в петербургском Казанском соборе, а сердце — в Бунцлау.

Основной Белозерский полк в это время состоял в войсках авангарда русской армии. После непродолжительного перемирия боевые действия с Наполеоном возобновились. Главные силы русской армии двинулись к Дрездену, а Белозерский полк в составе 8-го корпуса генерал-лейтенанта Рудзевича остался воевать в Силезии.

Проведя ряд блестящих дел, полк в составе войск армии Блюхера направился на соединение с главной армией, действовавшей в это время в окрестностях Дрездена. Белозерцами командовал генерал-майор Керн (он также командовал отдельной бригадой) и подполковник Богуславский. Они подошли к Лейпцигу к вечеру 5 октября, где накануне состоялось сражение войск союзников с Наполеоном.

На следующий день вновь возгорелась битва, известная под названием «Битвы народов». Почти полмиллиона человек только войск союзников принимало в ней участие.

Сражение началось рано утром и продолжалось до позднего вечера с равным с обеих сторон упорством. «Не имея возможности выделить действий Белозерского полка в эту битву, — констатирует историк полка, — мы твердо уверены в том, что полк этот дрался наравне с прочими войсками и пожал одинаковые с ними лавры.

Поздним вечером союзные войска отступили на дальний ружейный выстрел. Здесь они провели ночь, рассчитывая на следующее утро овладеть Лепцигом... Лейпциг открыл свободный путь к Рейну. 8 октября союзные армии направились к Франкфурту-на-Майне для преследования неприятеля и 23 числа достигли этого города.

Таким образом, все земли по сю сторону Рейна были очищены от французов, за исключением нескольких крепостей (в том числе, напомним, Данцига, где осаду держал Белозерский батальон. — *В. Д.*), но коменданты последних, узнав о последствиях Лейпцигского сражения и не имея надежды получить подкрепления, поспешили сдаться».

* * *

Кампания 1814 года протекала на территории Франции с целью низложения Наполеона. Белозерский полк вошел в Силезскую (Блюхера) армию. По плану военных действий ей надлежало, переправившись через Рейн, обложить крепость Майнц и следовать в глубь Франции, где и соединиться с главной армией на пространствах между Аренсом, Троа и Витри. Выступление готовилось в строжайшей тайне с элементами дезинформации противника.

Момент внезапности удара сыграл свою роль. Французские войска в первые дни наступления не могли оказать существенного сопротивления. Белозерцы входили в бригаду почитаемого ими генерал-майора Е. Ф. Керна. С боями шли они к французской столице.

Невозможно здесь не процитировать взволнованные строки Э. М. Мержеиовского. Почти два года русские люди мечтали о том, чтобы отомстить французам за Москву, и вот, наконец, наши доблестные войска у стен Парижа: «Забыты были тогда все труды и лишения, забыты были страдания и потери: близкий конец войны и достижение цели трудного похода промелькнули в уме каждого, увидевшего в отдалении этот знаменитый город. Здесь, в виду Парижа, остановились усталые войска на ночлег, чтобы на утро со свежими силами атаковать столицу».

В передовых колоннах наступали Белозерцы. Они входили в корпус генерал-лейтенанта Рудзевича. В четыре часа пополудни началась атака в направлении Булонского леса. Войска не остановились даже у подошвы знаменитого Монмартра. Русская штыковая атака загнала французов на вершину горы. В течение десяти минут наши полки вытеснили штыками неприятеля с горы. Штурм был проведен так быстро, что французы успели из своих орудий сделать

лишь два выстрела картечью и трусливо побежали в город. «Превыше похвал был порядок, в котором русские полки шли по крутому Монмартру, защищаемому французами», — говорилось в «Журнале военных действий». Граф Лонжерон, командовавший Белозерцами, подтверждал, что в течение многолетней боевой службы и девятнадцати проведенных им кампаний, он не видел ничего подобного за исключением разве что Измайльского штурма.

В это время французы известили русских, что прекращают боевые действия. Александр I также повелел не стрелять, сообщив, что ведутся переговоры о сдаче. Русскими криками «Ура, Париж покоряется!» огласился Монмартр. Граф Лонжерон вывез на вершину горы 84 орудия и повернул жерла пушек в сторону города. Это был жест, достойный самого строгого ультиматума.

Итак, Париж сдался! Война окончилась! Наполеон низложен с престола и сослан на остров Эльбу.

У вологодского поэта Александра Романова имеется стихотворение «Константин Батюшков в Париже», хорошо передающее взволнованный момент победы русских войск, в том числе и славных Белозерцев:

*Полки торжественно входили,
И с высоты лилась, хмельна,
На гренадерские мундиры
Апрельская голубизна.
— Да здесь, ребята, красно лето,
Куда нас, братцы, занесло! —
Шинели бросив на лафеты,
Солдаты щурились тепло.
И в том строю, причастный к славе,
Перехватив ремнями стан,
Летел в седле веселый, бравый
Российской службы капитан...
Он просто русский! Он в Париже!
Он из Москвы пришел сюда,
Чтоб нашу речь Париж услышал
И чтоб запомнил навсегда.
Он видел много, понял много
И ничего не позабыл:
Ни бивуаки, ни тревоги,
Ни одиночество могил.
И он гордился, что в Париже,
Наветам гнусным вопреки,
Солдаты нашим сердцем выше,
Чем безрассудные враги.
Здесь, перевязывая раны,
Врачуя давнюю тоску,
Солдаты гордо повторяли:
«Мы помним матушку-Москву!»*

В июле победоносный Белозерский пехотный полк прибыл на постоянные квартиры во Владимир.

* * *

Но Наполеон, как известно, не смирился с поражением, бежав с острова Эльба, и вновь собирая вокруг себя войска. Союзники решили раз и навсегда покончить со строптивым и самонадеянным беглецом. Русская армия фельдмаршала Барклая-де-Толли вновь направилась в апреле 1815 года во Францию. И снова в ее составе, входя в 4-й пехотный корпус, по дорогам Европы зашагали Белозерцы. Маршрут через Польшу, Силезию, Моравию, Баварию с переправой через Рейн, был им хорошо знаком.

Это была единственная для Белозерцев кампания, в ходе которой они не сделали ни единого выстрела. Прогулялись, что называется, по Европе!..

Известие о поражении Наполеона при Ватерлоо застало полк на кантонир-квартирах невдалеке от Парижа. В те дни, когда проигравшего всё и вся знаменитого беглеца решили сослать на остров Елену, у Белозерцев появился новый командир: вместо генерал-майора Керна — полковник Кузьмин.

Мы хотели бы добавить важные сведения в биографию Е. Ф. Керна. Во время заграничного похода русской армии с целью окончательного разгрома Наполеона Керн был комендантом немецкого города Мейсен. Под Бауценом он командовал отрядом, действовавшим против неприятельской кавалерии, участвовал в «Битве народов» под Лейпцигом, был военным губернатором Кесселя и за штурм Монмартра в Париже был награжден орденом святого Георгия 4-й степени.

Военная биография генерал-майора продолжалась и дальше: с 1 июня 1815 года он командовал 3-й бригадой 17-й пехотной дивизии, был начальником 15-й пехотной дивизии, командиром 2-й бригады 25-й пехотной дивизии, начальником 11-й пехотной дивизии. Занимал должность коменданта в Риге и в Смоленске. 14 апреля 1829 года был произведен в генерал-лейтенанты и 17 ноября 1837 года уволен в отставку.

Последний год памятен русским людям по дате смерти А. С. Пушкина. Е. Ф. Керн к поэту имеет косвенное отношение, но не без мимолетной занимательности. Жена храброго воина Анна Петровна Керн была героиней одного из любовных увлечений Пушкина. Ей поэт посвятил стихотворение «Я помню чудное мгновенье...», ставшее не менее знаменитым романсом. Несчастливая судьба А. П. Полторацкой, так в девичестве звали Анну Керн, может вызвать только сочувствие: своего мужа, бывшего намного старше ее, она не любила («скажу прямо, — она писала, — я почти ненавижу его»).

Но этот пушкинский эпизод не затмил славу Ермолая Федоровича Керна, героя Очакова, Измаила и Бородина, одного из храбрых трудяг-офицеров русской армии. Генерал, чьи предки происходили

из Англии, никогда не был богат, скорее, всегда был беден, все свои чины и победы добывал сам, своей храбростью, умом и шпагой. «Генерал был отличный кавалерист, — пишет его современник, — среднего роста, крепок и статен. Веселого нрава. Его отличали беззаботность и доверчивость к окружающим. О завтрашнем дне не думал. Его стихией была война. Любоваться Керном надо было в сражениях». Отлично сказано!..

Пусть хотя бы для нас он, как бывший командир Белозерского пехотного полка, с которым прошел труднейшие сражения, и, в первую очередь, Бородино (подполковник Керн, как писал в донесении генерал-адъютант Строгонов, со своим Белозерским полком немало содействовал успеху баталии), таким блестящим русским офицером и останется в благодарной памяти.

Умер Ермолай Федорович 8 января 1841 года.

В завершении своих заграничных походов, всех наполеоновских войн Александр I решил провести смотр своих молодцов. У французского города Вертю к 25 августа собралась вся русская армия. «Лишь только Государь прибыл, — рассказывает историк полка, — грянул первый пушечный выстрел. Войска взяли “на плечо”. Затем, по второму выстрелу, сделали “на караул” и при звуках музыки и барабанов раздались крики “ура!”».

По третьему пушечному выстрелу войска взяли “на плечо” и начали строиться в батальонные колонны. Далее последовал четвертый выстрел, и началось построение общего каре, три фаса которого составлены были из пехоты, а четвертый — из кавалерии. Десять артиллерийских рот расположились впереди пехоты. Тогда в сопровождении огромной и блестящей свиты спустился с горы Государь и, приветствуемый восторженными криками, объехал свои войска и стал в середину каре. По данному знаку начался церемониальный марш. Сначала проходили гренадеры, за ними линейная пехота, потом кавалерия и, наконец, резервная артиллерия... Церемониальный марш этот исполнен был с величайшим порядком и красотью».

Чем заканчивает рассказ о битвах с Наполеоном Э. М. Мержеиовский? Хорошей фразой: «Веселые и радостные возвращались полки в Отечество».

И СНОВА ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА...

Тринадцать лет Белозерцы не воевали. Даже не верится. Обозревая боевую биографию полка, видишь его на всех дорогах Европы, разве только за Пиренеи Белозерцы не заходили. Но факт остается фактом: более десяти лет полк наслаждался мирной жизнью, меняя свои квартиры, хороня ветеранов Наполеоновских войн, выполняя крепостные работы (в Бобруйске) и неся караулы. Рутинная гарнизонная служба уже начала надоедать, когда новый государь император Николай I объявил войну нашей давней сопернице Турции.

Вновь русские войска перешли реку Прут и открыли военные действия против страны, которая нарушала мирные договоры, возбуждала Персию к многолетней войне с Россией, препятствовала торговле на Черном море, отказывалась признать независимость Греции, вообще, вела себя вызывающе и нагло.

Кампания открылась с победоносного шествия наших войск. Турки при виде храбрых русских солдат, без всякого преувеличения будет сказано, разбежались, кто куда. Но в сдавшихся крепостях и городах приходилось оставлять многочисленные гарнизоны, а тут еще начались губительные для войск эпидемии... Как говорили, «складывались неблагоприятные обстоятельства» похода.

В июне 1828 года Николай I приказал усилить армию 2-м пехотным корпусом, в 5-й пехотной дивизии которого состояли Белозерцы. Пехотинцам предписывалось занять Молдавию, Валахию, территории по течению Дуная выше крепости Силистрии.

Выполняя приказ, Белозерцам пришлось отбивать многочисленные вылазки противника, что он и делал весьма успешно, практически не неся урона. Но, тем не менее, полк в 1828 году понес потери в количестве 2 офицеров и 106 солдат, умерших от изнурительной лихорадки, чумы и прочих болезней.

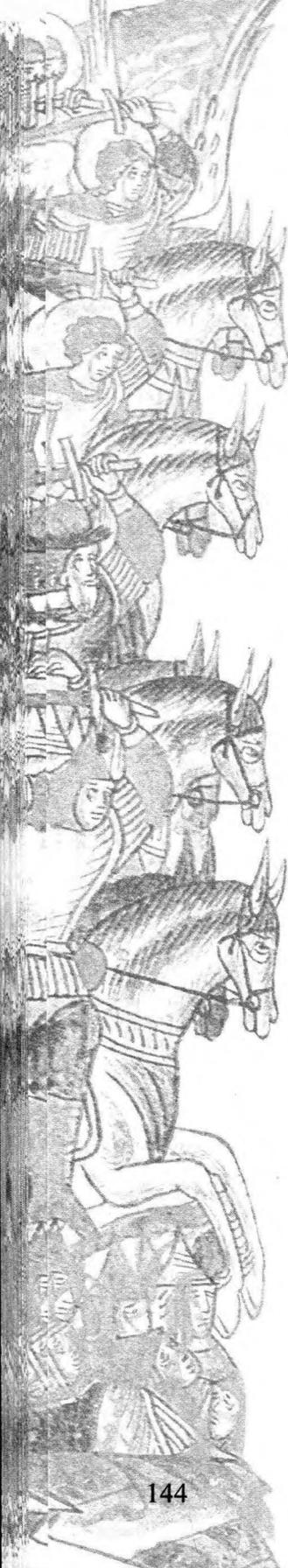
Белозерский полк, что само по себе символично, воевал с турками, как и с французами, бок о бок с Олонецким пехотным полком. Соседи по территориальному делению в России, они стали на сто с лишним лет боевыми товарищами и на полях сражений, вплоть до боев в соединениях Белой армии.

В турецком походе полковые дружины Белозерцев и Олончан участвовали в осаде крепости Силистрии.

И вновь русских пехотинцев ждали вылазки противника, долгие переходы, в том числе и труднейший через Балканские горы, бивуачные дневки, и сражения, сражения... Мелькают чужие названия городов, крепостей, деревень, местечек... Всюду льется кровь, гремят выстрелы, теперь и на Балканах появляются русские могилы. Но их, слава Богу, было немного: турки сдавались в плен десятками тысяч, без боя оставляя нам города и крепости.

Столичный Андрианополь также не стал сопротивляться. Первыми в город вошли Белозерский, Олонецкий и Шлиссельбургский

полки. Овладение Андрианополем и другими крупными городами вынудило 2 сентября 1829 года Турцию заключить с Россией мир, согласно которому мы получили в вечное владение весь восточный берег Черного моря с крепостью Анапой.

Тринадцатого октября полки двинулись в обратный путь в Россию. Белозерцы прикрывали на всякий случай отход армии, находясь в Варне.

В начале 1830 года полк был определен на постоянные квартиры в городе Поречье Смоленской губернии.

Посольство славян к варягам; поход варяжских князей со своими родами в славянские земли.
 Княжение варяжских братьев: «...и седе в Ладозе старей Рюрик, а другой Синеус седе у нас
 на Белеозере, а третий Трувор в Изборьску».

Текст и миниатюры Радзивилловской летописи.

прише во кнѣвоу глашешице . поведаіа люмъ . ꙗко наѣ
 ѣлъѣ . днѣ проу теши въспа ть . а землѣ престо папи ма
 и на мѣста . ꙗко стати грещкой земли . марѣской . арѣ
 ской иа грещкой . и прочіи землямъ и землии тѣи . ѣже си
 въ тѣи глѣи послошау . въ вѣрній смеіа хоу тѣ . глѣсе мѣдѣ
 съптовой и граѣ . на пагау въ товѣ . ѣже и въ іемѣ . въ
 днѣи мѣощь бы безъ вести . въ си бо то по кше ма злобода .
 по се ма же смеіотса въ вѣрше въ пропасть . смѣртною .
 ма лоу чнѣи шѣ гла ти . ꙗко се скажемъ бѣго въское мау
 мнѣ . и дѣиство бывшнбо в ѣднѣи оу скоу до сти .
 въ ростовъ стѣи ѡбласти . въ ста сѣа бѣ . волхвѣи
 ꙗрослава глаше . ꙗко въ тѣ съ тѣ въ ктѣи ѡбнѣ вѣ держи .
 и паи до ста по волзе . и гдѣи при до чѣи по говѣ тѣ . и пѣ
 ма ре ка сѣа до браіа жены . ꙗко си жы по де ржа тѣ .
 а си нѣ . а си нѣ ры бы . а си нѣ скороу . и при до жа хоу ки нѣ
 ма . сѣстры своіа и мѣри . и жены своіа . ѡмѣ вѣ мѣ
 тѣи про рѣ зыи аше за плечимъ . выи ма сѣа люба
 жы по . люво ры бо . ноу би аша та многы жены . ии
 мѣи нѣ и ма сѣа со бѣ :

И при до ста ма въ слоу зеро . и въ ѡмною людеи нѣ . т

Расправа волхвов-ярославцев в голодное время в Ростовской земле с женщинами, «прятавшими» съестные припасы.

Текст и миниатюры Радзивилловской летописи.

все же время приключиса. притиши послала. да пь емлю
 цю. и пьши. смовыша тнмо. поведаша емь белозерци.
 яко. в. ко деспика. и зблнлаоужемногыжмы. поволжен
 пошексемь. и прншла естасьмо. и пьженспытавъчьи
 естасьмерда. ноуьвдлвть яко. шоекнза. и поглазкми.
 иже школогейо соуть. и ренмъ выдлнла волхвдлствъ.
 яко. смердн емь екнза. и мнже сего мпоглошаша. и пь
 самъ пондеве зоуружнл. и рнкоша емь шроуиъ. мхъ
 ве зоуружнл. и соромотнла и моу. иже повелъ и хл
 шроуижнл шроко. вь ста шроко въ ш сн. и поиде кн
 кльсѡ. и мнже сташи и сполнша протнво. и пьнже
 ндоушю споторце. и выспѡпишл шнн. т моу. и прн
 дошл ко янши рнкоуи емь внда смртъ и деши меходн.
 и моу повелъ вшю внпнл. ко прочн мже поиде.
 и мнже соуношл мнла. еднпъ трн шнла мпопоромъ.
 янмъ же шорота шпоръ. ноу дартыль емъ по ш шроко сънл.

и мнже вьжаша влвть. ноу внша тоу попа гнел. янмъ же
 вше втракъ. вь белозерце рѣ ащн мн мтево лхвоу сего.
 мндоу швл злать то. белозерци шешн яншл. и прн

Расправа Яна Вышатича и его младшей дружины в лесу под Белоозером со смердами, присоединившимися к мятежным волхам.
 Текст и миниатюры Радзивилловской летописи.

Древнее Белоозеро. Современное состояние городища. Вид с левого берега реки Шексны.
Фото И. В. Папина. 2001 год (во весь разворот).

Город Белоозеро XII века (по материалам раскопок Л. А. Голубевой).
Художник Г. А. Кочуров. 1977 год.

и слава гдѣ бо анчъ владукагоу речеъ. достигъ въ со
 дружиною. во змакопѣ потече ископотоу. гдѣ баху
 пѣшии вышнн згорода. пѣррѣоучинише плото ѿнѣ
 згмашъ затпѣтъ кво рѣтѣ городнѣмъ. ии зломикопѣ.
 ии поударише стрелою сѣва зѣврони. по срѣе иири
 несошн ие лѣкнѣа. вѣтѣ баръ: †

окрѣнн згройнѣвѣ. коланчѣматѣ. прннша влѣн. ии сѣ
 рчѣсѣа пакомѣ. малоднмашн прнѣ хлѣши нѣмъ. мшн вѣрѣею
 попомощью оукреплѣнѣи. противѣ ии поидоша. ѿмнѣн
 дѣвшѣ по вѣгоша. а машн потгаша сѣсѣщѣ потгнѣмѣ во хнн
 ты. ии прѣвѣтѣнн свѣлѣ. вѣ сѣкашѣ вѣоучапы. ии тау
 лѣнѣ ии прѣво рѣоша оучапы. ии та конѣ стопоша. волетѣ сѣи: †

Эпизоды похода на Волжскую Булгарию дружин князя Всеволода Большое Гнездо в 1183–1184 году, в котором принял участие «белоозерский полк» с «лодиями». Нижняя миниатюра — сражение владимирского войска с судовой ратью волжских болгар и потопление болгарских воинов. Текст и миниатюры Радзивилловской летописи.

Часовня св. Василия Великого
и св. благоверных князей Бориса и Глеба,
устроенная на месте основания древнего
Белоозера. По преданию, в этой часовне
покоились останки первого белозерского
князя Глеба Васильковича.

Из коллекции фотографий
С. М. Прокудина-Горского.
Начало XX века.
Библиотека Конгресса США.

Богоматерь Умиление Белозерская.
Первая треть XIII века.

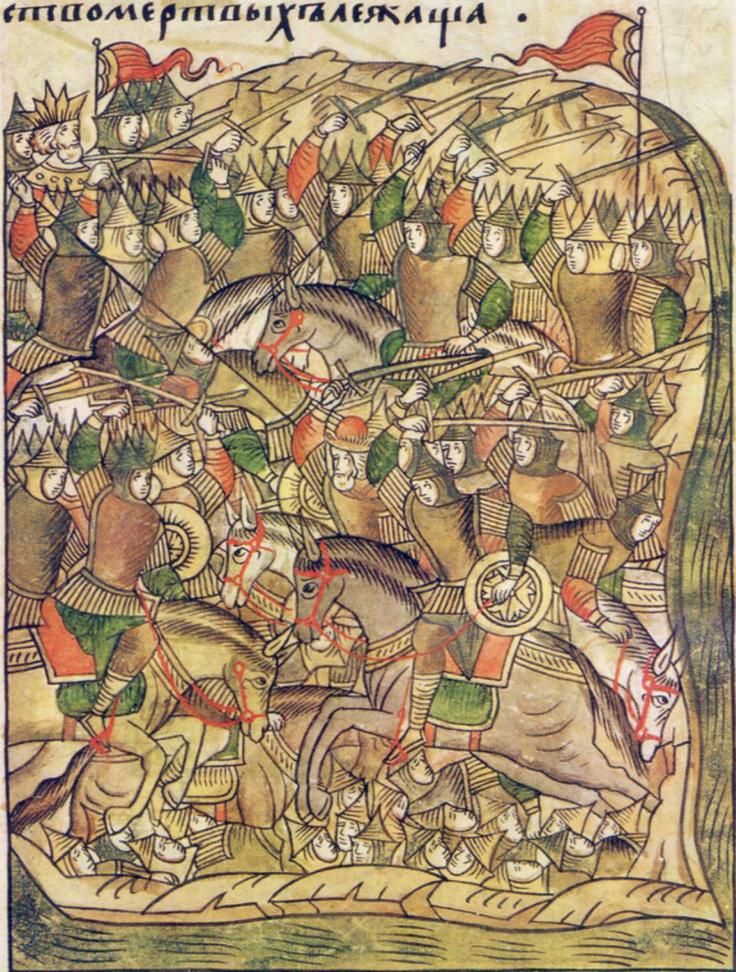

И придоша к великому князю во все страны на
 Москву к великому князю . и придо
 ша князи Белозерстии крепцыи соуще
 и мужеством на брагь споньство
 спонми . князь Федоръ Семеновичъ .
 князь Семенъ Михайловичъ . князь
 Андрей Кемский . князь Глебъ Ка
 ргопольский и Цыдонский . придоша
 на домские князи .

«И собралось много народу со всех сторон в Москву к великому князю. И пришли князья Белозерские, сильные и доблестные в бою, со своими войсками: князь Федор Семенович, князь Семен Михайлович, князь Андрей Кемский, князь Глеб Каргопольский и Цыдонский...»

Сбор войск в Москве перед Куликовской битвой.
 Текст и миниатюра Лицевого Свода XVI века.

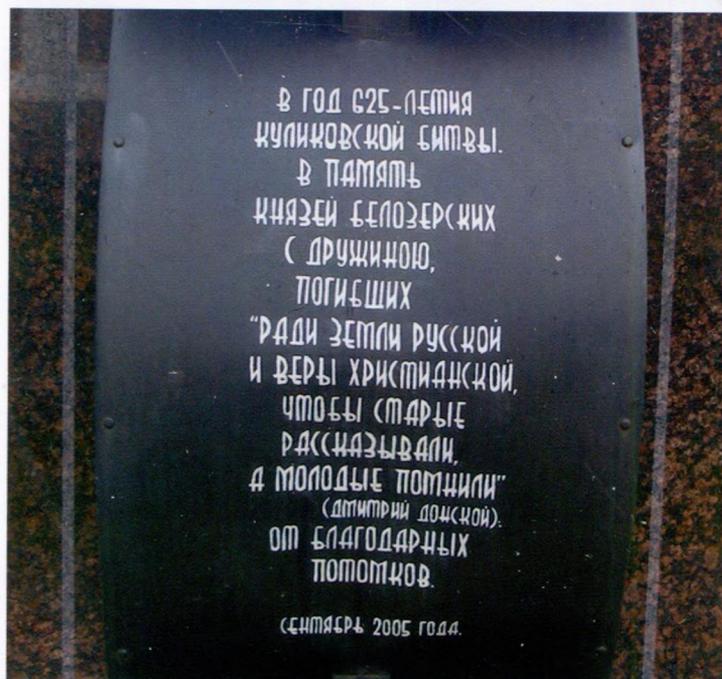
Итакосе ступиша ела ѿ беснеле дежи кїа на бон
не быбраны крѣпика не быта за асѣла ѿ нлыга
ше ела кропь аки пода . и падоша мертвы
безъ иже помни шеппо ѿ бон ела ѿ татя
ре кїа и роу кїа . и паде татя ре ко етѣ гла
на крѣпьянско . а крѣпьянско етѣ гла на
татя ре ко . не месн ела кропь татя ре кїа
со крѣпьянско . се то доуе ѿ ми нѣ же
стпо мертвыхъ гле жащя .

Сцена Куликовской битвы.
Текст и миниатюра Лицевого Свода XVI века.

Члены клуба исторической реконструкции «Белозерская дружина»
(руководитель И. А. Ручин, город Белозерск)
в снаряжении русских ратников конца XIV — первой половины XV века.

Памятный знак,
поставленный в городе
Белозерске в сентябре
2005 года
к 625-летию Куликовской
битвы.

Ласи (Ласси) Петр Петрович (1678–1751).

Генерал-фельдмаршал, граф.

В 1709–1711 годах в чине полковника командовал Белозерским гренадерским полком.

В память о выдающемся военачальнике 25 марта 1891 года Белозерский полк был переименован в 13-й пехотный Белозерский генерала-фельдмаршала графа Ласси полк.

Победа под Полтавой. Художник А. Е. Коцебу.

Солдатская наградная медаль
«За Полтавскую баталию».

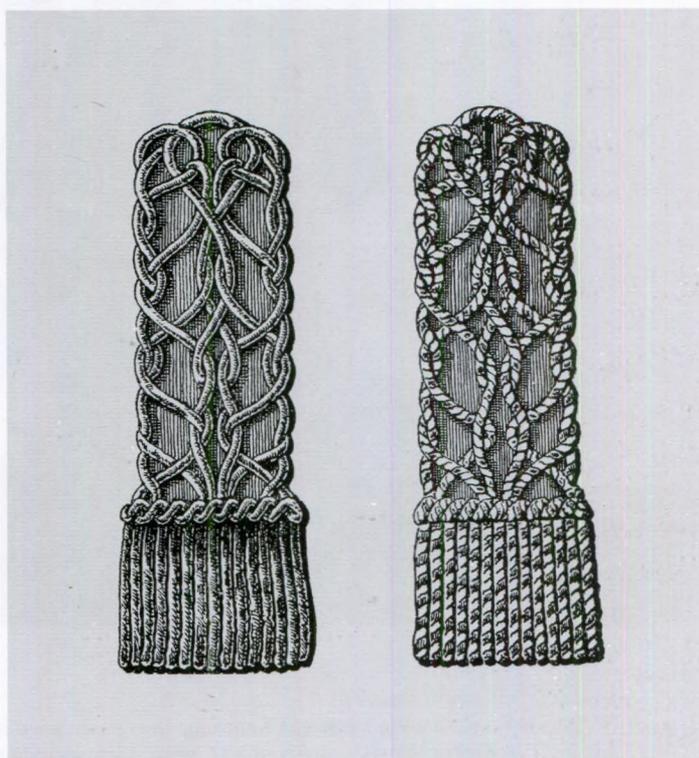

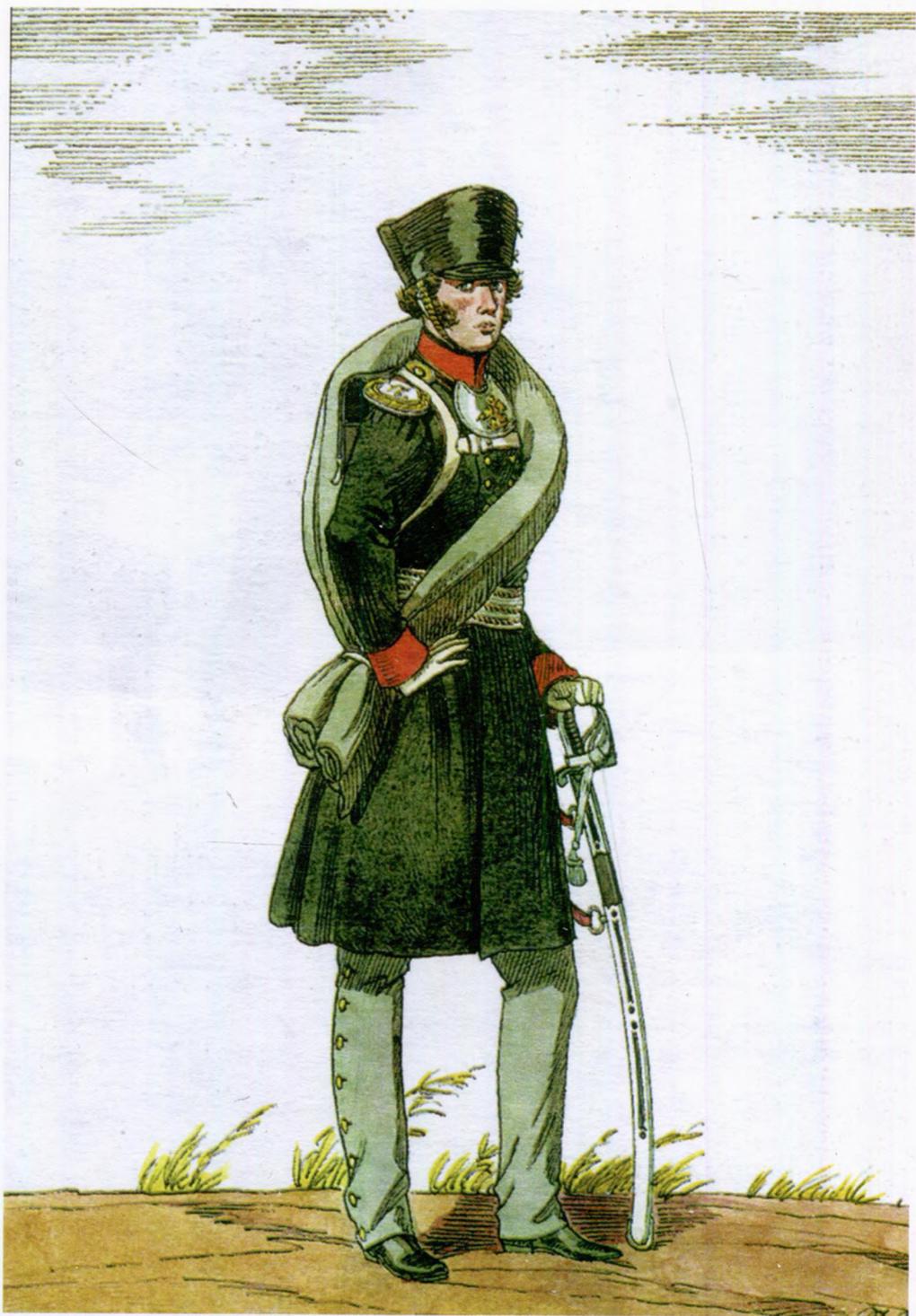
Медаль «В память
сооружения флотов
на четырех морях»
(В память Прутского
похода 1711 год).
Санкт-Петербургский
монетный двор.
Копия XIX века.

Полковой герб Белозерского полка. Утвержден 8 марта 1730 года.

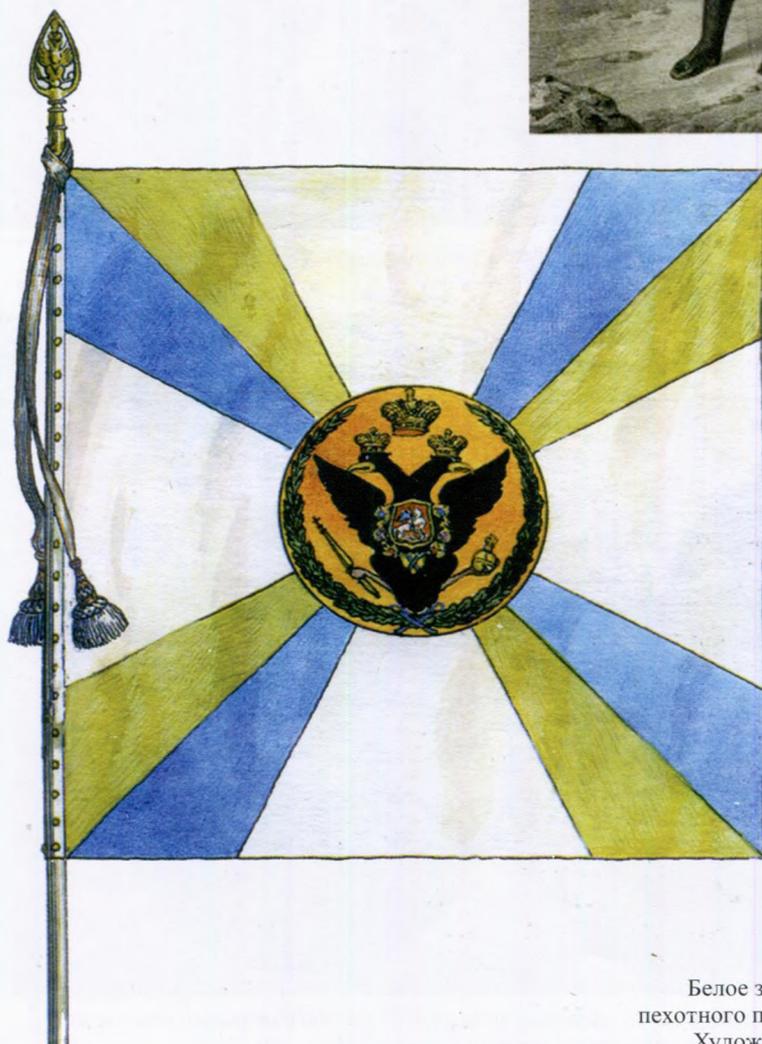
Офицерский (слева) и солдатский погоны Белозерского полка. Утверждены 27 апреля 1763 года.

Обер-офицер Белозерского пехотного полка.
Конец XVIII — начало XIX века. Художник. О. К. Пархаев.

Мушкетер Белозерского Мушкетного полка,
1797–1801 годы.

Белое знамя Белозерского
пехотного полка образца 1797 года.
Художник О. К. Пархаев.

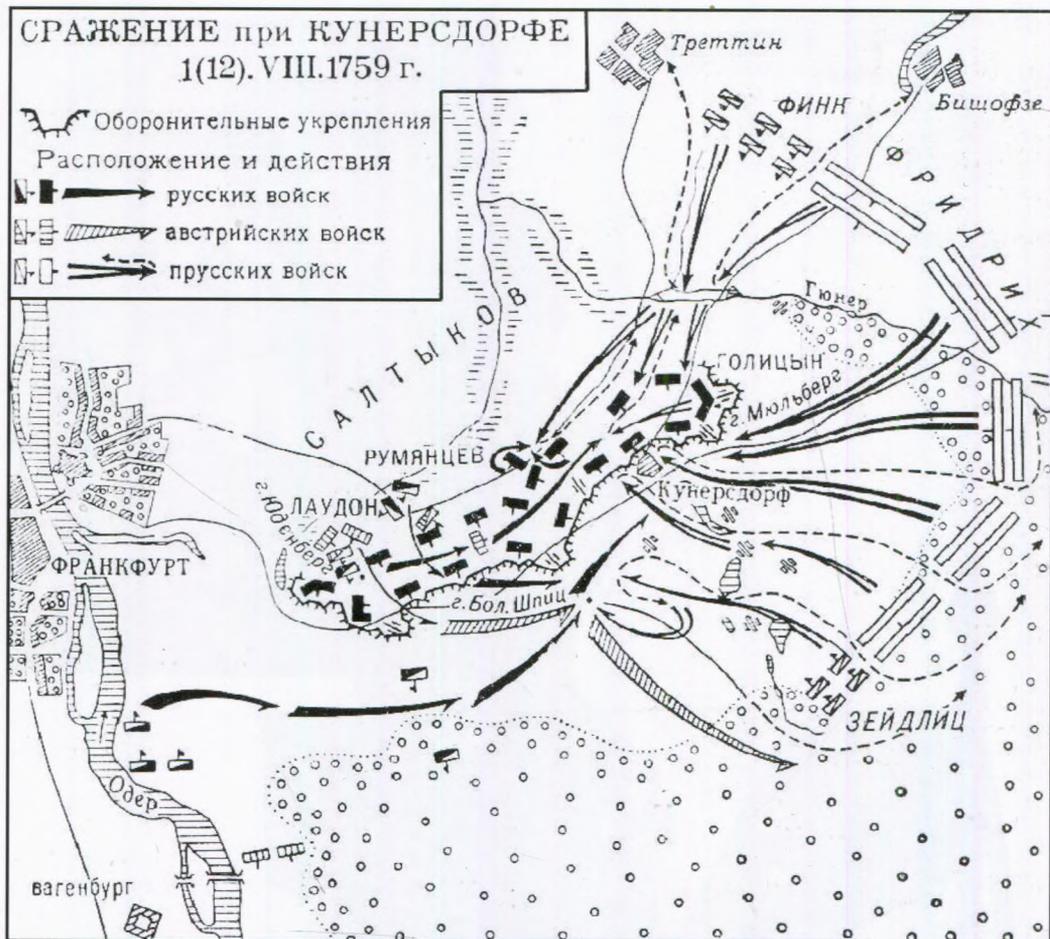

Схема сражения 1(12) августа 1759 года между русско-австрийской армией генерал-аншефа П. С. Салтыкова и прусской армией короля Фридриха II в районе деревни Кунерсдорф.

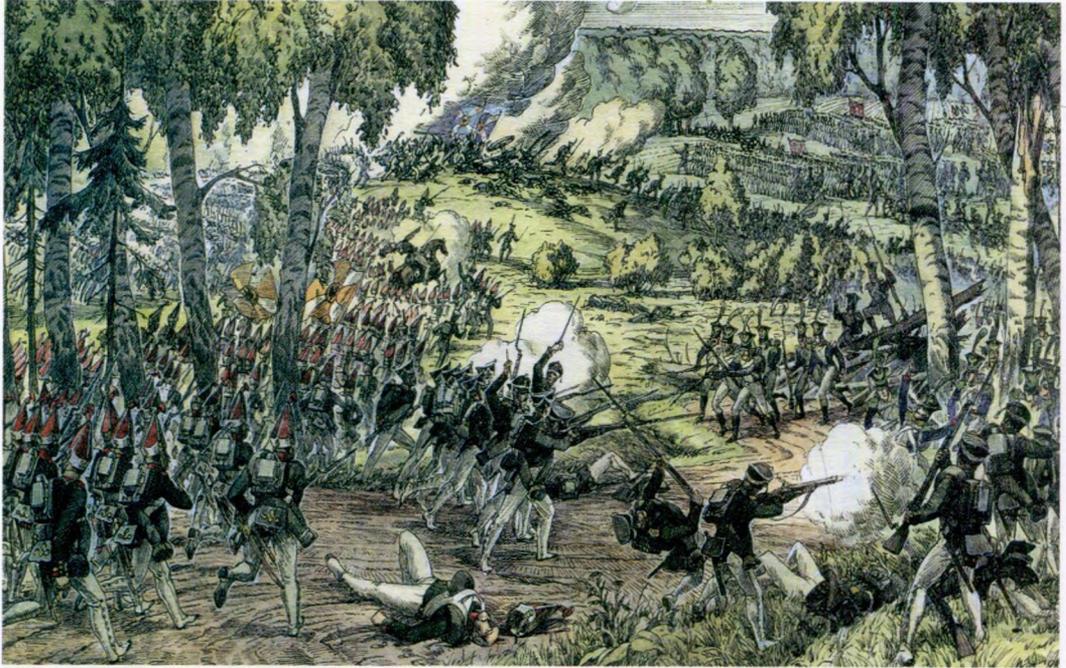
Медаль «Победителю над пруссаками 1 августа 1759 г.». Награждались участники сражения у деревни Кунерсдорф.

Сражение при Кунерсдорфе 1 августа 1759 года. Художник А. Е. Коцебу.

Защита Смоленска.
Хромолитография А. Сафонова. Начало XX века.

Бородинское сражение. Бой за Утицкий курган. Художник О. К. Пархаев.

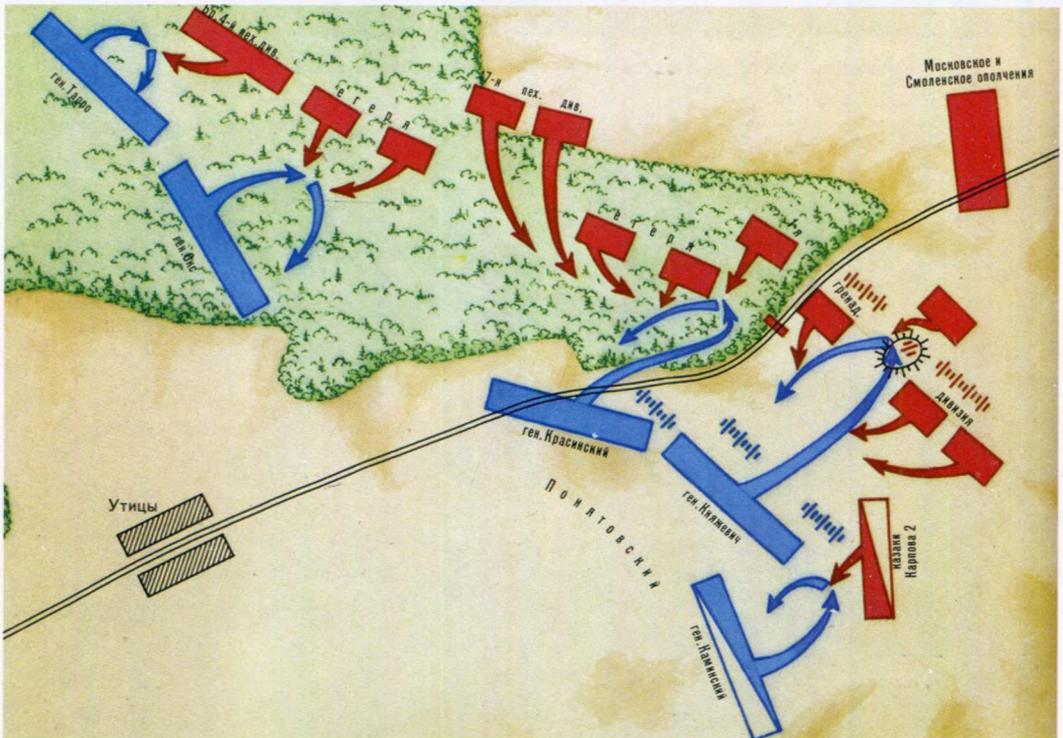

Схема боя за Утицкий курган.

«Сей пост [Утицкий курган] был тем важнее, что неприятель мог обойти левый фланг генерал-лейтенанта Тучкова и тем лишит его способа держаться на старой Смоленской дороге».
Д. П. Бутурлин.

Николай Алексеевич Тучков (1761–1812).

Художник Дж. Доу. 1820-е годы.

Генерал-лейтенант, командир 3-го пехотного корпуса. В день Бородинского сражения командовал группой войск в районе Утицкого кургана. В разгар битвы был смертельно ранен.

Захар Дмитриевич Олсуфьев (1772–1835).

Литография Песоцкого.

Середина XIX века.

В 1812 году — генерал-лейтенант, начальник 17-й пехотной дивизии.

Ермолай Федорович Керн (1773–1841), генерал-лейтенант (1829). Портрет. Мастерская Дж. Доу.

В 1812 году — полковник, командир Белозерского пехотного полка.

Памятник 17 пехотной дивизии генерала
З. Д. Олсуфьева (Бородинское поле, южнее
ст. Бородино 300 м. на Утицком кургане). 1912 год.
Архитектор неизвестен.

Надпись на колонне:
«Славным подвигам 17 дивизии 26 августа 1812 г.
Благодарные потомки».

Ниже:
«1912 г. 13 пехотный БЕЛОЗЕРСКИЙ генерал-
фельдмаршала графа ЛАССИ полк»

Далее слева направо — II грань:
«1912г. 40 пехотный РЯЖСКИЙ полк»

III грань:
«1912 г. 69 пехотный РЯЗАНСКИЙ генерал-
фельдмаршала князя Александра Голицына полк»

IV грань:
«1912 г. 86 пехотный ВИЛЬМАНСТРАНДСКИЙ
полк»

V грань:
«1912 г. 49 пехотный БЕССАРАБСКИЙ Его
Императорского Высочества Великого князя
Михаила Александровича полк».

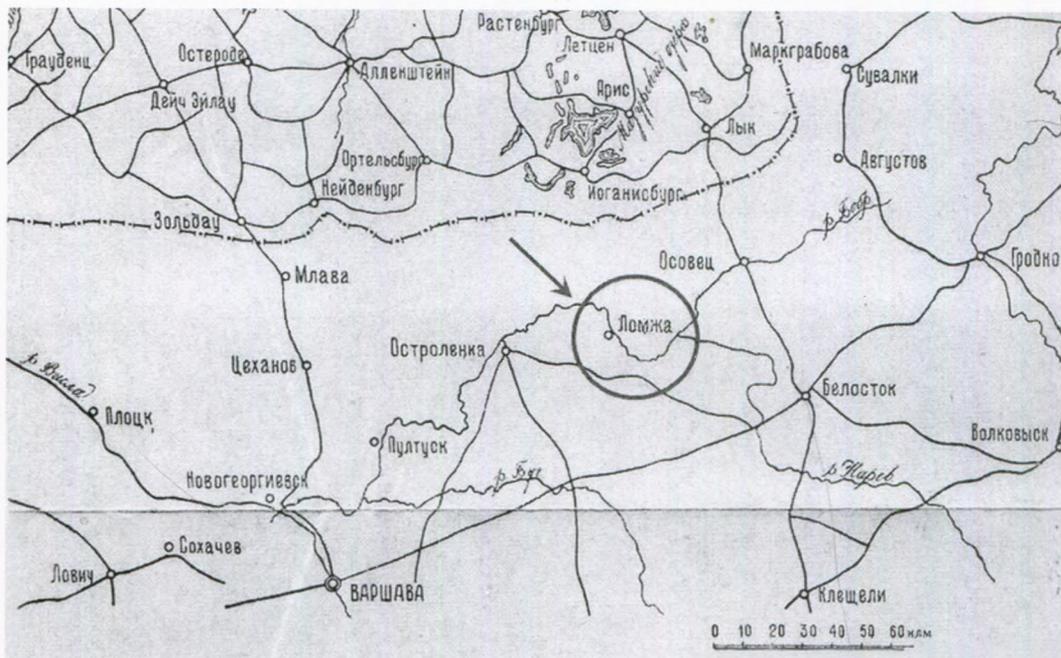

Освобождение Вязьмы 22 октября 1812 года. На переднем плане — момент вступления в город подразделений Белозерского пехотного полка. Художник О. К. Пархаев.

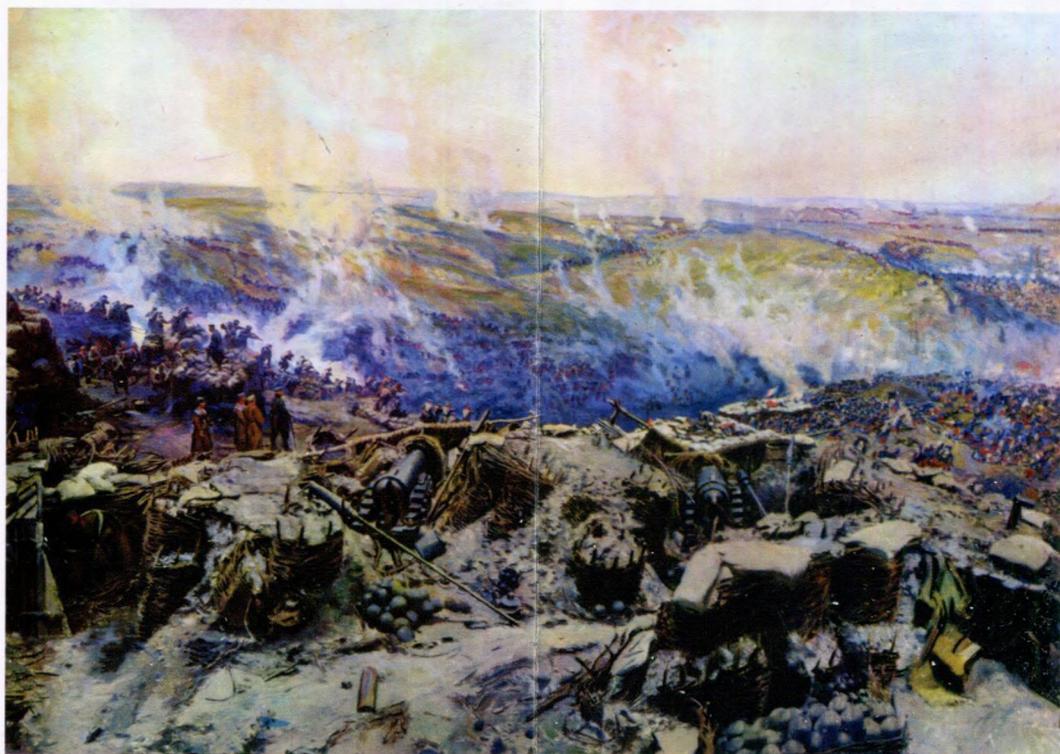
Знак на головной убор с надписью: «За Варшаву 25 и 26 Августа 1831 года». Пожалован Белозерскому полку 6 ноября 1831 года за участие в подавлении польского восстания и штурм Варшавы.

Медаль «За взятие приступом Варшавы». Награждали принимавших участие в штурме Варшавы 25–26 августа 1831 года.

Город Ломжа Варшавской губернии, где с 1831 года квартировал Белозерский пехотный полк.

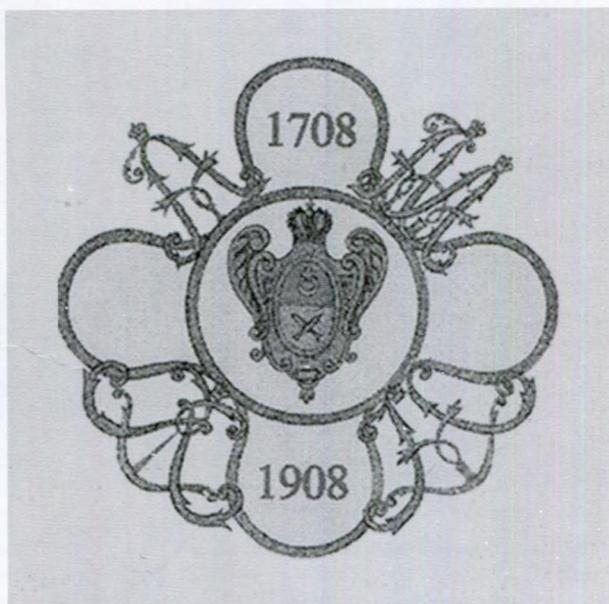

Бой за Малахов курган и батарею Жерве. Фрагмент панорамы «Оборона Севастополя» (1854–1855 годы). Художник Ф. А. Рубо. 1901–1904 годы.

Почетный караул матросов Черноморского флота Российской Федерации в день открытия мемориальной доски воинам-белозерцам, защищавшим Севастополь в 1854–1855 годах (город Севастополь, ул. Белозерская, д. 1).

Надпись на доске: *«Героическим защитникам Севастополя солдатам Белозерского полка от земляков».*

Знак 13-го пехотного Белозерского полка, пожалованный в честь 200-летнего юбилея. В центре полкового знака — герб города Белозерска.

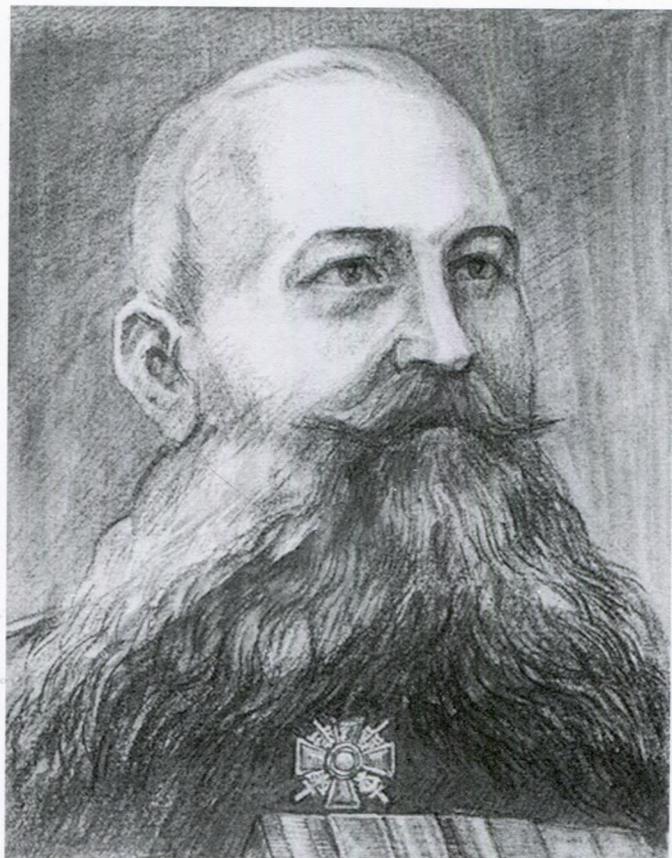
Полковое Георгиевское юбилейное знамя образца 1900 года с Александровской юбилейной лентой, пожалованное Белозерскому пехотному полку императором Николаем II 6 декабря 1908 года по случаю полкового праздника и в честь 200-летнего юбилея. Реконструкция А. А. Марова.

Полковник Константин
Александрович Жеглинский,
командир Белозерского
пехотного полка с
12 сентября 1909 года по
26 июня 1910 года.

Личный знак (жетон)
солдата 9 роты 13 пехотного
Белозерского полка (№ 196).
Начало XX века.

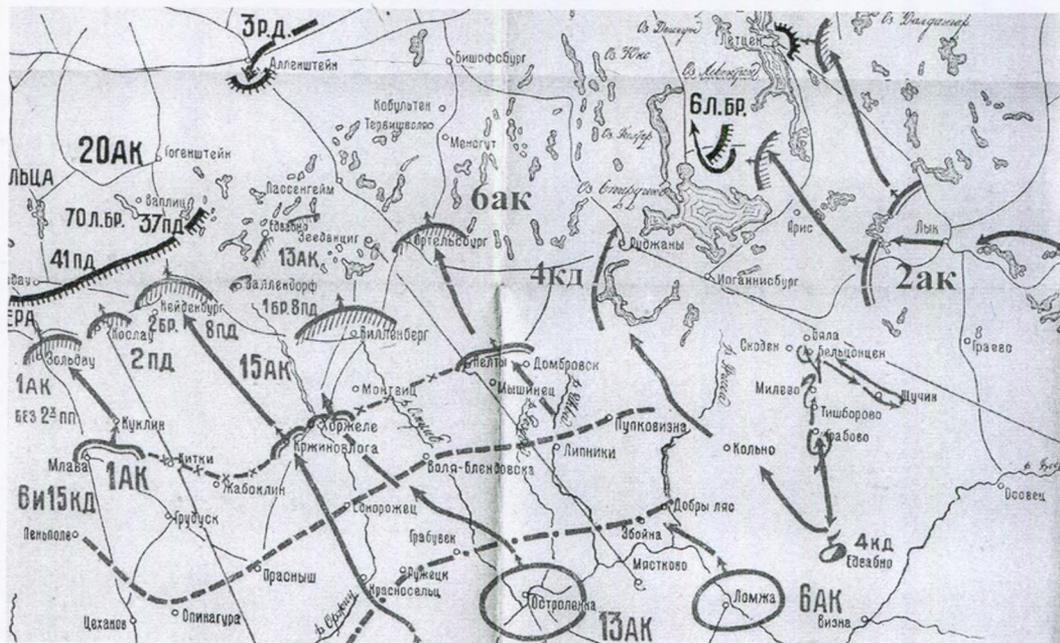

Полковник Юрий Николаевич Журавский.

Прибыл на службу в полк
1 сентября 1914 года.

Георгиевский кавалер.

В 1917 году — генерал-майор.

Выдвижение частей VI армейского корпуса и IV кавалерийской дивизии к границе в начале августа 1914 года и занятие 9 августа города Ортельсбург.

Прапорщик пулеметной команды
Белозерского пехотного полка.
Фото 1915–1917 годов.

Оборона деревни.

Фото штабс-капитана С. А. Корсакова. Фото 1914–1915 годов.

В ожидании врага.

Русская батарея на позициях под Варшавой.

Фото штабс-капитана С. А. Корсакова. Фото 1914–1915 годов.

13-й Белозерский пехотный полк на параде (город Харьков, 1919 год).
Впереди — командир полка полковник Б. А. Штейфон.

Начальник Полтавского отряда
Добровольческой армии
полковник Борис Александрович
Штейфон (июль 1919 года).

Парад частей 1-го армейского корпуса генерала П. Н. Врангеля
в одном из лагерей Галлиполи.

Памятник русским воинам в Галлиполи в день открытия 16 июля 1921 года.

Надпись на памятнике:

«Упокой, Господи, души усопших. 1-й корпус Русской армии своим братьям-воинам в борьбе за честь Родины нашедшим вечный покой на чужбине в 1920–21 гг. и в 1854–55 гг. и памяти своих предков-запорожцев, умерших в турецком плену»
(надпись повторена по-французски, по-гречески и по-арабски).

Генерал Б. А. Штейфон среди генералов и офицеров бывшей Добровольческой армии.
Болгария. 1921 год.

Командно-политический состав 96-го Белозерского кавалерийского полка РККА. Город Пятигорск Терской губернии, 6 октября 1924 года.

Генерал-майор П. А. Белов и батальонный комиссар Ю. Д. Милославский во время боев под Каширой. 1941 год.

Вручение гвардейского знамени командиру корпуса Павлу Алексеевичу Белову.

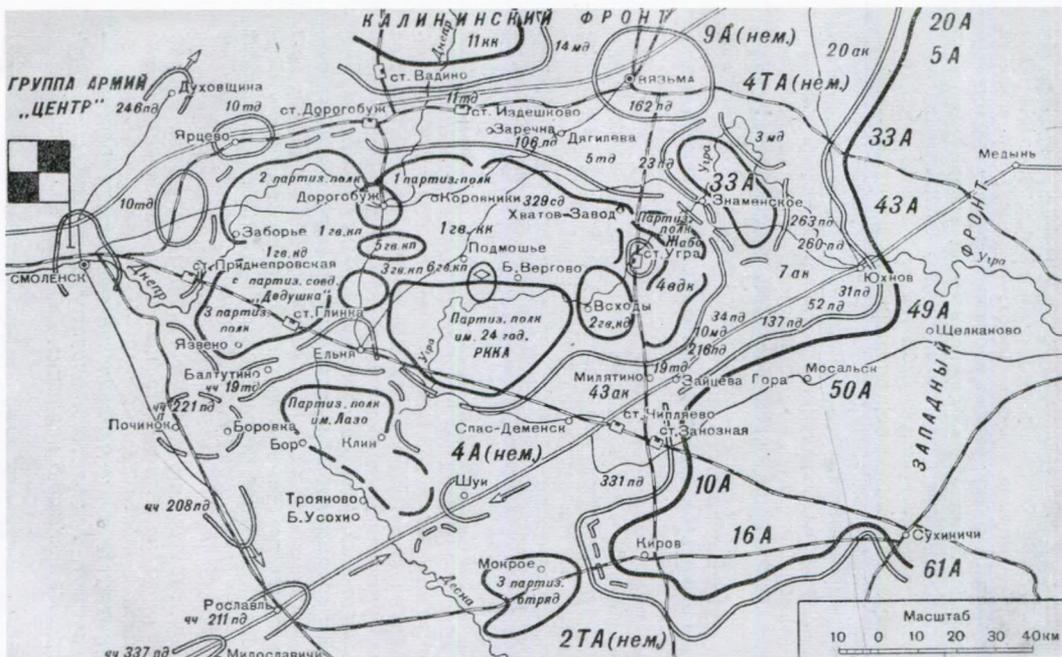
Знаменосцы 1-го гвардейского кавалерийского корпуса.

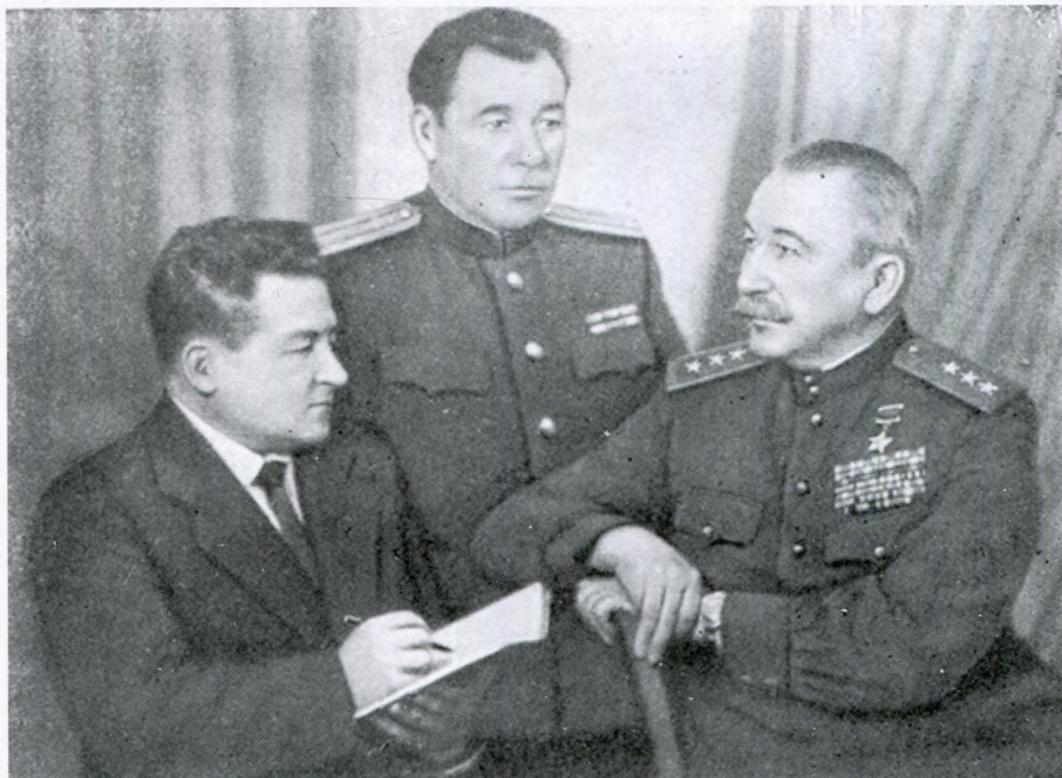
96 Белозерский кавалерийский полк выдвигается из резерва к селу Карамышево.
Декабрь 1941 года.

В тылу врага. Эскадрон 1-го гвардейского кавалерийского корпуса вступает в освобожденное село.
1942 год.

Территория, освобожденная группой войск П. А. Белова в тылу врага.
Март-апрель 1942 года.

Встреча после Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).
Справа — генерал-полковник П. А. Белов.

Мемориальный комплекс в парке
Победы города Белозерска.
В основе композиции комплекса —
памятник Воину-освободителю и
стела с именами горожан-белозерцев,
павших на фронтах Великой
Отечественной войны

ПОЛЬСКОЕ УСМИРЕНИЕ

С вечными друзьями-недругами России поляками Белозерцы уже воевали, причем дважды в XVIII веке. Полк брал Варшаву в составе корпуса Ласси в 1733 году. В этот город в 1763 году он входил и в составе корпуса князя Репнина, когда шла борьба с польскими конфедератами.

Полк, если верить Э. М. Мержеиовскому, не принимал участия в третьем взятии Варшавы войсками А. В. Суворова в 1794 году*. Он в это время стоял на квартирах в Санкт-Петербурге. Но от четвертого похода русских в Польшу Белозерцы не отказались.

Что же опять приключилось у наших соседей по Европе и братьев западных славян? Польский вопрос, который существует и сегодня, всегда являлся польско-русским вопросом. В книге об истории Белозерского полка не место отводить ему большое внимание, но коротко обрисую ситуацию, предшествующую событиям 1830–1831 годов.

Говоря о «русскости» польского вопроса, мы всегда видим со стороны России доброжелательность по отношению к соседнему народу, а со стороны поляков — злое и мстительное раздражение. Так и в данном случае. После войны с Наполеоном** Александр I торжественным манифестом от 9 мая 1815 года восстановил Польское королевство (Царство Польское) на началах полной автономии, со своим Сеймом, законодательством, монетной системой и вооруженными силами. Введены были польские ордена Белого Орла и Святого Станислава. Государь принял титул короля польского. Наместником же в Варшаву и главнокомандующим польской армией был назначен цесаревич Константин Павлович.

Такие политические отношения в наше время называются «ограниченным суверенитетом». Не многие страны мира, как раньше, так и теперь, имеют возможность быть подлинно независимыми во внешней и внутренней политике. Только великие страны и великие народы. Это — аксиома политики.

Польша всегда имела высокомерную гордыню, обращенную, прежде всего, к своему восточному соседу. И всегда страдала от своих западных «друзей» Пруссии и Германии. Причем, страдала еще мягко сказано, — немцы Польшу просто истребляли, не считаясь ни с какими ее национальными интересами, и лишь могучее крыло России, под которым она могла время от времени показывать свой несносный характер, спасало эту страну от полного порабощения и исчезновения с карты мира.

* За этот поход Александр Васильевич был удостоен нового военного чина, высшего в то время. Генерал Суворов отправил Екатерине II сообщение: «Ура! Варшава наша!» На что Екатерина ответила столь же лаконично: «Ура, фельдмаршал!»

** На Венском конгрессе к России было присоединено Варшавское герцогство.

Польская армия составляла в 20-е годы XIX века три пехотные и три кавалерийские дивизии в четыре полка. Командный состав, командный язык — всё это было польское, хотя уставы русские, но переведенные на польский язык. Начальствовали над войсками командиры, прошедшие русскую кампанию, причем, на стороне Наполеона. «Вообще, — правильно замечает А. А. Керсновский, — это была иностранная армия, подчиненная русскому главнокомандующему».

Сын императора Павла I, ученик А. В. Суворова Константин Павлович блестяще подготовил, на свою и России голову, польские войска. Он отдавал им весь свой талант полководца и воспитателя, жар души, и чем она ему ответила?..

Нары польского шовинизма зрел еще несколько лет. «Александр I, — анализирует А. А. Керсновский, — стремился на каждом шагу доказать полякам свое благоволение, венчавшись польской короной в 1817 году и лично открыв Сейм в 1818 году. Однако поляки, сами лишенные чувства великодушия, не способны понимать это чувство в других. Милость эту они истолковывали как заигрывание с ними, как признак слабости России, тем более, что император Александр для привлечения сердец своих польских подданных применил уже известный нам по Парижу способ, подчеркнуто пренебрежительно относясь к русским».

«Поляки возмечтали о себе более, чем благоразумие сего дозволяло, — объясняет ситуацию граф И. Ф. Паскевич-Эриванский, а позднее и светлейший князь Варшавский, — и высокомерие свое постоянно выбалтывали, а русские молчаливо, но глубоко затаили оскорбленное национальное свое чувство. На одном из смотров подхожу я к графу Милорадовичу и графу Остерману (они тут же были, даже их держали в Варшаве, как и нас, в черном теле, вероятно, чтобы привлечь любовь польских генералов армии Наполеона) и спросил их: «Что из этого будет?» Граф Остерман ответил: «А вот, что будет: что ты через десять лет со своей дивизией будешь их штурмом брать!» Он ошибся на три года».

За польским бунтом, который начался вечером 17 ноября 1830 года в Варшаве, стояли далеко идущие захватнические планы: отторгнуть от России ее западные губернии, области от Австрии и Пруссии и воскресить Речь Посполитую в старинных границах. Чем высокомернее шляхта, тем она амбициознее.

Поводом к выступлению послужил приказ Николая I о подготовке польской армии совместно с русскими войсками к походу на Бельгию. Здесь уж польская гордыня не выдержала... Вооруженная толпа ворвалась в Бельведерский дворец в Варшаве, чтобы убить цесаревича Константина Павловича, но ему чудом удалось спастись.

Сейм объявил Николая I низложенным. Не захотев проливать кровь, великий князь Константин отпустил верные ему польские войска, которых он выучил и воспитал, и тем ничего не оставалось, как присоединиться к мятежникам. Вся Польша и часть Литвы загорелась.

В декабре русские войска двинулись к польским границам за исключением 2-го пехотного корпуса, приводящего себя в порядок после турецкой войны. Среди полков последнего был и Белозерский.

Но задержка была недолгой. В январе 1831 этот 2-й корпус выступил вслед за русской армией. 19 февраля Белозерский и Олонекский полки прибыли в местечко Руконы Виленского уезда, где расположились на временных квартирах. 3 марта поступило распоряжение о назначении этих полков в гарнизон Вильно и разделении их на отряды для истребления в округе мятежников.

Укажем в этих стычках на только одно — типичное для Белозерцев — дело, случившееся 6 апреля, когда отряд в количестве 300 человек под командой майора Данилевского был послан к местечку Эбио для поисков мятежников. Те неожиданно появились в большом численном превосходстве и лучше вооруженные. Майор Данилевский не растерялся и дружным натиском рассеял противника.

Не является ли этот смелый майор Белозерец отцом великого русского мыслителя Н. Я. Данилевского, автора знаменитой книги «Россия и Европа»? Как утверждает его правнучка Инна Рау в журнале «Лад» (№ 1 за 2008 год), «в формулярном списке полковника Якова Ивановича Данилевского за 1834 год написано, что у майора и кавалера Якова Иванова сына Данилевского 4 декабря 1822 года... родился сын Николай». Не получил ли очередной чин майор Я. И. Данилевский за польский поход?

Белозерцы до конца апреля охотились за шайками мятежников и, более или менее, успокоили край. Часть польских отрядов перешла через границу в Пруссию, другие разбежались.

Русскую армию беспокоили не столько поляки, сколько постоянная спутница тех войн — эпидемия холеры. В марте было зарегистрировано 200 заболеваний, а к концу апреля их число перевалило за пять тысяч. От болезни погиб Главнокомандующий генерал-фельдмаршал Дибич Забалканский. 17 июня в Витебске скончался цесаревич Константин Павлович. Нижние чины умирали тысячами.

Главное сражение этой кампании развернулось под Варшавой, сильно укрепленной рядами рвов, волчьих ям, валов и заградительными палисадами. Русскими войсками командовал генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич.

СПРАВКА: Иван Федорович Паскевич (1782–1856) происходил из потомственного казачьего рода, ведущего начало с Пасько, старшины в армии гетмана Богдана Хмельницкого. Служил поручиком лейб-гвардейского Преображенского полка. С 1806 по 1812 годы принимал участие в войне против турок, командовал небольшими отрядами и исполнял различные административные и дипломатические поручения: в 1811 году назначен бригадным командиром. В Отечественную войну 1812 года принимал видное участие в боях под Салтановкой, Смоленском, Бородиным, Вязмой. В 1813 году блокировал польскую крепость Модлин, а затем, состоя в армии Беннигсена, участвовал в делах у Дрездена, в сражении под Лейпцигом, в блокаде Гамбурга. Назначенный начальником 2-й гренадерской дивизии, в 1814 году участвовал во взятии Парижа. В 1825 году стал ге-

нерал-адъютантом. В 1826 году получил повеление ехать на Кавказ для командования войсками против персов. За овладение Эриванью возведен был в графское достоинство, с наименованием «Эриванский». В 1827 году заменил на Кавказе Ермолова. В 1828–1829 годах искусно руководил военными действиями против турок в Малой Азии. Был произведен в генерал-фельдмаршалы. Взятие Варшавы покрыло И.Ф.Паскевича новыми лаврами. Он получил титул светлейшего князя Варшавского и звание наместника Царства Польского. Полным его именем с этого времени было князь Иван Федорович Варшавский, граф Паскевич-Эриванский. В 1848 году, когда император Николай решил подать помощь австрийскому императору против восставших венгров, снова стал во главе армии. В 1854 году, во время восточной войны был направлен в Дунайскую армию, но, фактически не приступив к командованию, был тяжело ранен и в дальнейших боевых действиях участия не принимал.

Варшаву оборонял польский генерал Малаховский. Наши войска в два раза по численности и на 170 орудий превышали польские. В отличие от прошлых штурмов, когда русские войска сначала брали предместье Варшавы Прагу, Паскевич решил действовать по иному: он переправился через Вислу и вышел на город с запада, со стороны Пруссии, союзницы русских.

Иван Федорович не хотел лишней крови и предложил сдать Варшаву без боя, но мятежники отказались. Штурм Варшавы длился 36 часов. Сам командующий был ранен ядром в руку, но наши атаки не прекращались. К 10 часам вечера на следующий день, в 19-ю годовщину Бородина, основные варшавские укрепления были взяты. Малаховский запросил о перемирии, решив сдать город.

Белозерцы вместе с Олонецким полком шли в первых рядах штурмующих. Отличился прапорщик Исупов, будущий командир Белозерского полка. Когда было взято укрепление — основная цель атаки Белозерцев, то они совсем немного потеряли людей. Но здесь случилось невероятное: во взятом редуте, где уже находился практически полностью Белозерский полк, взорвался по неизвестной причине огромный пороховой погреб. «Когда дым, покрывший укрепление, рассеялся, — пишет историк полка, — глазам представилось ужасное зрелище: масса мертвых и умирающих, черных как уголь и обожженных, валялось вокруг на далеком расстоянии. В числе их найден был и командир Белозерского полка полковник Хлуднев». Остатки Белозерцев в этот и на следующий день продолжали героический штурм Варшавы, во время которого они потеряли убитыми и ранеными 14 офицеров (в том числе был контужен майор Данилевский) и 214 нижних чинов.

«Воины! — обратился Николай I к Белозерцам в своем приказе. — Вы исполнили мои ожидания! Я верил вам усмирению мятежной Польши, защиту Отечества и вы явили себя достойными хранителями его спокойствия и чести. Едва возвратясь из Тавриза, из Адрианополя и ныне, в борьбе с отчаянным неприятелем, умели преодолевать все трудности своими незабвенными подвигами на берегах Вислы, Буга, Нарева, в глубоких рвах и на раскатах Варшавы и еще возвысить блеск российского оружия. Судьба увенчала ваши

усилия: мятеж усмирен, Царство Польское возвращено державе Российской и, видя конец своих бедственных волнений, сами побежденные благословляют наши победы...

Воины, продолжайте оправдывать мою доверенность! Соблюдением строгой подчиненности и благоустройства в рядах ваших и в покоренном крае внушайте, как прежде, любовь к себе и порядку, любовь и приверженность к престолу моему и уважение к России».

За отличия офицерам и солдатам 1-го и 2-го батальонов Белозерского пехотного полка были пожалованы знаки на кивера с надписью «За Варшаву 25 и 26 августа 1831 года».

Польша была в очередной раз усмирена. Царство Польское, уже без своей конституции, Сейма, национальной армии, превращено в русское генерал-губернаторство, стало по своему статусу, как и другие российские губернии, с немногими административными особенностями. Генерал-губернатором Высочайшим Указом был назначен генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич, получивший за взятие Варшавы титул светлейшего князя Варшавского.

А. С. Пушкин ответил на взятие польской столицы восторженными стихами:

*Сбылось — и в день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
В проломы падшей вновь Варшавы:
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И бунт раздавленный умолк.*

...После польского похода Белозерцы 17 лет не воевали. Вновь их ждали разного рода трансформации, переформирования (в их ряды, к примеру, влился личный состав Троицкого полка, ведущий свое старшинство с 1700 года).

Тридцатого августа 1839 года высочайшим приказом шефом полка назначен был генерал-адъютант, генерал от инфантерии князь Волконский. 3 января 1943 года по случаю 50-летия безупречной службы генерала, полк был назван «пехотный генерал-адъютанта князя Волконского полк».

СПРАВКА: Петр Михайлович Волконский (1776–1852) происходил из древнего боярского рода, ведущего свое происхождение от князей Тарусских, внуков святого князя Михаила Черниговского, давшего многих видных военных деятелей России. Уже при своем крещении Петр Михайлович был записан сержантом в лейб-гвардейский Преображенский полк. В 1793 году был произведен в прапорщики лейб-гвардейского Семеновского полка. В 1800 году он уже был полковником. По вступлении на престол императора Александра I П. М. Волконскому было приказано переехать на жительство в Зимний Дворец, и в день коронации он был пожалован чином генерал-адъютанта и произведен в генерал-майоры, а затем назначен помощником начальника Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества. Воевал с Наполеоном. Под Аустерлицем, объезжая с Кутузовым поле битвы, увидел отступление бригады графа Каменского 1-го и, собрав Фанагорийский и Ряжский пехотные полки, со знаменем

Фанагорийского полка в руках трижды бросался в атаку и отбил у неприятеля 2 пушки. За этот подвиг был награжден орденом Святого Георгия 3-ей степени. В 1810 году был назначен начальником квартирмейстерской части, которую довел до совершенства. На этом посту Волконский сделал очень много: озаботился составлением карты России, образовал «депо карт» всех иностранных государств, основал училище колонновожатых и положил основание библиотеке Генерального штаба, пожертвовав 500 книг. В апреле 1812 года сопровождал императора в Вильну, вблизи которой были сосредоточены армии. По его докладу был оставлен Дрисский лагерь, и 1-я армия отступила к Витебску на соединение с армией Багратиона. После сдачи Москвы был отправлен к Кутузову для выяснения подробностей отступления и дальнейших планов Главнокомандующего. В своем донесении писал: «Смело могу уверить, что Наполеону трудно будет вырваться из России». Был назначен начальником Главного штаба при князе Кутузове, а после его смерти — начальником Главного штаба императора Александра I. Активно участвовал в Заграничных походах русских войск. После войны главное свое внимание уделял созданию Генерального Штаба. Награжден многими русскими и иностранными орденами. Кавалер ордена Святого Андрея Первозванного с алмазами, Святого Владимира 1-й степени, Святого Александра Невского с алмазами и других. В 1817 году он был произведен в генерала от инфантерии. Сопровождал императора во всех его поездках, был около него, когда он скончался в Таганроге. С 1836 по 1852 годы был министром Императорского Двора. В 1839 году после смотра войск на Бородинском поле П. М. Волконский был назначен шефом Белозерского пехотного полка. В 1843 году пожалован в генерал-фельдмаршалы. Умер 27 августа 1852 года в Санкт-Петербурге. Похоронен во Введенской церкви лейб-гвардии Семеновского полка.

История России — это история людей в проекции прошлого, многие из которых связаны между собой родственными, семейными, служебными, творческими и иными связями. Прошлое России — это мощное древо, уходящее корнями глубоко в землю, а кроной — к небесам.

Наша старина лучше всего узнается через биографии исторических персонажей. Их так много за тысячелетнее существование Руси-России, что читатель может растеряться, запутавшись в фамилиях и чинах. Но стоит только потянуть в той или иной биографии за одну семейную нитку, подержаться за одну ветвь родового древа, как развернется весь клубок, распустятся все пасынки. Интерес приведет нас не просто к удивительным открытиям, а к любопытным сближениям, символическим фактам, интересным выводам.

Только что мы заглянули в послужной список генерал-фельдмаршала князя Петра Михайловича Волконского, великого строителя Вооруженных Сил России, создателя и первого руководителя Генерального Штаба. Он связан родословными узами со своим предком — князем-великомучеником Михаилом Всеволодовичем Черниговским, погибшим от татар, но не предавшим Русь и веру православную. А как мы писали в этой книге, дочью благоверного князя Черниговского была Мария Михайловна, вдова еще одного князя-мученика Василька Константиновича Ростовского. Их сын Глеб Василькович, в свою очередь, был первым удельным Белозерским князем. Василек в XIII веке командовал Белозерским полком.

Князь Петр Михайлович Волконский из общего с ними рода с 1839 года был шефом Белозерского пехотного полка. Так сохраняются русские традиции. Прошло «всего» 600 лет — жив Белозерский полк, хранятся в памяти его ратные заслуги, не сданы врагу знамена, а командиры имеют между собой дальнее родство.

В выдающейся военной биографии князя Петра Михайловича Волконского имеется еще одна несомненная заслуга перед Отечеством — он создал Генеральный штаб Вооруженных Сил России. Сейчас, когда мы пишем историю старейшего полка страны, Генеральный штаб ВС РФ возглавляет генерал армии Юрий Николаевич Балуевский, который считает себя по родовым корням вологодским. Он закончил в Кириллове среднюю школу. А Кириллов, его окрестности, то место, на котором стоит «государева крепость» Кирилло-Белозерский монастырь, испокон веков считались Белозерскими землями и владениями.

СПРАВКА: Юрий Николаевич Балуевский — из крепкого крестьянского рода Кичменгско-Городецкого уезда Вологодской земли. Родился 9 января 1947 года в семье кадрового военнослужащего. Закончил Коварзинскую семилетнюю, а затем Кирилловскую среднюю школу. В 1966 году поступил, а в 1970 году с отличием окончил Ленинградское высшее общевойсковое командное училище. После выпуска до 1974 года служил в Белорусском военном округе. С 1974 по 1979 год проходил службу в Группе советских войск в Германии. В 1979 году был направлен в Ленинградский военный округ. В 1980 году окончил заочное обучение в Военной академии им. М. В. Фрунзе. В 1982 году получил назначение в Генеральный штаб на должность старшего офицера-оператора Главного оперативного управления, где служил до поступления в 1988 году в Военную академию Генштаба. После окончания академии с золотой медалью в 1990 году вернулся в Главное оперативное ГШ, где в 1992 году стал начальником направления. С 1993 по 1995 год — начальник штаба — первый заместитель командующего Группой российских войск в Закавказье. В 1995 году был переведен в Москву и до 2001 года прошел должности: начальник управления, заместитель начальника и начальник Главного оперативного управления ГШ ВС РФ. С 2001 по 2004 год был первым заместителем начальника Генштаба ВС РФ. 9 июля 2004 года Указом Президента РФ Ю. Н. Балуевский назначен начальником Генерального штаба ВС РФ — первым заместителем министра обороны Российской Федерации. 22 февраля 2005 года ему присвоено воинское звание генерал армии. Кавалер орденов «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР», «За военные заслуги», «За заслуги перед Отечеством» IV степени (с изображением мечей), ордена Почетного легиона (Франция), имеет более 20 медалей России и наград других стран мира.

Земляк Юрия Николаевича по отцовской линии из села Кичменгский Городок, ветеран Великой Отечественной войны, полковник медицинской службы в отставке Владимир Анатольевич Наволоцкий, сам человек удивительной судьбы (см. о нем в главе «Вологодское офицерство»), собрал данные и составил родословную Балуевского. В день юбилея генерала армии не было для него лучше подарка, чем этот. Если князь П. М. Волконский, как мы знаем, был выходцем из служилого дворянского рода, и по праву гордился им, то родословная Ю. Н. Балуевского имеет столь же мощный крес-

тьянский корень. Причем, все его предки были из государственных («черносошных») вологодских крестьян, не знавших помещичьей неволи и чужеземного рабства.

Род Балуюевских прослеживается с 1698 года, когда в документах упоминается крестьянский сын Иван Балуюевский, первый носивший эту фамилию. До него в селах и деревнях Кич-Городецкого уезда жила его родня, в частности, известные по родословной с середины XVI века, Антон и Федор. Мужчины из ближайших Юрию Николаевичу поколений служили в армии, воевали. Впрочем, как и многие другие вологодские крестьяне. Данные по военной службе Балуюевских не идут далее Первой мировой войны, но, как справедливо полагает В. А. Наволоцкий, имеется большая вероятность, что прадеды и предки Балуюевского сражались, как на Японской войне, так и на многих войнах XIX века.

Отец генерала армии Николай Семенович Балуюевский также был военным человеком, имел звание капитана. Родом он из деревни Россоулинской Кич-Городецкого района. Сражался в двух войнах — Финской и Великой Отечественной. После демобилизации приехал в Кириллов, где и прошли детские годы Юрия Николаевича.

Вот и еще одна длинная ветвь Государства Российского протянулась к древнему Белозеру, к его истории и его славному воинскому прошлому. Эта ветвь, как и соседняя, ярко зеленеет, а значит, она живая, активная. Мы ее просто выделили из огромной кроны России. Так сказать, продлили наш исторический интерес еще на 200 лет.

Что же получается?.. Восстановим всю цепочку: предок Петра Михайловича Волконского был одним из ближайших родственников славной белозерской династии князей; сам он через 600 лет возглавил Белозерский пехотный полк; к тому же, будучи первым руководителем Генерального Штаба, является коллегой нашего современника Юрия Николаевича Балуюевского, который может считаться на этом посту преемником Волконского; в свою очередь, факты биографии Ю. М. Балуюевского возвращают нас вновь в Белозерье.

В одном абзаце — всё содержание нашей книги!..

ВОЛОГОДСКОЕ ОФИЦЕРСТВО

В длительных походах Белозерского полка, которые измерялись сотнями верст, время от времени устраивались дневки, когда солдаты и офицеры отдыхали, подкреплялись нехитрой армейской пищей, приводили в порядок амуницию. Всё было просто в этом аскетическом ратном труде: постелью служила шинель, печью — костер, посудой — оловянная миска и деревянная ложка.

Давайте и мы, уважаемый читатель, устроим себе дневку, чтобы между походами и войнами на привале вспомнить добрым словом командиров, «слуг — царю, отцов — солдатам».

О многих офицерах Белозерского полка и — шире — русской армии мы упомянули, но сейчас скажем о вологодском командирском корпусе, который испокон веков в России был известен и славен.

Исторической несправедливостью стала обывательская молва о том, что Вологодчина известна лишь пресловутым «вологодским конвоем», тем самым, который зловеще командовал: «Вологодский конвой стреляет без предупреждения. Шаг вправо, шаг влево — считается побег». Шуток-прибауток на сей счет по стране гуляло немало. Скажем сразу: ничего нет плохого и позорного в военной службе во внутренних войсках. Эта служба в мирное время труднее, сложнее и ответственнее, чем в других родах российских войск. Вологодские конвойные ничем не выделяются на общем фоне: ни своей многочисленностью, ни какой-то особой свирепостью, ни, тем более, бездумной исполнительностью. Да и тюрем, ИТЛ и прочих мест лишения свободы у нас в области не так много. Больше их, к примеру, в Мордовии. Но почему-то не говорят о специфическом «мордовском конвое».

Такие «шутки» над уроженцами той или иной местности повелись на Руси издавна. Кто не знает, что вятские — это хватские, а пошехонцы — тугодумы... Наши соседи ярославцы в XIX веке славились в Москве в качестве половых (официантов) в трактирах. Уж лучше (вернемся к нашей теме) быть стражниками, нежели стоять, согнувшись пополам, с салфеткой на руке!..

С одной стороны, молва о вологодском конвое, вероятно, родилась еще до того, как Россия приросла Сибирью. В наш край, действительно, ссылали княжеских вельмож и простолюдинов. Но масштабы этих ссылок, зафиксированных в летописях, были ничтожны.

С другой стороны, скудость нашей почвы, заселенность центральных уездов губернии, толкала крестьян к побочным заработкам в «отходе» по крупным городам и губерниям, а крестьянских сыновей из многодетных семей — в ряды служилого люда, в том числе и в качестве стражников, конвойных, рядовых войск МВД и так далее. Здесь, по нехитрому крестьянскому расчету, будет и одёжка всегда казенная, и такой же сытный харч, да еще и нос в табаке.

Наша книга не ставит своей целью что-то оспорить, какое-то мнение поколебать. Но когда довлеет над прочими одно тенденциозное умозаключение, в основе своей несправедливое, то приходится всей суммой фактов, всеми свидетельствами истории волей-неволей ему возражать*.

Лучше вспомним одну из самых героических и одновременно самых поэтичных вологодских легенд, которая, куда как объективнее и лучше выражает суть «вологодского человека»!.. Об этой истории в XX веке забыли, но в наше время она все чаще вспоминается.

Речь идет о подвиге двух юношей, названных *Белоризцами*. Они спасли город от осаждавших его врагов, то ли от отрядов князя Дмитрия Шемяки в годы междоусобной войны XV века, то ли от польско-литовских разбойных шаек в Смуту XVII века. В самый ответственный момент сражения, когда силы осажденных были на исходе, появились два юных витязя в белых одеждах (в белых ризах) и ценой своей жизни отбили натиск врагов.

Сегодня спорят, кто были эти неизвестные герои, в какие времена эта история случилась, но всё это частности, а суть заключается в том, что, редкая по красоте и поэтичности легенда-быль, неслучайно дошедшая к нам из глубины веков, демонстрирует не только удаль и отвагу местных жителей, но и придает этим благородным качествам ореол истинной красоты. Через воспевание подвига самопожертвования за други своя, за святую Отчизну-мать. По сути, в рассказе о белоризцах дошла до нас народная нравственная максима о бескорыстном патриотическом служении и свободном личностном порыве во имя самых высоких целей, на которые способен человек. В легенде гениально сочетаются два чисто вологодских побудительных мотива: государственническое (державное) служение и духовное деяние. Они соединены чувством красоты, через образ светлых отроков, где белый свет — это и свет, явленный Спасителем на горе Фавор, и цвет нашей природы с ее белыми ночами и снегами, березами и озером Белым.

Место захоронения *Белоризцев* сегодня в небрежении. Многое на Вологодчине реставрируется, возрождается, лишь одна часовня, где похоронены герои — местночтимые святые — пребывает в запущенном состоянии. С нее бы нужно было начинать изменения к лучшему во всей вологодской жизни. И в центре Вологды на площади Революции нам видится не «сломанный зуб», как вологжане называют нелепый памятник революционным героям, а чудесный

* Автору этой книги писатель Виктор Астафьев, только что переехавший к тому времени в Вологду из Сибири, рассказывал, что о нас, вологодских, он знал по байкам вс, о том же конвое. Конечно, Виктор Петрович во многом лукавил, но выражал общее мнение. Кстати, сами вологжане к этим шуткам относятся без особой обиды и даже уверяют, что на самом деле они еще страшнее — мол, всегда брали начальству под козырек, никогда не щадили самих себя, пазгали друг друга похлеще, чем злые конвойные. Отсюда родилась история, что мы в области оказались впереди всех по репрессиям в годы Сталина. Вс, это, конечно, полемические перегибы, головокружение от доброго, незлобивого и открытого вологодского характера.

монумент воинам Белоризцам, спасшим ценой своей жизни град и его жителей.

Отсвет жертвенного огня Белоризцев мы видим в биографиях, судьбах, в воинской планиде многих вологжан, кому довелось служить и в Императорской, и в Белой, и в Красной, и в Советской, и в Российской армиях.

К сожалению, нет такого понятия, как «вологодский офицер». А зря. Наш офицерский корпус с петровских времен имел характерные черты и особенности, которые его выделяли в среде командиров из других краев и областей. И это не только наши слова, а наблюдения известных вологодских военных, которые приводятся нами ниже. Можно даже не ссылаться на количество генералитета, которое родом с вологодской земли. Генералов и адмиралов на Вологодчине всегда было много. И не паркетных, а боевых, армейских, храбрых, отменно образованных и всесторонне подготовленных.

Поэтому первой особенностью вологодского офицерства можно назвать его особую статью, выносливость, прекрасную физическую подготовку. Это даже внешне бросается в глаза. В советские годы высшие командные посты чаще всего занимали выходцы из деревень. А наше крестьянство, как известно, славилось своей работоспособностью и трудолюбием, отсюда его зажиточность и независимость, почитание дедовских традиций и высокая духовность. Из такой среды и выходили российские офицеры, как предвоенных, так и послевоенных лет. Они поступали на армейскую службу из глухих деревень, куда, казалось бы, никакой прогресс и цивилизация не доходили.

Есть по дороге из Вологды на Кириллов в селе Новленское левый поворот с указателем «Вотча». Это — куст деревень прежнего Вотчинского сельсовета. Из них самая, пожалуй, недоступная, за непроходимыми лесами, деревня Яруново. Нет к ней нормальной дороги, не проведено электричество (один дизельный движок), нет магазина, ничего... А между тем, в Яруново родились дважды Герой Советского Союза летчик А. Ф. Клубов и генерал-полковник Б. А. Омеличев, здравствующий и в наше время. Деревушка маленькая, а ее военные сыновья большие, даже выдающиеся люди! И разве на вологодской карте одно такое Яруново?!

Эти, сегодня вымирающие, деревни, которые можно с полным основанием назвать «медвежьими углами», раньше таковыми не являлись. В них кипела жизнь, рождались дети в крепких крестьянских семьях, из них и выходили такие самородки, как Ильюшин, Конев, Кузнецов, Бетехтин, Другов и десятки других вологодских офицеров, прославивших нашу страну. Лучшие человеческие качества будущих полководцев и конструкторов, флотоводцев и инженеров закладывало семейное воспитание, их нравственность и мораль выращивала трудолюбивая и добрая крестьянская среда.

Молодые деревенские парни стремились к знаниям, хорошо и прилежно учились (не случайно, и до сих пор немало наших выход-

Наша книга не ставит своей целью что-то оспорить, какое-то мнение поколебать. Но когда довлеет над прочими одно тенденциозное умозаключение, в основе своей несправедливое, то приходится всей суммой фактов, всеми свидетельствами истории волей-неволей ему возражать*.

Лучше вспомним одну из самых героических и одновременно самых поэтичных вологодских легенд, которая, куда как объективнее и лучше выражает суть «вологодского человека»!.. Об этой истории в XX веке забыли, но в наше время она все чаще вспоминается.

Речь идет о подвиге двух юношей, названных *Белоризцами*. Они спасли город от осаждавших его врагов, то ли от отрядов князя Дмитрия Шемяки в годы междоусобной войны XV века, то ли от польско-литовских разбойных шаек в Смуту XVII века. В самый ответственный момент сражения, когда силы осажденных были на исходе, появились два юных витязя в белых одеждах (в белых ризах) и ценой своей жизни отбили натиск врагов.

Сегодня спорят, кто были эти неизвестные герои, в какие времена эта история случилась, но всё это частности, а суть заключается в том, что, редкая по красоте и поэтичности легенда-быль, неслучайно дошедшая к нам из глубины веков, демонстрирует не только удаль и отвагу местных жителей, но и придает этим благородным качествам ореол истинной красоты. Через воспевание подвига самопожертвования за други своя, за святую Отчизну-мать. По сути, в рассказе о белоризцах дошла до нас народная нравственная максима о бескорыстном патриотическом служении и свободном личностном порыве во имя самых высоких целей, на которые способен человек. В легенде гениально сочетаются два чисто вологодских побудительных мотива: государственническое (державное) служение и духовное деяние. Они соединены чувством красоты, через образ светлых отроков, где белый свет — это и свет, явленный Спасителем на горе Фавор, и цвет нашей природы с ее белыми ночами и снегами, березами и озером Белым.

Место захоронения *Белоризцев* сегодня в небрежении. Многие на Вологодчине реставрируются, возрождаются, лишь одна часовня, где похоронены герои — местночтимые святые — пребывает в запущенном состоянии. С нею бы нужно было начинать изменения к лучшему во всей вологодской жизни. И в центре Вологды на площади Революции нам видится не «сломанный зуб», как вологжане называют нелепый памятник революционным героям, а чудесный

* Автору этой книги писатель Виктор Астафьев, только что переехавший к тому времени в Вологду из Сибири, рассказывал, что о нас, вологодских, он знал по байкам вс, о том же конвое. Конечно, Виктор Петрович во многом лукавил, но выражал общее мнение. Статьи, сами вологжане к этим шуткам относятся без особой обиды и даже уверяют, что на самом деле они еще страшнее — мол, всегда брали начальству под козырек, никогда не щадили самих себя, пазгали друг друга похлеще, чем злые конвойные. Отсюда родилась история, что мы в области оказались впереди всех по репрессиям в годы Сталина. Вс, это, конечно, полемические перегибы, головокружение от доброго, незлобивого и открытого вологодского характера.

монумент воинам Белоризцам, спасшим ценой своей жизни град и его жителей.

Отсвет жертвенного огня Белоризцев мы видим в биографиях, судьбах, в воинской планиде многих вологжан, кому довелось служить и в Императорской, и в Белой, и в Красной, и в Советской, и в Российской армиях.

К сожалению, нет такого понятия, как «вологодский офицер». А зря. Наш офицерский корпус с петровских времен имел характерные черты и особенности, которые его выделяли в среде командиров из других краев и областей. И это не только наши слова, а наблюдения известных вологодских военных, которые приводятся нами ниже. Можно даже не ссылаться на количество генералитета, которое родом с вологодской земли. Генералов и адмиралов на Вологодчине всегда было много. И не паркетных, а боевых, армейских, храбрых, отменно образованных и всесторонне подготовленных.

Поэтому первой особенностью вологодского офицерства можно назвать его особую статью, выносливость, прекрасную физическую подготовку. Это даже внешне бросается в глаза. В советские годы высшие командные посты чаще всего занимали выходцы из деревень. А наше крестьянство, как известно, славилось своей работоспособностью и трудолюбием, отсюда его зажиточность и независимость, почитание дедовских традиций и высокая духовность. Из такой среды и выходили российские офицеры, как предвоенных, так и послевоенных лет. Они поступали на армейскую службу из глухих деревень, куда, казалось бы, никакой прогресс и цивилизация не доходили.

Есть по дороге из Вологды на Кириллов в селе Новленское левый поворот с указателем «Вотча». Это — куст деревень прежнего Вотчинского сельсовета. Из них самая, пожалуй, недоступная, за непроходимыми лесами, деревня Яруново. Нет к ней нормальной дороги, не проведено электричество (один дизельный движок), нет магазина, ничего... А между тем, в Яруново родились дважды Герой Советского Союза летчик А. Ф. Клубов и генерал-полковник Б. А. Омеличев, здравствующий и в наше время. Деревушка маленькая, а ее военные сыновья большие, даже выдающиеся люди! И разве на вологодской карте одно такое Яруново?!

Эти, сегодня вымирающие, деревни, которые можно с полным основанием назвать «медвежьими углами», раньше таковыми не являлись. В них кипела жизнь, рождались дети в крепких крестьянских семьях, из них и выходили такие самородки, как Ильюшин, Конев, Кузнецов, Бетехтин, Другов и десятки других вологодских офицеров, прославивших нашу страну. Лучшие человеческие качества будущих полководцев и конструкторов, флотоводцев и инженеров закладывало семейное воспитание, их нравственность и мораль выращивала трудолюбивая и добрая крестьянская среда.

Молодые деревенские парни стремились к знаниям, хорошо и прилежно учились (не случайно, и до сих пор немало наших выход-

цев служит в Генеральном штабе, военном мозгу Вооруженных Сил России). Они отличались непритязательностью в быту и в жизни, аскетизмом, дружелюбностью и природной смысленностью.

Вологодским кадровым офицерам присущ жизненный оптимизм, настойчивость (но не упёртость) в достижении поставленных целей, ответственность за поручения, готовность к выполнению приказов. «Военная косточка» наших земляков лучше всего проявлялась в пехотных войсках и на флоте.

Наши соседи архангелогородцы издавна поставляли рекрутов только во флот, но на то они и поморы, с берегов Белого моря. А откуда столько моряков в нашей сухопутной области? Но и здесь мы легко найдем ответ: Вологодчина дала России знаменитых первопроходцев, расширивших ее границы вплоть до Форта Росс в американской Калифорнии. Значит, в крови у вологжан страсть к путешествиям, к дальним морским просторам. Будущие вице-адмиралы начинали свой океанский путь с отцовских долбленок и насадов на озерах и реках, как Петр Великий основал российский флот с ботика на Плещеевом озере. Активная работа областного Морского собрания, объединившего всех, кто служил и служит во флоте, являет собой пример флотского содружества «сухопутных» вологжан.

И матушка-пехота любила выходцев из вологодских краев. Кому, как не ей, было нести на себе основную тяжесть сражения и походов, испытывать русское воинство на терпение и выносливость?.. Сколько надо было нарыть земли, построить редутов, траншей в полный профиль с огневыми точками, обустроить землянок и блиндажей, накопать ходов сообщений!.. Землепашество русского крестьянства ежегодно равнялось по перелопаченным объемам грунта земляным работам русской пехоты. И кто, как не вологжане, были сподручны для тяжелого труда на земле?.. Кто, как не они, могли преодолевать по бездорожью десятки верст в день?

* * *

Мы перечислили, в основном, материальные стимулы и земные качества вологодского служилого люда. Были и другие — духовные — основания.

Главное из них заключалось в беспредельной любви к Родине, к отчей стороне. Сакральность родного края проступала в многочисленных песнях, сказаниях, посвященных северной земле. Вологодская любовь к своим селам и деревенькам, к родной природе всегда была с легкой грустечкой, с печалью и нежностью. Человек понимал кратковременность своего присутствия в бренном мире и старался достойно и честно пройти свой земной путь.

Защита Родины, оборона ее границ представляла в цельном комплексе убеждений и верований северянина даже не обязанность, а особый священный долг. Как православная вера, так и крестьянская община воспитывала в человеке жалость-любовь к сирым и слабым.

И военное дело заставляло человека защищать стариков и детей, женщин и семью, весь свой род, всех своих земляков. А в случае смертельной опасности, когда враг стремился безжалостно уничтожить привычный и любимый уклад жизни и стереть с лица земли русский народ, ничего не было естественнее и необходимее, чем пожертвовать жизнью за правое дело, проявив при этом молодецкую отвагу и геройство.

Исправно поставляя армии рекрутов, вологодское крестьянство во времена, когда Родина была в смертельной опасности, собирала народные ополчения, то есть выставляла отряды добровольцев для борьбы с врагом. Так было в годину страшной Смуты, когда ополченцы под командованием вологодского воеводы П. И. Мансурова-Плещеева, разгромив шайки польских разбойников, двинулись на помощь жителям Галича, Костромы и Ярославля. В 1612 году вологодское ополчение пришло на помощь Москве. Спустя два века, когда Наполеон вторгся в пределы России, вологодский губернатор Н. И. Барш собрал дружину стрелков, которая в составе Петербургского ополчения, билась с французами.

Добровольно служили в армии, как крестьяне, мещане, так и дворяне. В цитированной уже нами отписке XVII века архиерейских слуг о присылке вологодских воинов в украинские земли, приводится характерный факт добровольного воинского волеизъявления одного из вологжан: «А сын боярский Стефан Захарьев на домовый двор пришел и бьет челом, чтоб ему прислать лошадь, и оружие, и платье, и денег, а хочет ехать на службу».

Вологодское офицерство несло на себе пожизненный крест служения Отечеству, самопожертвования и самоотречения во имя самых благородных и священных целей. Мы их, хотя бы старших офицеров, хотя бы генералов и адмиралов, должны знать поименно, ими гордиться.

В Вологде готовится к печати замечательная во всех смыслах книга «Генералы и адмиралы Вологодчины». В ней будут собраны данные за триста лет о высших военачальниках России, выходцах с вологодской земли. Здесь и царские генералы и адмиралы Императорской армии, и генералы Белого движения, как А. П. Кутепов, и первые красные офицеры, и герои Великой Отечественной войны, и генералы армии России. 14 февраля 2008 года газета «Красный Север» опубликовала предварительный список высшего звена вологодского офицерства, который по своей многочисленности не может не вызывать законной гордости за военную доблесть наших земляков.

Приведем этот список с «белыми местами», то есть неизвестными данными, полностью. Может быть, кто-то из читателей книги найдет в нем знакомые имена и сообщит об этом нашим военным краоведам, историкам вологодской армейской и флотской службы, которые ищут недостающие биографические сведения.

Генералы и адмиралы Вологодчины

АБУЗИН Николай Николаевич, генерал-майор
АБАКУМОВ Сергей Иванович, генерал-майор
АВЕРИН Дмитрий Васильевич, генерал-майор
АВКСЕНТЬЕВСКИЙ Константин Алексеевич, командарм
АКПАРИСОВ Василий Васильевич, генерал-лейтенант
АЛЕКСЕЕВ Василий Ефимович, генерал-майор
АЛЕШИНА Татьяна Николаевна, генерал-майор милиции
АЛИКОВ Иван Федорович, (контр) вице-адмирал
АНДОГСКИЙ Александр Иванович, генерал-майор
АНДРЕЕВ Владимир Иванович, генерал-полковник ВВС
АНДРЕЕВСКИЙ Протоген Протогенович, генерал-майор
АНИСИМОВ Василий Фалалеевич, генерал-майор
АНШУКОВ Павел Александрович, генерал-майор
АРАБКОВ Леонид Васильевич, генерал-майор
АФНАСЬЕВ Анатолий Георгиевич, генерал-майор
АФОНИН Юрий Геннадьевич, генерал-майор
АХУТИН Михаил Никифорович, генерал-лейтенант
БАЖЕНОВ Алексей Александрович, генерал-майор
БАРИНОВ Александр Иванович, генерал-майор
БАРШ Николай Иванович, генерал-интендант
БАРТИНОВ Николай Иванович, контр-адмирал
БАЛУЕВСКИЙ Юрий Николаевич, генерал армии
БАРШ Яков Саввич, вице-адмирал
БАРШ Иван Яковлевич, адмирал
БЕЗВЫТНИЙ Михаил Степанович, генерал-майор
БЕЛКОВ Юрий Сергеевич, генерал-майор
БЕЛОВ Иван Панфилович, командарм 1-го ранга
БЕЛОВ Юрий Павлович, вице-адмирал
БЕЛОКОСКОВ Василий Евлампиевич, генерал-полковник
БЕРДЯГИН Анатолий Иванович, генерал-майор
БЕТЕХТИН Анатолий Владимирович, генерал армии
БИРИЧЕВ Иван Иванович, генерал-майор
БОГДАНОВ Николай Кузьмич, генерал-лейтенант
БОРИСОВ Юрий Иванович, генерал-майор внутренней службы
БОГОМОЛОВ Федор Павлович, генерал-майор
БОГУЯНОВ Николай Кузьмич, генерал-лейтенант
БОЛГОВСКИЙ (Бологовский) Дмитрий Николаевич, генерал-лейтенант
БОЛОГОВ Федор Павлович, генерал-майор
БРЯНЧАНИНОВ Николай Семенович, генерал-майор
БУРЕНИН Борис Анатольевич, начдив (комдив)
БУТОЧНИКОВ Владимир Александрович, генерал-майор
ВЫЗОВ Борис Ефимович, генерал-полковник
ВАРШАВСКИЙ Валерий Зиновьевич, генерал-майор
ВАСЕНДИН Николай Степанович, генерал-лейтенант
ВАУЧСКИЙ Николай Павлович, генерал-лейтенант

ВАХРУШЕВ Александр Андреевич, генерал-майор
ВЕДЕНИЧЕВ Нил Григорьевич, генерал-лейтенант
ВЕРЕЩАГИН Александр Васильевич, генерал-майор
ВЕРЕЩАГИН Николай Васильевич, генерал-майор
ВЕХИН Григорий Иванович, генерал-майор
ВЛАДИМИРОВ (Матвеев) Вонифатий Владимирович, генерал-майор

ВОРКОВ Сергей Степанович, контр-адмирал
ВОРОБЬЕВ Сергей Ильич, генерал-полковник
ВОРОБЬЕВ Юрий Леонидович, генерал-полковник
ВОРОНОВ Василий Федорович, генерал-майор авиации
ВОСКРЕСЕНСКИЙ Иван Никанорович, генерал-лейтенант
ВОСТРОВ Владимир Андреевич, генерал-полковник
ВОИТЕНКОВ Николай Станиславович, генерал-майор милиции
ВУРГАФТ Александр Алексеевич, генерал-лейтенант интендантской службы

ГАЛКИН Лев Федорович, генерал-майор
ГЕОРГИЕВСКИЙ Петр Константинович, генерал-майор
ГОЛИЦЫН Владимир Михайлович, контр-адмирал
ГОЛОВКИН Николай Владимирович, генерал-полковник милиции
ГОЛОВИН Николай Яковлевич, генерал-майор
ГОРБАЧЕВ Николай Семенович, генерал-майор
ГОРАНКОВ Владимир Пантелеевич, генерал-майор
ГОРОХОВ Георгий Александрович, контр-адмирал
ГОРЧАКОВ Павел Александрович, генерал-майор милиции
ГОРЯЧКО Леонид Дорофеевич, генерал-майор ВВС
ГОСТЕВСКИЙ Леонид Иванович, генерал-майор
ГУМАРОВ Иван Павлович, генерал-майор таможенной службы
ГУСЕВ Александр Владимирович, генерал-майор
ГУСЕВ Геннадий Васильевич, генерал-майор
ДАЙНЕКО (Дейнеко) Владимир Григорьевич, генерал-полковник ВВС

ДАНИЛОВ Степан Павлович, генерал-майор авиации
ДАНЮК Евгений Семенович, генерал-лейтенант
ДЕМИДОВ Алексей Арсеньевич, генерал-полковник
ДЕРЯГИН Владимир Дмитриевич, генерал-майор
ДОКИН Павел Гаврилович, генерал-майор
ДРУГОВ Василий Иванович, генерал-майор
ДРУГОВ Павел Ильич, генерал-майор
ДУБРОВСКИЙ (Сивков) Дмитрий Георгиевич, генерал-лейтенант
ДУНАЕВ Андрей Федорович, генерал-майор милиции
ДУНАЕВ Станислав Вячеславович, генерал-майор полиции
ДУНИКОВ Григорий Степанович, генерал-лейтенант
ДУРОВ Дмитрий Александрович, генерал-майор
ДУШЕНОВ Константин Иванович, флагман 1-го ранга
ДЪЯКОНОВ Петр Александрович, генерал-майор
ЕРМИЛОВ Алексей Петрович, генерал-лейтенант
ЕРМИЛОВ Николай Дмитриевич, генерал-майор

ЕКИМОВСКИЙ Василий Васильевич, генерал-майор ВВС
ЕЛФИМОВ Герман Федорович, генерал-майор ПВО
ЕХИЧЕВ Иван Луквич, генерал-майор
ЖДАНОВ Владимир Михайлович, генерал-майор ВВС
ЖИЛЬЦОВ Николай Павлович, генерал-лейтенант ВВС
ЖУКОВ Анатолий Алексеевич, контр-адмирал
ЗАПЛАТИН Василий Петрович, генерал-майор
ЗАРОДОВ Евгений Дмитриевич, контр-адмирал
ЗАЯКИН Арий Николаевич, генерал-майор ВВС
ЗОЛОТОВ Владимир Васильевич, генерал-майор налоговой полиции
ЗУБОВ Владимир Николаевич, генерал от инфантерии
ЗУЕВ Николай Васильевич, генерал-майор
ЗУЕВ Николай Евгеньевич, генерал-майор
ЗЫРИН Михаил Иванович, генерал-майор милиции
ИВАНОВ Юрий Степанович, генерал-лейтенант
ИВАНОВ Василий Николаевич, генерал-майор
ИЗАЧЕК Николай Георгиевич, контр-адмирал
ИЛЬЮШИН Сергей Владимирович, генерал-полковник
ИЛЬЮШИН Владимир Сергеевич, генерал-майор ВВС
ИСАКОВ Павел Федорович, генерал-майор
КАЗАКОВ Михаил Васильевич, генерал
КАЗАКОВ Михаил Ильич, генерал армии
КАЗАНСКИЙ Дмитрий Иванович, генерал-майор
КАЗАРИН Павел Федорович, генерал-майор
КАЛИНИН Алексей Михайлович, адмирал
КАЛИНИЧЕВ Борис Геннадьевич, генерал-лейтенант
КАМЕНСКИЙ Александр Ильич, генерал-майор
КАНИЩЕВ Николай Иванович, генерал-майор
КАПУСТИН Василий Феодосьевич, генерал-майор
КАРАНДАШЕВ Сергей Петрович, генерал-майор
КАШКИН Евгений Петрович, генерал-аншеф (генерал-поручик)
КЛЕЩИНОВ Сергей Афанасьевич, генерал-майор
КЛЕЩИНОВ Константин Александрович, генерал-майор
КЛОКАЧЕВ Алексей Федотович, вице-адмирал
КОЗИЧЕВ Михаил Александрович, генерал-майор
КОЗЛОВ Александр Николаевич, генерал-майор внутренней службы
КОЗЫРЕВ Николай Картерьевич, генерал-майор
КОЛЕСНИК Василий Васильевич, генерал-майор
КОМАРОВСКИЙ Иван Петрович, генерал-лейтенант
КОНДАКОВ Петр Павлович, генерал-майор
КОНЕВ Иван Степанович, маршал
КОРОБОВ Вадим Константинович, адмирал
КОРОБУШИН Варфоломей Владимирович, генерал-полковник
КОСАРЕВ Василий Васильевич, генерал-лейтенант
КОСТРОМИН Александр Александрович, генерал-майор
КОСТЫЛЕВ Валентин Николаевич, генерал-лейтенант
КРЕМЛЕВ Виталий Яковлевич, генерал-полковник ВВС
КРУТСКИХ Дмитрий Андреевич, генерал-полковник

КРУГЛИКОВ Василий Константинович, генерал-майор налоговой
полиции
КУДРИНСКИЙ Александр Васильевич, генерал-майор
КУДРЯШОВ Александр Иванович, генерал-лейтенант
КУЗНЕЦОВ Валерий Евгеньевич, генерал-майор
КУЗЬМИН Степан Иванович, генерал-майор
КУЗНЕЦОВ Николай Герасимович, адмирал (вице-адмирал)
КУЛЬВИНСКИЙ Павел Васильевич, генерал-майор
КУРАКИН Яков Федорович, генерал-лейтенант милиции
КУРЕХИН Иван Тимофеевич, генерал-майор
КУТЕПОВ Александр Павлович, генерал-лейтенант
КУЧИН Валентин Дмитриевич, генерал-майор
ЛАБАЙДИН Александр Федорович, генерал-майор
ЛАМОВ Федор Александрович, генерал-майор
ЛАСКИН Николай Матвеевич, генерал-майор
ЛЕБЕДЕВ Владимир Михайлович, контр-адмирал
ЛЕВИЧЕВ Василий Николаевич, генерал армии
ЛЕОНОВ Алексей Архипович, генерал-майор ВВС
ЛЕОНТЬЕВ Александр Михайлович, генерал-лейтенант
ЛЕПИХИН Николай Иванович, контр-адмирал
ЛЕШУКОВ Григорий Петрович, генерал-майор ВВС
ЛИЗАРСКИЙ Валентин Александрович, контр-адмирал (вице-ад-
мирал)
ЛИЗИЧЕВ Алексей Дмитриевич, генерал армии
ЛИЧУТИН Николай Иванович, генерал-майор
ЛОПУХИН Петр Васильевич, генерал-губернатор
ЛУКЬЯНОВ Валерий Витальевич, генерал-лейтенант
ЛЫКОВ Иван Александрович, генерал-лейтенант
ЛЯПИН Николай Васильевич, генерал-майор
МАКСИМОВ Владимир Константинович, генерал-майор
МАКШЕЕВ Алексей Иванович, генерал-лейтенант
МАЛЫГИН Иван Иванович, генерал-майор
МАЛЫШЕВ Вячеслав Александрович, генерал-полковник
МАРКОВ Александр Васильевич, контр-адмирал
МАРКОВ Евгений Иванович, генерал-лейтенант
МАСЛИН Евгений Петрович, генерал-полковник
МАХРОВСКИЙ Сергей Владимирович, генерал-майор
МАШКИН Анатолий Григорьевич, генерал-лейтенант ВВС
МЕЛЬГУНОВ Алексей Петрович, генерал-губернатор
МИКЛЯЕВ Александр Ильич, генерал-майор
МИЛЬКОВ Леонид Андрианович, генерал-майор
МИНИЦКИЙ Степан Иванович, генерал-губернатор
МИТИН Юрий Львович, генерал-майор
МИХОЛАП Виталий Владимирович, генерал-майор ПВО
МОЖАЙСКИЙ Александр Федорович, контр-адмирал, генерал-
майор ВВС
МОРДВИНОВ Николай Семенович, адмирал
МОСКВИН Николай Афанасьевич, генерал-майор

МОСКОВСКИЙ Василий Петрович, генерал-майор
МОЧЕНКОВ Михаил Алексеевич, генерал-майор авиации
МУРАВЬЕВ Анатолий Алексеевич, генерал-майор
МУШНОВ Иннокентий Степанович, генерал-лейтенант
НЕГОДЯЕВ Павел Иванович, генерал-майор
НЕЕЛОВ Александр Дмитриевич, генерал-лейтенант
НЕЧАЕВ Юрий Алексеевич, генерал-майор
НЕУСТРОЕВ Кирилл Владимирович, генерал-майор
НИКИТИНСКИЙ Иван Гаврилович, генерал-лейтенант
НИКИТИНСКИЙ Иосиф Илларионович, генерал-майор милиции
НИКИШОВ Иван Федорович, генерал-лейтенант
НИКАШОВ Иван Федорович, генерал
НИКОЛАЕВ Валерий Иванович, генерал-майор
НИКОНОВ Александр Матвеевич, генерал-лейтенант
НОВИКОВ Николай Ильич, генерал-лейтенант ВВС
НОВИЧКОВ Валерий Петрович, генерал-майор ВВС
НУРОМСКИЙ Алексей Константинович, бригадный военврач
ОБУЗИН Николай Николаевич, генерал-майор
ОБУХОВ Алексей Филиппович, генерал-майор ВВС
ОБУХОВ Виктор Николаевич, контр-адмирал
ОБУХОВ Николай Николаевич, контр-адмирал
ОВЧИННИКОВ Александр Григорьевич, генерал-майор
ОДИНЦОВ Александр Иванович, генерал-полковник
ОКУНЕВ Василий Васильевич, генерал-полковник
ОКУНЕВ Павел Игнатьевич, генерал-майор
ОЛЕНИН Василий Максимович, генерал-майор
ОМЕЛИЧЕВ Бронислав Александрович, генерал-полковник
ОРДИН Аркадий Гаврилович, генерал-майор ВВС
ОСОВСКИЙ Николай Александрович, контр-адмирал
ОСЬКИН Василий Степанович, генерал-майор
ОСТАШО(")В Сергей Парфеньевич, генерал-лейтенант
ОШАНИН Евгений Михайлович, генерал-полковник
ПАВЛОВСКИЙ Александр Павлович, генерал-лейтенант
ПАНИЧЕВ Валентин Николаевич, генерал-полковник
ПАПЫЛЕВ Иван Иванович, контр-адмирал
ПАСЫНКОВ Кирилл Михайлович, контр-адмирал
ПАТРИКЕЕВ Василий Артамонович, генерал-поручик
ПАХОМОВ Алексей Константинович, генерал-майор авиации
ПАШКОВ Николай Павлович, генерал-майор авиации
ПЕРШИКОВ Владимир Петрович, генерал-майор
ПЕСКОВ Николай Денисович, генерал-лейтенант
ПЕТИН Николай Николаевич, генерал-квартирмейстер
ПЕТРОВ Игорь Николаевич, контр-адмирал
ПЕТРОВ Николай Павлович, генерал-лейтенант
ПЕТРОВ Николай Алексеевич, генерал-майор
ПЕТРЯШОВ Кельсий Федорович, вице-адмирал
ПЛЮСНИН Николай Иванович, генерал-майор
ПОЛЯКОВ Николай Антонович, генерал-майор

ПОНИКАРОВСКИЙ Валентин Николаевич, адмирал
ПОНОМАРЕВ Сергей Алексеевич, генерал-лейтенант
ПОПОВ Виктор Владимирович, генерал-майор внутренней службы
ПОПОВ Вячеслав Алексеевич, адмирал
ПОПОВ Иван Иванович, генерал-майор
ПОПОВ Сергей Лаврентьевич, генерал
ПОСЬЕТ Константин Николаевич, генерал-адъютант, адмирал
ПОТАПОВ Виктор Павлович, генерал-полковник ВВС
ПОТАНИН Гелий Матвеевич, контр-адмирал
ПРЕСНУХИН Алексей Николаевич, генерал-майор
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Георгий Николаевич, генерал-майор
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Евгений Николаевич, генерал-полковник

авиации

ПРЕДИУС Анатолий Григорьевич, генерал-майор
ПУТИЛОВ Савелий Михайлович, генерал-майор
РАСТОРГУЕВ Феодосии Феодосьевич, генерал-майор
РЕШЕТОВ Илья Федорович, генерал-лейтенант
РОГАЛЕВ Федор Федорович, комиссар корпуса
РОГИНСКИЙ Сергей Васильевич, генерал-лейтенант
РОДИОНОВ Константин Константинович, контр-адмирал
РОЗАНОВ Александр Александрович, генерал-майор
РУБАН Виктор Филиппович, генерал-майор
РУДНИЦКИЙ Михаил Алексеевич, контр-адмирал
РУДНИЦКИЙ Николай Алексеевич, контр-адмирал
РЯБОВ Владимир Викторович, генерал-майор ВВС
САБИНСКИЙ Петр Степанович, генерал-майор
САМОЙЛО Александр Александрович, генерал-лейтенант
САМКИН Николай Яковлевич, генерал-майор
САПРЫКИН Игорь Владимирович, генерал-майор ВВС
САРАЕВ Александр Андреевич, генерал-майор
СВЕКРОВИН Василий Константинович, генерал-майор
СЕНАТСКИЙ Юрий Константинович, контр-адмирал
СЕРОВ Иван Александрович, генерал армии
СИЗОВ Александр Федорович, генерал-майор
СИНИЦЫН Виктор Петрович (Павлович), генерал-полковник ПВО
и ВВС

СМЕЛОВ Иван Васильевич, генерал-майор ВВС
СМИРНОВ Анатолий Иванович, генерал-майор
СМИРНОВ Николай Константинович, вице-адмирал
СМИРНОВ Николай Петрович, генерал-майор
СМЫСЛОВ Борис Константинович, генерал-лейтенант
СНЕГОВ Алексей Николаевич, генерал-майор
СОКОЛОВ Иван Федорович, генерал-майор
СПАССКОВ Александр Андреевич, генерал-майор
СТАНОВЫХ Евгений Анатольевич, генерал-майор
СТАХЕЕВ Василий Иванович, генерал-майор
СУНЯЕВ Игорь Анатольевич, генерал-майор
СУХОРУЧЕНКО Владимир Степанович, генерал-лейтенант

ТАБАЧУК Николай Григорьевич, генерал-майор
ТИМОШЕНКОВ Анатолий Николаевич, генерал-лейтенант
ТИТОВ Игорь Михайлович, генерал-лейтенант
ТОРГОВАНОВ Юрий Борисович, генерал-лейтенант ВВС
ТУМАНОВ Алексей Тихонович, генерал-майор ВВС
ТУРКИН Василий Тимофеевич, генерал-лейтенант
ТУРУКИН Александр Сергеевич, генерал-майор
УЛЬЯНОВСКИЙ Сергей Алексеевич, генерал-майор авиации
ФЕДОРОВ Василий Федорович, генерал-майор
ФЕДОРОВ Владимир Анатольевич, генерал-майор
ФЕДОРОВ Валерий Иванович, генерал-полковник милиции
ФЕДОТОВ Виталий Петрович, генерал-майор милиции
ФЕДОТОВ Виктор Васильевич, контр-адмирал
ФЕДОТОВ Иван Иванович, генерал
ФЕФИЛОВ Сергей Афанасьевич, генерал-лейтенант
ФИЛИН Николай Михайлович, генерал-майор
ФОКАНОВ Яков Степанович, генерал-лейтенант
ХОДАКОВСКИЙ Виктор Петрович, генерал-лейтенант
ХАБАРОВ Александр Григорьевич, генерал-майор
ХОЛОСТОВ Дмитрий Иванович, генерал-лейтенант
ХОМИНСКИЙ Станислав Фадеевич, генерал-лейтенант
ХРАМЦОВ Геннадий Андреевич, генерал-майор ВВС
ЦВЕТКОВ Алфей Андреевич, генерал-майор ГВ
ЧАЙКА Валентин Васильевич, генерал-лейтенант
ЧАРОМСКИЙ Алексей Дмитриевич, генерал-майор ВВС
ЧЕЛПАНОВ Юрий Александрович, генерал-майор
ЧУРИН Владимир Васильевич, генерал-майор
ШАБЛИКОВ Николай Иванович, вице-адмирал
ШАДРИН Дмитрий Николаевич, генерал-майор
ШАПЕХИН Александр Викторович, генерал-лейтенант ВВС и
ПВО
ШИШИН Сергей Владимирович, генерал-майор ФСБ
ШВЕЦОВ Василий Иванович, генерал-полковник (генерал-майор)
ШЕВЕЛЕВ Иван Григорьевич, генерал-лейтенант
ШЕСТАКОВ Александр Иванович, генерал-лейтенант
ШИВДЯКОВ Леонид Алексеевич, генерал-лейтенант
ШИРОГОРОВ Константин Константинович, генерал-майор
ШИШЕ(И)МОРОВ Николай Иванович, генерал-майор (генерал-лейтенант)
ШОНИН Георгий Степанович, генерал-лейтенант авиации
ШОРИН Петр Сергеевич, генерал-майор
ШУМЛЯЕВ Сергей Александрович, генерал
ШУШКОВ Иван Алексеевич, генерал-лейтенант
ЩЕЛКУНОВ Василий Иванович, генерал-майор ВВС
ЩЕПЕННИКОВ Яков Иванович, генерал-майор
ЯКОВЛЕВ Юрий Владимирович, генерал-лейтенант
ЯРОСЛАВЦЕВ Николай Иванович, генерал-майор
ЯКШИН Аким Васильевич, генерал-майор

В книге «Выдающиеся вологжане» (Вологда, 2005) также приведены данные, выявленные и собранные Г. В. Судаковым, о наших земляках, служивших на высших командных постах в армии и флоте России. Этим материалам предшествуют биографии наиболее отличившихся на своих военных постах вологжан.

Среди них командарм I ранга, командовавший рядом военных округов Иван Панфилович Белов, родившийся в деревне Калинниково Кадуйского района. О нем вспоминал генерал-лейтенант А. И. Тодоровский: «За 20-летнюю службу в Красной Армии я настолько часто соприкасался с Иваном Панфиловичем Беловым, что имею о нем законченное и, полагаю, близкое к истине представление. В лице И. П. Белова Красная Армия имела выдающегося военачальника. Выходец из крестьянских глубин, он был живым и ярким свидетельством создания из народных низов своей собственной интеллигенции в такой сложной и тонкой системе, какой является армия». К сожалению, Иван Панфилович, который мог бы проявить свои яркие полководческие способности в годы Великой Отечественной войны, безвинно погиб в годы репрессии против комсостава РККА.

Из Череповецкого уезда был родом генерал-полковник, первый в истории военного строительства заместитель Министра обороны по строительству и расквартированию войск Василий Евлампиевич Белокосков. Из деревни Великуша Кичменгско-Городецкого района происходил генерал армии (1955 год), Герой Советского Союза Михаил Ильич Казаков. Он интересно вспоминал о далеком 1919 году, когда из Никольска, вологодского уездного городка, провожали на фронт одного из добровольцев: «Иван Степанович Конев, стройный, затянутый ремнями, собравшийся в дальнюю дорогу, прощался со своими друзьями и товарищами по работе... Я стоял в толпе и смотрел на Конева не то с завистью, не то с каким-то неосознанным предчувствием. Мне, конечно, не могло тогда и подуматься, что мы провожали будущего полководца Советской армии, будущего маршала Советского Союза. А вот то, что и мне самому предстоит та же дорога на фронт, — это я, пожалуй, знал».

Из древнего села Волокославинское Кирилловского района, бывшего в составе земель Белозерского удельного княжества, происходил генерал-полковник, Герой Советского Союза, командующий авиацией Военно-Морского Флота СССР Евгений Николаевич Преображенский. Интересно, что он, будучи полковником, командиром 1-го минно-торпедного авиаполка ВВС Балтийского флота, возглавил первую бомбардировку Берлина в августе 1941 года. «В начале 1942 г. командование предоставило Евгению Николаевичу краткосрочный отпуск на родину, где в то время проживали его мать, жена, дети. Отважный летчик в отпущенные ему два дня встретился с семьей, учениками Кирилловской средней школы, порадовал семью и товарищей игрой на баяне, подаренной ему мастерами артели «Серверный кустарь».

Одним из первых героев великой войны с фашизмом стал Александр Константинович Панкратов, Герой Советского Союза (звание

присвоено посмертно), родившийся в деревне Абакшино Вологодского района. 25 августа 1941 года он, будучи политруком роты 125-го танкового полка 28-й танковой дивизии Северо-Западного фронта в боях под Новгородом бросился на вражеский пулемет и грудью накрыл его губительный огонь. В ходе Великой Отечественной войны это был **первый акт такого самопожертвования**, который впоследствии повторили более 200 советских воинов. Александр Матросов был 59-м.

Из Вологодского района родом и дважды Герой Советского Союза, летчик-истребитель, командир эскадрильи, гвардии капитан Александр Федорович Клубов. «В моей жизни, — вспоминал маршал авиации А. И. Покрышкин, — Клубов занимал так много места, я так любил его, что никто из самых лучших друзей не мог возместить этой утраты. Он был беззаветно предан Родине, авиации, дружбе, умный и прямой в суждениях, горячий в споре и тонкий в опасном деле войны». Александр Федорович совершил 457 боевых вылетов, провел 95 воздушных боев, лично сбил 31 самолет противника и 19 самолетов — в групповых боях.

Возвращаясь к списку командного состава вологодской земляческой дружины (и вновь за три века), добавим, что он дополняет и расширяет конкретными биографическими данными список вологодских генералов и адмиралов, приведенный нами выше.

Вологжане в высшем командном составе армии и флота

В список включены лица в звании генерал-лейтенант и выше, вице-адмирал и выше, служившие в русской армии и флоте, в рядах Вооруженных Сил СССР и РФ. Из-за закрытости сведений о командном составе здесь упомянуты не все наши земляки.

Авксентьевский Константин Алексеевич (18.10.1890, с. Старый Кунож, ныне, возможно, — пос. Кунож Бабушкинского р-на — 2.11.1941) — командарм, в годы Гражданской войны командовал армиями, затем — войсками различных военных округов, Туркестанским фронтом.

Белов Иван Панфилович (15.6.1893, д. Калининково, ныне — Никольского с/с Кадуйского р-на — 29.7.1938) — командарм 1-го ранга. Командовал Ленинградским, Московским, Белорусским военными округами.

Балуевский Юрий Николаевич (9.1.1947, г. Трускавец (Дрогобыч) Львовской обл., с 1953 по 1974 г. жил с родителями в Кирилловском районе) — генерал армии, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, первый заместитель министра обороны РФ.

Бетехтин Анатолий Владимирович (20.09.1931, д. Аргуново Аргуновского с/с Никольского р-на) — генерал армии, командующий войсками Прибалтийского и Забайкальского военных округов, первый заместитель главнокомандующего Сухопутными войсками.

- Казаксов Михаил Ильич** (26.10.1901, д. Великуша, Еловинский с/с, Кичменгско-Городецкий р-н — 1979, Москва) — генерал армии (1955), Герой Советского Союза (1978), командующий войсками Ленинградского военного округа (1960—1965), начальник штаба Объединенных Вооруженных сил Варшавского Договора (1965—1968).
- Лизичев Алексей Дмитриевич** (22.06.1928, д. Горы Афонасовского с/с Бабаевского р-на) — генерал армии, начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота.
- Серов Иван Александрович** (16.9.1905, д. Афимовская Замошского с/с, Сокольского р-на — 1.7.1990, Москва) — генерал армии (с 1963 — генерал-майор), Герой Советского Союза (в 1963 г. лишен звания), председатель КГБ СССР.
- Барш Иван Яковлевич** (1728, Вологда — 1806, Вологда) — адмирал (1790), первый адмирал из вологжан.
- Белокосов Василий Евлампиевич** (13.04.1898, д. Клопузово, Коротковский с/с, Череповецкий р-н — 21.10.1961, Москва) — генерал-полковник (1944), заместитель министра обороны СССР (1949—1958).
- Бызов Борис Ефимович** (1920, с. Братское Опоковского с/с Великоустюгского р-на) — генерал-полковник, руководитель Военно-топографической службы Вооруженных Сил СССР, лауреат Государственной премии.
- Воробьев Сергей Ильич** (3.07.1895, д. Претиха Верхнераменского с/с Усть-Кубинского р-на — 17.9.1983, Москва) — генерал-полковник береговой службы (1944), заместитель наркома Военно-Морского Флота СССР по тылу.
- Востров Владимир Андреевич** (20.8.1929, д. Тимонинское Биряковского с/с Сокольского р-на) — генерал-полковник.
- Демидов Алексей Арсеньевич** (7.3.1936, д. Ереминское Красноватого с/с Кирилловского р-на) — генерал-полковник.
- Земцов В. И.** — генерал-полковник, командующий Кавказским особым округом.
- Ильюшин Сергей Владимирович** (18.3.1894, д. Дилялево Березниковского с/с Вологодского р-на — 1977) — генерал-полковник-инженер (1967), Генеральный конструктор, трижды Герой Социалистического Труда (1941, 1957, 1974), доктор технических наук (1940), академик АН СССР (1968), лауреат 7 Государственных премий (1941, 1942, 1943, 1946, 1947, 1950, 1952) и Ленинской премии (1960).
- Калинин Алексей Михайлович** (1.8.1928, д. Костинское Никольского с/с Шекснинского р-на — 1.9.2004, С.-Петербург) — адмирал, командующий Черноморским флотом.
- Коробов Вадим Константинович** (15.2.1927, Вологда — 12.4.1998, Москва) — адмирал, инспектор ВМФ Главной инспекции МО СССР, Герой Советского Союза.
- Коробушин Варфоломей Владимирович** (24.06.1924, д. Левинская Вожегодского р-на) — генерал-полковник, доктор военных наук,

профессор, лауреат Ленинской премии, начальник Центра оперативно-стратегических исследований Генштаба ВС СССР.

Кремлев Виталий Яковлевич (8.6.1928, д. Филинская Двиницкого с/с Сямженского р-на) — генерал-полковник, начальник Военно-Воздушной академии им. Жуковского.

Мордвинов Николай Семенович (17.4.1754, с. Покровское Белозерского у. — 30.9.1845, С.-Петербург) — адмирал, командующий Черноморским флотом, министр морских сил, член Госсовета.

Омеличев Бронислав Александрович (29.1.1935, д. Яруново Вотчинского с/с Вологодского р-на) — генерал-полковник, первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил.

Ошанин (д. Плишкино Мяксинского с/с Череповецкого р-на) — генерал-полковник.

Преображенский Евгений Николаевич (9.6.1909, с. Благовещенье (Волокославинское) Кирилловского р-на — 29.10.1963, Москва) — генерал-полковник авиации (1951), Герой Советского Союза (1941), командующий авиацией Военно-Морского Флота СССР (1950–1962).

Швецов Василий Иванович (28.2.1898, д. Лыковская Никольского с/с Кадуйского р-на — 1958, Москва) — генерал-полковник (1954), первый зам. командующего войсками Прибалтийского военного округа.

Аликов Иван Федорович (1925, с. Кондрат Замошского с/с Сокольского р-на) — вице-адмирал (1980), начальник политуправления Черноморского флота.

Ахутин Михаил Никифорович (1898, Череповец — 1948, Москва) — генерал-лейтенант (1945), заместитель главного хирурга Красной Армии, доктор медицинских наук (1936), заслуженный деятель науки (1942), член-корр. АМН (1944), зав. кафедрой 1 Московского медицинского ин-та, директор Ин-та экспериментальной и клинической хирургии.

Барш Яков Саввич (1692–1756, с 1723 в Вологде) — вице-адмирал.

Васендин Николай Степанович (1917, д. Основинская Верховского с/с Верховажского р-на) — генерал-лейтенант.

Веденичев Нил Григорьевич (Чибсара) — генерал-лейтенант, заместитель командующего войсками округа.

Душенов Константин Иванович (28.7.1895, д. Ивановское, ныне — Константиновка, Вепревский с/с Вологодского р-на — 3.2.1940) — флагман 1 ранга, командующий Северным флотом.

Ермилов Алексей Петрович (14.10.1902, Череповец) — генерал-лейтенант (1954), заместитель командующего Западно-Сибирским военным округом.

Жильцов Н. П. — генерал-лейтенант.

Ивинов Юрий Степанович (1922, В. Устюг) — генерал-лейтенант, заместитель командующего Приволжским военным округом.

Косарев В. В. (Устюженский р-н) — генерал-лейтенант инженерных войск.

- Костылев В. Н.** (Вожегодский р-н) — генерал-лейтенант.
- Кудряшов А. И.** (д. Данилища Сурковского с/с Череповецкого р-на) — генерал-лейтенант.
- Кутепов Александр Павлович** (16.9.1882, Череповец — 26.1930, Париж) — генерал-лейтенант, командир корпуса.
- Леонтьев Александр Михайлович** (1902, Вологодский р-н — 1960) — генерал-лейтенант, начальник Главного управления милиции МВД СССР.
- Лизарский В. А.** — вице-адмирал.
- Макшеев Алексей Иванович** (12.5.1822, Устюжна — 2.4.1892, с. Ильинское Устюженского р-на) — генерал-лейтенант, ученый-географ, профессор, член Академии Генерального штаба.
- Марков Евгений Иванович** (1769, из дворян Вологодской губ. — 20.9.1828) генерал-лейтенант (1807), ордена св. Георгия 2–4 классов, 4 других ордена, 2 золотые шпаги за храбрость, командовал бригадой, корпусом, дивизией.
- Машкин Анатолий Г.** (Чибсара) — генерал-лейтенант.
- Мушнов Иннокентий Степанович** (17.3.1889, д. Илемцево, ныне Вотчинский с/с Вологодского р-на — 28.8.1962, Москва) — генерал-лейтенант береговой службы (1940), генерал-лейтенант артиллерии (1952).
- Никитинский Иван Гаврилович** (1912, д. Исаково Матвеевского с/с Тотемского р-на) — генерал-лейтенант (1961), начальник штаба округа.
- Никонов А. М.** (Вытегорский р-н) — генерал-лейтенант.
- Песков Николай Денисович** (1922, Череповецкий р-н) — генерал-лейтенант, заместитель командующего Московским военным округом.
- Петров Николай Павлович** (1836, Белозерский у.) — генерал-лейтенант.
- Петряшёв Кельсий Федорович** (4.10.1926, д. Чупово Городецкого с/с Кичменгско-Городецкого р-на) — вице-адмирал (1985), заместитель начальника ГРУ Генштаба Вооруженных Сил СССР.
- Пономарёв Сергей Алексеевич** (12.05.1954, Вологда) — генерал-лейтенант, первый заместитель начальника штаба РВСН.
- Радецкий Н. А.** (Череповец) — генерал-лейтенант.
- Самойло Александр Александрович** — генерал-лейтенант.
- Смирнов Николай Константинович** (28.11.1902, д. Филино, ныне Грязовецкого р-на — 5.11.1973, Ленинград) — вице-адмирал (1944), член Военного Совета Балтийского Флота.
- Тимшенков Анатолий Николаевич** (25.12.1949, д. Бардуха Талицкого с/с Кирилловского р-на) — генерал-лейтенант, начальник управления Генштаба ВС РФ.
- Титов Игорь Михайлович** (1930, д. Межгорье Покровского с/с Вашкинского р-на) — генерал-лейтенант, начальник политуправления Главного командования Сухопутных войск СССР.

Туркин Василий Тимофеевич (1921, Воронежская обл.) — генерал-лейтенант, в 1962–1975 гг. начальник Череповецкого военного училища связи.

Фефилов С. А. (д. Чернышево Митенского с/с Усть-Кубинского р-на) — генерал-лейтенант.

Фоканов Яков Степанович (1899, д. Кононово Сошневого с/с Устюженского р-на) — генерал-лейтенант, заместитель командующего войсками Сибирского военного округа.

Ходаковский Виктор Петрович (1919, Вологда — 1985) — генерал-лейтенант.

Чайка Валентин Васильевич (2.7.1953, Хмельницкая обл., Украина, с 1980-х годов живет в Вологодской области) — генерал-лейтенант, командир дорожно-строительного корпуса.

Шабликов Н. И. (1924, д. Моштоги Вытегорского р-на) — вице-адмирал.

Шестаков А. И. (д. Монастырь Шестаковского с/с Кичменгско-Городецкого р-на) — генерал-лейтенант.

Шивдяков Леонид Алексеевич (21.5.1944, с. Чарозеро Кирилловского р-на) — генерал-лейтенант, начальник ракетных войск и артиллерии Дальневосточного округа, руководитель управления Гостехкомиссии при Президенте РФ.

Шушков Иван Алексеевич (1914, Подболотный с/с, Бабушкинский район) — генерал-лейтенант артиллерии, лауреат Ленинской премии.

Шишеморов Николай Иванович (Сокольский р-н) — генерал-лейтенант, заместитель командующего Прикарпатским военным округом.

В Вологодском землячестве в Москве на учете состоят более ста кадровых военных. Среди них генералы армии и полковники, вице-адмиралы и лейтенанты. Военный вологодский корпус самый большой в землячестве, что лишний раз подтверждает наш вывод о его большом значении в истории Вологодчины.

Невозможно представить биографии всех военных, служащих в столице нашей Родины. Но, поверьте, многие из них просто уникальны. Здесь и летчики, и моряки, и офицеры Генштаба, и связисты, и инженеры. Среди них генерал армии Анатолий Владимирович Бетехтин, бывший первый заместитель Главнокомандующего Сухопутными войсками великой державы — СССР. А сам он родом из далекого вологодского угла в Никольском районе.

Человек из легенды — это тарножанин генерал-майор Василий Иванович Другов, фронтовик, один из первых чернобыльцев, немало сделавший для развития Вологодской области. Летчик-испытатель из Бабаево Владимир Сергеевич Смирнов — храбрец из героев. Он испытывал марки почти всех военных самолетов ВВС СССР. При этом подвергался смертельному риску: легко ли было приземлять истребитель на одно шасси, ибо другое для моделирования аварийной ситуации было специально убрано? Здесь летчик не успел даже катапультироваться.

Полковник Михаил Евгеньевич Мизинцев, возглавляющий полк вологодских военных, наших земляков, общий любимец. Сам он из лесной Сямжи. И хотя находится на высокой должности начальника Оперативного управления штаба Московского военного округа, но помогает столичным вологжанам, находит время для встреч с ними, проведения общих мероприятий.

В некоторых из приводимых нами биографий немало интересных биографических сведений, иногда сами военные комментируют, что они понимают под вологодским воинским братством.

Для вологодской молодежи эти судьбы — отличный пример для подражания. Не рок-певцы, не шоумены, не голубые телезвезды, а именно наши доблестные военные, которые охраняют свободу и независимость нашей Родины, родной Вологодчины.

Офицерские судьбы

АКСЕНОВ Михаил Андреевич

Родился 28 августа 1952 года в Череповце. Учился в средней школе № 12. В старших классах занимался морским многоборьем, которое включает сразу несколько видов спорта: бег, плавание, гонки под парусом и греблю на ялах. Имел первый взрослый разряд.

В 1969 году поступил в Череповецкое военное училище связи. В 1972 году молодой лейтенант попал по распределению в Прикарпатский военный округ, где служил в воинской части города Броды Львовской области.

С 1974 по 1978 год учился в Ленинградской военной академии связи им. С. М. Буденного. После окончания академии продолжил службу в Ленинградском военном округе.

В апреле 1982 года майора Аксенова направили в Афганистан. Долгих два года и два месяца он был непосредственным участником боевых действий, занимая должность заместителя командира батальона. В 1983 году был награжден орденом Красной Звезды. Его заслуги отметило и правительство Демократической Республики Афганистан, удостоив ордена «Красное Знамя».

В 1984 году вернулся в Ленинградский военный округ. Но уже через два года был переведен в Москву, в главное управление Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. В этом высшем органе управления вооруженных сил страны Михаил Андреевич прослужил на различных командно-штабных должностях 16 лет. С 1994 по 1996 год учился на основном факультете Военной академии Генерального штаба.

В 2002 году полковник Аксенов был уволен в запас. Закончил службу в должности начальника направления.

Имеет орден «За военные заслуги», семь медалей, а также нагрудные знаки воина-интернационалиста и «За службу в военной разведке». За выполнение интернационального долга награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета СССР. В 2002

году Михаилу Андреевичу была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации В.В. Путина. Как сказано в документах, «за образцовое выполнение воинского долга и самоотверженное служение Отечеству».

М. А. Аксенов говорит: «Воинский долг и служение Отечеству — это не просто громкие слова. Это принципы, которыми я всегда руководствовался в жизни. Так меня воспитали, так я жил. Это все то, что начинается с малой родины. Именно там находятся корни патриотизма и любви к Отчизне».

АНДРЕЕВ Владимир Иванович

Родился 3 марта 1942 года в Вологде.

Рос в простой рабочей семье. Военных приходилось встречать не часто, но их мир казался чем-то необычным, романтическим, таинственным.

Родители, заметив у сына интерес к авиации, записали его в авиамодельный кружок городского Дома пионеров. Занятие авиамоделизмом тогда было очень распространено в Вологде.

В 1957 году Владимир Андреев записался в планерную секцию Вологодского аэроклуба. На различных типах планеров он налетал более сорока часов. Одновременно работал токарем на заводе «Северный коммунар».

Когда наступил призывной год, мальчишкам разрешили поступить на отделение курсантов-пилотов в Вологодский аэроклуб. Здесь Владимир Иванович впервые сел за штурвал самолета Як-18. Следующую ступеньку он преодолел, поступив в Армавирское высшее военное авиационное училище летчиков. Стал летчиком-испытателем авиации ПВО.

С 1965 по 1999 год служил в войсках противовоздушной обороны на должностях от старшего летчика до командующего авиацией ПВО, в воинских званиях от лейтенанта до генерал-полковника. Имеет звание заслуженного военного летчика СССР. Летал на самолетах от МиГ-17 до МиГ-31, от Су-11 до Су-27 (30) и Ту-134, выполнял демонстрационные полеты в нашей стране и за рубежом. Принимал участие в создании, испытаниях авиационной техники и вооружений. Окончил Военно-воздушную академию им. Ю. А. Гагарина (1976 г.) и Военную академию Генерального штаба (1985 г.).

Награжден орденами Красной Звезды, «За личное мужество», «За службу Родине в ВС СССР» III степени, «За военные заслуги» и медалями. За вклад в развитие авиации удостоен авиационной премии «Икар».

В 1999–2000 годах работал директором Федеральной службы воздушного транспорта России. С декабря 2000 года по настоящее время — руководитель группы советников генерального директора ОАО «Аэрофлот — Российские авиалинии». С 2001 года летает на самолетах Як-52 и Як-18Т. Имеет свидетельства коммерческого пилота I класса, пилота-любителя.

В своей книге «Моя небесная жизнь» Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР Владимир Меницкий так написал об Андрееве: «Владимир Иванович — летчик с большой буквы. Помимо генетически заложенных летных качеств, его подход к организации полета, к самой летной профессии был выше всяческих похвал. Из всех авиачальников, которых я знал, Андреев, бесспорно, самый выдающийся летчик».

БАРТИНОВ Николай Иванович

Родился 21 июня 1947 года в деревне Ходинская Вожегодского района. Мама, Анна Николаевна, была колхозницей. Отец, Иван Григорьевич, участник Великой Отечественной войны, вернулся с Волховского фронта тяжело раненным и умер на родной земле от ранений.

Недалеко от дома протекали реки Кубена и Явенга. Порой в летний зной так хотелось искупаться, но от зари до зари Николай с братом и сестрой пропадали на сенокосе. С первого класса Николай учился в Ходинской начальной школе, потом в Раменской, в 4 километрах от дома, а в 1965 году закончил Явенгскую среднюю школу. Сдав экзамен на механизатора в 8-м классе, Николай уже в 9-м классе вечерней школы заменял преподавателя, учил механизаторов. Работал на тракторе.

В 1970 году закончил Высшее военно-морское училище им. М. В. Фрунзе, в 1975 году — Высшие офицерские курсы, в 1985 году — Военную академию противовоздушной обороны им. Г. К. Жукова, в 2000 году — Высшие академические курсы при Академии Генерального штаба. С 1970 по 1991 год проходил службу на кораблях и в штабах Северного флота: от командира зенитной артиллерийской батареи ракетного крейсера «Вице-адмирал Дрозд» до заместителя начальника противовоздушной обороны Северного флота. С 1991 по 1995 год был начальником противовоздушной обороны Тихоокеанского флота. С 1995 по 2002 годы — начальник противовоздушной обороны Военно-Морского Флота РФ. Николай Иванович участвовал в восьми боевых службах и дальних походах продолжительностью от шести до восьми месяцев, официальных визитах кораблей в иностранные порты.

Его путь продолжает сын Вадим, который закончил гидрографический факультет Высшего военно-морского училища им. М. В. Фрунзе. Он капитан гидрографического судна.

Жена Николая Ивановича, его одноклассница и первая любовь Ангелина Васильевна, где бы он ни служил, работала медсестрой в госпиталях, в больницах при гарнизонах.

Контр-адмирал Николай Иванович Бартинов награжден двумя орденами: «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, «За военные заслуги», и одиннадцатью медалями, в том числе «За воинскую доблесть» и «За безупречную службу в Вооруженных Силах» I, II, III степеней.

БЕТЕХТИН Анатолий Владимирович

Родился 20 сентября 1931 года в деревне Аргуново Никольского района Вологодской области.

С детства мечтал стать учителем. Поэтому в 1946 году поступил в педагогическое училище г. Никольска, которое окончил в 1950 году, получив квалификацию учителя начальных классов. Однако судьба распорядилась иначе. В этом же году он стал курсантом Киевского Краснознаменного объединенного училища самоходной артиллерии им. Фрунзе. Окончил это училище в числе выпускников первого разряда. Службу начал в Киевском военном округе, получив под свое командование взвод, а затем роту.

В 1958 году был направлен на учебу в Москву. В 1961 году с золотой медалью окончил командный факультет Военной академии бронетанковых войск им. Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. Дальнейшую службу проходил в Южной группе войск и Прибалтийском военном округе в качестве командира танкового батальона, старшего офицера оперативного отдела армии, заместителя командира танкового полка, командира полка, начальника штаба дивизии.

С 1970 по 1972 год — слушатель Военной академии Генерального штаба ВС СССР им. К. Е. Ворошилова. Сразу после блестящего окончания академии Анатолия Владимировича направили командиром учебной танковой дивизии в Уральский военный округ. Затем он служил в Германии, Одессе, Риге, Чите, последовательно проходя все высшие командно-штабные должности, вплоть до командующего войсками военного округа.

В 1984 году был избран депутатом Верховного Совета СССР 11-го созыва.

В 1988 году его назначили первым заместителем главнокомандующего сухопутными войсками Советского Союза. После распада союзного государства в 1992 году Анатолий Владимирович вышел в отставку в звании генерала армии.

ДЕМИДОВ Алексей Арсеньевич

Родился 7 марта 1936 года в деревне Ереминское Кирилловского района Вологодской области.

Учился в Фезеловской начальной школе, Ферাপонтовской семилетней школе, средней школе Кириллова. Закончил 10 классов в школе города Кохма Ивановской области, куда переехала семья.

В 1954 году поступил в Ярославское высшее военное училище, после окончания которого начал службу в Группе советских войск в Германии — командиром взвода в воинской части, расположенной в немецком городе Стендель. После семи лет службы в ГДР был переведен командиром роты в Белгород-Днестровский.

С 1967 по 1969 год обучался на командном факультете Военной академии им. Фрунзе. Получил второе высшее образование и в седьмой раз сменил место жительства, переехав на Дальний Восток, где служил сначала заместителем командира, затем командиром полка. В 1974 году был назначен начальником штаба дивизии, а в

1975 году — заместителем командира дивизии Дальневосточного военного округа.

В 1975–1977 годах — слушатель Академии Генерального штаба. После ее окончания три года командовал дивизией в городе Лубны Полтавской области, два года был первым заместителем и два года командующим Первой гвардейской армией Киевского военного округа.

С 1984 по 1985 год занимал должность первого заместителя командующего ГВС Южной группы войск в Венгрии.

В 1985 году Алексея Арсеньевича перевели в Москву. Его высокие профессиональные знания, богатейший опыт нашли применение на посту заместителя главнокомандующего сухопутных войск — начальника главного управления боевой подготовки.

В 1991 году Алексей Арсеньевич вышел на пенсию в звании генерал-полковника. Выслуга в Вооруженных Силах СССР составила 37 лет.

Алексей Арсеньевич награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» I и II степеней, имеет более 20 различных медалей.

ДРУГОВ Василий Иванович

Родился 30 ноября 1923 года в деревне Игумновская Тарногского района.

Окончил военно-инженерное училище в Архангельске, Ленинградскую партшколу, Ленинградский госуниверситет им. Жданова, аспирантуру при Вологодском педагогическом институте, курсы в Академии народного хозяйства.

Активный участник Великой Отечественной войны. Был командиром взвода, роты, начальником штаба батальона и начальником инженерной службы полка. Освобождал от немецко-фашистских захватчиков Северный Кавказ, Кубань, Ростовскую область, Украину и Польшу. Участвовал в охране Потсдамской конференции глав СССР, США и Великобритании. В боях два раза ранен и один раз контужен.

В период военного лихолетья офицер Другов осознал три главных принципа жизни: приказ командования должен быть обязательно выполнен; долг каждого — поддерживать первого бойца, поднявшегося в атаку; до последнего дыхания спасти раненого товарища. Верность этим принципам помогла справиться и с послевоенной разрухой. В те годы без выходных, иногда по 18 часов в сутки, работали на всех участках народного хозяйства. Василий Иванович трудился на самых ответственных постах — инструктором и завотделом Тарногского райкома партии, первым секретарем Вологодского райкома партии, начальником управления кадров Вологодского совнархоза, инструктором, заведующим отделом, секретарем Вологодского обкома партии.

С 1969 по 1985 год был заместителем и первым заместителем заведующего отделом административных органов ЦК КПСС, где курировал Министерство обороны, КГБ, МВД, суды, прокуратуру и

юстицию, Министерство гражданской авиации, Комитет ветеранов войны. С 1985 по 1990 год — заместитель министра МВД СССР. В 1986 году участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Гвардии генерал-майор В. И. Другов имеет 40 государственных наград: ордена, медали СССР, России и зарубежных стран, в том числе орден Октябрьской Революции, орден Отечественной войны I и II степеней, три ордена Трудового Красного Знамени, медаль «За отвагу», орден Боевого Красного Знамени Монголии.

Является почетным гражданином города Славянска-на-Кубани и польского города Бельско-Бяла.

ЗАПЛАТИН Василий Петрович

Родился 22 августа 1925 года в деревне Мотовилово Верховажского района Вологодской области.

В декабре 1942 года из 10-го класса Верховажской средней школы был призван в Красную Армию и направлен на учебу в Архангельское пулеметно-минометное училище. В июле 1943 года училище практически в полном составе было отправлено на фронт, в район Курской дуги.

Василий Заплатин стал командиром отделения танкового десанта в 91-й отдельной танковой бригаде 3-й гвардейской танковой армии. В составе этой бригады Василий Петрович прошел боевой путь от Курска до Сандомирского плацдарма. Участвовал в форсировании Днепра, освобождении Киева, Житомира, Львова, форсировании Вислы.

В октябре 1944 года вместе с 60 однополчанами был направлен на учебу во второе Харьковское танковое училище. Окончив его, служил в должности командира танка в Группе советских войск в Германии.

С 1946 по 1948 год учился в Горьковском военно-политическом училище. За последующие десять лет партийно-политической работы Василий Петрович прошел должности от секретаря комсомольского бюро полка до помощника начальника политуправления сухопутных войск.

С 1958 по 1962 год В. П. Заплатин — слушатель Военно-политической академии им В. И. Ленина. С 1962 по 1965 год — заместитель начальника политотдела 22-й МСД Дальневосточного округа.

С 1965 по 1978 год работал в аппарате Главного политуправления Советской Армии и политуправления сухопутных войск в качестве старшего инструктора, инспектора, старшего инспектора. Затем еще девять лет до увольнения в 1989 году из Вооруженных Сил Василий Петрович занимал должность секретаря партийной комиссии при политуправлении сухопутных войск.

С 1992 года по настоящее время Василий Петрович занимается общественной работой. Он — председатель Совета объединения ветеранов войны и военной службы Центрального аппарата сухопутных войск.

Генерал-майор Василий Петрович Заплатин — инвалид войны II группы, награжден орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, орденами Почета и «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, двумя медалями «За отвагу» и другими наградами.

«В армии, — говорит Василий Петрович, — любят и ценят вологодских парней за их надежность и преданность. Вологодская земля богата защитниками своей родины. 157 из них стали Героями Советского Союза и России. В их числе и мой дядя, полковник Стебнев Федор Александрович. На этих примерах надо воспитывать молодое поколение».

ЗАРОДОВ Евгений Дмитриевич

Родился 3 февраля 1928 года в деревне Слобода под Вологдой (ныне это улица Слободская областного центра) в семье служащих.

В 1947 году окончил Вологодский техникум железнодорожного транспорта, факультет механизации путевых работ. После окончания работал слесарем, помощником механика путевой машины, инженером-механиком Вологодской дистанции пути и начальником мастерских этой же дистанции до 1951 года.

В тяжелые годы после войны Е. Д. Зародов, будучи заместителем секретаря комсомольской организации Вологодского железнодорожного узла, занимался отбором и направлением молодежи на строительство Череповецкого металлургического завода. Позднее он вместе с В. А. Ванчиковым вспоминал те годы и свою работу, которую он называет «маленькой толикой» в строительстве Северной Магнитки. В 1951 году был призван в Вооруженные Силы СССР и направлен учиться в Ленинград в военно-морское училище, по окончании которого служил на Северном флоте, вначале на надводных кораблях, а с 1959 года — на подводных лодках. В этот период заочно окончил Академию имени В. И. Ленина. Освоил несколько поколений атомных субмарин на Северном и Тихоокеанском флотах.

После окончания в 1970 году Военной академии Генерального штаба руководил на Камчатке новейшими атомными стратегическими ракетноносцами. Многочисленные выходы на боевую службу в океан, богатый опыт эксплуатации техники позволяли безаварийно выполнять поставленные задачи в нейтральных водах, в том числе и под льдами Северного Ледовитого океана.

Последние шесть лет службы Е. Д. Зародов руководил тылом Северного флота на адмиральской должности. В 1979 году назначен начальником политотдела тыла Северного флота, трижды избирался депутатом горсовета Мурманска, членом бюро Ленинского райкома КПСС областного центра.

Е. Д. Зародов — контр-адмирал, прослужил 35 лет на Военно-Морском флоте, из них пять лет на дизельных подводных лодках, а 11 лет — на атомных. Его заслуги отмечены двумя орденами и многочисленными наградами.

«Я встречался во время службы на Северном, Балтийском и Тихоокеанском флотах с вологжанами, — рассказывает Евгений Дмитриевич, — и невольно вспоминал свою родину, гордясь своими земляками. Так и хочется, представив их, гордо сказать: “Слава вологжанам!”»

Анализируя пройденный жизненный и служебный путь, думая о крутых поворотах судьбы, о погибших в мирное время подводниках, приходишь к выводу, что никакие превратности жизни, огромная нагрузка и ответственность за судьбу подчиненных не надломил характера, непоколебимой веры в добро и справедливость».

КАРАМЫШЕВ Дмитрий Владимирович

Родился 29 августа 1964 года в городе Черновцы на Украине. Его отец, Владимир Иванович, в годы Великой Отечественной войны провел детство в Белозерском районе Вологодской области и передал любовь к малой родине своим детям. Отец был военным, и родители верили, что старший сын продолжит путь отца и посвятит свою жизнь служению Отечеству.

Так и вышло. Дмитрий Владимирович поступил в Дальневосточное военное училище, которое закончил в 1985 году с присвоением первого офицерского звания «лейтенант». В течение четырех лет он проходил службу в Туркестанском военном округе на различных должностях. В это время неоднократно направлялся для выполнения интернационального долга на территорию Республики Афганистан.

В его жизни была непродолжительная военная служба в Вологде (в знаменитых Красных казармах), затем в Магадане на Дальнем Востоке, и в 1996 году Дмитрий Владимирович поступил в Военную академию имени М. В. Фрунзе. В 1999 году, через месяц после выпускного вечера, пришлось надеть полевую форму и взять возложенную на него ответственность в решении боевых задач во вновь разгоревшейся войне на Северном Кавказе. Участие в боевых действиях закалило офицера. Он приобрел опыт, убедился, что только личная дисциплина, добросовестное отношение к делу и личная порядочность — залог решения самых тяжелых военных и других жизненных проблем. С октября 2001 года полковник Дмитрий Владимирович Карамышев проходит службу в Главном оперативном управлении Генерального штаба ВС РФ.

За заслуги перед Отечеством награжден многими правительственными наградами, в том числе медалями Г. К. Жукова, «За боевые заслуги», «За воинскую доблесть» II степени, «За укрепление боевого содружества» и семью медалями Министерства обороны РФ, а также орденом «За военные заслуги».

Д. В. Карамышев рассказывает: «Я побывал в краткосрочном отпуске в Сямже со своим другом, уроженцем тех мест полковником Михаилом Евгеньевичем Мизинцевым. Как нас принимала вологодская земля, как одаривала своими природными богатствами: клюквой, грибами, целебным воздухом!.. И думалось: зачем наро-

дам вражда? В тот момент я с беспокойством ощутил, как хрупки красота и чистота жизни!»

КУЗНЕЦОВ Валерий Евгеньевич

Родился 8 марта 1946 года в Великом Устюге. Когда Валерию исполнилось семь лет, семья переехала на Алтай. Вместе с семьей жил и учился на Алтае, Колыме, Чукотке. Как и многие мальчишки, мечтал стать военным. Профессия защитника Родины была очень престижной. В 1965 году поступил в Омское высшее общевойсковое училище имени М. В. Фрунзе. Был одним из лучших курсантов — ленинским стипендиатом. Окончил училище с золотой медалью. К учебе всегда относился ответственно и творчески. Так, во время учебы в Военной академии им. Фрунзе (1974–1977 годы) написал лучшую студенческую работу в СССР, за что был награжден медалью. А за другую научную работу в Военной академии Генерального штаба, в которой учился с 1988 по 1990 год, получил именные часы от генерала армии Игоря Родионова.

Вооруженным Силам Валерий Евгеньевич отдал двадцать семь лет: командовал взводом, ротой, батальоном, полком, танковой дивизией, армейским корпусом. Службу проходил в Сибири, Украине, Белоруссии. Год командовал полком в Афганистане. Воинское звание — генерал-майор. Награжден орденом Красной Звезды, медалями СССР и РФ.

С развалом СССР, будучи командиром 32-го армейского корпуса в Крыму, оставил службу. В 1992–1994 годах был депутатом Верховного Совета Республики Крым, в апреле — октябре 1994 года — министр внутренних дел Республики Крым.

Валерий Кузнецов женат, имеет троих детей. Сыновья Вячеслав и Юрий — кадровые военные. Вячеслав — полковник, воевал в Чечне и Таджикистане, сегодня проходит службу в Генеральном штабе. Юрий — майор, врач-кардиолог, в госпитале им. Бурденко делает сложные операции на сердце, применяя новейшие компьютерные технологии. Дочь Анастасия учится на факультете государственного управления в МГУ.

КУЛИКОВ Алексей Александрович

Родился 14 июля 1978 года в деревне Ника-новская Белозерского района Вологодской области.

Свое имя получил в честь деда. Все предки, насколько удалось проследить родословную, были крестьянами. По сей день живут в деревне и его родители: отец, Александр Алексеевич, работает шофером-электромонтажником Череповецкого механизированного отряда Вологодской мехколонны № 69, мама, Антонина Сергеевна, заведующая Тулинским яслями-садом, в настоящее время вышла на пенсию.

В июне 1995 года Алексей окончил 11 классов Тулинской средней школы, а 1 августа по направлению Белозерского райвоенкомата был зачислен курсантом в Череповецкое высшее военное инженерное училище радиоэлектроники. Первые годы учебы в училище

оказались довольно трудными. Огромный коллектив (количество курсантов примерно в пять раз превышало число жителей деревни), жизнь «на виду» в казарме, редкие увольнения — неполный перечень трудностей армейской жизни, к которым нужно было привыкнуть. А после второго курса он и вовсе чуть не был комиссован из-за мотоциклетной аварии, которая закончилась серьезным переломом ноги. К счастью, здоровье быстро восстановилось, а крепкие знания, полученные в школьные годы, стали залогом успешной учебы в училище.

В 2000 году Алексей Куликов окончил с отличием Череповецкий военный институт, став специалистом по автоматизированным системам управления. Красный диплом позволил самому выбирать место будущей службы. Алексей решил поехать в Московский военный округ. В воинской части служил сначала на должности инженера отдела, а с июля 2004 года — старшим инженером отдела эксплуатации автоматизированных систем. Алексей Александрович проявил себя как уравновешенный, корректный, исполнительный, надежный, последовательный в своих поступках и делах человек.

Майор Алексей Александрович Куликов награжден медалью «За отличие в военной службе» III степени.

«В армии очень силен дух землячества, — говорит А. А. Куликов, — основанный на взаимовыручке и всесторонней поддержке. И где бы мы ни были, всегда следим за новостями с Вологодчины. Там осталась частичка нашей судьбы».

МИЗИНЦЕВ Михаил Евгеньевич

Родился 10 сентября 1962 года в деревне Аверинская Сямженского района. Рос в дружной многодетной крестьянской семье, где старшие по возрасту всегда отвечали за младших. В 1978 году после окончания восьми классов Двиницкой средней школы поступил в Калининское суворовское военное училище, которое с отличием закончил в 1980 году. Дальше было Киевское высшее общевойсковое командное училище им. М. В. Фрунзе, которое закончил опять же с отличием и присвоением первого воинского звания «лейтенант».

В течение шести лет проходил военную службу в Группе советских войск в Германии (от лейтенанта до капитана, от командира разведывательного взвода до начальника штаба отдельной разведывательной воинской части). С 1989 по 1993 год служил в Закавказском военном округе. Обстановка в Закавказье характеризовалась непредсказуемостью: жившие в мире народы в один миг превратились во враждующие стороны. Происходило крушение великой державы. Эти три года дали Михаилу Евгеньевичу закалку на всю жизнь. Закончив в Москве Военную академию им. М. В. Фрунзе, в звании подполковника в 1996 году направляется в одно из лучших военно-учебных заведений Министерства обороны РФ — Череповецкое высшее инженерное училище радиозлектроники преподавателем немецкого языка. Затем — непродолжительная, но содержательная военная служба в Вологде, в знаменитых Красных казармах. С

1997 года проходил службу в Главном оперативном управлении Генерального штаба ВС РФ, закончил с отличием Военную академию Генерального штаба. Сейчас его воинское звание — полковник.

М. Е. Мизинцев является начальником Оперативного управления штаба Московского военного округа.

Он член правления Вологодского землячества, руководитель секции военно-патриотического воспитания. Свой отпуск с семьей проводит на сямженской земле.

Михаил Евгеньевич говорит: «Когда приезжаю в родную деревню, то на душе становится светло. Вижу Введенскую часовню. Помню, как в 1999 году решили всем миром ее восстановить. Трудились не покладая рук. Горжусь, что частица труда моей мамы Лидии Яковлевны, моего брата Игоря, многих родственников осталась в этом святом деле. В сентябре 2002 года работа была завершена. А вскоре восстановленная часовня была освящена архиепископом Вологодским и Великоустюжским Максимилианом».

За безупречную службу Михаил Евгеньевич награжден медалями, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени.

«Россия, — говорит Михаил Евгеньевич, — уверенной поступью идет к возрождению былой славы и мощи. Моя малая родина Вологодчина в этом процессе, как и во все времена, стоит в первом эшелоне. Это очень радует и подвигает на многие благородные дела».

НАВОЛОЦКИЙ Владимир Анатольевич

Родился 3 июля 1926 года в селе Кичменгский Городок в семье учителей. Отец погиб при репрессиях в 1937 году, мать, Александра Симоновна, за успехи в педагогической деятельности награждена орденом Ленина, стала первым Почетным гражданином Кичменгского Городка.

В 1943 году из 10 класса призван в действующую армию, на Карельский фронт, принимал участие в обороне и обеспечении полярных морских конвоев союзников на Севере. Войну окончил сержантом, помощником командира взвода. После окончания Военно-Медицинской академии в 1954 году служил в войсках врачом полка, токсикологом дивизии, преподавателем школы сержантов медицинской службы, главным токсикологом-радиологом Закавказского военного округа. В 1963 году назначен начальником окружных курсов офицерского состава медицинской службы Закавказского военного округа. В 1959, 1968 и 1974 годах трижды окончил Высшие академические курсы. В 1968 году приказом министра обороны назначен в Москву на преподавательскую работу на Военно-медицинский факультет при Центральном государственном институте усовершенствования врачей. Заочно в 1982 году с отличием окончил факультет новых методов и средств обучения НИИ проблем Высшей школы. В институте проработал до ухода в отставку в 1987 году.

Автор свыше 120 научных трудов по вопросам военной медицины, действительный член Географического общества Академии наук

СССР с 1960 года. Прослужил в армии 44 года. Награжден орденом Отечественной войны II степени, 22 медалями, в том числе «За боевые заслуги», «За оборону Заполярья», «За победу над Германией»; знаками «За отличные успехи в работе высшей школы СССР», «Отличник здравоохранения», «Почетный ветеран Москвы», медалью Шолохова. Почетный гражданин Кичменгского Городка.

В московской школе № 1167 при его участии создан военно-медицинский музей. В Кичменгском Городке принимает участие в конференциях учителей-историков района, школьных олимпиадах, работе краеведческого музея. Серьезно занимается фотографией, созданием видеofilмов.

Полковник медицинской службы в отставке, профессор, кандидат медицинских наук. Участвовал в командно-штабных учениях фронтового и армейского уровня. Принимал участие в международных медицинских съездах, научных конференциях, симпозиумах и заседаниях научных советов и обществ.

В. А. Наволоцкий говорит: «Всегда держу в памяти слова Н. Н. Глубоковского, профессора Императорской АН России, крупнейшего богослова православного мира, уроженца Кичменгского Городка: «Я чувствую, что Россия воскреснет, и ясно слышу живое биение ее благородного и любвеобильного сердца, стремящегося к светлому будущему...»

НЕЧАЕВ Юрий Алексеевич

Родился 10 июня 1954 года в Вологде. В 1971 году окончил среднюю школу № 7 и в том же году поступил в Череповецкое высшее военное училище связи, которое окончил в 1975 году.

Военную службу проходил в Группе советских войск в Германии, в Московском и Северо-Кавказском военных округах на воинских должностях командира взвода, роты, начальника штаба батальона.

В 1985 году поступил в Военную академию им. М. В. Фрунзе, которую с отличием окончил в 1988 году.

После окончания академии получил назначение в Северо-Кавказский военный округ, в котором проходил службу на штабных должностях.

В 1990 году переведен для прохождения службы в Генеральный штаб (управление радиоэлектронной борьбы). Последовательно занимал должности старшего офицера, заместителя начальника отдела, начальника отдела.

В настоящее время — первый заместитель начальника управления радиоэлектронной борьбы Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор.

В 2003 году окончил Высшие академические курсы Военной академии Генерального штаба с отличием.

Награжден многими медалями, знаком «Почетный радист», является советником Российской Академии наук.

В 2006 году выдвинут лауреатом Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники.

ОМЕЛИЧЕВ Бронислав Александрович

Бронислав Александрович рассказывает: «Вологодское детство и юность дали мне очень многое. К 18 годам я уже определился в жизненном выборе и поступил в Череповецкое военное училище. С 1956 года был направлен для продолжения военной службы в 268-й мотострелковый полк 69-й Севской дважды Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии на должность командира разведывательного взвода полка. Взводом и ротой в общей сложности командовал девять лет. Так началась моя длительная служба в армии».

Он родился 29 января 1935 года в деревне Яруново Кубено-Озерского (ныне Вологодского) района. Отец, Александр Александрович, погиб на Великой Отечественной войне. Мать, Агния Константиновна, из деревни Трухино того же района, более 45 лет проработала преподавателем младших классов в школе, похоронена в Вологде.

С 1943 по 1947 год учился в начальной школе, затем в Высокоской семилетней школе. Аттестат зрелости получил в 1953 году, окончив мужскую среднюю школу № 15 города Вологды.

В 1956 году окончил Череповецкое военное училище. Также окончил в 1963 году командный факультет Военной академии им. М. В. Фрунзе и в 1975 году — Военную академию Генерального штаба.

Специальность — командно-штабная. Генерал-полковник.

Б. А. Омеличев 42 года прослужил в Вооруженных Силах. С 1975 года командовал полком, дивизией, армией. Проходил службу в должности начальника штаба Ленинградского военного округа. Длительное время был начальником Главного оперативного направления Генерального штаба и первым заместителем начальника Генерального штаба. Завершил службу в должности начальника Гуманитарной академии Вооруженных Сил.

Награжден государственными наградами: двумя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» II и III степеней, 15 медалями, многими иностранными орденами и медалями.

Жена, Маргарита Федоровна Омеличева, уроженка деревни Нефедово Кубено-Озерского района.

ПАХНИН Леонид Николаевич

Родился 13 октября 1945 года в Тотьме.

В 1964 году с серебряной медалью окончил среднюю школу № 1 Тотьмы. Прочитанная в школьные годы книжка А. Маркуши «Вам — взлет!» зародила в душе сокровенную мечту стать летчиком-истребителем. Мечта сбылась с помощью Тотемского райвоенкомата, через который по разнарядке Леонид поступил в 1964 году в Балашовское высшее военное авиационное училище и стал летчиком военно-транспортной авиации. В училище с удовольствием занимался спортом, получил первый разряд по лыжам, второй разряд по легкой атлетике. Училище окончил в 1968 году с золотой меда-

лю, что дало право самому выбрать место службы. Леонид Николаевич изъявил желание стать летчиком-инструктором в формировавшемся в то время Луганском высшем военном авиационном училище штурманов, в котором с 1968 по 1972 год прошел должности от помощника командира корабля до командира авиационного отряда. По уровню подготовки получил классную квалификацию «военный летчик 2-го класса».

В 1972 году поступил в Военно-воздушную академию им. Ю. А. Гагарина, которую окончил в 1975 году с золотой медалью. Был направлен командиром авиационной эскадрильи в тот же полк, где начинал офицерскую службу. С 1975 по 1980 год прошел должности заместителя командира полка по летной подготовке и командира полка, получил квалификацию «военный летчик 1-го класса».

После обучения в адъюнктуре в 1983 году защитил кандидатскую диссертацию. В том же году ему было присвоено звание полковника. На научном поприще являлся автором более 25 научных работ, участвовал в написании учебников и учебных пособий. С 1985 года служба продолжалась в одном из управлений Главкомата ВВС. Начав с должности инспектора по оперативно-тактической подготовке, дошел до заместителя начальника управления военного образования Военно-Воздушных Сил. В 1996 году уволен с действительной военной службы по достижении предельного возраста.

Полковник запаса, имеет 33 года выслуги в Вооруженных Силах СССР и РФ. Налетал более 2500 часов, освоил семь типов учебно-боевых и транспортных самолетов. Награжден двумя орденами «За службу Родине в ВС СССР» II и III степеней и 18 медалями.

С 1997 года работает заместителем руководителя в Представительстве Вологодской области при Президенте РФ и Правительстве РФ.

ПАХОМОВ Михаил Алексеевич

Михаил Алексеевич вспоминает: «За время службы в Советской Армии приходилось встречаться и работать со многими уроженцами Вологодской области. Среди них особенно выделяется уроженец Никольского района Анатолий Владимирович Бетехтин, который Академию бронетанковых войск окончил с золотой медалью, дослужился в воинском звании до генерала армии, а в должности — до первого заместителя главнокомандующего сухопутными войсками.

С генерал-лейтенантом Юрием Степановичем Ивановым мы познакомились в 60-х годах в Белоруссии. Он родился в Великом Устюге и часто донимал меня просьбами вместе съездить на родину, где он не бывал почти полвека.

Население Вологодской области с уважением относится к родной армии. Большое ему за это спасибо!»

М. А. Пахомов родился 23 июля 1926 года в деревне Павшино Великоустюгского района в крестьянской семье. Отец, Алексей Иванович, продолжительное время был председателем колхоза.

Один из братьев, Иван, в начале Великой Отечественной войны был участником Московской битвы, командовал взводом, ротой, был дважды ранен и погиб в возрасте 19 лет в марте 1942 года.

Будучи учеником средней школы, Михаил мечтал подрасти и продолжить дело брата в Отечественной войне. Но судьба решила по-своему.

В сентябре 1942 года по разнарядке М. А. Пахомова направили в школу ФЗО, обучили рабочей специальности и направили работать на восстановление разрушенных немцами железных дорог.

В 1946 году военкомат направил его в Ульяновское танковое училище, которое он успешно окончил и много лет служил в танковых войсках. Из них 18 лет преподавал в Бронетанковой академии.

Этой работой М. А. Пахомов гордился, всегда относился к ней с ответственностью. В 1986 году был награжден дипломом лучшего преподавателя академии.

Кандидат военных наук. Доцент.

ПЕТРОВ Игорь Николаевич

Игорь Николаевич рассказывает: «Я с удовольствием гостил в Вытегре, в местном Морском собрании, где, как известно, нашла свой последний причал боевая подводная лодка “Б-440”. Видел, как горят глаза вологодских ребят, когда им рассказываешь о дальних морских походах, о флотских приключениях. Видно, тяга к морям и океанам у нас в крови. Не зря мы, вологжане, открыли почти всю Сибирь и весь Дальний Восток, не случайно столь много наших земляков служили на Северном флоте. Я рад, что традиции русского флота возрождаются, что их чтят и помнят на родной Вологодчине».

Родился 27 июня 1933 года в поселке Андреевский Шольского района.

С 1955 по 1976 год служил на кораблях Северного флота, причем на подводных лодках — 16 лет. Был заместителем начальника политотдела эскадры подводных лодок, членом Военного совета — начальником политического отдела флотилии.

С 1976 года И. Н. Петров — заместитель начальника политуправления ВМФ. Затем перешел на научную работу. В последние годы он, кандидат исторических наук, профессор, занимается научной деятельностью по проблемам морально-психологической и политической подготовки личного состава Вооруженных Сил России.

Контр-адмирал ВМФ. Награжден многими правительственными наградами.

В Вытегре, где в последние годы организуется Музей морской славы Вологодской области, И. Н. Петрова называют живой легендой. Более сорока лет он верой и правдой служил нашей Отчизне на подводных и надводных кораблях Северного флота, в политорганах морских стратегических сил. Известный политработник Военно-Морского флота, участник боевого траления послевоенной Балтики,

многих дальних походов, в том числе и подводного ракетноносца к Северному полюсу. Внес значительный вклад в воспитание личного состава Военно-Морского Флота СССР.

СМИРНОВ Владимир Сергеевич

Малая родина Владимира Сергеевича — город Бабаево Вологодской области. Там он закончил школу, затем поступил в Балашовское высшее военное авиационное училище летчиков. В 1968 году после окончания училища был направлен в Челябинское высшее военное авиационное училище штурманов. Проводил обучение штурманов.

В 1975 году был направлен командиром отряда в Кустанай (филиал Челябинского училища штурманов). В этом же году поступил в Центр подготовки летчиков-испытателей (г. Ахтубинск Астраханской области).

С 1976 года, после выпуска, работал в 1-м управлении НИИ им. Чкалова летчиком-испытателем, ведущим летчиком-испытателем, командиром эскадрильи, начальником службы летных испытаний бомбардировочной авиации — ведущим летчиком-испытателем, заместителем начальника 1-го испытательного управления — ведущим летчиком-испытателем.

Непосредственно летными испытаниями занимался с 1976 по 1990 год. Общий налет составил 3658 часов, из них 1557 часов испытаний. За этот период освоил 35 типов самолетов и их модификаций. Летчик-испытатель 1-го класса, полковник, награжден орденом Красной Звезды, 12 медалями.

В 1989 году коллектив выдвинул кандидатуру Владимира Сергеевича для участия в выборах в Верховный Совет СССР. Это были первые демократические выборы в нашей стране. Победа на выборах стала поворотным моментом в судьбе. Народный депутат СССР, член Совета Республик Верховного Совета СССР, член комитета по науке и технологиям, избирался по партийному округу делегатом XXVII съезда КПСС. Возглавил подкомитет по военной реформе, был председателем Координационного совета движения «Военные за демократию», членом Координационного совета движения «Демократическая Россия».

В 1992 году работал начальником управления Государственного комитета РФ по вопросам обороны и безопасности. В 1992–1993 годах — помощник председателя Правительства РФ, в 1993–1994 годах — заместитель руководителя аналитического центра администрации Президента РФ, секретарь экспертно-аналитического совета при Президенте РФ.

В 1997 году Владимир Сергеевич Смирнов был назначен на должность руководителя Представительства Вологодской области. Заместитель Губернатора Вологодской области.

ТИМОШЕНКОВ Анатолий Николаевич

«У вологжан, — говорит Анатолий Николаевич, — крепкая военная косточка. Говорят, что наша область по количеству Героев Советского Союза на душу населения в годы Великой Отечественной

войны занимает первое место в стране. Дух крепок у народа, когда за ним стоит оберегающая его сила».

Родился 5 декабря 1949 года в деревне Бордуха Кирилловского района Вологодской области.

Окончил Ульяновское гвардейское высшее танковое командное училище (1967–1971 гг.), Военную академию бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского (1978–1981 гг.), Военную академию Генерального штаба ВС РФ (1991–1993 гг.).

Специальность: командно-штабная.

Воинское звание: генерал-лейтенант.

Выслуга лет в Вооруженных Силах: 37 лет.

Прохождение службы:

1971–1978 гг. — командир танкового взвода, командир танковой роты, начальник штаба — заместитель командира танкового батальона, Белоруссия;

1978–1981 гг. — слушатель академии бронетанковых войск имени Р.Я. Малиновского;

1981–1984 гг. — начальник штаба — заместитель командира танкового полка, старший офицер оперативного отдела штаба общевойсковой армии, ГДР;

1984–1988 гг. — старший офицер оперативного управления штаба войск Западного направления, Польша;

1988–1991 гг. — старший офицер оперативного управления штаба войск Южного направления, начальник группы штаба войск Южного направления;

1991–1993 гг. — слушатель Военной академии Генерального штаба ВС РФ;

1993–1999 гг. — заместитель начальника оперативного управления штаба военного округа, начальник оперативного управления штаба военного округа, г. Москва;

1999–2001 гг. — первый заместитель начальника управления Генерального штаба ВС РФ;

С 2001 года по настоящее время — начальник управления Генерального штаба ВС РФ.

Государственные награды: орден «За военные заслуги», орден «Знак Почета», 14 медалей.

ЧУФЫРЕВ Геннадий Григорьевич

Родился 1 апреля 1937 года в деревне Коромыслово Вытегорского района Вологодской области. До 1946 года проживал с семьей в Вытегре. По возвращении с японской войны отца, Г. И. Чуфырева, назначили председателем Вологодского горисполкома, и семья переехала в областной центр. Здесь в 1954 году Геннадий окончил школу № 1.

До 1955 года работал учеником и слесарем-монтажником авторемонтных мастерских Беломорского военного округа в Вологде. В 1955 году поступил в Высшее Военно-морское инженерное училище имени Ф.Э. Дзержинского в Ленинграде. По окон-

чании 3-го курса был отобран на только что сформированный атомный факультет Высшего Военно-морского инженерного училища в Севастополе. Окончил училище в 1960 году.

В 1961 году назначен командиром группы автоматики и телемеханики первой в СССР атомной крейсерской подводной лодки «К-3». В 1962 году участвовал в походе «К-3» на Северный полюс. Из товарищей по флотской службе Геннадий Чуфырев с теплотой вспоминает земляка-череповчанина Юрия Медведева, который во время одного из испытаний фактически спас от гибели подводный корабль и свыше ста человек экипажа и группы конструкторов.

В 1970 году закончил Военно-дипломатическую академию с золотой медалью. Свыше 20 лет работал за рубежом и в Центре. За выполнение специального правительственного задания был удостоен второго ордена Красной Звезды.

Последние годы службы Геннадия Чуфырева были связаны с научно-педагогической работой. Защитил в 1989 году кандидатскую диссертацию. Являлся начальником профилирующей кафедры Военно-дипломатической академии.

С 1992 года уволен с действительной службы в запас в звании капитана 1-го ранга в связи с достижением предельного возраста.

«Горжусь, что моя «сухопутная» родина, — говорит Геннадий Григорьевич, — воспитала так много замечательных моряков, флотских офицеров, вплоть до Адмирала Флота Советского Союза Николая Герасимовича Кузнецова».

ЯСТРЕБОВ Михаил Ермолаевич

«Прекрасный Белозерский край всю жизнь перед глазами, — говорит Михаил Ермолаевич. — Я бегу, босоногий мальчишка, еще не зная, что меня ждет война. В многодетной семье я старший. Надо помогать маме по хозяйству. И еще учиться. А холодно, а голодно... Все перенес... Такая была ответственность за младших сестер и братьев, желание учиться, чем-то помочь родителям... И величайшая любовь к своей деревеньке. Я еще жив, а ее уже нет».

М. Е. Ястребов родился 22 ноября 1915 года в деревне Большое Заболотье Белозерского уезда. В тринадцатилетнем возрасте начал трудовую жизнь. В 1936 году поступил в Военно-медицинскую академию им. СМ. Кирова. С первых дней Великой Отечественной войны в действующей армии: прошел путь от начальника полкового медицинского пункта до дивизионного врача. Участвовал в боевых действиях войск Юго-Западного, Сталинградского, Калининского, Центрального, Брянского, Белорусского, а затем — 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов. Мужественно и умело руководил войсковой медицинской службой в приграничных сражениях, Сталинградской и Орловско-Курской битвах, в боях по освобождению Белоруссии, Польши, в боях в Восточной Пруссии и за Кёнигсберг.

После окончания войны закончил с отличием командно-медицинский факультет. В 1949 году назначен начальником окружных курсов усовершенствования медицинского состава Таврического

военного округа. С 1953 года начальник кафедры организации и тактики медицинской службы Военно-медицинского факультета при Харьковском медицинском институте. В 1965 году возглавил военно-медицинский факультет при Горьковском медицинском институте.

В 1968 году его назначают начальником военно-медицинского факультета при Центральном институте усовершенствования врачей, которым руководил восемь лет. С 1976 года в течение пятнадцати лет работал доцентом военной кафедры 1-го Московского медицинского института.

Избирался депутатом городского Совета народных депутатов, многие годы являлся председателем совета ветеранов 48-й армии и председателем Совета ветеранов 1-го Московского медицинского института.

Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени, тремя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, орденом «Знак Почета» и семнадцатью медалями. Отмечен четырьмя благодарностями Верховного Главнокомандующего, награжден Почетным знаком Советского комитета ветеранов войны, знаком «За успехи в работе высшей школы СССР», «Знаком отличия тыла Вооруженных Сил Российской Федерации».

* * *

...Но вернемся к дневке Белозерского полка и к нашему рассказу на привале о вологодском офицерском корпусе. Исследования по этой теме, верим, еще впереди. Тема здесь поистине неисчерпаемая.

Но полковой горнист уже трубит сбор. Быстро приводится в порядок территория стоянки, гаснут последние угли бивуачных костров, складываются на повозки палатки, котлы, убираются запасы провианта.

Полк, хорошо отдохнувший, под барабанный бой идет батальонными колоннами дальше.

ВОЙНА НЕЗНАМЕНИТАЯ

Русь-Россия всю свою историю, одновременно героическую и трагическую, влекла за собой тяжелейшие военные вериги, которые сковывали поступательное экономическое, хозяйственное, бытовое и социальное развитие страны. Без конца и начала велись, как внешние, так и внутренние войны. Да еще к этим глубочайшим народным трагедиям нужно прибавить гражданские бунты, общие настроения.

Между тем, если быть справедливыми и объективными, не было в славянском характере, как в этнической первооснове страны, ярко выраженного воинственного начала, реваншистского духа, завоевательного синдрома. Нам каждый век своей истории приходилось обороняться, иногда и на двух-трех направлениях одновременно, выполнять союзнические обязательства, участвовать в коалиционных походах и сражениях.

Наша армия, как мы не раз подчеркивали, в основе своей была национальной, а не наемнической армией, но она не являлась никогда чисто русской по этническому составу. Духовное, а не чисто этническое (зов крови) значение понятия *русскости* в военной сфере превалировало, как и в любой другой в России.

С присоединением к России, в основном, добровольному вхождению в ее состав многих народов и народностей, армия страны становилась многонациональной, хотя русское правительство никогда не форсировало замену солдат-великороссов на солдат других национальностей. Основную лямку всех войн всегда тянул русский воин в союзе с другими народами. Но так естественно сложилось, требовать иного, значит, не понимать духовной и нравственной основы русской государственности.

Богатство многообразия, глубина и широта отечественной военной истории не знает себе равных, разве что с ней может сравниться трагическая история русского крестьянства. Но последняя еще плохо прописана в связи с многовековыми сословными искажениями и пренебрежениями. Простой крестьянин, помещичий холоп — он и в армии был его собратом, солдатом, воином.

А. И. Солженицын в начале своей скорбной трилогии «Архипелаг ГУЛАГ», рассуждая о судьбе 15 миллионов русских крестьян, сосланных в тундру и в тайгу, а там и во множестве погибших, замечает, как нечто собой разумеющееся: «Но мужики — народ бессловесный, бесписьменный, ни жалоб не писали, ни мемуаров... Пролился этот поток, всосался в вечную мерзлоту, и даже самые горячие умы о нём почти не вспоминают. Как если бы русскую совесть он даже и не поранил».

Вынуждены не согласиться с Александром Исаевичем: уж, кто, как не эти люди, простые крестьяне, имели свои имена-отчества, законные и гордые фамилии, а не псевдонимы, конкретные адреса, родные земли, где они и их предки жили веками. Жалобы и мемуа-

ры они тоже писали, только, кому они были и остаются нужными и интересными?! Кем востребованы?..

Наша интеллигенция, не в обиду ей будет сказано, всё более отходила от своего демократического начала, народного корня; от нее народ отчуждался так же, как и от власти. Во время холерного бунта в Санкт-Петербурге, Николай I, стоя в коляске перед толпой на Сенной площади, гаркнул: «На колени, мерзавцы! Шапки долой!» Для «мерзавцев», «быдла», простолюдинов такие команды не забывались. Что крикнешь, что посеешь...

Русскому солдату в нашей памяти повезло в том смысле, что им командовали те, кто носил офицерские эполеты, а значит, и родовые отличия, чины, звания, имена, фамилии. Поэтому каждая баталия, война, любое более или менее крупное «дело» или сражение, прописаны военными историками, в том числе летописцами полков.

Среди знаменитых войн, подлинно народных, затерялись в истории отдельные походы, которые обычно не представляют хрестоматийного глянца известности. Вот и мы в своем рассказе о Белозерском полке подошли сейчас, следуя хронологическому принципу повествования, к так называемой Венгерской войне, войне явно не знаменитой, свершившейся в 1849 году. «Незнаменитой» — очень точно назвал поэт А. Т. Твардовский Финскую войну 1939 года. Что ж, были, и не раз, в истории России и такие войны...

Кто против кого в ней сражался? Русские против венгров? Догадаться здесь можно легко, труднее ответить на другой вопрос: а за чьи интересы? Интересы явно не российские, а снова — союзнические. В очередной раз пришлось нашему оружию помогать австрийцам, которые всё никак не могли научиться воевать, даже против бунтовщиков.

Такие восстания, как мы знаем по польскому, время от времени колебали устои монархий держав Священного союза, и каждый раз на выручку являлась русская армия, которая в результате своих пожарных действий приобрела дурную славу «жандарма Европы», «душительницы свободы», заимела и прочие изысканные клички (в XX веке к общей коллекции прибавилось определение нашей страны, как вечной «империи зла»).

Поэтому Венгерская война (или по-другому Венгерский поход 1849 года) «душила свободу» венгров.

«Ребята! — воодушевлял Белозерцев приказом Николай I. — Новые труды, новые подвиги вам предстоят! Мы идем помочь союзнику усмирять тот же мятеж, который, попранный вами за восемнадцать лет в Польше, вспыхнул вновь в Венгрии. С помощью Божьей, вы явитесь теми же православными воинами, какими русские всегда и везде были: страшными врагам всего священного, великодушными к мирным жителям. Вот чего ждет от вас ваш Государь и наша Святая Россия. Вперед, ребята, за нашим Варшавским героем, на новую славу! С нами Бог!» (1 июня 1849 года).

Боевых стычек, правда, было немного, когда по маленькой европейской стране во всю ее ширь шла под бой барабанов стотысяч-

ная русская армия. Разве что произошло сражение при Дебечине 21 июля, в котором опять хорошо себя показали Белозерцы, носившие название «пехотный генерал-адъютанта князя Волконского полк».

«Были схватки боевые», артиллерийские бои, штыковые атаки, потери, и сразу после решающей битвы капитуляция венгерской армии со 144 пушками. От армии неприятеля немного и осталось, большинство «воинов» разбежалось по домам, к своим садам и виноградникам.

Но представить себе этот поход, как увеселительную прогулку по еще одной европейской стране, значит, оскорбить память наших солдат. Война и есть война, где бы она не была.

Да, личный состав наших пехотных корпусов встречало миролюбивое население цветами и венками, выносило им в кувшинах токайское вино, не закрывало в городах даже продовольственных лавочек... Представить такую радость на лицах смоленских девушек, бегущих с букетами цветов навстречу колоннам Наполеона, ну, никак невозможно!.. Но венгерский поход дался нам тяжело, со многими жертвами, принесенными не в сражениях, которых практически и не было, а по вине всё той же истребительницы армейских порядков — холеры.

В Галицию из Польши Белозерский полк под командой полковника Шефлера вошел в составе 3071 человека (рядовых из них — 2490). Это случилось во второй половине апреля 1849 года, а через несколько дней убыль в нем из-за холеры составила 352 человека, причем, большинство оказалось в двух госпиталях на излечении.

«Холера, — пишет историк полка, — поражала внезапно и неотразимо самых, по-видимому, здоровых людей, которые в несколько часов умирали от необыкновенной рвоты и поноса в мучительных страданиях и корчах, так, что у иных ноги притягивало в судорогах к спине. Нередко во время переходов умирало из корпусов по 60–100 человек, так, что задние войска принуждены были подбирать трупы. Все обозы наполнялись больными: кроме сего приходилось брать массу обывательских подвод для больных».

С половины июня зарядили дожди, негде было просушиться, и на биваках приходилось лежать на сырой земле, есть незрелые плоды (какие же они зрелые, даже в Венгрии, в июне-то месяце!?), запивать гнилой водой — главной разносчицей холеры.

Страшно представить себе картину, как выпадали из русских походных колонн десятки мертвых, а их сослуживцы не могли ничем помочь умирающим на их глазах товарищам.

Армией, как и при польском усмирении, вновь командовал генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич, «Варшавский герой», как его назвал в своем приказе Николай I. Вновь ему досталась доля подсчитывать в своих реляциях высокую смертность в войсках из-за холеры.

У Мишкольца наша армия стояла больше недели, ожидая интендантские транспорты с продовольствием. Провианта хватало на 2–3 дня, всё съедали, а результаты реквизиции у местного населения были ничтожными, приходилось солдатам самим таскать рожь на

мельницы, а заодно и охранять их от партизан, чтобы не погибнуть от элементарного голода. Венками и цветами местного населения 100-тысячную армию не прокормишь.

В самый разгар эпидемии И. Ф. Паскевич приказывал принимать самые строгие меры: все удобные помещения в Мишкольце и Кашау занимать под лазареты, реквизировать кровати, мебель у населения, привлекать к помощи местных докторов, врачей, вплоть до аптекарей.

Наши войска, в результате, оборонялись не столько от венгров, те бегали от них как зайцы, сколько отбивались от холеры. Через месяц эпидемия, слава Богу, пошла на убыль. Из почти трех тысяч Белозерцев, начавших войну, в сражении при Дебречине участвовало лишь 2213 человек (рядовых — 1804 человека), почти треть отсутствовала, большей частью, по болезни.

Венгерская компания была, к счастью, скоротечной. Не тот был противник и не та у него была сила.

Мы начали рассказ о венгерской кампании с приказа Николая I. Спустя всего 50 дней император издал новый приказ:

«Бог благословил, ребята, ваше усердие, вашу храбрость, вашу неутомимую бодрость в трудах. Вы совершили долг ваш, ребята, и мятеж погран. Где враги смели вас ждать, вы их побеждали и, следя за бегущими, шаг за шагом, узрели наконец редко бывалое событие: вся вражеская сила повергла пред вами оружие, безусловно предаваясь милосердию нашему. В два месяца взято и сдано нам до 150 знамен и штандартов и до 400 орудий, и оружие положили более 80 тысяч мятежников.

Честь и слава вам, честь и слава вашему победоносному вождю!

Вы себя, как и всегда, показали достойными прозвания Всероссийского победоносного воинства. Благодарю вас всех и каждого! Я вами доволен, вами горжусь!

Николай

Варшава

Августа 22 дня 1849 г.»

«Ребята» любимого царя не подвели!.. Все эти победоносные быстрые войны, напоминающие экспедиционные походы, являлись для такой армии, как русская, императорская, боевыми разминками, армейскими ученьями. Войска уже не помнили тех дней, когда армия встречалась в битвах с достойными противниками, побеждая их не числом, а умением.

Нарождающиеся внутри общества противоречия, не разрешаемые десятилетия, вели к негативным проявлениям и в армейской жизни. Мы медленно, но верно двигались к Севастополю, где все эти отрицательные моменты наглядно проявили свою силу.

А пока, победив очередного противника, Белозерцы вернулись домой, расположившись на своих польских квартирах. После кончины генерал-фельдмаршала П. М. Волконского в августе 1852 года полк изменил свое наименование на прежнее — «Белозерский пехотный».

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

Со второй половины XIX века местом дислокации Белозерского полка на долгие годы становится Польша. Его квартиры располагались в Ломжинской губернии, отсюда он посылался на лагерные сборы в Варшаву, там же нёс свои караулы.

В феврале 1854 года войска были объявлены на военном положении в связи с войной с Турцией, которая началась в октябре 1853 года. За спиной Турции, нашего давнего противника, стояли Великобритания и Франция. Наиболее удачно в эту кампанию действовал наш флот под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова, разгромившего турецкую эскадру 18 ноября 1853 года в сражении при Синопе. На помощь Турции в Черное море вошел Англо-французский флот.

На следующий год союзные эскадры бомбардировали Одессу, летом атаковали Кронштадт, появились они и на далеком Белом море, где обстреляли Соловецкий монастырь. Эти вылазки предшествовали главной операции 1854 года — высадке десанта в Крыму, который сразу определил основной театр военных действий. Здесь располагалась база Черноморского флота России — Севастополь, и сюда были направлены стрелы наступления англо-французских войск. Поэтому война получила название Крымской (1853–1856 гг.).

Россия держала в эти годы на разных направлениях несколько армий. На Балтийском побережье стояла армия цесаревича Александра Николаевича в количестве 125 тысяч человек. В Царстве Польском находилась армия генерала Ридигера — чуть более 100 тысяч человек. К ней был приписан Белозерский пехотный полк. В Дунайской армии Горчакова насчитывалось 140 тысяч человек. На Кавказе, который наконец-то двигался к полному замирению после многолетней войны, было 120 тысяч человек. Черноморское и Азовское побережья и Крым охраняло 45 тысяч человек со 102 орудиями. Но, как замечают историки, из армии почти в миллион человек могла быть мобилизована только половина. К тому же из этой мобилизованной половины к ведению боевых действий предназначалась лишь треть. Всё остальное шло на «заслоны».

В качестве «заслона» весь 1854 год простоял на западных границах в местечке Ополье и Белозерский пехотный полк. С 1853 года тяжело болел командир полка Михаил Евстафьевич Шефлер. Вскоре он подал прошение об увольнении в отставку. Высочайшим приказом от 15 марта 1854 года полковник Шефлер был произведен в генерал-майоры с увольнением от службы, а на его место назначен произведенный в полковники Михаил Саввич Исупов, ветеран полка. Поступивший в Белозерский полк подпрапорщиком 21 марта 1820 года, он всю свою службу провел в этом соединении. Вместе с ним он совершил все последние кампании 1829, 1831 и 1849 годов. М. С. Исупов знал полк, как свои пять пальцев, видел достоинства и недостатки каждого из офицеров.

В мае 1855 года последовал приказ о выступлении в Севастополь войск 2-го пехотного корпуса, в состав которого входил Белозерский полк (он состоял в 4-й пехотной дивизии). Путь корпуса лежал через Волынскую и Херсонскую губернии.

Перебрасывая в Севастополь 2-й пехотный корпус и извещая об этом Главнокомандующего (назначен с 15 февраля) князя М. Д. Горчакова, новый император Александр II требовал, чтобы 4-я и 5-я дивизия не дробились, а образовали резерв для нанесения решающего удара или, в случае отступления, для арьергардных боев.

Армия союзников в это время возросла до 120 тысяч человек (80 тысяч французов, 15 тысяч англичан и 25 тысяч турок). Во главе осады Севастополя встал французский инженер генерал Адольф Ниэль, предложивший штурмовать Малахов курган, оценив его важнейшее стратегическое значение. В случае захвата этой главенствующей над местностью высоты союзники могли беспрепятственно обстреливать город, арсеналы и бухту, то есть держать на прицеле всю морскую базу.

Белозерцы по прибытию в окрестности Севастополя какое-то время ждали настоящего дела. Наконец, военный совет решил атаковать неприятеля 4 августа в его укрепленной позиции у реки Черной. 4-я и 5-я пехотные дивизии, согласно плану наступления, под общим начальством генерал-лейтенанта Шепелева, он же и командующий 4-й пехотной дивизией и всем 2-м пехотным корпусом, должны были составить главный резерв войск 7-й и 12-й пехотных дивизий.

Находясь в резерве, Белозерцы в сражении участия не принимали. Оно не принесло нам успеха: мы были отбиты с большим уроном.

Шестого августа полк вошел в город, подвергавшийся усиленной бомбардировке противника, встав впереди Николаевского форта. Другие части 4-й пехотной дивизии под командованием генерал-майора Бабкина* (командира 1-й бригады) поступили в ведение генерал-адъютанта Хрулева и заняли следующие позиции: Олонецкий полк укрепился на берегу Северной бухты, Шлиссельбургский и Ладожские егерские полки заняли передовые позиции оборонительной линии. В этот же день 3-й батальон Белозерцев был командирован в Симферополь для приготовления боевых патронов.

* Знакомая для вологжан фамилия. Известен Герой Советского Союза гвардии старший сержант Иван Васильевич Бабкин, уроженец деревни Грозино Миньковского сельсовета Бабушкинского района. И. В. Бабкин героически погиб 9 февраля 1944 года. На страницах этой книги также упоминалась фамилия Владимира Михайловича Бабкина, заслуженного летчика России, ныне работающего помощником губернатора Вологодской области В. Е. Позгалева. Владимир Михайлович возглавлял делегацию области в поездке в Севастополь, когда вологжане установили памятную доску Белозерскому пехотному полку. На наш вопрос: не родственник ли ему генерал-майор Бабкин, командовавший в городе-герое 4-й пехотной дивизией, значит, и Белозерским полком, Владимир Михайлович ответил, что в его роду было немало военных, и вс, может быть.

До 15 августа два оставшихся батальона Белозерского полка вместе с Олончанами занимали городские караулы, возводили баррикады и наводили плавучий мост через Северную бухту в случае эвакуации гарнизона.

Тяжелые обстрелы Севастополя длились с 9 по 24 августа. Русские войска ежедневно теряли по 500-700 человек, союзники в среднем по 250 человек. Артиллерийская дуэль велась неравными силами: у нас не хватало снарядов, как и других боеприпасов (поэтому 3-й батальон Белозерцев и был отправлен в Симферополь набивать патроны).

Действуя вдалеке от передовой, Белозерцы тем не менее за четыре дня потеряли ранеными 7 человек. К 15 августа мост через Северную бухту был готов. Тотчас же полки 1-й бригады были переведены на Корабельную сторону.

Белозерский полк расположился в Корабельной слободке, а Олонечский — рядом с Павловским фортом. Белозерцы заняли позицию в центре войск оборонительной линии между 1-м и 2-м бастионами.

Смертельная орудийная дуэль между тем продолжалась. Тысячи снарядов разрушали русские укрепления, на глазах таяли личные составы русских полков. Белозерцы, не зная отдыха, как и другие защитники Севастополя, исправляли повреждения на насыпях, отвечали противнику ответной стрельбой. Потери полка с 16 по 26 августа составили 91 убитый солдат. Полковник Исупов 16 августа был ранен. Командование полком было поручено майору Никифорову.

Что такое бесконечная артиллерийская канонада? В Севастополе она звучала, как ни в каком другом прежнем сражении. Каждый день с рассвета все орудия неприятеля начинали бить залповым огнем по русским укреплениям. Затем они переходили на беглый огонь. С 9 часов до полудня стрельба смолкала, но в полдень вновь вспыхивала с не менее жестокой силой. Так продолжалось до сумерек. Вечером неприятельские артиллеристы вновь переходили на залповую стрельбу. Ночью шквальным картечным огнем противник мешал исправлению повреждений на укреплениях. И так сутками подряд. Это был самый настоящий ад!.. Стали обычным явлением батальоны в 200–300 штыков, полки в 500–800 человек.

К 20 августа французы подошли на расстояние в шестьдесят шагов до Малахова кургана, а англичане на двести шагов до III бастиона. Союзники готовились нанести защитникам Севастополя последний удар.

«С рассвета 24 августа, — пишет историк Белозерского полка, — неприятель открыл такую сильную канонаду, какой до сих пор не видели защитники Севастополя. Гром орудийных выстрелов, сыпавшиеся со всех сторон бомбы, ядра и гранаты, стоны раненых, — всё это представляло собой какой-то невообразимый хаос, не поддающийся описанию. Войска, полагавшие, что наступил день штурма, приготовились к бою. Однако с появлением первых солнечных лучей канонада начала понемногу ослабевать и

около 9 часов утра совершенно умолкла, как и в предыдущие дни, но зато ночью возгорелась с новой силой. Утомленные защитники, ежеминутно готовые встретиться грудью с грудью с неприятелем, поспешно принялись за исправление, насколько возможно, разрушенных укреплений».

Оказалось, что артиллерийская подготовка штурма была растянута на три дня. 25 и 26 августа она продолжилась с нарастающей силой. Всего с 5 по 27 августа по нашим позициям было выпущено 150 тысяч снарядов. Против Малахова кургана действовало 110 орудий, против II бастиона — 60 орудий. Мы потеряли за три недели погибшими 20 тысяч человек, батареи Малахова кургана и II бастиона были подавлены, орудия были просто засыпаны землей.

Перед началом штурма 2 роты Белозерского полка в количестве 170 человек вместе с 2 батальонами и 2 ротами в количестве 860 человек занимали позиции в центре 5-го отделения. Генерал-адъютант Хрулев предписывал Белозерцам, что «под командой храбрых своих начальников никто не должен не только рассуждать, но и мыслить об отступлении во вторую оборонительную линию, которая построена единственно для прикрытия резервов и устрашения неприятеля. После отбития неприятеля строго воспрещается преследовать его, а провожать только ружейным огнем».

Наступил день 27 августа, день падения Севастополя и гибели его защитников.

В 12 часов дня начался штурм русских укреплений. На II бастион была брошена дивизия Дюлака. Наши защитники в количестве 1100 человек отбивались от превосходящих сил противника. Там стоял насмерть Оленецкий полк. На помощь Олонцам прибыл 1-й батальон Белозерского полка под началом майора Ерошевича и другие части. Русские удалцы с криками «ура!» бросились в штыковую контратаку.

Одновременно с бруствера 1-го бастиона пошел в атаку 2-й батальон Белозерцев. Противник был отбит и бежал, оставив убитыми 29 штабс- и обер-офицеров, а всего понеся потери в 150 человек.

«Несмотря на это, — рассказывает историк полка, — неприятель, несший значительный урон от сыпавшегося в траншеи целого дождя бомб, ядер и гранат, вторично ринулся на штурм II бастиона. Полки: Забалканский, Полтавский и Белозерский, расположенные в первой линии и построженные в шесть шеренг, встретили его адским огнем. Но французы шли смело; целыми толпами они лезли на бруствер и успели водрузить на валу свое знамя. Оставшийся здесь генерал Сабашинский (командующий войсками I бастиона. — *В. Д.*) вывел войска на валы и принял неприятеля в штыки. Рукопашная схватка продолжалась минут десять, после чего французы принуждены были отступить».

На Малаховом кургане 1400 русских солдат дрались с 8-тысячной дивизией Мак-Магона. Дрались в буквальном смысле слова, ибо французы застали их врасплох. В рукопашной был ранен С. А. Хрулев.

СПРАВКА: Степан Александрович Хрулев (1807–1870) — участник кампаний против Польши (1830–1831 годы), Венгрии (1849 год). Генерал-лейтенант (1853 г.). В 1861 г. командовал корпусом, с 1862 г. в отставке.

Последние герои укрылись в полуразрушенной каменной башне и продолжали оттуда отбиваться. В это время в пороховой склад, находившийся в башне, попал артиллерийский снаряд. Страшный взрыв потряс воздух. Так героически погиб гарнизон Малахова кургана, не отступив перед противником ни на шаг.

На II бастион с трех часов после полудня противник обрушил огонь своих батарей, стрелявших картечью. Ответным огнем наши артиллеристы все-таки подавили две неприятельские батареи.

Ближе к вечеру, в пятом часу начался третий штурм II бастиона. Едва французы успели овладеть первой оборонительной линией, как и здесь произошел сильный взрыв порохового погреба. Большая часть штурмующих взлетела на воздух. Когда дым рассеялся, через разбросанные тела погибших ударили в штыковую оставшиеся в живых защитники бастиона. Неприятель в ужасе обратился в бегство.

В штурмовых атаках II бастиона погибли один из лучших французских генералов Понтеве, генералы Мароль и Сен-Поль, были ранены генерал Меллине, полковники Бланшарь и Монтере, взяты в плен командир линейного полка Дюпюи, начальник штаба дивизии Дюлака полковник Маньян и полтораста французских солдат. Дорого обошлись неприятелю каменные руины бастиона!..

К вечеру мы потеряли лишь Малахов курган, остальная оборонительная линия Севастополя выстояла. Из двенадцати атак противника одиннадцать были отбиты.

Двадцать седьмого августа Белозерцы стали считать погибших товарищей: убитыми и без вести пропавшими среди нижних чинов насчитывалось 168 человек, ранеными — 5 офицеров и 227 солдат, контуженными — 3 офицера. Командир 1-го батальона майор Ерошевич был ранен штуцерной пулей в левую ногу. Командир мушкетерской роты поручик Лоди ранен пулей в голову. Прапорщик Страшевский — в грудь на вылет. Командир Белозерского полка майор Никифоров был контужен осколком бомбы в спинную часть позвоночника, под левую лопатку. Он сдал командование полком майору Бессонову.

Всего за время пребывания Белозерского полка в Севастополе, с 6 по 28 августа, вышло из строя: убитыми 276 солдат, ранеными 14 офицеров и 597 солдат. Потери громадны. К ним нужно прибавить умерших от холеры по пути в Севастополь и оставленных в попутных госпиталях.

Вечером 27 августа, взорвав склады и укрепления, русская армия начала отступление, покидая Севастополь. Не только офицеры, но и солдаты отказывались оставлять героические бастионы. Одиннадцать с половиной месяцев они сражались за город и добровольно уступать его, не взятый неприятелем с боя, было тяжело и обидно. Последним сошел с укреплений Тобольский полк.

Два дня горел город, и лишь 30 августа союзники смогли вступить на его развалины. Так закончилась 349-дневная героическая оборона Севастополя, ставшая беспримерным по храбрости и отваге ратному деянию наших предков.

На Парижском конгрессе 30 марта 1856 года Россия подписала мир, который был продиктован Англией и Францией. Мы потеряли право держать военный флот в Черном море и иметь прибрежные военно-морские арсеналы, лишились части Бессарабии, устья Дуная, возвращали туркам Карс, отказывались от протектората над Молдавией, Валахией и Сербией.

В конце октября 1855 года полки 4-й пехотной дивизии направились на постоянные квартиры. Перед походом их осмотрел и выразил высочайшее «спасибо» император Александр II. Командир полка полковник Исупов, командующий вместо него майор Бессонов, командиры батальонов майоры Никифоров и Ерошевич, командующие вместо них капитан Манджос и штабс-капитан Шевген, а также майор Мантуров, назначенный приказом по 4-й пехотной дивизии командующим Олонецким полком, удостоились получить монаршее благоволение.

Второго декабря при проходе дивизии через город Береславль, полки были осмотрены командиром корпуса, причем, Белозерский полк представился во всех отношениях в блестящем, а обоз — в весьма удовлетворительном по тогдашнему времени состоянии.

По прибытии на постоянные квартиры, Белозерский полк 23 августа 1856 года приведен был в состав 3 действующих батальонов с 3 стрелковыми ротами. Через неделю после переформирования приказом от 30 августа 1856 года полк был назван по имени шефа «Белозерским пехотным Его Королевского Высочества Гросс Герцога Гессенского полком».

В этом же году получены были награды чинам полка «за оказанные ими мужество и храбрость при обороне Севастополя». Полковник Исупов был награжден орденом святого Владимира 3-й степени с мечами, майоры Никифоров и Ерошевич — чином подполковника, майор Бессонов, штабс-капитаны Шефген и Тизенгаузен, поручик Лоди — орденами святого Станислава 3-й степени с мечами, поручик Тимофиевич и подпоручик Заболоцкий — орденами святой Анны 4-й степени с надписью «за храбрость», другие унтер-офицеры награждены были очередными чинами.

По представлению командира полка, главнокомандующим Крымской армией, «за мужество, примерную храбрость и особые отличия, оказанные при обороне в последнее время Севастополя и отражении штурма 27 августа», награждено было знаками отличия военного ордена 33 человека нижних чинов, то есть простых солдат, славных молодцов Белозерцев.

И, наконец, последнее. Как пишет историк полка, «в августе 1859 года 1-й и 2-й батальоны Белозерского пехотного Его Королевского Высочества Великого Герцога Гессенского полка очастливлены были получением Георгиевских знамен, пожалованных за подвиги, мужество и храбрость, оказанные при обороне Севастополя».

* * *

Несмотря на удивительный героизм и высочайшее самопожертвование защитников Севастополя, мы Крымскую войну проиграли. Эта кампания показала все слабости, как нашей военной доктрины, так и подготовки армии к сражениям. Если в начальной стадии войны, когда мы воевали с турками, еще возможны были победы, особенно впечатлило весь мир Синопское морское сражение вице-адмирала П. С. Нахимова, то после высадки в Крыму англо-французского десанта нас ждали одни неудачи.

Крупнейшая десантная операция близ Евпатории союзной армии прошла без всякого отпора с нашей стороны. В высадке помог, впервые так широко примененный, паровой флот в количестве 33 военных и транспортных судов. Наши войсковые соединения в это время бездействовали, разбросанные по крымским населенным пунктам.

После высадки крупного десанта русское командование предприняло попытку остановить союзные войска, но на реке Альме мы потерпели поражение. «Впервые за сорок лет русским войскам, — пишет А. А. Керсновский, — пришлось иметь дело с равноценным противником и осознать весь упадок нашей военной силы за этот промежуток времени. «Их тактика отстала на полстолетия», — выразился о наших войсках маршал Сент-Арно».

Отступление наших сил почему-то было проведено к Бахчисараю, а не к Севастополю, совсем незащищенному с суши. В городе было сосредоточено только 4 тысячи солдат гарнизона. Севастопольцы могли рассчитывать в то время лишь на собственные силы, о чем говорит и приказ командующего гарнизоном вице-адмирала Корнилова: «Мы защищаем Севастополь. О сдаче не может быть и речи. Отступления не будет. Кто прикажет отступать, того колите. Я прикажу отступать — заколите и меня!». На строительство южных укреплений крепости вышел весь город. Именно здесь и возникли легендарные бастионы. 11 месяцев они выдерживали ежедневный штурм противника. Севастопольцы затопили весь парусный флот, чтобы преградить доступ неприятелю на рейд. Но в сражениях с паровыми кораблями противника он выглядел явно устаревшим.

И хотя вскоре союзники вышли к Севастополю, штурмовать город они не решились, что позволило русскому командованию постепенно стянуть к своей Черноморской военно-морской базе дополнительные силы.

Осада началась с бомбардировки, которая продолжалась многие месяцы. Погиб от ядра на Малаховом кургане «душа обороны» В. А. Корнилов.

СПРАВКА: Владимир Алексеевич Корнилов (1806–1854) служил на Балтийском и Черноморском флоте. С 1838 года начальник штаба эскадры. Контр-адмирал (1848 год), с 1849 года начальник штаба Черноморского флота, стажировался в Англии. С 1851 года фактически командовал Черноморским флотом, начальник штаба обороны Севастополя (1854 год).

Русские войска, освоившись с ситуацией, встречали попытки неприятеля прорвать линию обороны залпами картечи и штыковыми контратаками. Началась позиционная борьба. Зима 1854/1855 годов в Крыму выдалась крайне суровой. 30 груженных палатками и теплым обмундированием транспортов союзников затонуло в штормовых условиях Черного моря. Англо-французские войска к тому же безжалостно косила холера. С января неприятель от простуды, холеры и малярии терял больше людей, чем в боях. Сам командующий французскими войсками в Крыму маршал А. Сент-Арно умер от холеры вскоре после начала осады Севастополя.

Постоянно подпитываемая подкреплениями, союзная армия, тем не менее, насчитывала до 120 тысяч человек, тогда, как русская, — 100 тысяч. Неприятель в 1855 году не раз предпринимал попытки штурма Севастополя, активно разорял крымское побережье десантами, но сделать с храбрыми защитниками города-крепости ничего не мог.

В Крымской войне выявилось огромное преимущество нарезного оружия, имевшегося у союзной коалиции, над гладкоствольным, которым были вооружены наши войска. Усовершенствованные нарезные винтовки Минье буквально выкашивали ряды наших батальонных колонн. Русские солдаты во время боя вынуждены были приспособляться к новому виду вооружения противника и применять в качестве контрмеры рассыпной строй. Так зародилась стрелковая цепь.

Не надо думать, что императорская армия во всех смыслах выглядела в этой войне архаичной. В Севастополе наши войска, к примеру, активно применяли против противника боевые ракеты. Их использовали еще в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов. Отечественные изобретатели и инженеры создали мощное оружие, и, как оказалось, на века. Ракеты К. И. Константинова в Крымской войне имели дальность при стрельбе намного большую, чем артиллерийские орудия.

Несмотря на то, что у союзников был явный количественный перевес над защитниками Севастополя, последние не падали духом. Более того, чем дольше длилась осада, тем активнее наши воины начинали проявлять свои лучшие нравственные и ратные качества. Не нами замечено, что русский человек в минуту опасности мобилизует всю свою волю, все свои, дремлющие до поры до времени, силы и может, действительно, свернуть горы, проявив чудеса героизма и отчаянной храбрости. «Есть упоение в бою у бездны темной на краю», — писал наш великий поэт.

«Упоение в бою», азарт схватки, рукопашный кураж постоянно испытывали защитники города. «Итак, товарищи, — говорил вице-адмирал Корнилов, — на нас лежит честь защиты Севастополя — защиты родного нам флота. Будем драться до последнего. Отступить некуда: сзади нас — море. Всем начальникам я запрещаю бить отбой, барабанщики должны забыть этот бой».

Участник Севастопольской обороны, автор хрестоматийных «Севастопольских рассказов» Лев Толстой писал: «Дух в войсках

выше всякого описания. Во времена Древней Греции не было столько геройства. Рота моряков чуть не взбунтовалась за то, что их хотели сменить с батареи».

Несмотря на повсеместный героизм, ряды защитников Севастополя таяли на глазах. Был ранен инженер генерал-адъютант Э. И. Тотлебен, строитель севастопольских укреплений, на Малаховом кургане убит великий флотоводец П. С. Нахимов.

СПРАВКА: П. С. Нахимов (1802–1855) с 1818 года служил на Балтийском флоте, участник Наваринского сражения и войны 1828–1829 годов. С 1834 года на Черном море, командир линейного корабля, с 1845 года контр-адмирал, командир бригады. В 1852 году — вице-адмирал, начальник дивизии Черноморского флота. В 1855 году — адмирал, военный губернатор Севастополя.

А. А. Керсновский пишет: «Обстоятельства смерти Нахимова поистине трагичны. Офицеры упрашивали его сойти с кургана, особенно сильно в тот день обстреливавшегося. «Не всякая пуля в лоб-с», — ответил им Нахимов, и это были последние его слова: в следующую секунду он был убит... как раз пулей в лоб».

Второй бастион, где сражались Белозерцы, в городе называли «адам», «толчеей», «бойней», «ступкой». Многие месяцы обороны он героически держался до прихода сюда белозерских пехотинцев. В день решающей битвы этот бастион, как подчеркивал известный писатель С. Н. Сергеев-Ценский в своем романе «Севастопольская страда», «отбил французов блестяще, вписав этим одну из славных страниц в историю севастопольской обороны».

К 50-летию юбилею битвы за город-герой на территории бастиона разбили сквер и установили памятник. До Великой Отечественной войны из фонтана по камням в бассейн струилась вода. В 1958 году поврежденный в годы войны памятник реставрировали, но фонтан так и не был восстановлен.

По контуру бывшего бастиона и вдоль куртины, соединявшей его с Малаховым курганом, там, где бились Белозерцы, сооружена мемориальная стенка.

После памятника Белозерскому пехотному полку под Полтавой, после обелиска на Утицком кургане Бородинского поля севастопольский мемориал — третий по счету, которым благодарные потомки отметили подвиг героев Белозерцев. В один ряд доблести и чести встали три великие битвы: Полтава, Бородино, Севастополь.

Белозерский полк, расквартированный в Варшавском округе, всё время находился, как на пороховом погребе. Многие поляки не хотели присутствия России на своей земле, тем более русской армии, численность которой составляла 90 тысяч человек.

Либеральная политика Александра II способствовала возрождению польского шовинизма. В частности, была проведена широкая амнистия всем ссыльным и эмигрантам восстания 1831 года. Паскевича, престарелого князя Варшавского, заменил не менее дряхлый и к тому же мягкий князь Горчаков, который шел на всевозможные уступки горделивой шляхте. Всё, вплоть до деталей, повторяло события, предшествующие 1831 году.

Вернувшиеся бунтовщики вновь начали готовить восстание, как всегда, рассчитывая на своих друзей из Франции, Англии и Австрии.

То, что Польша в эти годы постепенно начала скатываться к терруру, сказано еще мягко и неточно. За 1859–1863 годы были уничтожены свыше 5 тысяч русских чиновников, солдат, мирных поляков. Страну наводнили конспиративные шайки «мстителей». Даже в дни католических праздников шовинистические фанатики, в основном, женщины оплевывали русские караулы, приглашенные для отдания воинских почестей христианским святыням. Мужчины в это время стреляли им в спины.

Великий князь Константин Николаевич, наместник в Польше, безвольно смотрел на эту вакханалию сквозь пальцы и... досмотрелся.

Восстание вспыхнуло 10 января 1863 года. Вновь открылось широкое партизанское движение, известное по прежним польским бунтам. Белозерцы были вынуждены и на сей раз втянуться в вооруженную борьбу.

Уже 30 января состоялась первая боевая стычка двух линейных рот полка с повстанцами, закончившаяся полным их разгромом. С февраля бои с ними для солдат Белозерцев превратились в привычную рутину.

Диктатор (руководитель восстания) Мерославский, прибывший из Парижа, сам тут же попал в боевую переделку, закончившуюся для его соратников весьма плачевно, и вынужден был тут же бежать восвояси.

Для характеристики боев Белозерцев выберем один из типичных эпизодов, о которых подробно рассказывает летописец полка Э. М. Мержеиовский. Заметим, что в описании стычек с поляками автор проявляет большую компетентность, впервые, к примеру, упоминая о героических действиях нижних чинов, рядовых Белозерцев*,

* Рядовой Кернизов в рукопашной схватке с поляком схватил знамя противника и попытался его отнять. Завязалась потасовка, в результате которой Кернизов все-таки вырвал трофей и бросил его за русскую цепь, в сторону резерва.

называя их даже по фамилиям, что говорит о сохраненной в полку памяти о тех событиях, а также, вероятно, о хороших архивах того времени. Разгромом польского восстания, кстати, заканчивается «История Белозерского полка», собранная и описанная Мержеиовским, что заставляет автора подробнее, чем в других главах, воспроизводить бои, в которых участвовали Белозерцы.

Опишем характерную для тех дней «картинку» боя полка (в 1863 году было зафиксировано 547 таких дел всей русской армии, в 1864 году, когда в начале года восстание пошло на резкую убыль, — 84 дела):

«26 апреля, по получении известия о том, что в лесах около деревни Рыхлоцыце снова появились мятежнические шайки, командир полка полковник Померанцев с отрядом из 4-й и 7-й линейной рот, одного взвода 1-й строевой роты, 50 казаков и нескольких объездчиков пограничной стражи выступил из Велюня и настиг у означенной деревни эту соединенную шайку численностью в 600 человек и разбил ее совершенно, положив на месте убитыми 100 человек, ранеными 60 и взятыми в плен 51 человека. Кроме сего отбито 60 штуцеров, повозки и 33 лошади. Из нашего отряда ранен лишь майор Сазонович».

Из подобных эпизодов боевых стычек военные действия в Польше предстают, как легкие прогулки за трофеями с попутным уничтожением трусливого противника. На самом деле, любая партизанская война или, как бы сегодня сказали, антитеррористическая операция, отличаются жестокими методами ведения боевых действий, в которых регулярная армия без специальной подготовки несет большие потери.

Как и на Кавказе, русских пленных и здесь жестоко истязали, особенно дикими самосудами отличался отряд «старика Чаховского», разбитого на левом берегу Вислы лишь к концу мая. Как и в Чечне, русское правительство для прекращения бессмысленного кровопролития объявляло амнистию повстанцам, но без особого успеха.

Левый берег Вислы нам долго сопротивлялся. На правом же берегу реки, где преобладало русское население, восстание успеха не имело.

В мае виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев окончательно усмирил Северо-Западный край, пользуясь безусловной поддержкой русских и литовцев, немало натерпевшихся от бандитских действий повстанцев. «Польские эмигранты и русские революционеры, — пишет А. А. Керсновский, — кричали на всю Европу о “зверствах Муравьева”. Муравьев казнил лишь террористов, захваченных на месте преступления, либо повстанцев, уличенных в зверстве над русскими ранеными (об этих зверствах поляки и герценовский «Колокол» тщательно умалчивали, хотя для Европы русская кровь никогда никакой ценности не представляла). Муравьевым в Вильне было казнено 40 человек, убивших вдесятеро больше людей, по большей части мирных жителей. Когда через 60 лет Вильна отошла к Польше, Виленский окружной суд в период с 1926 года по 1933 год, в мирное время, приговорил к смертной казни 100 человек, частью за шпионаж, частью за уголовные преступления, за которые по

русскому законодательству смертной казни не полагалось. Никто о “варварстве” не кричал. Политика Муравьева сводилась к ограждению человеческих прав русского населения Северо-Западного края от насильственной полонизации, жертвами которой в XVII веке стали тысячи русских людей, сожженных на кострах святой инквизиции, либо зарытых живьем в виленских катакомбах».

Постепенно восстание пошло на убыль. Из Пруссии, где в лагерях проходили подготовку мятежники, еще время от времени в Польшу перебрасывались подкрепления, но польские силы были уже не те: против 14 пехотных и 5 кавалерийских русских дивизий противостоять было невозможно. Вожди и командиры партизан прятались за границу, рядовые участники восстания, побросав свои косы (козиньеры, так их звали, как и в 1831 году), разбегались по домам. К марту 1864 года военные действия в Польше прекратились.

* * *

После подавления Польского восстания Белозерский полк по уже сложившейся традиции ждал изменений. 25 марта 1864 года он был назван «13-м пехотным Белозерским Его Королевского Высочества Великого Герцога Гессенского полком» (по шефу). 19 февраля 1877 года полк вошел в состав 6-го пехотного корпуса. 6 июня того же года по случаю смерти шефа полк получил прежнее название «13-й пехотный Белозерский полк». 25 марта 1891 года в память о своем первом отце-командире полк был назван «13-м пехотным Белозерским генерал-фельдмаршала графа Ласси полком».

Свою полковую историю Э. М. Мержеиовский заканчивает такими словами:

«С окончанием мятежа 1863–1864 гг., за усмирение которого щедро награждены были Белозерцы, для них наступила мирная жизнь».

С этих пор им не пришлось сделать ни одного выстрела для пользы и славы своего дорогого Отечества. В последней Русско-турецкой войне 1877–1878 годов полк участия не принимал и лишь самая незначительная часть чинов его командирована была в действующую армию*.

Но пройдут еще десятки и сотни лет; сменятся целые поколения, а Белозерцы, хранимые Провидением, останутся теми же верными слугами своего Государя (увы, не сменилось и двух поколений, как царская власть в России пала, хотя, как мы увидим, лучшие традиции Белозерцев продолжились в войсковых соединениях, названных Белозерскими, в Белой и Красной армиях. — *В. Д.*) и защитниками своей родины, какими они были до сих пор.

Мы твердо уверены, что по первому призыву на ратное поле в теперешних Лассиевцах воскреснут прежние Лассиевцы — герои, способные, подобно тем, проходить необъятные пространства, переносить все труды и лишения, презирать опасности и самую жизнь и вкушать смерть на полях славы».

* Мы писали об этом в главе «О русском солдате».

«Отличный Белозерский полк!»

Генерал А. П. Ермолов

Традиции полкового братства и воинского содружества отразились в понятии «Белозерская семья». Так определялось полковое единение офицеров и солдат (больше — офицеров), общность их интересов, помноженная на соблюдение вековых воинских традиций полка, привязанность к его обычаям, знание его истории. Именно — семья, как начальная ячейка армии, из которой выростал народ (всё воинство), послужило хорошим и добрым содержанием такого братства в рамках воинского формирования.

Не будем идеализировать отношения в *полковой семье*, бывало и случалось там всякое. Также не нужно сентиментально вздыхать о далеких временах с будто бы их образцовой моралью и нравственностью, где всё было честно, неподкупно, искренне и добропорядочно. Идеальных нравов никогда не было и не будет, всегда велась борьба добра со злом, правды и кривды, чести и бесчестия, начиная с грехопадения Адама и Евы.

Столь же неоднозначен вопрос с полковыми традициями. К осознанию бережного к ним отношения русское общество, а вместе с ним и армия подошли лишь к середине XIX века. Мы и сами видели, как менялось название Белозерского полка, как хранилась память о его победах. Каждый император или императрица вносили свои изменения в уставы, производили армейские реформы, зачастую необдуманные и малополезные, а то и вредные, вводили новое обмундирование, расформировывали старые полки, меняли их названия, старшинство, знамена... К примеру, при Петре III, внуке великого преобразователя России, были упразднены прославленные в боях наименования полков. Они стали называться по шефам, как в прусской армии. Александр I, в свое очередь, вернул полкам исторические наименования, но полковое шефство при нем претерпело изменения: в первой половине его царствования шефы полков, как и при Павле I, являлись их инспекторами, а во второй половине — шефство стало почетным званием. Военная реформа 1833 года нанесла полковым традициям еще один удар. «При расформировании конных егерей, — пишет А. А. Керсновский, — упразднен, например, Черниговский полк, основанный еще при царе Алексее Михайловиче, и первый георгиевский кавалер (с Павлоградским гусарским) в русской коннице. В пехоте с упразднением егерей исчез ряд старых, заслуженных полков, достойных быть ее украшением... Не пощажены и петровские ветераны — Пермский, Вятский, Выборский, не пощажены герой Измаила, прославленный Бурцевым на Кавказе, Херсонский гренадерский... Старыми полками у нас тогда еще дорожили

так же мало, как и в царствование Екатерины. С конца 30-х годов в этом отношении наметился, правда, перелом — и с 1838 года полкам, имеющим 100 лет существования, стали жаловаться юбилейные Андреевские ленты на знамена. Знамена с Андреевскими (голубыми) лентами юбилейными жаловались только полкам гвардии. Армейские полки получили алые ленты Александра Невского. В 1842 году высочайшим указом было восстановлено старшинство Эриванского карабинерского полка с 1642 года (выборный Бутырский полк). Однако лишь в царствование Александра II и особенно Александра III культу старых полков было отведено подобающее место».

Можно считать одним из немногих исключений из правил, что Белозерский полк, претерпев и сам многочисленные реорганизации, переформирования, не раз явившись основой для укомплектования своим личным составом других воинских соединений, каким-то чудом сохранил свою историю, свое старшинство и свое славное боевое прошлое. Мы, современники, должны в этой связи еще больше ценить Белозерскую семью, ибо она имеет выдающуюся родословную, прерванную лишь в 1946 году.

История полка, собранная и описанная Э. М. Мержеиовским, рассказавшая о военных действиях Белозерцев за его 184-летнее существование, на этом не заканчивается. Едва ли не треть текста книги посвящено, так называемым, «внутренним учреждениям» полковой семьи, то есть истории ее комплектования, сроках службы, денежному содержанию, обмундированию, вооружению и снаряжению, знаменам, обязанностям чинов, строевому образованию, квартирам, воинской дисциплине, вплоть до перечня музыкальных инструментов и содержимого полкового обоза.

Для кропотливого и дотошного исследователя здесь можно найти немало интересного по истории русской армии (автор-составитель, к примеру, подробнейшим образом расписывает с Петровских времен форму Белозерцев от покроя камзолов до материала подкладки мундиров и «оторочки петель»).

Увлечение реконструкцией наших полковых соединений характерно для части современной молодежи, для многочисленных коллекционеров. Для последних из них пуговица с мундира белозерского grenадера — это целое богатство, заветная мечта. Воспроизведением солдатских медных блях, тех же пуговиц, наград, значков, знамен и т. д. Белозерцев заполнены ресурсы Интернета. Молодые историки спорят о мельчайших тонкостях в комплектовании, вооружении полка, подчас забывая о главном — о самих походах и сражениях, о воинской доблести Белозерцев. Не в обиду будет сказано нашим исследователям-коллекционерам и «реконструкторам», но их увлечение подчас напоминает игру в солдатики, когда армия изучается по эполетам, а не по тяжелым и кровавым сражениям. Причем, все чаще «игра в солдатики» великовозрастных детей приводит к восторженной любви к некоему *всемирному воинству*, когда с восхищением исследуются «красивые» солдатские и офицерские форменные атрибуты, к примеру, Наполеоновской или немецко-фа-

шистской армий-захватчиков, которые совсем не «эстетично» уничтожали наш народ и нашу страну.

Но правдой является и то, что интерес к военной реконструкции, увлечение деталями могут подвигнуть ребят и на более серьезные дела — к широкому взгляду на историю, к своему национальному прошлому и к славным отечественным воинским традициям. Мальчишеское собрание марок также зачастую заканчивалось взрослыми путешествиями, походами, открытием незнаемого и неизведанного, глубоким изучением родной и всемирной истории.

Наш Белозерский полк, не будучи исключением в Императорской армии, пережил массу реформ, как в управлении, так и в одежде, вооружении и снаряжении, которые подвергались постоянным переменам и улучшениям. Многие сведения из бытовой истории полка для широкого читателя не так интересны (к примеру, описание офицерского погона, утвержденного 27 апреля 1763 года, или различия уставов строевой пехотной службы).

Но остается немало интересных деталей, подробностей о Белозерцах, которые в виду большой редкости книги Мержеиовского, хотелось бы привести в этом тексте. В таких фактах и заключалась внутренняя повседневная жизнь Белозерской семьи — от петровских гренадеров до николаевских пехотинцев.

Для начала зададим простой вопрос: как и чем питались гренадеры Белозерцы Петровских времен? «Кроме жалованья полку отпускались еще деньги на провиантское и приварочное довольствие, по расчету на каждого в год: муки 3 четверти, круп 1 четверть 4 гарнца, соли 24 фунта и на мясо 74 копейки». Поясним: «четверть» или «куль» — рогожный мешок, куда входило 6,25 пуда ржи, а пуд — это 16 с небольшим килограммов. Гарнец или осьмушка — одна восьмая четверти. Фунт — примерно 410 грамм. С голоду, конечно, не умрешь.

При расположении на квартирах полагается еще «сервиз», то есть укус, дрова, свечи, постель, «по случаю прибавлялись и прочие употребляемые вещи к пище».

В военное время полагались «порционы» всем чинам полка. Один порцион состоял из 2 фунтов хлеба, 1,5 гарнца круп в месяц, 2 фунтов соли в месяц, 2 чарок вина и 1 гарнца пива. «Чарка» или два шкалика — это 0,12 литра, значит, по-нынешнему две чарки — это граненый стакан. Если в день, то неплохо.

С Петровского времени Белозерский полк получал довольствие из доходов городов, в которых квартировал, для чего с каждого лица мужского пола взыскивалось на полк по 74 копейки в год выбранным от города земским комиссаром (вот еще когда появились эти «экспроприаторы» комиссары!).

Время не сохранило сведений о первоначальном цвете обмундирования Белозерского (гренадерского князя Репнина) полка, но, исходя из того, что полк получал обмундирование из восьми разных полков, он неминуемо должен был представлять сильнейшую пес-

троту в цветах этого обмундирования. Кстати, и довольствие Белозерцы на первых порах до 1725 года получали из этих же восьми полков, откуда были выделены роты для создания новой полковой единицы.

Первоначальное вооружение полка состояло из ружей кремневой системы, называемых фузеи с железным стволом, вначале с деревянным, а впоследствии с железным шомполом и погонным ремнем. С 1709 года введены штыки плоские и трехгранные, надеваемые на ружейное дуло при помощи штыковой трубки. С этого же времени полагались шпаги. Кроме того, на полк отпускалось 3072 рогаточных копья, которые служили в военное время для составления рогаток с целью прикрытия фронта пехоты против кавалерийских атак.

Вооружение и снаряжение рядового гренадера составляли: фузея, шпага с португеей, лядунка (сума, предназначенная для хранения 12 патронов), гранатная сума, ранец и водоносная фляжка.

Музыкантский инструмент состоял из флейт, гобоев и барабанов. Флейта и гобой — пальмового дерева. Барабаны — деревянные. Они окрашивались зеленой краской и имели на красном поле двуглавого орла. Барабаны носились на лосиной перевязи через правое плечо, как это и ныне.

Полковой обоз состоял из 65 телег, на которых возились запасы провианта, огнестрельные припасы, шанцевый инструмент и лагерь из 218 палаток.

Полковая артиллерия состояла из двух трехфунтовых пушек. Орудия были настолько легки, что перевозились на паре лошадей.

Так как гренадерским полкам знамен не полагалось, то Белозерскому полку назначены были таковые после его переформирования в пехотный, в первый раз 16 февраля 1727 года.

Знамен было назначено по числу фузелерных рот — семь, из которых одно белое (полковое) и шесть цветных. Белое знамя имело посередине вензельное изображение имени Петра Великого, окруженное ветвями, писанными серебром и золотом.

Сформированный на театре военных действий Белозерский (гренадерский князя Репнина) полк долгое время не имел постоянных квартир, да они ему и не нужны были, потому что, как мы видели выше при описании военных действий, время царствования императора Петра Великого полк провел в непрерывных войнах, сначала со шведами, потом с турками и снова со шведами. По окончании Северной войны в 1721 году Белозерский полк расположился в Риге, где впервые провел 12 лет мирной жизни, пока польская война 1733 года снова не призвала его к оружию.

Дисциплина того времени отличалась суровостью, особенно в военное время. Накладываемые взыскания заносились в формулярные списки. Того, кто с поля боя бежал, судили, казнили. Дезертиров же без суда на первом дереве вешали. Наказывали шпицрутенами, существовали и иные телесные наказания. Но эти военные статьи-артикулы Петра Великого были написаны больше для устрашения, на деле такие жесткие меры принимались чрезвычайно редко.

Любопытно, что в игре картами не разрешалось проигрывать больше рубля. Проигравший больше, не должен был платить, в противном случае виновные наказывались по суду.

Комплектование полка нижними чинами в царствование императрицы Анны Иоанновны производилось в прежнем порядке, то есть пополнением рекрутами, получаемыми посредством рекрутских наборов, а также добровольно нанимающимися, вследствие чего являлись и беглые. «Порядок сдачи рекрут, — пишет А. А. Керсновский, — был настоящей язвой нашей военной системы. Люди отправлялись в полки, зачастую за тысячу верст, обычно осенью и зимой. В рекруты сдавали многих заведомо негодных по здоровью и бесполезных общине. Смертность среди рекрут в пути и по прибытии была громадна, побегии были тоже часты и до полков доходила едва половина. Например, в набор 1756 года приговорено к отдаче 43 088 рекрут, сдано приемщикам 41 374, отправлено теми в полки 37 675, прибыло 23 571».

Полковой герб, утвержденный 8 марта 1730 года, был следующий: в золотом щите, на голубом поле, Белое озеро с двумя желтыми, на крест расположенными стерлядями, а над ним белый месяц и желтый крест.

Гренадеры, имея то же обмундирование, что и фузелеры, носили вместо шляп суконные шапки с зеленым верхом и красным клапаном и опушкой. В передней части шапки помещалась медная бляха с изображением полкового герба, на задней прикреплялось медное изображение пылающей гранаты.

Двадцать восьмого октября 1731 года полку было пожаловано 4 знамени, по два на батальон: одно белое и три цветных. Белое знамя имело посредине двуглавого орла с орденской цепью и крестом Андрея Первозванного, посредине орла — полковой герб. Цветные знамена — зеленые с красными флагами; посредине полковой герб.

Мы оставили Белозерский полк квартирующим в Риге. Открывшаяся в 1733 году Польская война, вызвала Белозерцев на театр военных действий и в течение 6 лет она не возвращались на свои квартиры, сражаясь сначала с поляками, а затем с турками. По окончании этой последней войны полк, как мы видели выше в описании военных действий, возвратился в 1739 году в Ригу, откуда затем перешел в город Дерпт.

Однообразный состав офицеров способствовал развитию в их среде единства и товарищества (в эти годы начала зарождаться полковая семья), а также правильному установлению дисциплинарных отношений между ними и солдатами, привыкшими до поступления на военную службу повиноваться им, как дворянам-помещикам.

Срок службы нижним чинам, по-прежнему, определен не был. Что же касается офицеров, то указом от 18 февраля 1762 года дворянам была представлена полная свобода служить, кто сколько пожелает.

Боевой порядок войск был линейный, с небольшими резервами между 1-й и 2-й линиями, называвшимися полковыми. Сила этих ре-

зервов определена не была. Между линиями было 300–500 шагов, в зависимости от местности. Полковая артиллерия была впереди полков, построенных в развернутые батальоны, а полевая, разделенная на бригады, впереди фронта и на флангах.

Бой начинался артиллерийским огнем, которому придавалось особое значение; пехота должна была выдерживать огонь до возможной степени и не расстреливать патроны даром.

Вторая линия могла подкрепить первую не иначе, как по приказанию генералов или для поддержки, или в случае прорыва первой линии, если это не могло быть сделано резервами.

Бой должен был закончиться штыковой контратакой с барабанным боем и музыкой.

Императрица Елизавета Петровна отменила смертную казнь. Тем не менее, наказания за проступки и преступления были очень строги. Так, за побег виновные наказывались шпицрутенами через строй полка 3–6 раз или через тысячу человек 8–9 раз. Наказания на офицеров накладывались следующие: разжалование в рядовые на определенный срок, арест и назначение не в очередь на службу.

Указом 20 ноября 1775 года полковой герб оставлен лишь на знаменах; на остальных же предметах снаряжения, как то: на патронных сумах, гренадерских шапках и барабанах велено было иметь государственный герб.

Существенные изменения в обмундировании и вооружении нижних чинов произведены были по указу от 10 апреля 1786 года. Указом этим отменены длинные кафтаны, камзолы с рукавами, штилеты, башмаки, пудра, пукли, косы, шляпы и шпаги. Волосы стриглись коротко — в скобку.

По окончании Семилетней войны Белозерский полк в конце 1762 года расположился на квартирах в Смоленске. Отсюда на следующий год выступил в Польшу для наблюдения и преследования конфедератов, где пробыл до 1768 года, когда выступил на войну с Турцией.

По окончании последней полк в конце 1774 года возвратился в Россию и расположился на квартирах в Курске. В Курске полк пробыл до 1783 года, а затем перешел в Санкт-Петербург. Открывшаяся в 1788 году Шведская война вызвала Белозерцев на театр военных действий, откуда они в конце 1790 года вернулись снова в Петербург.

Императрица Екатерина II, сообразуясь с духом времени и постепенным изменением нравов, своей «Инструкцией для пехотного и конного полка полковников», объявленной в 1766 году, предписывала полковникам «пещись им о подчиненных своих, как отцам о детях, и поддерживать честь вверенных им полков».

Пробыв в Санкт-Петербурге до начала 1797 года, полк перешел на постоянные квартиры в Новгороде, где за исключением военного времени пробыл до 1810 года, когда перешел в Линабург для производства крепостных работ.

По окончании войны 1814 года полк расположился на квартирах в крепости Замостье, откуда, спустя несколько месяцев, вновь вы-

ступил во Францию. По возвращении оттуда, Белозерцы расположились в Витебской губернии. Здесь полк пробыл до 1822 года.

До 1834 года действовала Екатерининская система комплектования армии. Согласно ей, каждому дворянину было предоставлено право служить или не служить. Нижним чинам были назначены следующие сроки службы: рекрутам из податных сословий — 25 лет, солдатским детям и церковным — 15 лет. Николай I, чтобы уменьшить государственные расходы на содержание армии, но сохранить наличное число войск и вместе с тем дать возможность заслуженным солдатам возвратиться на родину в летах еще не преклонных и следовательно способными быть полезными в своей семье, указом от 30 августа 1834 года повелел: нижних чинов, прослуживших беспорочно 15 лет, увольнять от действительной службы с зачислением их в запас по роду оружия. Таким образом, получили свое начало запасные войска.

Открывшаяся в 1828 году Турецкая война вызвала Белозерцев из крепости Бобруйска на поле брани, где они пробыли до конца 1829 года, когда после заключения Адрианопольского мира, возвратились в начале 1830 года в Россию и расположились на квартирах в городе Поречье Смоленской губернии. Простояв здесь лишь несколько месяцев, Белозерский полк 14 января 1831 года двинулся для подавления польского восстания и затем расположился в городе Лович. Затем был переведен в Гродно, снова в крепость Бобруйск и, наконец, в Могилев.

Последние 22 года мирной жизни полка прошли в передвижении его из Польши в Россию и обратно. Не говоря уже о том, что при таких условиях нельзя было ничем обзавестись, и все жили как на биваке, само обучение полка велось с крайними затруднениями, особенно, если вспомнить, что Польский и Венгерский походы отличались большой смертностью личного состава полка вследствие холеры.

В описании военных действий мы видели, что в первый день штурма Варшавы 25 августа 1831 года погиб славной смертью героя любимый глава полка полковник Иван Гурьевич Хлуднев, командовавший полком с 1823 года. Место его тотчас занял командир 1-го батальона подполковник Иосиф Романович Бужинский, вскоре произведенный в полковники с назначением командиром Белозерского полка. Произведенный в 1834 году в генерал-майоры, он сдал полк полковнику Александру Ивановичу Шепелеву, человеку энергичному, высоко честному, отличавшемуся деликатностью в обращении с подчиненными, считавшему выговор, сделанный офицеру, одним из строгих взысканий. Александр Иванович отличался большой набожностью. По его инициативе сооружен был в полковую церковь на пожертвованные им и чинами полка деньги большой серебряный подсвечник. Прокомандовав полком восемь лет, А. И. Шепелев был произведен в 1842 году в генерал-майоры, сдав полк полковнику Василию Ивановичу Бренштейну. Последний командовал Белозерцами до 1849 года и сдал, в свою очередь, полк полковнику Михаилу

Евстафьевичу Шефлеру, с которым полк совершил Венгерский поход 1849 года.

В царствование Александра II и Александра III срок действительной службы для нижних чинов был снова сокращен сначала до тринадцати лет, затем с введением общесословной воинской повинности в 1874 году до шести и, наконец, до пяти лет. Александр II уничтожил позорные и жестокие телесные наказания.

29 августа 1859 года в Белозерском полку происходило великое и редкое торжество — прибавка Георгиевских знамен, пожалованных 1-му и 2-му батальонам полка за подвиги, мужество и храбрость, оказанные при обороне Севастополя. Прибавка знамен происходила на квартире командира полка. К четырем часам пополудни собрались в парадной форме все штабс- и обер-офицеры, три старших портупей-юнкера, все фельдфебели, по одному унтер-офицеру и по два рядовых с роты. На следующий день состоялось освящение этих знамен.

Наступил 1877 год, а с ним и Русско-турецкая война. Белозерцы, получившие еще в конце 1875 года малокалиберные винтовки, со дня на день ждали приказа о мобилизации и жаждали, как можно скорее обогреть свои штыки кровью притеснителей их братьев болгарских славян. Но мечты их не осуществились. Лишь очень немногие командированы были в действующую армию (к примеру, 54 человека нижних чинов).

По прибытию в 1889 году Белозерского полка в польский город Ломжу началось строительство казарм. Еще император Николай I собирался для всей русской армии построить хорошие казарменные помещения, но, когда подсчитали затраты на их сооружение, то прослезилась — нужен был один миллиард рублей. Работы растянулись на несколько десятилетий, строительство закончилось при Александре III в 90-х годах.

Белозерский полк справил новоселье в казармах в сентябре 1891 года, завершив свою скитальческую жизнь по селам и деревням. С переходом в казармы для Белозерцев началась иная жизнь. Общество офицеров заметно сплотилось и вскоре образовало, действительно, одну семью. Число побегов солдат сократилось. Дисциплина окрепла. Даже довольствие улучшилось. Кроме того, открылись полковая чайная и лавочка.

Вполне прилично устроилось офицерское собрание. По инициативе полковника Ямщикова началось строительство полковой церкви, на которую офицеры своим общим решением решили жертвовать один процент из своего ежемесячного жалования. Не остались в стороне от благого дела и солдаты.

В связи с тем, что казармы отстояли от города на два километра, полк завел беговые дрожки на 12 человек для доставки к началу утренних и послеобеденных занятий и обратно на квартиры в город офицеров.

Встречи Нового года, полковые праздники отмечались всей Белозерской семьей с приглашением офицеров из расквартированных

в Ломже Олонецкого и Волынского полков. Танцы продолжались до пяти часов утра.

«Повеселившись, — заканчивает свою летопись историк полка, — Белозерцы с полной энергией принимаются снова за службу, и никто не может сказать, что они забывают службу ради веселья».

А на дворе уже стоял XX век. Началась война с Японией. Телеграммой от 21 января 1904 года было приказано Белозерцам выделить по жребию одну роту в Восточно-Сибирский стрелковый полк. Охотников поступить в эту роту нашлось великое множество. На протяжении 2005 года еще не раз солдаты Белозерского полка отправлялись в командировки в далекую Манчжурию.

Через три года Белозерцы отмечали свой круглый юбилей — полку исполнилось 200 лет. В память этого события был выпущен знак 13-го пехотного Белозерского полка. Он представлял собой золотой Очаковский крест с надписью на трех концах: «Полтава, Бородино, Севастополь». На нижнем конце юбилейные даты: «1708–1908». Между концами креста серебряные вензеля: Петра I, Александра I, соединенные вензеля Николая I и Александра I, Николая II. В центре знака известный нам герб Белозерского полка.

В 1914 году в полном составе Белозерцы выступят на Первую мировую войну. Для полка начнутся тяжелые военные испытания.

В ОКОПАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

До убийства в Сараево 15 (28) июня 1914 года эрцгерцога Франца Фердинанда, послужившего предлогом для развязывания кровавой европейской бойни, 13-й Белозерский пехотный полк под начальством полковника Д. Д. Дженева входил в 4-ю пехотную (первоочередную) дивизию VI армейского корпуса Н. Н. Комарова с местом дислокации в Варшавском военном округе в городе Ломжа.

Этот губернский городок, бывшая столица Мазовии, располагался на реке Нареве, в 14 верстах от станции «Червонный Бор» Привислянских железных дорог. Население его составляло 27 тысяч человек, большинство из которых были поляки и евреи. В Ломже имелся собор и две военные церкви: одна — Белозерского полка*, а другая — Олонецкого.

С объявлением войны пехотные дивизии заканчивали свою мобилизацию на восьмой день, после чего приступали в погрузке. VI армейский корпус, входивший во 2-ю армию, выполнял ответственную и почетную задачу прикрытия, пока на местах проходила мобилизация. На долю этих войск выпали первые военные действия и пришлась первая кровь убитых в Мировой войне. Вероятно, уже 28 июля Белозерцы участвовали вместе с 4-й кавалерийской дивизией в бою с частями 20-го германского корпуса у Бялы.

Ставка образовала Северо-Западный фронт под командованием генерала Жилинского, на котором предстояло действовать Белозерскому полку. 2-ю армию возглавил генерал Самсонов.

СПРАВКА: Александр Васильевич Самсонов (1859–1914) — участник войны 1877–1878 годов, в 1904–1905 годах — генерал-майор, командовал Уссурийской казачьей бригадой и Сибирской казачьей дивизией. В 1906 году начальник штаба Варшавского военного округа, с 1907 года — наказной атаман Донского войска, генерал-лейтенант. С 1909 года туркестанский генерал-губернатор и командующий Туркестанским военным округом, атаман Семиреченского войска. С 1910 года — генерал от кавалерии. В 1914 году командовал 2-й армией Северо-Западного фронта.

* Церковь Белозерского полка была освящена в честь святителя Николая Чудотворца. Так как Белозерцы долгое время не имели казарм, переходили с одного места расквартирования на другое, то у них существовала с конца XVIII века походная церковь. Она сопровождала полку в Отечественную войну 1812 года, при взятии Варшавы в 1831 году, в Севастополе в 1854–1855 годах. Ломжинская церковь помещалась в отдельном, расположенном на окраине города, каменном здании, освященном 5 декабря 1895 года. Здание церкви и внутреннее устройство, как мы знаем, было построено на средства офицеров и нижних чинов полка, прежде всего, полковника Ямщикова. Иконостас, трехъярусный, резан солдатами Белозерцами. Колокольня с 6 колоколами была устроена над папертью церкви. Церковь вмещала до 900 человек (!). Из предметов старины в церкви имелись: 1) полковой образ Николая Чудотворца, в серебряной чеканной ризе, старинного письма; 2) образ Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, 200-летней древности. Где сейчас эти святыни Белозерцев? Вопрос риторический. Сохранилось ли само здание церкви? Может быть, кто-то из читателей этой книги окажется в тех местах, узнает адрес храма и поклонится, найдя его, славным Белозерцам.

В VI корпус генерала Благовещенского входили 4-я и 16-я пехотные дивизии. Всего на фронте было сосредоточено 16 пехотных и 8 кавалерийских дивизий. В конце июля Ставка, подсчитав силы фронта, и найдя двойной перевес над немцами, приказала генералу Жилинскому перейти границы Восточной Пруссии на 14 день мобилизации. Но гладко было на бумаге, да забыли об овраге. А в немецких оврагах находились еще немало резервных дивизий, которые были не учтены при планировании операции.

Итак, Белозерцы двинулись вместе со 2-й армией в обход Мазурских болот. VI корпус, где состоял Белозерский пехотный полк, в результате спешки и тыловой неурядицы, остался недоукомплектованным: из 32 батальонов имелось в наличии лишь 24. Но на это мало обращали внимание. Командующий 2-й армией генерал А. В. Самсонов был отличным кавалеристом, занимал ответственные штабные посты, но не командовал ни корпусом, ни даже пехотной дивизией. Связь с армией отсутствовала, единственным средством был радиотелеграф, сообщения по которому не шифровались и легко перехватывались противником.

«Корпуса, — пишет А. А. Керсновский, — наступали безостановочно по сыпучим пескам, без обозов, не получая хлеба по несколько дней. Генерал Самсонов пытался двинуться в северо-западном направлении, вдоль железной дороги — единственной питательной артерии, и это вызвало большое раздражение у генерала Жилинского, канцелярского деятеля, совершенно не знакомого с войсками, не понимающего, что войскам нужно есть. Его понукания каждый день становились всё более резкими: легкомысленно наобещав союзникам наступление на 15-й день, он отыгрывался на подчиненных».

Девятого августа корпуса 2-й армии подошли к границе. Они двигались навстречу гибели.

Бездарное руководство фронтом, не рассчитав силы противника, втягивало армию Самсонова на север. Тем временем на правом фланге 20-го германского корпуса спешно высаживался 1-й армейский корпус для удара в левый фланг русских. С востока подходили 1-й резервный (немецкий) корпус и 17-й корпус для удара по нашей армии справа. Немецкие командующие прекрасно знали все русские планы: нашли документы в сумке убитого русского офицера с планами наступления и перехватывали все радиопеши. Войска Самсонова растянулись по фронту на 120 верст, не зная о судьбе соседних частей, не представляя себе, где и что с противником.

Тринадцатого августа VIII германская армия ударила в оба фланга нашей 2-й армии. На правом фланге, при Грос Бесау, русская 4-я пехотная дивизия VI армейского корпуса (где были Белозерцы) была атакована 1-м резервным и 17-м армейскими германскими корпусами и разбита. Командующий корпуса генерал Благовещенский, видя разгром, в страхе бежал. 4-я дивизия в бою у Грос Бесау лишилась 73 офицеров, 5283 нижних чинов, 16 ору-

дий и 18 пулеметов. Никогда еще Белозерцы не терпели такого поражения.

Остатки корпуса вслед за беглецом командиром откатились на юг, за границу. Немцы его не преследовали, понимая, что их ждет более серьезная добыча.

Пока VI корпус шел обратно, оба германских корпуса, которые его разбили, повернули в охват нашей центральной группы. Над 2-й армией нависла смертельная угроза.

Понимая, что потеряно управление, генерал Самсонов совершил опрометчивый поступок — сам отправился в сражающиеся войска, чем полностью дезорганизовал свою армию. Наконец, 16 августа, как пишет историк, наступила агония. Сокрушительный удар генерала Франсуа по тылам привел к неслыханному разгрому. Генерал Мартос, командующий нашим XV корпусом попал в плен, генерал Самсонов в отчаянии застрелился. Генерал Ключев еще кое-как наладил отход тремя колоннами, но в тяжелых боях 17 и 18 августа и эти колонны погибли. Сам генерал сдался в плен... Совершилось величайшее несчастье отечественной военной истории (после Нарвы 1700 года): наши потери исчислялись 100 000 человек.

«Самсоновской катастрофе», как ее нарекли историки, посвящены многочисленные сочинения, в том числе и роман А. И. Солженицына «Август Четырнадцатого». Отступление VI корпуса и вялые действия I корпуса, наступавших на флангах, были одной из причин поражения, но не главной. Вся вина за разгром должна лечь не на простых солдат, которые затягивались в мышеловку, расставленную германцами, а на их командование, не знавшее ни численности противника, ни его дислокацию. Это оно, самсоновское руководство, растянуло линию фронта, не имея связи со своими же войсковыми частями. Как еще кто-то выжил в этой кровавой мясорубке, приходится только удивляться.

Остатки 2-й русской армии возглавил генерал Шейдеман.

СПРАВКА: Сергей Михайлович Шейдеман (1857–1920) — генерал от кавалерии, командовал в 1914 году II армейским корпусом, в сентябре 1914–1915 годов — 2-ой армией, в 1916–1917 годах — I Туркестанским корпусом. С 1920 года служил в Красной Армии.

Германское командование пока решило оставить в покое разгромленные войска 2-й армии и освободить от русских Восточную Пруссию. В результате сильнейших боев, длившихся до конца августа, мы понесли серьезные потери. В общей сложности наш первый поход в Восточную Пруссию стоил нам 250 тысяч человек, 500 орудий. Потери серьезнейшие, но куда опаснее явилось изменение общественных настроений в России. Эйфория начала военных действий прошла, патриотический дух испарился. После катастрофы самсоновской армии общество впало в острый критицизм всего и вся, который в конечном итоге вместе с другими факторами привел к двум русским революциям.

* * *

Еще с 1857 года был сформирован из 4-го батальона и бессрочно отпускных 5-го и 6-го батальонов Белозерского пехотного полка Белозерский резервный пехотный полк. С 13 августа 1863 года он получил название Лифляндского пехотного, через полгода он стал 97-м пехотным Лифляндским, а 25 марта 1891 года ему было присвоено имя генерал-фельдмаршала князя Шереметева. Резервами, новобранцами и добровольцами быстро пополнился личный состав Белозерского пехотного полка. Он вновь стал боеспособным, готовым для ратных дел. Ни своих знамен Белозерцы не сдали, ни честь свою не уронили. Отечественные историки не могли простить отхода VI корпуса, поставившего армию Самсонова в тяжелое положение, но выбора у пехотинцев не было: по вине руководства всякая связь со штабом армии была потеряна, корпус разбит и не мог в тот момент оказать какое-либо существенное сопротивление германским силам.

С 3 сентября армии Северо-Западного фронта возглавил генерал Рузский.

СПРАВКА: Николай Владимирович Рузский (1854–1918) — участник войн 1877–1878 годов и 1904–1905 годов, генерал-майор, начальник штаба 2-й Маньчжурской армии, генерал-лейтенант, командовал корпусом в 1906–1909 годах. Генерал от инфантерии (1909 год). Разрабатывал военный устав 1912 года. В 1914 году командовал 3-й армией, с сентября — Северо-Западным фронтом, с 1915 года член Государственного Совета, командующий 6-й армией и в 1916–1917 годах — Северным фронтом. С апреля 1917 года в отставке. В сентябре 1918 года казнен как заложник по приказу штаба Красной Таманской армии.

Н. В. Рузский планировал в осеннюю кампанию 1914 года новую операцию в Восточной Пруссии. В результате многочисленных согласований со Ставкой, выработки новых планов операций, 2-ю армию решено было передать Юго-Западному фронту и последнему предпринять с фронта Варшава — Ивангород наступление в сердце Германии.

Но пока выработывалась стратегия русского наступления, австро-германские армии 15 сентября сами нанесли удар по нашим войскам. Белозерцам пришлось сражаться в хорошо знакомых им местах под Варшавой. Боевые действия протекали вяло, 2-я армия сражалась плохо, отчего Ставка вынуждена было форсировать наступление 4-й армии от Ивангорода. Н. В. Рузский вступил в командование 2-й и 5-й армиями, подчинив себе варшавское направление.

Военные историки выяснили, что над частями 2-й армии довлел страх самсоновской катастрофы, страх за свои фланги сковывал все их движения. Но вместе с другими силами группировка русских войск под Варшавой представляла для противника серьезную опасность. Переборов робость, в октябре 2-я армия начала продвигаться вперед, и 11 октября германские войска были отброшены за Равку.

17 октября 2-я армия заняла Лодзь. Казалось бы, разгром противника налицо, но нерешительная Ставка отказалась от его преследования, чем вызвала гневное восклицание историка А. А. Керсновского: «Достойным удивления является не то, что русская армия не могла победить Германию и Австро-Венгрию, а то, что она вообще могла воевать при наличии подобного руководства!»

В конце октября все-таки было решено силами 2-й, 5-й, 4-й и 9-й армий (всего 16 корпусов), растянутых на фронте на 250 верст, осуществить глубокое вторжение в Германию. Наши горе-стратеги не учли, что для успеха такой операции нужно было еще разгромить противостоящие на фронте армии противника.

Стоило лишь начать операцию, как войска увязли в тяжелых сражениях. Более того, над 2-й армией генерала Шейдемана вновь нависла угроза окружения с тыла. Не везло этой армии! Менялись ее командующие, но малокомпетентное руководство Ставки каждый раз подставляло русских солдат, и Белозерцев в том числе, под фланговые и тыловые охваты, и лишь ответная бездарность германского командования не доводила все эти бои и сражения до результатов самсоновской катастрофы. Разве можно считать удачными итоги Лодзинского сражения, в котором бились Белозерцы: с германской стороны общий урон — 50 тысяч человек и 23 орудия, с нашей — 110 тысяч человек и 120 орудий?!

Наступление на Германию, как и можно было ожидать, захлебнулось, войска отводились на прежние позиции. По итогам сражений генерала Шейдемана, командующего 2-й армией, заменил генерал В. В. Смирнов. Генерал Гурко командовал VI армейским корпусом.

Наконец-то Белозерцам повезло с командующим!.. Генерал-лейтенант В. И. Гурко в начальный период войны возглавлял 1-й кавалерийскую дивизию, с осени 1916 года командовал Особой армией, а после революции оказался в эмиграции. Он проявил себя мужественным и ответственным командиром, под его руководством VI корпус сражался грамотно и успешно.

Первая зимняя кампания не принесла противоборствующим сторонам особых успехов, но выявила серьезную для русских войск проблему: армии катастрофически стало не хватать боеприпасов. Уже к зиме 1914–1915 годов установился настоящий снарядный голод. В пехоте треть солдат не имела оружия (!). Всё это свидетельствует о плохой подготовке русской армии к ведению боевых действий, и вместе с ошибками командования, стратегическими и тактическими просчетами вело к обидным поражениям и крупным неудачам. К примеру, 22 и 23 января 1915 года состоялось сражение частей 2-й армии за малозначительный фольварк, в ходе которого немцы изрядно потрепали наши ряды. Генерал Гурко заранее протестовал против этой абсурдной операции, не решающей никакие задачи, но генерал Рузский настоял на сражении. В результате VI корпус потерял за эти дни 353 офицера и 39 720 солдат. Особенно пострадала 4-я дивизия, в рядах которой сражались Белозерцы.

13 марта генерал Рузский заболел и на его место главнокомандующим Северо-Западным фронтом был назначен генерал Алексеев.

* * *

В 20-х числах мая VI армейский корпус генерала Гурко был придан левому флангу 11-й армии, которая всё это время вела упорные бои. С 27 мая по 2 июня эта армия под командованием генерала Щербачева нанесла сильное поражение Южной германской армии. Причем, отличился в боях под Журавно VI армейский корпус. Давно он мечтал отомстить за самсоновское поражение!.. Корпус фланговым ударом по собственному почину генерала Гурко успешно атаковал противника. В боях особенно досталось 3-й германской гвардейской дивизии. Пленными русские войска взяли 410 офицеров и 18 200 нижних чинов, отбили 23 орудия и 77 пулеметов.

Но общая обстановка, сложившаяся на фронтах Мировой войны, была не в нашу пользу. Третья Галицийская битва не принесла нам успеха, русские войска провели ее с огромными потерями, которые поставили на кон само существование всей нашей армии.

Кампания 1915 года закончилась большим нашим отступлением, созданием нового фронта — Западного. Командующим в 5-ю армию был назначен храбрый и успешный генерал Гурко. Только осенью 1915 года войска Юго-Западного фронта оправались от поражений и перешли к наступательным действиям. «Германские армии, — делает вывод историк, — захлебнулись в русских пространствах».

...С переменным успехом бились Белозерцы. Кровавопролитные бои, газовые атаки противника, большие потери — эта война полку давалась с огромным трудом. Впрочем, как и всей русской армии. Весна и лето 1915 года обошлись нам потерей четверти миллиона человек и 2600 орудий. Были утрачены Польша, Литва и Курляндия, потеряна вся стратегическая железнодорожная сеть. В кампанию 1915 года были уничтожены кадры регулярной русской армии. По сути, военные действия вели ополченцы.

В 1916 году VI армейский корпус, куда входила 4-я пехотная дивизия и Белозерский полк, участвовал в наступательных боях, в Брусиловском прорыве.

Подведем вместе с А. А. Керсновским итог: «За три года Мировой войны мы потеряли в три раза больше людей, чем за все остальные войны России — от Азова до Мукдена. Вся Русско-японская война составляет только один месяц Мировой войны. Это позволяет судить о том напряжении, какое потребовалось от наших войск в 1914, 1915, 1916 годах... Боевое напряжение, потребовавшееся от русских офицеров и солдат Мировой войны, в десятки раз превзошло то, что требовалось в свое время от их предков. И в то же время им гораздо меньше было дано. Неунывающий суворовский чудо-богатырь служил ведь всю свою жизнь и в отставку выходил либо за старческой дряхлостью, либо “за бесчеловечием” (когда от ран или

увечий терял человеческий облик). Победители Наполеона служили 25 лет. Они были воинами в самом широком понятии этого слова. А вооруженные русские люди Мировой войны — прапорщики и рядовые — обучались военному делу едва три месяца, а то и шесть недель...

Условий борьбы русской армии не выдержала бы никакая армия в мире. Германская армия в кампанию 1918 года была поставлена в тактические и технические условия несравненно более легкие, чем русская армия летом и осенью 1915 года. Армия кайзера стала на колени. Армия русского Царя с честью выдержала жесточайшее испытание...».

* * *

Вспоминаются слова вологодского ветерана, услышанные моим отцом на Каменном мосту Вологды в день начала Второй мировой войны: «Эх, не дали нам его добить!..» Он — это немец. Кайзеровскую Германию добивала Антанта, но уже без нашей помощи.

Спустя 30 лет мой отец, лейтенантом, командующим взводом саперной разведки, сражался на Сандомирском направлении в тех же местах, где в 1914 году отличился 18-й Вологодский пехотный полк полковника Ступина в составе 5-й дивизии IX армейского корпуса 3-й армии Юго-Западного фронта. В 1944 году на том же Сандомирском платцдарме бился с противником кавалерийский Белозерский полк. Ну, никак не могут поля европейских сражений обойтись без вологжан!..

Военная история, особенно в XX и в наступившем XXI веке, стала больше зависеть от политиков, от продуманных или, наоборот, от их не взвешенных решений. Большая доля ответственности в этих действиях падает на руководство стран. Военные исполняют лишь приказы.

Опыт тотальных войн XX века говорит нам об одном: человечество подошло к опасной границе самоуничтожения, имея столь грозное оружие, и только коллективный разум, объединение всех стран в борьбе против военного насилия, может отодвинуть нас от смертельной черты в истории земной цивилизации.

ПОД БЕЛЫМИ ЗНАМЕНАМИ

Когда был ликвидирован Белозерский пехотный полк Императорской армии? Легко предположить, что сразу после Октябрьской революции, когда перестала существовать и вся прежняя царская армия. Слова «ликвидирован» и «перестала существовать» не совсем точно рисуют историческую ситуацию. Ни при каком социально-общественном перевороте, смене власти и даже формации не жертвуют национальной силой, единственно поддерживающей государственность, — армией. Она переформируется, воссоздается на новых основах, с новыми атрибутами, но, как военная машина продолжает существовать и выполнять свои функции.

И хотя Россия в 1917 году стояла на пороге социально-политической, экономической и военной катастрофы (только вооруженных дезертиров из действующей армии насчитывалось полтора миллиона человек), немало воинских подразделений, оставаясь верными присяге и своим знаменам, исправно несли свою службу. Армия не разбежалась вмиг и не родилась заново 23 февраля 1918 года. Всё это легенды. Большинство русских полков, будучи переименованными, оказались под красными знаменами, а для тех, кто был с этим не согласен (как многие офицеры), открылась возможность продолжить службу, вернее, — военные действия Гражданской войны под белыми стягами.

Совершенно случайно мы установили дату переименования 13-го Белозерского пехотного полка. В биографии видного чекиста, капитана ГБ С. Г. Южного, репрессированного в 1939 году, имеется запись, что он служил рядовым 13-го Белозерского пехотного полка с мая 1916 года, когда был призван в действующую армию, до января 1918 года. Следующая строчка биографии С. Г. Южного гласит, что с января того же года он продолжил солдатскую службу в 1-м Интернациональном полку. Значит, Белозерский полк получил в Красной армии (ее рождение официально произошло через месяц) наименование 1-й Интернациональный.

Далее можно бы было проследить боевой путь этого соединения, в какой-то мере наследника Белозерцев, если бы буквально через год и в Красной, и в Белой армиях не образовались два полка — один пехотный, другой кавалерийский, называвшихся Белозерскими.

К ним мы и обратимся, продолжая свой рассказ.

* * *

Не составит труда догадаться, что многим офицерам Белозерского пехотного полка по своим политическим убеждениям и, очевидно, сословным, по кодексу чести не представлялось возможным продолжить свою службу в обновленном полку Красной армии. Выход они искали в продолжение своей офицерской карьеры в частях, которые встали на путь борьбы с новой властью России.

Так рождалась белая Добровольческая армия и Вооруженные силы Юга России (Южная армия).

Бывшим Белозерцам в какой-то степени помогло то, что их полк к моменту переименования и включения в состав молодой Красной армии, дислоцировался в Крыму. В Киеве, летом 1918 года начала формироваться союзом «Наша Родина» белая Южная армия. Гетман Скоропадский поддерживал идею ее создания, передав в нее кадры 4-й пехотной дивизии — офицерский состав Белозерского и Олонецкого полков, из которых еще весной предполагалось создать отдельную Крымскую бригаду украинской армии. Вместе с офицерами 19-й и 20-й пехотных дивизий Белозерцы и Олонцы стали основой для 1-й и 2-й дивизий Южной армии, а в начале 1919 года организационно вошли в состав Добровольческой армии 5-й дивизией и уже сформированным 13-м Белозерским полком 3-й дивизии. Последняя была сформирована в начале июня 1918 года (с 21 мая 1919 года — пехотная).

Велико было желание Белозерцев, сохранивших свои знамена и штандарты, продолжить боевую историю родного полка!.. Сами по себе эти настроения понятны, хотя к тому времени, как справедливо замечает видный историк Белого движения С. В. Волков, «пехотные полки в ходе мировой войны почти полностью лишились кадровых офицеров — носителей традиций полка, поэтому их возродить было труднее». Мы уже, наверное, никогда не узнаем, из каких побуждений действовали те, кто решился на то, чтобы сохранить родную для себя Белозерскую семью!..

Но были среди командиров полка офицеры, судьбу которых мы выяснили лишь в недавнее время. Среди тех, кто занимался их биографиями, кто описал историю белого Белозерского полка, был хорунжий Иван Никитич Горяйнов, который работал в эмиграции в редакции журнала «Военная Быль» (Германия). Он скончался в октябре 1984 года в Гамбурге. В сентябре 1973 года в журнале был опубликован очерк И. Н. Горяйнова «13-й пехотный Белозерский генерал-фельдмаршала князя Волконского полк в Гражданскую войну», который мы в сокращении перепечатаваем.

«13-й пехотный Белозерский генерал-фельдмаршала князя Волконского полк, — писал И. Н. Горяйнов, — один из старейших полков Российской армии, был основан императором Петром I в 1708 году. Полк имел Георгиевское знамя за Севастополь, и все его четыре батальона — знаки на шапки с надписью “За Варшаву 25-го и 26 августа 1831 года”.

Старый полк возродился в Гражданскую войну, во время боев за Донецкий бассейн. Как и другие формирования Добровольческой армии, полк вырос из небольшой группы офицеров полка и, постепенно впитывая в себя офицеров-однополчан и однодивизионников (4-й пехотной дивизии) Олонецкого, Шлиссельбургского и Ладожского полков и усиливаясь пополнением из добровольцев, мобилизованных и пленных, разворачивался в роту, батальон и полк, входя

в состав 3-й пехотной дивизии, начальником которой был генерал-майор Витковский (кадровый офицер лейб-гвардии Кексгольмского полка), содействовавший организации и укреплению полка. Затрудняла формирование вопиющая нужда в вооружении, снаряжении и обмундировании, что было общим явлением для всей Добровольческой армии. В то время все добывалось у врага ценой крови.

В январе-феврале 1919 года полк насчитывал 62 штыка.

Первым командиром полка был полковник Радченко, молодой энергичный кадровый офицер Белозерского полка, служивший в полку еще в мирное время и всю Великую войну. В Харькове полковник Радченко сдал полк новому командиру полковнику Генерального штаба Борису Александровичу Штейфону (кадровый офицер 124-го пехотного Воронежского полка), который был до этого начальником штаба 3-й пехотной дивизии и сдал свою должность полковнику Генерального штаба Федору Эмильевичу Бредову.

В Харькове полк пополнялся офицерами и добровольцами, и в его составе было уже около 100 офицеров. В полку было два батальона, в ротам по 70-80 штыков. Третий батальон был сформирован в Харькове из учащейся молодежи освобожденного города. Создавались кадры Олонецкого и Ладожского полков.

Едва окрепнув и сформировавшись, полк в составе 3-й пехотной дивизии был двинут на фронт в составе 800 штыков при 15 пулеметах. В начале июля 1919 года полк принял участие в боях, заканчивая одновременно свое формирование на походе и в боях (как и большинство частей Добровольческой армии). Полк участвовал в тяжелых оборонительных боях в районе Грайворона, в 40 верстах от Харькова.

Совместно с Дроздовской батареей и приданным ему дивизионном иркутских гусар полк наступал на север. Упорные бои происходили за обладание железной дорогой Белгород — Сумы. В это время полк сформировал свой собственный запасный батальон, который комплектовался мобилизованными и, главным образом, пленными красноармейцами. Таким образом, каждый батальон полка имел свою запасную роту, которая пополняла его проверенными и обученными солдатами.

По овладении линией Белгород — Сумы полк продолжал наступление к северу и, форсировав реку Псел, занял город Суджа.

На станции Готня полку был придан Сводный батальон 31-й пехотной дивизии, сформированный в Харькове. Там же действовал Олонецкий пехотный полк, едва достигавший численности в 250 штыков.

После тяжелых боев у Мирополья полк принял участие в наступлении на Курском направлении, на участке Коренево — Льгов, где ему было приказано прикрыть Льгов со стороны Брянска.

В штабе 1-го армейского корпуса на станции Льгов генерал Кутепов сообщил полковнику Штейфону, что полк входит отныне вместе с Олонецким полком во вновь создаваемую 4-ю пехотную дивизию и, таким образом, выходит из состава Дроздовской дивизии. К

этому времени, в результате тяжких потерь, полк насчитывал всего 215 штыков.

4-я пехотная дивизия, временным начальником которой был назначен полковник Штейфон, направлялась в состав Полтавского отряда генерал-лейтенанта Ф. Э. Бредова, входившего в состав войск Киевской области, командующим которыми был генерал от кавалерии Абрам Михайлович Драгомиров.

Полковник Штейфон произвел частную мобилизацию в прифронтовой полосе, что дало полку около 2000 солдат.

Белозерский полк прославился штурмом Чернигова, в котором было захвачено несколько тысяч пленных, много пулеметов и другой военной добычи. В районе Яновки было захвачено 16 орудий. Особенно отличились 9-я и 10-я роты, все солдаты которых были награждены Георгиевскими медалями. Командир 3-го батальона полковник Гаус получил благодарность от генерала Бредова. Тяжело раненный командир 10-й роты поручик Радченко был произведен в следующий чин.

Славный штурм Чернигова был последним победным делом полка. По всему фронту Вооруженных сил Юга России наступили неудачи.

Сдав 4-ю пехотную дивизию генералу Шевченко, полковник Штейфон сдал затем и 13-й пехотный Белозерский полк, будучи назначен начальником штаба генерала Бредова. Полк отступал на Одессу, а затем, в составе отряда генерала Бредова, на север, вдоль реки Днестра, до соприкосновения с польскими войсками. В Польше отряд был интернирован, и полк до августа 1920 года пребывал в лагерях. Затем остатки полка вместе с другими частями отряда были переброшены через Румынию в Крым.

Чтобы представить себе жертвенный путь полка, — заканчивал свое повествование И. Н. Горяйнов, — следует вспомнить, что с момента выхода из Харькова и до начала Бредовского похода через его ряды прошло около 10 тысяч офицеров и солдат. Не столько боевые потери, сколько тиф косил ряды полка... Тиф был тогда союзником красных и жестоким врагом белых».

Чтобы отчетливее представить путь белого 13-го пехотного Белозерского полка, обратимся к справке доктора исторических наук С. В. Волкова. Из нее следует, что с 1 сентября 1919 года полк вошел в состав 9-й, затем, привычной ему, 4-й пехотной дивизий. Полностью он был сформирован 23 марта 1919 году при Дроздовском полку, к 11 марта того же года имел всего 74 человека, а в апреле и того меньше — 62 штыка. Затем начался рост его личного состава: летом полк насчитывал около 100 офицеров и две офицерские роты. Из Харькова белые Белозерцы выступили в количестве около 800 штыков и 15 пулеметов, к моменту штурма Чернигова, где полк стал известен *, он имел 2000 штыков, 200 сабель и 600 человек в за-

* После разгрома красных в Чернигове даже выходили «Ведомости Белозерского пехотного полка» — не малотиражка, а полноценная газета.

пасном батальоне. Но и потери полка в боях с Красной армией были большие: за три летних месяца 1919 года полк потерял 4000 человек. Личный состав белых Белозерцев состоял на 80-90 процентов из пленных красноармейцев или мобилизованных и бежавших от Красных. В общей сложности, от Харькова до Бредовского похода полк пропустил через свои ряды более 10 тысяч человек. Осенью от потерь полк уменьшился до 215 штыков. Был расформирован 6 апреля 1920 года вместе с 4-й пехотной дивизией, в том числе и с давними, еще с севастопольских времен, сослуживцами — 14-м пехотным Олонецким полком. По прибытии из Польши в Крым Белозерский полк был сведен в батальон и влит в 1-й Марковский полк. Командирами полка являлись: генерал-майор Будянский (7 апреля — май 1919 г.), полковник Чертков (май 1919 г.), полковник Радченко, полковник Б. А. Штейфон.

Биография последнего командира белых Белозерцев читается как захватывающий роман. В «Приложениях» мы публикуем его воспоминания о командовании Белозерским полком. Это — единственные мемуары командира Белозерцев за двухвековую его историю. Но не только такой уникальностью они интересны. Борис Александрович Штейфон обладал хорошим литературным талантом, как тогда говорили, «живостью пера». Его воспоминания, насыщенные интересными деталями, колоритными подробностями, отражают дух Гражданской войны в России. Можно соглашаться или нет с некоторыми умозаключениями и комментариями полковника Генерального штаба царской армии, участника русско-японской войны, храброго офицера, но они хорошо передают мысли, поступки, мировоззрение белого офицера, непримиримого противника красных. В этом заключается трагедия любой Гражданской войны, когда одна правда бьется насмерть с другой и, никто из них не может уступить друг другу.

Жизненный путь Б. А. Штейфона начался в 1881 году в Харькове в еврейской семье православного вероисповедования. Отец его был цеховым мастером, мать — дочерью дьякона. Старший брат будущего генерала был известным в губернии инженером. Семнадцатилетним юношей Борис Штейфон поступает добровольцем-вольноопределяющимся в расквартированный в Харькове 124-й пехотный Воронежский полк. Через год его произвели в унтер-офицера и направили получать офицерский в соседнее Чугуевское пехотное юнкерское училище. Учился он хорошо, несмотря на вольности поведения. И в строевой подготовке был особо отмечен. Ему даже в виде исключения особым приказом по штабу Киевского военного округа разрешили носить очки. В 1902 году Борис Александрович заканчивает училище в числе лучших выпускников. С полком Штейфон уходит на Русско-японскую войну, и здесь не отсиживается в обозе: был контужен, оставшись в строю, произведен в чин поручика, «за отличия, мужество и храбрость, проявленные в боях с японцами» за два года войны получил пять (!) орденов. После войны Борис Штейфон поступил в Им-

ператорскую Николаевскую военную академию, кончив ее также успешно.

В годы Первой мировой войны он удачно воевал на Кавказском фронте, в частности, отличился во взятии неприступной турецкой крепости Эрзерум, проведя с большим риском для собственной жизни предварительную разведку, обеспечившую успех штурма. За это дело Б. А. Штейфон был Высочайше пожалован золотым Георгиевским оружием.

Дальнейшая судьба Штейфона в какой-то степени рассказана им в публикуемых нами воспоминаниях. За содержанием их глав остаются немаловажные детали деятельности полковника при возрождении Белозерского пехотного полка, которые раскопал харьковский журналист Артем Левченко. В частности, он пишет: «Под началом Штейфона Белозерский полк стал единственным полком Белой армии, укомплектованным по штатам мирного времени и обеспеченным боевым, продуктовым и вещевым довольствием по щедрым дореволюционным нормам. По воспоминаниям очевидцев, это даже породило в других полках завистливые шутки на тему национальности командира Белозерцев».

«К сожалению, — продолжает далее А. Левченко, — большинство белых полков не имело таких командиров, как Штейфон. И уже через полгода, осенью 1919 года, разутая, раздетая и голодная Белая армия так же стремительно, как и наступала, покатила назад, раскалываясь на части под ударами большевиков. Во главе штаба одной из таких частей — Полтавского отряда генерала Бредова — в начале 1920 года полковник Штейфон прошел знаменитый «Бредовский поход» — полный тягот и лишений двухнедельный марш из района Одессы к Польше. А затем помог генералу Бредову добиться переброски войск через Румынию в Крым, чтобы вновь продолжить борьбу».

После бегства армии Врангеля из Крыма Штейфон оказался на турецком полуострове Галлиполи, где в военном лагере собрались разбитые белые силы, в том числе и бывшие Белозерцы. Штейфон, будучи к тому времени уже генерал-майором, добровольно вызвался служить рядовым в лагере, но вскоре, по его организаторским способностям, был назначен комендантом. В изгнании, веря, что они еще вернутся в Россию, на продуваемом всеми ветрами клочке скалистого турецкого берега, в армейских палатках заканчивали свою историю знаменитые русские полки. Было, от чего содрогнуться офицерской душе, свято хранившей традиции отечественного воинства!..

Из Галлиполи русские разбрелись по всему свету. Штейфон, ставший на турецкой земле генерал-лейтенантом не существующей уже армии, вместе со многими однополчанами попал сначала в Болгарию, потом в Сербию. В Белграде активно преподавал, занимался научной деятельностью, получил звание профессора военных наук.

Обстановка перед новой мировой войной накалялась, отсидеться в тихом и теплом закутке, особенно на Балканах, было невозмож-

но. Эмигрантам белогвардейцам все чаще угрожали, их «вдруг» разлюбили, стали гнать с работы, издеваться над ними. Симпатии населения медленно, но верно стали склоняться к мощному СССР, а тут еще и руководство страны, ранее опекавшее эмигрантов, многое сделавшее для того, чтобы Югославия стала вторым домом для русских, обратило свои взоры по традиции на восток, к России, к единокровным славянским братьям.

После немецкой оккупации партизаны Тито перешли к настоящей вооруженной борьбе с фашистами и одновременно с многочисленными белогвардейцами, вырезая в Хорватии целые русские семьи, стреляя мирным эмигрантам в спину. Несколько сот тысяч бывших солдат и офицеров армии генерала Врангеля, живших и работавших в Югославии, должны были невольно задуматься: что им делать в этой ситуации. С помощью немцев удалось сформировать и вооружить Русскую охранную группу (позднее — корпус). Командовать ею был назначен генерал-лейтенант Борис Штейфон.

Был ли этот поступок предательством? Скорее, он был самозащитой, обороной, хотя, все-таки, единожды предав... События сами по себе повлекли за собой наших бывших соотечественников, уже не спрашивая ни их желаний, не оставляя им никакого выбора. Еще до этих шагов в сторону извечных противников России — немцев, можно было решать, кто в эмиграции прав: «оборонцы», во главе с генералом Деникиным, поддерживающие СССР, или «пораженцы», мечтавшие любой ценой, даже на немецких штыках, свергнуть в России большевизм и вернуться на Родину. Борис Штейфон, увы, оказался на стороне последних.

Так бывший геройский офицер Генерального штаба России, ярый монархист по убеждениям, еврей по национальности оказался в рядах немецкого вермахта, получив в 1943 году чин немецкого генерал-лейтенанта. Только по одной этой судьбе мы можем сделать вывод о сложности истории, о ее неоднозначности, о невысказанных для сочинителей зигзагах человеческих биографий. А мы всё еще непримиримо спрашиваем друг у друга: «Ты за кого — за белых или за красных?» Ответим, наконец: и за белых, и за красных, и за синих — за цвета национального флага России.

...Русский корпус, состоявших на службе у вермахта, через который прошло более 17 тысяч человек, занимался охраной шахт, путей сообщения, других стратегических объектов, то есть тыла немецкой армии. На Восточный фронт, как того ни добивался Штейфон, корпус не отправили, имея печальный опыт власовской армии, с которой русские югославы никак не контактировали.

В 1944 году корпус сдерживал с войсками Гитлера советское (вместе с партизанами Тито) наступление на сербско-хорватской границе. В апреле наступил конец всяким надеждам об «освобождение» России. Как русский офицер, Борис Штейфон предпочел смерть плену. 30 апреля он отравился ядом.

Обладавший, как мы заметили, литературным даром, умением ярко формулировать мысль, Борис Александрович Штейфон, попав

в тяжелые жернова истории, сделав дважды выбор — в пользу белых и в пользу врагов-немцев, — который привел его в итоге к трагическому жизненному концу и полному забвению его имени на родине, оставил нам, сегодняшним читателям, написанные им строки, читающиеся, как завещание этого храброго и запутавшегося в сложностях жизни офицера: «Россия уже пережила небывалые потрясения, а ко времени своего возрождения переживет их еще больше. И когда наша Родина приступит к своему устройству, она будет так бедна, что уже не сможет себе роскоши ошибаться. Поэтому мы должны всегда помнить ошибки прошлого, дабы избежать их повторения в будущем».

БИТВА ЗА МОСКВУ

В Красной армии продолжилась славная история Белозерского полка. В ноябре 1919 года он был сформирован в составе Ставропольской кавалерийской дивизии. Дивизия создавалась на базе конной группы под командованием М. Ф. Блинова как кавалерийская дивизия 9-й армии. С февраля 1920 года — 2-я (с 1924 года — 5-я) Ставропольская кавалерийская дивизия имени Блинова.

Сохранилась фотография командно-политического состава 96-го Белозерского кавалерийского полка, сделанная 6 октября 1924 года в городе Пятигорске Терской губернии. Она была выставлена в 2007 году в Интернете с пометкой, что на обороте карточки подробно расписаны все снимавшиеся.

«Мы — красные кавалеристы, и про нас былинные речистые ведут рассказ», — как пелось в лихой песне о Первой конной армии С. М. Буденного.

Последуем и мы этому совету, рассказав о путях-дорогах Белозерских конников.

В Ставрополе сохранилось здание бывшего общежития духовной семинарии, где размещался штаб кавалерийской дивизии. Сейчас на нем можно увидеть мемориальную доску: «В этом здании с 1927 по 1932 год находился штаб прославившей себя в боях с немецко-фашистскими захватчиками 1-ой Ставропольской орденов Ленина и Б. Хмельницкого Краснознаменной кавалерийской дивизии имени М. Ф. Блинова».

Рядом с этим домом располагаются корпуса бывшего госпиталя, которые заняли под казармы кавалеристы сразу после того, как в Ставрополе утвердилась Советская власть. Здесь разместился один из дивизионных полков (не Белозерский ли?), которым командовал И. Р. Апанасенко, герой Гражданской войны.

Достоверно известен один из командиров 96-го Белозерского кавалерийского полка Северо-Кавказского военного округа. Это — ингуш Хамид Биботович Котиев, ветеран Гражданской и Великой Отечественной войн. Он командовал полком с конца 20-х годов.

К началу Великой Отечественной войны дивизия, где служили красные Белозерцы, входила во 2-й (с конца ноября 1941 года — 1-й гвардейский) кавалерийский корпус, в котором вела боевые действия до конца войны. В составе войск Южного, Юго-Западного, Западного, снова Юго-Западного, Воронежского и 1-го Украинского фронтов участвовала в оборонительных боях на территории Молдавии, на сумском и белгородском направлениях, в Московской битве, в отражении наступления противника из района Жиздра (август 1942 года), в освобождении Украины, Львовско-Сандомирской, Карпатско-Дуклинской, Сандомирско-Силезской, Нижнесилезской, Берлинской и Пражской наступательных операциях. За боевые заслуги в ноябре 1941 года преобразована в 1-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию, награждена орденами Ленина, Красного Знамени, Суворо-

ва 2-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени. Свыше 10 тысяч воинов дивизии награждены орденами и медалями, 5 кавалеристам присвоено звание Героя Советского Союза. Дивизией командовали: полковник, с июля 1941 года генерал-майор В. К. Баранов (1941–1942 годы), полковник А. И. Прилепский (1942 год), полковник, с сентября 1943 года генерал-майор Ю. И. Овар (1942–1943 годы), полковник И. С. Борщев (1943–1944 годы), полковник С. В. Аристов (1944 год), полковник П. С. Вашурин (1944–1945 годы), полковник Ф. А. Блинов (1945 год).

Известно, что в 1946 году Белозерский кавалерийский полк был расформирован, как и многие другие конные соединения Красной (Советской) армии. Так, в этом послевоенном году, оборвалась многовековая традиция наименования отдельных частей (пехотинцев, кавалеристов) **Белозерскими**. Оборвалась на высшем взлете Белозерцев, которые носили почетнейшее звание в русской армии всех времен — гвардейцев.

Надеемся, что оборвалась временно.

* * *

Подробную историю Белозерских кавалеристов, надеемся, еще напишут наши историки и краеведы. Мы же расскажем о самом драматическом и одновременно героическом периоде в боевой жизни полка, который выпал ему на начало Великой Отечественной войны. Здесь нашим соавтором будет легендарный Герой Советского Союза, генерал-полковник Павел Алексеевич Белов, автор мемуарной книги «За нами Москва», вышедшей в Воениздате в 1963 году. Под его командованием красные кавалеристы Белозерцы, спасшие Москву от фашистов, навечно остались в памяти России.

До войны корпус, которым командовал П. А. Белов, стоял в Бессарабии. В него входила 5-я Ставропольская кавдивизия имени М. Ф. Блинова, имевшая богатые боевые традиции. Она была создана в 1919 году и носила имя своего первого начальника донского казака М. Ф. Блинова, героически погибшего в бою с белогвардейцами. Дивизия состояла из четырех кавполков: 11-го Саратовского, 96-го Белозерского, 131-го Таманского, 160-го Камышинского, а также 38-го конно-артиллерийского дивизиона, конно-саперного эскадрона и эскадрона связи.

С началом войны 5-я кавкадивизия, располагавшаяся в 150 километрах от границы, выступила в поход навстречу наступающему противнику. Первый бой красных Белозерцев завязался с румынами на реке Прут. Эта река в истории Белозерского полка нам хорошо знакома. К ее берегам в 1711 году молодой гренадерский полк во главе с Петром I совершил известный Прутский поход против турок, упреждавший их нападение на Россию. Ровно 230 лет спустя Белозерскому полку пришлось вновь воевать в здешних краях и вновь оборонять наши границы.

Пятая кавалерийская дивизия, подчеркивает П. А. Белов, а с ней и 96-ой кавполк сражались героически, но силы были явно неравными. Немецко-румынские войска вводили в бои новые резервы, большей частью бронетанковые. На широких южных пространствах конники против танков были бессильны что-либо сделать. К тому же на соседних участках фронта, особенно на Украине, вскоре сложилась тяжелая обстановка, многие советские войсковые соединения, стоявшие в первом эшелоне у границы, дрались в окружении.

Второму кавалерийскому корпусу, согласно приказам, пришлось совершить 400-километровый марш на север. Он уходил с Украины. «Конники двигались в колонны по три, — вспоминает П. А. Белов, — строго выдерживая равнение. Полковые оркестры, сверкая начищенными трубами, исполняли марши. Эскадроны шли с песнями». Но отступление и есть отступление. Так же отступали и мушкетеры Белозерцы в 1812 году под превосходящими их силами Наполеона.

«Командовал 5-й кавалерийской дивизией, — рассказывает П. А. Белов, — генерал-майор Виктор Кириллович Баранов, грамотный и смелый военачальник. В Красную армию он пришел в конце Гражданской войны, окончил кавалерийскую школу, после чего воевал в Средней Азии с басмачами».

Путь отступления кавалерийского корпуса растянулся от реки Прут до Белгорода. При отступлении играли не только полковые оркестры, но и лилась ручьями в боях кровь красных конников. За четыре месяца бесконечных арьергардных стычек в некоторых сабельных эскадронах уцелело по 6-8 человек из тех, кто принял боевое крещение еще на границе. И все-таки П. А. Белову удалось сохранить старый, набравшийся боевого опыта, костяк корпуса, который научился воевать и бить противника.

После Харькова корпус перебросили в распоряжении Ставки Верховного Главнокомандующего. Кавалеристы расположились в Михнево под Москвой, где вошли в состав 49-й армии.

«С 11 ноября, — вспоминает те трудные дни и недели командир корпуса, — он не знал отдыха. Марш сменялся боем, бой — маршем. Были забыты все нормы отдыха, ночлегов и дневок. Люди ели на ходу, спали урывками, как-нибудь и где-нибудь, по нескольку дней не бывали в теплом помещении, хотя стояли довольно сильные морозы... Мы, как и положено кавалеристам, вели маневренные бои, совершали перегруппировки, быстрые марши. Высшее командование подразумевало, что всё это люди делают верхом. Но под Москвой нашим бойцам и командирам пришлось большей частью маршировать пешком, ведя усталых коней в поводу».

Сражение за столицу продолжалось почти семь месяцев с 30 сентября 1941 года по 20 апреля 1942 года. Оно включало в себя три стратегические операции: Московскую оборонительную, Московскую и Ржевско-Вяземскую наступательные операции.

Московская оборонительная операция (30 сентября — 5 декабря) началась с наступления немцев на Москву силами группы армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Ф. Бока. Ей

противостояли войска Западного (генерал И. С. Конев), Брянского (генерал А. И. Еременко) и Резервного (маршал С. М. Буденный) фронтов. Немцы имели превосходство, как в живой силе, так и в технике. По количеству орудий, минометов, танков и самолетов они превосходили советские войска почти в два раза. Три танковые группы противника рвались к Москве. Именно они глубокими клиньями успешно прорвали советскую оборону. В районе Вязьмы 7 октября и Брянска 14 октября в окружении оказалось 6 советских армий; по немецким данным в плен противника попало 663 тысячи человек. Над советской столицей нависла смертельная опасность.

Шестнадцатого ноября противник начал новое наступление из районов Тулы и Волоколамска. И вновь он имел большой перевес в живой силе и в вооружении. Но на этот раз он столкнулся с куда более ожесточенным сопротивлением. Советская армия, казалось бы, всего месяц с небольшим назад разбитая под Вязьмой и Брянском, восстала, как птица Феникс, из пепла. Позади войск была Москва, и отступить было некуда!.. За три недели ожесточенных боев силы вермахта продвинулись лишь на 50–80 километров без достижения решительного успеха.

Второй кавалерийский корпус сражался на правом фланге наших оборонительных линий. В ноябре 1941 года конники Белова предприняли контрудар под Серпуховым, где добились успехов на главном направлении. Здесь особенно успешно действовала 5-я кавалерийская дивизия генерал-майора Баранова, поддержанная 31-й танковой бригадой.

Затем кавалеристы защищали Каширу, где В. К. Баранов был начальником гарнизона. Со стороны немцев здесь прорывалась южнее Тулы 2-я танковая армия генерала Гудериана.

Немцы несли огромные потери. С 16 ноября по 5 декабря они потеряли в общей сложности 153 тысячи человек убитыми, ранеными, обмороженными, около 800 танков и 1,5 тысяч самолетов. В свою очередь, потери наших войск по сравнению с октябрем резко сократились. Мы научились бить противника, как завещал Петр Первый, не числом, а умением.

В эти дни начальник Генерального штаба сухопутных войск гитлеровской Германии генерал Гальдер записывал в свой дневник:

«28 ноября 1941 года. Русские предприняли сильную контратаку из района Каширы.

Девятнадцатого ноября 1941 года перед 2-й танковой армией отмечено усиление сопротивления противника в районе Каширы. В этом районе наши авангарды (17-я танковая дивизия) вынуждены были отойти».

Танки откатывались от ударов конников! Сабли против пушек! Возможно ли было такое в пяти странах Европы, по которым до московской обороны прокатилась, как на параде, ударная сила Гудериана?!

Успешные бои конницы Белова сорвали планы немцев по охвату Москвы. Это отметила Ставка. «Товарищ Белов! — предложил

как-то в ноябре И. В. Сталин. — Вы представьте свои кавалерийские дивизии к званию гвардейских. Это надо было сделать раньше: ваши дивизии отлично дрались на Украине и понесли большие потери под Серпуховым».

Приказом Ставки Верховного Главнокомандующего 2-й кавалерийский корпус генерал-майора П. А. Белова был переименован в 1-й гвардейский. Пункт «б» приказа гласил, что 5-ю кавалерийскую дивизию отныне нужно именовать 1-й гвардейской кавалерийской дивизией под командованием генерал-майора В. К. Баранова. Беловцы первыми среди советских кавалеристов заслужили честь стать гвардейскими. Таковыми стали и красные Белозерцы под командованием подполковника М. Н. Данилина.

Об отваге Белозерских конников в эти дни вспоминал П. А. Белов:

«В наступление на деревню на каширскую деревню Умрыщенки был брошен 96-й Белозерский кавалерийский полк. Ближе других продвинулся к деревне спешенный эскадрон старшего лейтенанта Погорелова. Гвардейцы залегли в 300 метрах от крайних домов. Фашисты вели такой сильный огонь, что поднимать эскадрон в атаку было невозможно.

Старший лейтенант позвал к себе Михаила Богера, опытного и смелого бойца:

- Пулеметы видишь?
- Вижу три штуки.
- Надо их снять.
- Попробую.
- Один пойдешь?
- Одному сподручней, — улыбнулся Богер.

Гвардеец взял десяток гранат и пополз к домам, маскируясь в кустах. Вскоре он исчез из виду. Прошло томительных полчаса. Немцы продолжали вести сильный огонь. Старший лейтенант подумал, что Богер погиб и нужно послать в обход группу бойцов. Но вдруг в деревне раздались взрывы. Один за другим. Это действовал Богер. Проникнув в деревню, он взял на заметку шесть домов: в трех стояли пулеметы, из остальных немцы вели ружейный и автоматный огонь. Богер вскочил с земли и побежал от дома к дому, бросая гранаты в окна. Шесть огневых точек вывел из строя отважный боец. Старший лейтенант Погорелов поднял в атаку эскадрон». В результате таких храбрых действий крупный узел сопротивления фашистов попал в окружение.

Немцам, несмотря на активные попытки, так и не удалось сомкнуть свои механизированные танковые клещи вокруг Москвы. Гитлеровские войска потерпели под Каширой поражение, и нависшая над городом опасность миновала. Столь же героически гвардейцы вместе с другими частями 50-й армии Западного фронта отстояли Тулу. В сообщении Совинформбюро от 13 декабря говорилось: «1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Белова, последовательно разбив 17-ю танковую, 29-ю мотопехотную и 167-ю пехотную

дивизию противника, преследуя их остатки, занял города Венев и Сталиногорск».

В ночь на 18 декабря части 1-й гвардейской кавалерийской дивизии завязали бой за крупное село Карамышево, лежащее на шоссе Тула—Орел. В книге П. А. Белова воспроизведена фотография конников 96-го Белозерского полка, который по заснеженным полям выдвигается из резерва к селу Карамышево. Их сфотографировала корреспондент Галина Санько, приехавшая на передовую, чтобы показать всей стране умелые боевые действия гвардейцев кавалеристов в Тульской наступательной операции.

Перед бойцами П. А. Белова вслед за успешными действиями под Тулой была поставлена задача освобождения Калуги. 1-му гвардейскому кавалерийскому корпусу поручалось нанести удар по тылу 4-й немецкой армии. Директива Военного совета Западного фронта приказывала: «Командующему конно-механизированной группой генерал-майору т. Белову. Вам поручает Военный совет фронта особо ответственную задачу: быстро выйти в район Юхнова и разгромить тылы и штабы 4-й армии немцев».

Гвардейцы и здесь не подкачали. 30 декабря, в канун Нового 1942 года, они отбили от фашистов Калугу. «Гитлер снял с должности и перевел в резерв командующего 2-й танковой армией генерал-полковника Гудериана, — вспоминает эти предновогодние дни П. А. Белов. — Для бойцов и командиров 1-го гвардейского кавалерийского корпуса отставка этого любимца фюрера была особенно знаменательна. Мы воевали с танками Гудериана под Штеповкой, в районе Каширы, Тулы и Белева. Фактически его танковая армия потерпела полное поражение. В ней почти не осталось боевых машин».

По истории Великой Отечественной войны в период Московской битвы мы знаем подвиги Подольских курсантов, бойцов полтрука Клочкова, партизанки Зои Космодемьянской и других героев обороны столицы. В этот ряд мы должны поставить и боевые действия конников Белова, в том числе и Белозерцев, которые вместе с подразделениями 10-й армии и частью сил 50-й армии разгромили хваленую 2-ю танковую армию генерала Гудериана. Случай в истории Великой Отечественной войны уникальный!.. Кавалеристы применяли, известную нам со времен Древней Руси, тактику быстрого марша, «изгона», позволявшего им свободно маневрировать и совершать в уязвимых местах обороны противника смелый и решительный натиск.

В конце декабря П. А. Белову было присвоено звание генерал-лейтенанта. «За полтора месяца, — подводит итог этим боям прославленный кавалерист, — 1-й гвардейский кавалерийский корпус проделал трудный путь от Каширы до Мосальска. Если брать по прямой, не считая извилин дорог и маневрирования полков и дивизий, то путь этот равен четыремстам километрам, отвоеванным у противника в жестоких боях. Корпус принимал участие в освобождении Московской, Тульской, Калужской и Смоленской областей».

Советское наступление под Москвой возобновилось с началом Ржевско-Вяземской операции (8 января — 20 апреля 1942 года). Оно велось с севера войсками Калининского (генерал И. С. Конев) и с юго-востока — Западного (генерал Г. К. Жуков) фронтов по сходящимся направлениям на Вязьму.

Группе Белова командующим Западным фронтом была поставлена задача прорваться при поддержке 325-й стрелковой дивизии через Варшавское шоссе и продвигаться по немецким тылам по направлению к Вязьме, где соединиться с войсками Калининского фронта. Это завершило бы окружение немецкой группы армии «Центр», начатое во время Московской битвы. В рейде Белова участвовало 7 тысяч человек.

Предстоял необычайно смелый маневр, какого еще не знала военная история. Более пяти месяцев в тылу 4-й полевой армии немцев сражался советский кавалерийский корпус. Его действия, как пишет военный историк полковник М. Малахов, «являются единственным примером в минувшей войне, когда кадровому кавалерийскому соединению Красной армии, действующему в тылу противника, подчинялись крупные части и соединения партизан и воздушно-десантных войск».

Пять месяцев кавалеристы Белова вели напряженные бои с регулярными войсками противника, нарушали его коммуникации, контролировали значительную территорию. Подвиг красных конников стал известен всей стране. Писатель Алексей Толстой поведал о нем в «Рассказах Ивана Сударева».

В конце февраля 96-й Белозерский полк стал носить другое имя — 3-й гвардейский Белозерский кавалерийский полк. 9 июня 1942 года он, совершив прорыв через Варшавское шоссе вместе с дивизией Баранова, закончил легендарный рейд по тылам противника. После возвращения П. А. Белов был назначен командующим 61-й армией Западного фронта, а на его место пришел В. К. Баранов. Много позже Герой Советского Союза генерал-лейтенант Виктор Кириллович Баранов вышел в отставку и долгое время жил в Днепропетровске.

«Великая Отечественная война, — заключает свои воспоминания П. И. Белов, — была, вероятно, “лебединой песней” кавалерии. И советские конники замечательно “спели” ее».

* * *

Героическим рейдом Белозерского полка по тылам противника в 1942 году мы заканчиваем рассказ о боевых действиях Белозерцев. С 1708 года нам пришлось вести удивительную летопись воинской славы подразделения, которое носило имя вологодского города Белозерска. Небольшой в то время, сначала уездный, а затем и районный центр, — и такая военная слава полкового соединения, названного в его честь!..

Мы верим, что великие боевые традиции полка будут продолжены в Российской армии, которая активно реформируется и модерни-

зируется. Мы верим, что армия современной России, пережив кризисные годы, останется боеспособной и надежной, уверенной в своих силах. Ее ядерный щит возмездия любым попыткам покунуться на свободу и независимость Родины будет совмещен с червленым щитом русской ратной истории — с боевыми победами древних дружин и городских полков, с регулярной Императорской армией, с действиями Белой и Красной армий, с великими битвами Советской армии-победительницы.

Один из последних командующих Белозерским полком Герой Советского Союза, генерал-лейтенант П. И. Белов писал: «Многие дивизии и корпуса были расформированы в связи с сокращением армии, а их знамена, боевые истории сданы в музей и архивы. Их полезнее было бы передать тем полкам и дивизиям, которые не участвовали в войне или участвовали только на завершающем ее этапе. Принимая знамена и боевые истории, а вместе с ними и наименования своих предшественников, такие полки и дивизии торжественно брали бы на себя ответственность за сохранение боевых традиций, обязательства развивать их своими достижениями в боевой подготовке. Следовало бы восстановить дивизионные и полковые праздники, приглашать на них ветеранов, которые могут рассказать молодежи о делах воинов старшего поколения».

Прекрасный призыв, целиком и полностью относящийся к нашему времени!..

НАСЛЕДНИКИ РАТНОЙ СЛАВЫ

*Будут лить дожди косые,
Будут петь снега...
Будет жить твоя Россия
Всем назло врагам.*

*Вырастут на свете люди,
Что еще не родились.
Смерти никогда не будет —
Будет жизнь!*

1943 г.

Сергей Орлов

Отгремел последний залп войны, в которой принимали участие Белозерцы. Полк расформирован, его знамена сданы в хранилища. Надеемся, что со временем хотя бы одно победоносное знамя Белозерского полка вернется в город Белозерск. Белозёры, верится, нашли бы ему самое почетное место, чтобы установить стяг-святыню на вечное хранение.

Но наш рассказ еще не закончен. Белозерский полк временно ушел в прошлое, в историю, но его традиции не прервались. Их продолжают новые поколения вологжан, которые посвятили свою судьбу армии России.

Один из составителей военного раздела книги «Выдающиеся вологжане» В. Б. Конасов пишет в предисловии: «Звания Героя Советского Союза в послевоенное время были удостоены уроженцы Вологды: гвардии старший лейтенант Б. А. Образцов (посмертно, похоронен в Республике Корея) и контр-адмирал В. К. Коробов, уроженец Бабушкинского района летчик-космонавт П. И. Беляев, уроженец Усть-Кубинского района гвардии полковник А. К. Пахомов. Сегодня во всем мире знают Героя России матроса Сергея Преминина из великоустюгского района, который ценой собственной жизни заглушил атомный реактор подводной лодки «К-219».

Прошли тяжелые 90-е годы. XX века, когда, к нашему стыду, военные стеснялись появляться на людях в форме. Армия была унижена, на нее бессовестно и нагло нападали пресса и телевидение. «Человек с ружьем» был подвергнут либеральному остракизму, как носитель державных патриотических начал. Прославленные военные полки, дивизии бесславно возвращались со своих квартир в Европе, и это напоминало спешное бегство, отступление, высадку в чистом поле, где не было тогда ни кола ни двора. А президент Ельцин в это время дирижировал оркестром бундесвера на посмешище всему миру и на позор всей русской армии и России.

Но и в эти печальные годы разрухи армия жила, сражалась на Северном Кавказе. Она преградила путь развалу России — и в этом тоже ее подвиг и ее доблесть. Будем и мы помнить, что двое вологжан посмертно удостоены звания Героев России «за Чечню». Это — майор Андрей Анатольевич Завитухин из поселка Сосновка Череповецкого района и капитан милиции Сергей Владимирович Перец, живший в Череповце.

В годы перестройки «демократами» была запущена еще одна идея, что армия находится вне политики, то есть, по сути, не имеет своей идеологии. Тем самым подрывались основы государственности, ибо армия всегда являлась в России одним из столпов государственной власти и политики, выполняя приказы и команды. Политика русской армии заключалась в обороне страны, в защите ее целостности и суверенитета, в отстаивании свободы и независимости Родины. Русский солдат со времен Петра, затем Суворова и Кутузова, русский моряк Нахимова и Ушакова всегда понимали, ощущали сознанием, принимали всей душой идеи и цели, ради которых они служили. Иначе наша армия стала бы сродни большинству зарубежных армий, где профессионалы-наемники служили только за деньги.

В наше время достоинство и авторитет армии восстанавливаются. Она начинает укрепляться, военная реформа позволяет сделать ее современной, высокотехнической, компактной, одновременно сохраняющей силу и мощь ответного удара. То, что Россия пережила катаклизмы последних десятилетий, не исчезнув с карты мира, не втянувшись в убийственную пучину гражданской войны, не позволила соседям и дальнему зарубежью воспользоваться ее слабостью, огромная, еще не оцененная в должной степени, заслуга армии, остававшейся надежной государственной силой в эти годы.

Вологжане гордятся, что область по количеству Героев Советского Союза вместе с Героями России на душу населения является первой в Российской Федерации, немного уступая одной из северокавказских республик. Но количество подвигов — не соревнование, не общероссийская олимпиада. Мы когда-то и по количеству церквей в России лидировали, но к концу 30-х годов XX века остались с одним храмом.

Может быть, это сравнение, как говорится, некорректно, но оно должно подчеркнуть, что, как вера, так и воинский подвиг, живы, пока существуют традиции народа, его лучшие нравственные качества, его национальная душа, этническая память.

Перелистаем страницы областного календаря, выделяя только даты памяти вологодских Героев:

5 января 1901 года в деревне Ерово Вытегорского района родился Г. И. Вехин, Герой Советского Союза, гвардии генерал-майор.

18 января в деревне Яруново Вологодского района 1918 года родился дважды Герой Советского Союза, гвардии капитан, летчик Александр Федорович Клубов.

19 января родился И. И. Прохоров, уроженец Бабаевского района, Герой Советского Союза, гвардии рядовой.

29 января родился В. И. Копылов, уроженец Великоустюжского района, Герой Советского Союза, капитан.

30 января присвоено в 1943 году звание Героя Советского Союза Н. С. Мусинскому, уроженцу того же Великоустюжского района, лейтенанту.

6 февраля — в военный месяц — родился Н. В. Серов, уроженец Бабаевского района, Герой Советского Союза, младший лейтенант.

18 февраля в Кадуйском районе родился А. А. Карташов, Герой Советского Союза, рядовой.

23 февраля, в День защитника Отечества, в 2008 году исполнилось 90 лет М. И. Сорокину, уроженцу Череповецкого района Герою Советского Союза.

27 февраля — в этот день в 1945 году звание Героя Советского Союза присвоено В. П. Лебеву, уроженцу Кадуйского района, гвардии старшему лейтенанту.

1 марта в Кичменгско-Городецком районе родился Н. С. Барболин, Герой Советского Союза, гвардии старший сержант.

4 марта в Череповецком районе родился А. В. Андреев, Герой Советского Союза, гвардии младший лейтенант.

10 марта в деревне Абашино Вологодского района родился А. К. Панкратов, Герой Советского Союза, младший политрук.

16 марта в Кирилловском районе родился А. М. Лелеков, Герой Советского Союза, старший сержант.

23 марта в Верховажском районе родился Н. Е. Петухов, Герой Советского Союза, гвардии рядовой.

27 марта в Устюженском районе родился А. Н. Кореляков, Герой Советского Союза, рядовой.

30 марта в Шекснинском районе родился А. П. Сапожников, Герой Советского Союза, гвардии старший лейтенант.

4 апреля в Вологодском районе родился В. В. Сугрин, Герой Советского района, гвардии старший лейтенант.

5 апреля в Нюксенском районе родился А. П. Болтушкин, Герой Советского Союза, гвардии старший сержант.

6 апреля (подряд идут даты!) в Усть-Кубинском районе родился Н. А. Яковлев, Герой Советского Союза.

11 апреля в Нюксенском районе родился И. П. Кормановский, Герой Советского Союза, гвардии сержант.

18 апреля в Череповце родился О. М. Петров, Герой России, рядовой-стрелок. Он погиб у стен Белого дома 4 октября, когда в центре столицы России разыгралась страшная драма, потрясая всю страну. Жертвы, как в Гражданскую войну, были и с той, и с этой стороны. Жаль всех невинно убиенных, и позор тем, кто довел до дикого противостояния народ России!

21 апреля в Череповецком районе родился Л. И. Моченков, Герой Советского Союза, капитан.

25 апреля в Вологодском районе родился И. А. Каберов, Герой Советского Союза, гвардии капитан.

29 апреля в Вытегорском районе родился Н. И. Кузнецов, Герой Советского Союза, полный кавалер ордена Славы. Был призван в армию 22 июня 1941 года. Участвовал в боях в Карелии, на Украине, в Крыму, Прибалтике, Восточной Пруссии. Особенно отличился в боях за Севастополь и Кёнигсберг. Свой первый орден Славы получил за мужество, проявленное в боях на Сиваше, где его орудийный расчет уничтожил минометную батарею противника. Боевой путь Николая Ивановича Кузнецова во многом совпадает с боевым путем Белозерского пехотного полка — те же регионы, те же города, те же взятые крепости. Только крепче любых крепостей оказался вологодский мужик, который триста лет, без передыха, шел по военным дорогам Европы!..

5 мая 2008 года исполнилось 90 лет уроженцу Бабушкинского района А. Ф. Стеблеву, Герою Советского Союза, рядовому.

9 мая, в День Победы, в Кадуйском районе родился Н. И. Моисеев, Герой Советского Союза, гвардии ефрейтор.

27 мая в Бабаевском районе родился В. Г. Павлов, Герой Советского Союза, гвардии старший лейтенант.

28 мая в Тарногском районе родился П. Е. Шевелев, Герой Советского Союза, сержант.

31 мая 1945 года уроженцу Вологодского района, полковнику В. Н. Иванову было присвоено звание Героя Советского Союза.

3 июня в Вытегорском районе родился И. М. Шумилихин, Герой Советского Союза, подполковник.

4 июня 1942 года уроженцу Чагодощенского района, рядовому И. Н. Фролову было присвоено звание Героя Советского Союза.

7 июня 2008 года уроженцу Тотемского района, лейтенанту О. Ф. Колычеву исполнилось бы 85 лет.

15 июня 2008 года исполнилось 115 лет со дня рождения командарма I ранга, дважды удостоенного ордена Красного Знамени И. П. Белова.

16 июня 2008 года исполнилось 85 лет уроженцу Вологды В. Н. Кукушкину Герою Советского Союза, лейтенанту.

20 июня в Сокольском районе родился С. Н. Орешков, Герой Советского Союза, гвардии младший лейтенант.

22 июня в поселке Сосновка Череповецкого района родился Герой России, майор А. А. Завитухин.

26 июня в селе Челищево Бабушкинского района родился летчик-космонавт, Герой Советского Союза П. И. Беляев.

29 июня в Вологодском районе родился А. В. Пелевин, Герой Советского Союза, старший сержант.

1 июля в Череповецком районе родился А. Ф. Смирнов, Герой Советского Союза, майор.

7 июля в Вожегодском районе родился И. А. Хватов, Герой Советского Союза, лейтенант.

10 июля в Никольском районе родился В. М. Павлов, Герой Советского Союза, гвардии рядовой.

15 июля родился в Бабаевском районе П. Н. Фомичев, Герой Советского Союза, старший лейтенант.

22 июля в Череповецком районе родился П. С. Костромцов, Герой Советского Союза, гвардии старший сержант.

25 июля 2008 года исполнилось 100 лет Н. С. Аверину, уроженцу Вытегорского района, Герою Советского Союза, рядовому.

30 июля в Бабаевском районе родился Н. И. Быстров, Герой Советского Союза, старший лейтенант.

5 августа 2008 года исполнилось 110 лет уроженцу Вожегодского района И. П. Луеву, Герою Советского Союза, гвардии капитану.

9 августа — День воинской славы России в честь первой в истории России победы русского флота над шведами в 1714 году.

15 августа в Нюксенском районе родился И. Е. Уланов, Герой Советского Союза, капитан.

28 августа в Харовском районе родился В. Н. Прокатов, Герой Советского Союза, сержант. В 2008 году ему исполнилось 85 лет.

8 сентября — День воинской славы России, День Бородинского сражения в 1812 г.

11 сентября — День воинской славы России (победа русской эскадры над турками у мыса Тендра в 1790 г.).

21 сентября — День воинской славы России, День победы на Куликовом поле в 1380 году.

23 сентября в Бабушкинском районе родился И. В. Бабкин, Герой Советского Союза, гвардии старший лейтенант.

27 сентября в Сокольском районе родился Н. В. Мамонов, Герой Советского Союза, подполковник.

3 октября в Верховажском районе родился Ф. А. Стебнев, Герой Советского Союза, полковник.

5 октября в Кирилловском районе родился А. Г. Обухов, Герой Советского Союза, гвардии младший сержант.

16 октября в Вологодском районе родился В. Н. Бахвалов, Герой Советского Союза, гвардии майор.

18 октября родился Сергей Преминин, Герой России.

4 ноября — День народного единства и согласия.

12 ноября в Никольском районе родился Н. А. Пьянков, Герой Советского Союза, старший лейтенант.

17 ноября 2008 года — 65 лет назад присвоено звание Героя Советского Союза В. Н. Иванову, уроженцу Вашкинского района, рядовому.

19 ноября в Великоустюгском районе родился М. Н. Угловский, Герой Советского Союза, гвардии майор

21 ноября в Череповецком районе родился В. И. Малыгин, Герой Советского Союза, майор.

24 ноября в Грязовецком районе родился А. Г. Хабаров, Герой Советского Союза, гвардии сержант.

1 декабря в городе Грязовце родился Г. Н. Преображенский, Герой Советского Союза, полковник.

3 декабря в Кичменгско-Городецком районе родился С. П. Большаков, Герой Советского Союза, старший лейтенант.

5 декабря в Тотемском районе родился И. И. Серков, Герой Советского Союза, старший лейтенант.

6 ДЕКАБРЯ 2008 ГОДА — 300 ЛЕТ БЕЛОЗЕРСКОМУ ПЕХОТНОМУ ПОЛКУ.

9 декабря — День Героев Отечества. До 1917 года в этот день отмечался праздник Георгиевских кавалеров. В этот день чествуют Героев Советского Союза, Героев России, кавалеров ордена Святого Георгия и ордена Славы

15 декабря в Череповецком районе родился С. П. Данилов, Герой Советского Союза, генерал-майор авиации.

25 декабря в Белозерском районе родился А. М. Никандров, Герой Советского союза, мичман.

Каждая неделя в Вологодской области — это память по одному из героев, иной раз сходятся на неделе сразу по три дня, когда родились героические вологжане. В их биографиях представлены все районы Вологодской области, ни один не обойден. Что же это за земля такая, которая дала Родине такую алмазную россыпь военных, золотое кольцо Героев, сотни тысяч орденосцев?.. Наш край на богатства не бедный: имеются и большие запасы нефти, и кимберлитовые трубки, и торф, и лес... Но самым главным земным богатством — на людей долга, чести и веры располагает в России, пожалуй, только одна Вологодская область.

Календарный список Героев отнюдь не полный. В нем не учтены десятки фамилий. Считаю необходимым в книге о военной доблести вологжан привести самый полный список тех, кем, в первую очередь, гордится Вологодская область.

Вологжане — Герои Советского Союза, полные кавалеры ордена Славы и Герои России

В список включены уроженцы Вологодской области (в границах административно-территориального деления на 1 января 1941 года). Наименование районов и населенных пунктов дается с учетом изменений в административно-территориальном делении, которые произошли в последующие годы. В список вологжан — Героев Советского Союза — также вошли уроженцы иных мест, проживавшие в Вологодской области не менее 10 лет, в том числе и после совершения подвига. В тех случаях, когда звание Героя присваивалось посмертно, в справке указывается дата гибели воина; в единичных случаях при отсутствии полных сведений в справке указывается только год (год и месяц) рождения. Воинское звание указывается на момент присвоения звания Героя; в конце справки приводится дата присвоения звания Героя.

Казakov Михаил Ильич, генерал армии (9.10.1901, д. Великуша Еловинского с/с Кичменгского р-на), 21.2.1978.

- Клубов Александр Федорович**, гвардии капитан (18.1.1918, д. Яруново Вотчинского с/с Вологодского р-на — 1.11.1944); 13.4.1944, второй Звезды Героя Советского Союза удостоен 27.6.1945.
- Аверин Николай Степанович**, рядовой (25. 7. 1908, д. Аверино Андомского с/с Вытегорского р-на — 27.7.1944); 24.3.1945.
- Амосов Александр Иванович**, лейтенант (14.9.1918, д. Супруново Чаевского с/с Череповецкого р-на — 24.3.1944); 2. 8.1944.
- Андреев Александр Васильевич**, гвардии младший лейтенант (4.3.1921, д. Филиппово Ферапонтовского с/с Кирилловского р-на); 31.5.1945.
- Артамонов Алексей Алексеевич**, лейтенант (1916, д. Шеино Спаского с/с Вологодского р-на — 30.7.1941); 27.08.1942.
- Артемьев Николай Михайлович**, рядовой (2.1.1921, д. Угол Вожегодского с/с Вологодского р-на); 30.10.43.
- Афанасьев Анатолий Георгиевич**, гвардии полковник (7.6.1912, С.-Петербург, с 1919 и до призыва в 1930 в РККА проживал в Череповце); 21.6.1944.
- Бабкин Иван Васильевич**, гвардии старший сержант (23.9.1914, д. Грозино Миньковского с/с Бабушкинского р-на); 9.2.1944.
- Баданин Василий Иванович**, гвардии рядовой (14.3.1920, д. Велкодворский Починок Кумбисерского с/с Никольского р-на); 19.3.1944.
- Барболин Николай Степанович**, гвардии старший сержант (1.3. 1922 д. Павлово, Сараевского с/с Кичменгско-Городецкого р-на); 26.10.1943.
- Бахвалов Валентин Николаевич**, гвардии майор (16.10.1913, д. Гуляево, Нефедовского с/с Вологодского р-на); 31.5.1945.
- Беляев Иван Потапович**, лейтенант (12.1.1924, д. Лухцы Санинского с/с Бабаевского р-на); 24.3.1945.
- Беляев Ириной Федорович**, капитан (23.8.1914, д. Крюково Рослятинского с/с Бабушкинского р-на — 8.07.1943); 5.05.1991.
- Беляев Павел Иванович**, полковник, летчик-космонавт СССР (26.6.1925, д.Челищево Рослятинского с/с Бабушкинского р-на); 23.3.1965.
- Берестовенко Михаил Порфирьевич**, лейтенант (19.10.1921, Кировоградская обл., с 1930 г. до призыва в 1941 г. в РККА проживал в Харовске); 21.7.1944.
- Богатырев Василий Васильевич**, гвардии лейтенант (5.2.1922, д. Куреваниха Хрипелевского с/с Устюженского р-на — 3.4.1945); 15.5.1946.
- Болтушкин Александр Павлович**, гвардии старший сержант (5.4.1904, д. Сарафановские Кулиги Городищенского с/с Нюксенского р-на — 5.3.1943); 18.5.1943.
- Большаков Никифор Григорьевич**, старший лейтенант (1902, д. Рогачиха Верховажского с/с Верховажского р-на); 15.1.1940.
- Большаков Сергей Петрович**, старший лейтенант (3.12.1918, д. Долматово Емельяновского с/с Кичменгско-Городецкого р-на); 23.5.1945.

- Быстров Николай Игнатьевич**, старший лейтенант (30.7.1922, д. Стунино Комоневского с/с Бабаевского р-на); 29.6.45.
- Быстров Сергей Михайлович**, младший командир — водитель танка (31.3.1911, д. Стунино Комоневского с/с Бабаевского р-на); 3.12.1936 — первый из вологжан удостоен звания Героя Советского Союза.
- Васильев Иван Петрович**, сержант (2.8.1921, д. Турманское Дмитриевского с/с Кадуйского р-на); 17.10.1943.
- Верняев Анатолий Яковлевич**, гвардии старший лейтенант (6.5.1920, д. Ушаково Ивановского с/с Вашкинского р-на); 13.3.1944.
- Вехин Григорий Иванович**, гвардии генерал-майор (5.1.1901, д. Ерово Казаковского с/с Вытегорского р-на); 29.5.1945.
- Власов Михаил Константинович**, капитан (24.10.1910, д. Ярыгино Семеновского с/с Вологодского р-на — 26.6.1944); 21.7.1944.
- Власов Петр Дмитриевич**, старший лейтенант (25.7.1916, д. Талица Великодворского с/с Бабушкинского р-на — 29.9.1943); 1.11.1943.
- Гаврилов Петр Иванович**, сержант (1925, д. Иванцево Надпорожского с/с Череповецкого р-на); 24.3.1945.
- Гладков Борис Васильевич**, гвардии младший лейтенант (25.12.1922, д. Бологово Борисовского с/с Вологодского р-на); 24.3.1945.
- Глухов Дмитрий Андреевич**, капитан 3-го ранга (7.11.1906, д. Хмелин Коротовского с/с Череповецкого р-на — 11.11.1943); 22.1.1944.
- Голубой Александр Михайлович**, гвардии лейтенант (13.12.1919, д. Ивашево Еремеевского с/с Шекснинского р-на); 18.08.1945.
- Голяков Михаил Николаевич**, старший сержант (19.11.1910, г. Грязовец); 22.2.1944.
- Гущин Павел Федорович**, лейтенант (13.10.1924, д. Антушева Гора Середского с/с Тотемского р-на — 15.2.1945); 24.3.1945.
- Данилов Степан Павлович**, генерал-майор авиации (15.12.1909, д. Коротово Коротовского с/с Череповецкого р-на); 17.11.1939.
- Дидок (Дедок) Яков Терентьевич**, гвардии рядовой (5.3.1925, Днепропетровская обл., с 1930 г. и до призыва в 1943 г. в РККА проживал в Митинском леспромхозе); 23.9.1944.
- Долгов Владимир Константинович**, гвардии лейтенант (28.3.1916, г. Вологда — 24.6.1944); 24.3.1945.
- Жуков Михаил Петрович**, младший лейтенант (10.11.1917, д. Ружбово Абаканского с/с Череповецкого р-на — 12.1.1943); 8.7.1941 — одним из первых в истории Великой Отечественной войны совершил воздушный таран.
- Задорин Николай Степанович**, старший лейтенант (1908, с. Новое Старосельского с/с Междуреченского р-на); 29.08.1939.
- Иванов Василий Николаевич**, полковник (7.3.1906, д. Шоломово Погореловского с/с Вологодского р-на); 31.5.1945.
- Иванов Василий Николаевич**, рядовой (1925, д. Демино Пиксимова с/с Вашкинского р-на); 17.11.1943.

- Иванов Константин Александрович**, старший сержант (8.1.1922, д. Еремеево Еремеевского с/с Шекснинского р-на); 22.2.1944.
- Ивановский Павел Иванович**, старший лейтенант (3.11.1898, Тарногский Городок — 29.12.1939); 20.5.1940.
- Ивин Иван Александрович**, сержант (1899, д. Леваш Нижнепеченгского с/с Тотемского р-на); 23.10.1943.
- Игошев Александр Александрович**, младший лейтенант (10.10.1915, д. Пузовка Никольского с/с Тотемского р-на); 7.4.1940.
- Каберов Игорь Александрович**, гвардии капитан (25.4.1917, д. Никулинское Новленского с/с Вологодского р-на); 24.7.1943.
- Калачев Владимир Николаевич**, майор (10.8.1910, д. Гора Коварзинского с/с Кирилловского р-на); 29.8.1939.
- Капустин Петр Иннокентьевич**, майор (4.9.1914, д. Гавшино Середского с/с Тотемского р-на); 27.2. 1945.
- Карташов Алексей Александрович**, рядовой (18.2.1924, д. Мокошево Никольского с/с Кадуйского р-на — 26.9.1943); 23.10.1943.
- Квашнин Иван Фирсович**, старший политрук (1906, д. Прядино Сиземского с/с Шекснинского р-на — 20.2.1940); 21.3.1940.
- Киселев Рафаил Алексеевич**, старший лейтенант (1912, д. Ивачино Кубинского с/с Харовского р-на — 29.9.1943); 17.10.1943.
- Клинов Игорь Петрович**, младший сержант (1922, д. Большой Двор Большедворского с/с Череповецкого р-на — 1.8.1944); 24.3.1945.
- Кокшаров Иван Иванович**, гвардии старший сержант (6.9.1919, д. Большое Хавино Емельяновского с/с Кичменгско-Городецкого р-на); 19.4.1945.
- Колычев Олег Федосеевич**, лейтенант (5.6.1923, д. Матвеево Матвеевского с/с Тотемского р-на); 24.3.1945.
- Коновалов Андрей Павлович**, капитан (20.5.1918, д. Задний Двор Новолукинского с/с Бабаевского р-на); 13.3.1944.
- Копылов Василий Иванович**, капитан (29.1.1906, д. Каликино Трегубовского с/с Великоустюгского р-на — 2.5.1945); 15.5.1946.
- Кореляков Алексей Николаевич**, рядовой (27.3.1926, д. Громошиха Лентьевского с/с Устюженского р-на); 8.9.1945.
- Кормановский Иван Прокопьевич**, гвардии сержант (11.4.1925, д. Великий Двор Городищенского с/с Нюксенского р-на); 10.4.1945.
- Коробов Вадим Константинович**, контр-адмирал (15.2.1927, Вологда); 25.5.1976.
- Коряковский Иван Сергеевич**, лейтенант (18.10.1912, д. Коряково Захаровского с/с Кичменгско-Городецкого р-на); 15.9.1944.
- Костромце(о)в Петр Степанович**, гвардии старший сержант (22.7.1917, с. Никольское Абакановского с/с Череповецкого р-на — 12.8.1944); 22.7.1944.
- Котов Николай Иванович**, старший сержант (12.3.1918, Ярославская обл., с 1930 г. жил в пос. Молочное); 15.1.1944.
- Котюнин Василий Андреевич**, полковник (1920, Ярославская обл., после войны жил в Череповце); 19.04.1945.

- Красник Иван Яковлевич**, гвардии сержант (20.1.1897, с 1930 до призыва в РККА проживал в пос. Зимняк Брусенского с/с Нюксенского р-на — 27.7.1944); 25.9.1944.
- Крюков Николай Васильевич**, майор (22.5.1907, д. Крюково Грушинского с/с Бабушкинского р-на); 16.9.1941.
- Кузнецов Александр Александрович**, гвардии капитан (7.11.1915, А. Нокшино Юдинского с/с Великоустюгского р-на — 23.8.1942); 12.1942.
- Кузнецов Алексей Кириллович**, майор (12.3.1901, д. Климовская Явенгского с/с Вожегодского р-на — 28.8.1941); 22.2.1943.
- Кузнецов Николай Иванович**, старший сержант (29.4.1922, Пытучей Андомского с/с Вытегорского р-на); 19.4. 1945 — полный кавалер ордена Славы.
- Кукушкин Виктор Николаевич**, лейтенант (16.6.1923, Вологда); 25.10.1943.
- Ларионов Георгий Петрович**, капитан (1908, С.-Петербург, с 1922 до призыва в армию жил в Чагоде); 21.3.1940.
- Лебедев Василий Петрович**, гвардии старший лейтенант (30.4.1914, д. Спирутино Бойловского с/с Кадуйского р-на); 27.2.1945.
- Лелеков Александр Макарович**, старший сержант (16.3.1902, д. Толстик Талицкого с/с Кирилловского р-на); 13.9.1944.
- Ловенецкий Степан Александрович**, сержант (26.10.1923, Могилевская обл., с 1930 до 1942 проживал в Вологде — 24.10.1944); 28.4.1945.
- Лошков Алексей Иванович**, младший командир (20.5.1917, д. Павлоково Ильинского с/с Череповецкого р-на); 21.3.1940.
- Луев Иван Панкратьевич**, гвардии капитан (5.8.1898, д. Степаниха Тигинского с/с Вожегодского р-на — 21.8.1944); 24.3.1945.
- Макаров Павел Александрович**, сержант (10.11.1921, д. Рязань Коротовского с/с Череповецкого р-на — 24.3.1944); 23.9.1944.
- Малоземов Иван Прокопьевич**, гвардии старший лейтенант (26.11.1921, д. Пестово Енинского с/с Белозерского р-на — 31.1.1943); 21.4.1943.
- Малыгин Василий Иванович**, майор (21.11.1905, д. Паршино Коротовского с/с Череповецкого р-на); 16.9.1941.
- Мамонов Николай Васильевич**, подполковник (27.9.1919, д. Пашенино Архангельского с/с Сокольского р-на — 26.10.1944); 24.3.1945.
- Маракасов Анатолий Владимирович**, лейтенант (15.4.1920, д. Поповка Семеновского с/с Вологодского р-на — 6.10.1943); 29.10.1943.
- Матюгин Иван Максимович**, подполковник (9.10.1907, д. Никитинская Тигинского с/с Вожегодского р-на — 15.10.1943); 30.10.1943.
- Мельников Александр Иванович**, рядовой (18.12.1900, д. Бывальцево Мережского с/с Устюженского р-на); 13.9.1944.
- Меркурьев Николай Иванович**, лейтенант (6.12.1920, д. Меркурьевский Починок Орловского с/с Великоустюгского р-на); 31.5.1945.

- Моисеев Николай Иванович**, гвардии ефрейтор (9.5.1901, д. Осека Барановского с/с Кадуйского р-на); 15.1.1944.
- Моченков Леонид Иванович**, капитан (21.4.1913, д. Углы Череповецкого р-на — 23.7.1943); 15.1.1944.
- Мусинский Николай Степанович**, лейтенант (18.4.1921, д. Большое Ведерниково Марденгского с/с Великоустюгского р-на); 30.1.1943.
- Мушников Владимир Александрович**, сержант (6.12.1923, д. Чашниково Спасского с/с Вологодского р-на); 22.2.1944.
- Мякшин Геннадий Александрович**, старшина (27.1.1922, Архангельская обл., с 1925 до 1941 проживал в Тотьме); 24.3.1945.
- Никандров Александр Михайлович**, мичман (25.12.1912, д. Устье Артюшинского с/с Белозерского р-на); 14.9.1945.
- Новожилов Иван Васильевич**, капитан (9.10.1910, д. Торowo Череповецкого р-на); 24.8.1943.
- Норицин Петр Михайлович**, младший сержант (21.12.1903, д. Митино Великоустюгского р-на — 21.1.1943); 23.9.1943.
- Образцов Борис Александрович**, гвардии старший лейтенант (7.4.1923, Вологда — 11.7.1951); 10.10.1951.
- Обухов Александр Григорьевич**, гвардии младший сержант (5.10.1921, д. Лукинки Суховерховского с/с Кирилловского р-на), 23.7.1944.
- Орешков Сергей Николаевич**, гвардии младший лейтенант (20.6.1916, д. Чуприно Кадниковского с/с Сокольского р-на — 19.8.1943); 20.12.1943.
- Очеленко Владимир Николаевич**, младший сержант (1922, Череповец — 26.3.1944); 20.4.1945.
- Павлов Василий Михайлович**, гвардии рядовой (10.7.1904, д. Верхний Рыстюг Краснополянского с/с Никольского р-на — 5.3.1943); 18.5.1943.
- Павлов Владимир Григорьевич**, гвардии старший лейтенант (27.5.1921, д. Подберезка Тимошинского с/с Бабаевского р-на); 19.8.1944.
- Павлов Николай Никитович**, старший сержант (13.11.1921, д. Немково Лукинского с/с Чагодощенского р-на); 13.11.1943.
- Панкратов Александр Константинович**, младший политрук (10.3.1917, д. Абакшино Октябрьского с/с Вологодского р-на — 24.8.1941), 16.3.1942 — первым в истории Великой Отечественной войны совершил подвиг самопожертвования.
- Пахомов Алексей Константинович**, гвардии полковник (10.3.1912, д. Анкушино Усть-Кубинского р-на); 14.1.1952.
- Пелевин Александр Васильевич**, старший сержант (29.6.1915, д. Дьяконцево Вотчинского с/с Вологодского р-на — 23.12.1944); 29.6.1945.
- Петров Николай Степанович**, гвардии лейтенант (25.12.1922, д. Трутнево Казаковского с/с Вытегорского р-на); 27.6.1945.
- Петухов Николай Евгеньевич**, гвардии рядовой (23.3.1925, д. Михалево Чушевицкого с/с Верховажского р-на — 22.9.1943); 17.11.1943.

- Пименов Иван Иванович**, капитан (25.1.1917, д. Корытово Несвойского с/с Вологодского р-на — 27.12.1944); 24.3.1945.
- Полянский Александр Александрович**, старший радист ледокола «Георгий Седов» (1902, д. Полянки Несвойского с/с Вологодского р-на); 3.2.1940.
- Поросенков Павел Федорович**, младший командир (25.9.1912, д. Чупрово Нефедовского с/с Вологодского р-на); 5.2.1940.
- Преображенский Георгий Николаевич**, полковник (1.12.1897, Грязовец); 16.5.1944.
- Преображенский Евгений Николаевич**, полковник (22.6.1909, с. Волокославинское Волокославинского с/с Кирилловского р-на); 13.8.1941.
- Прокатов Василий Николаевич**, сержант (28.08.1923, д. Кузовлево Харовского с/с Харовского р-на — 14.12.1942); 31.3.1943.
- Прохоров Иван Иванович**, гвардии рядовой (19.1.1926, д. Занино (хут. Загорье) Плосковского с/с Бабаевского р-на — 11.2.1945); 27.2.1945.
- Пьянков Николай Алексеевич**, старший лейтенант (12.11.1922, д. Мокрецово Краснопольского с/с Никольского р-на); 24.3.1945.
- Рогозин Владимир Алексеевич** (Александрович), младший сержант (2.3.1925, д. Надпорожье Вожегодского с/с Вожегодского р-на — 9.4.1944); 23.9.1944 — один из самых молодых Героев (19 лет).
- Румянцев Александр Андреевич**, лейтенант (19.8.1922, д. Новгородово Устьрецкого с/с Сямженского р-на — 17.10.1943), 30.10.1943.
- Сазонов Рим Михайлович**, майор (1917, Пензенская обл., с 1951 г. жил в Вологодской обл. — Великоустюгский и Череповецкий районы, Череповец); 10.04.1945.
- Самарин Михаил Андреевич**, капитан (3.11.1914, д. Крюково Лежского с/с Грязовецкого р-на — 10.10.1943); 29.10.1943.
- Сапожников Алексей Павлович**, гвардии старший лейтенант (30.3.1915, д. Норовка Чуровского с/с Шекснинского р-на); 24.3.1945.
- Серков Иван Иванович**, старший лейтенант (5.12.1919, д. Светица Погореловского с/с Тотемского р-на); 27.2.1945.
- Серов Иван Александрович**, генерал армии, с 1963 — генерал-майор ГБ (12.8.1905, с. Афимская Сокольского р-на — 1.7.1990, Москва); 29.5.1945, лишен звания в 1963.
- Серов Николай Васильевич**, младший лейтенант (6.2.1924, д. Мишутино Пальцевского с/с Бабаевского р-на — 5.9.1944); 24.3.1945.
- Сироткин Юрий Иванович**, гвардии старший лейтенант (13.9.1922, д. Дор (?) Грязовецкого р-на); 31.5.1945.
- Смирнов Александр Федорович**, майор (1.7.1906, д. Костенево Ягановского с/с Череповецкого р-на); 24.3.1945.
- Смирнов Клавдий Константинович**, сержант (1915, д. Полежаиха Устьрецкого с/с Сямженского р-на — 22.8.1943); 19.3.1944.
- Смирнов Федор Андреевич**, старший лейтенант (22.2.1914, с. Липин Бор Вашкинского р-на — 5.7.1944); 24.3.1945.

- Сорокин Михаил Иванович**, гвардии лейтенант (23.2.1918, д. Поповская Дмитриевского с/с Череповецкого р-на); 26.10.1943.
- Стебнев Федор Александрович**, полковник (3.10.1899, д. Подсосенье Чушевицкого с/с Верховажского р-на); 24.3.1945.
- Стеблев Александр Федорович**, рядовой (5.5.1918, д. Белехово Великодворского с/с Бабушкинской р-на); 7.4.1940.
- Стружкин Иван Васильевич**, капитан (11.4.1914, д. Улкино Володинского с/с Бабаевского р-на — 6.4.1942); 21.7.1942.
- Сугрин Валентин Васильевич**, гвардии старший лейтенант (4.4.1922, д. Ваталино Погореловского с/с Вологодского р-на); 18.8.1945.
- Тихов Анатолий Устинович**, старший лейтенант (1919, д. Высоково Череповецкого р-на); 26.10.1944.
- Тихонов Николай Викторович**, капитан (4.12.1914, д. Бор Николо-Раменского с/с Череповецкого р-на — 10.9.1943); 4.2.1944.
- Тяпушкин Алексей Александрович**, сержант (14.9.1919, д. Федяево Кубенского с/с Вологодского р-на); 24.3.1945.
- Угловский Анатолий Ефимович**, рядовой (24.7.1923, д. Лужевица Трегубовского с/с Великоустюгского р-на — 20.12.1943); 4.6.1944.
- Угловский Михаил Николаевич**, гвардии майор (19.11.1911, д. Лужевица Трегубовского с/с Великоустюгского р-на — 8.8.1943); 21.9.1943.
- Уланов Илья Евстафьевич**, капитан (15.8.1911, д. Заборье Уфтыгского с/с Нюксенского р-на); 10.1.1944.
- Фарунцев Борис Николаевич**, рядовой (22.9.1915, д. Вахрушево Пудегского с/с Вологодского р-на); 16.10.1943.
- Федоров Тимофей Васильевич**, сержант (20.6.1915, д. Скорынино Чаромского с/с Шекснинского р-на — 21.1.1944); 5.10.1944.
- Фомичев Павел Никитович**, старший лейтенант (15.7.1912, д. Сорка Санинского с/с Бабаевского р-на); 24.12.1943.
- Фролов Иван Николаевич**, рядовой (1918, д. Олисово Лукинского с/с Чагодощенского р-на); 4.6.1942.
- Хабаров Александр Григорьевич**, гвардии сержант (24.11.1922, д. Иванцево Грязовецкого р-на); 10.1.1944.
- Хватов Иван Александрович**, лейтенант (7.7.1921, д. Климовская Вожегодского с/с Вожегодского р-на); 21.3.1940.
- Черепанов Сергей Михайлович**, сержант (16.7.1916, д. Пестово Трегубовского с/с Великоустюгского р-на — 24.1.1944); 5.10.1944.
- Чернов Василий Иванович**, гвардии младший лейтенант (20.2.1915, д. Сербя Андроновского с/с Кадуйского р-на); 27.2.1945.
- Черношеин Василий Алексеевич**, гвардии ефрейтор (9.8.1924, д. Шильмяшево Покровского с/с Грязовецкого р-на); 15.5.1946.
- Чистяков Василий Михайлович**, капитан (10.2.1908, д. Балахтиме-рево Хрипелевского с/с Устюженского р-на); 20.6.1942.
- Шагалов Анатолий Валентинович**, рядовой (15.7.1924, д. Мотовилиха Вожегодского с/с Вожегодского р-на — 15.7.1944); 24.3.1945.

- Шевелев Петр Елизарович**, сержант (28.5.1911, д. Любичевская Ромашевского с/с Тарногского р-на); 22.2.1944.
- Шумилихин Иван Михайлович**, подполковник (3.6.1914, д. Титово Саминского с/с Вытегорского р-на); 1.7.1944.
- Щетинин Николай Иванович**, гвардии старший лейтенант (21.3.1921, д. Михеевская Явенгского с/с Вожегодского р-на); 15.1.1944.
- Юдин Александр Дмитриевич**, младший сержант (1.9.1925, с. Никольское Никольского с/с Усть-Кубинского р-на); 17.10.1943.
- Южак Василий Михайлович**, младший лейтенант (18.4.1913, д. Муравьево Подболотного с/с Бабушкинского р-на); 20.5.1940.
- Юнин Иван Михайлович**, капитан (10.10.1910, с. Леденгское, ныне с. им. Бабушкина Бабушкинского р-на); 1.11.1943.
- Яковлев Николай Александрович**, гвардии младший сержант (6.4.1924, д. Сидоровская Заднесельского с/с Усть-Кубинского р-на — 1.10.1943); 15.1.1944.

Вологжане — Герои России

(Составители: *В. Б. Конасов, Г. В. Судаков*)

- Баталов Игорь Адольфович**, капитан (2.6.1967, Калинин, с 1976 г. в Вологодской обл. — 9.12.2004, Москва); 15.05.1995.
- Завитухин Андрей Анатольевич**, майор (22.6.1962, пос. Сосновка Череповецкого р-на — 31.01.2001, Чеченская Республика); 11.07.2000.
- Логиновский Владимир Аркадьевич**, летчик-испытатель (1960, д. Бакшеев Дор Кичменгско-Городецкого р-на); 15.01.1998.
- Перец Сергей Владимирович**, капитан милиции (28.09.1969, Кострома, жил в Череповце с 1994 — 16.08.2002, Чеченская Республика); 8.11.2003.
- Петров Олег Михайлович**, рядовой (1974, Череповец — 4.10.1993, Москва); 1993 — первый Герой России на Вологодчине.
- Преминин Сергей Анатольевич**, матрос-подводник (18.10.1965, д. Скорняково Великоустюгского р-на — 3.10.1986, Саргасово море); 7.08.1997.

* * *

В одной из своих книг автор этих строк писал, что символами Вологодской земли должны стать три экспоната, найденные экспедицией археологов в Белозерье: карбонизированные (окаменевшие) зерна ржи тысячелетней давности, женские украшения, выделанные в местной ювелирной мастерской, и первые нательные христианские кресты. Если обратить эти находки в символы, то получится: Хлеб насущный, Красота рукотворная и Вера православная. Эти предметы, поднятые из толщи земли, из слоев X века, действительно, должны храниться на самом видном месте главного выставочного зала Вологодской области. С них началась наша земля, ее известность и слава.

Но сейчас нам хочется добавить еще один предмет, который не раз и не два находили в многочисленных раскопках археологи. Это — железный наконечник боевой стрелы, метко поражавший врага.

Пусть под стеклом сохраняются четыре экспоната великой вологодской истории — зерно, подвеска, крест и стрела. *Хлеб, Красота, Вера и Защита их.*

ВОССТАНОВИМ ДЕТИНЕЦ РУССКОЙ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ — СЕВЕРНЫЙ ФОРПОСТ РОССИИ

В 2012 году исполняется 1150 лет славному городу Белозерску. Велико его значение в истории нашей Родины. Город у Белого озера стал северным форпостом Древнерусского государства, одним из крупнейших центров молодой русской государственности. Со времен собирателя русских земель Ивана Даниловича Калиты Белозерск являлся важнейшим оплотом Московского великого княжества, из которого выросли Русское государство, Российская империя, СССР и современная Россия. Из таких городов-почек, глубоко укорененных в русскую землю, поднялось, расправило ветви и расцвело всё державное древо великой российской государственности, раскинувшей свою благодатную крону и над Европой, и над Азией.

В исторических судьбах России куда важнее не летописное известие о призвании варягов, которое постоянно цитируется и рассказывает нам о борьбе за властную иерархию, а сообщение Воскресенской летописи: «Пришедше словени с Дуная и седше у езера Ладожскаго и оттоле прииде и седоша около езера Илменя». Мы можем легко продлить эту запись: «... и оттоле прииде и седоша около Белезера». В этом дополнении не будет никакой исторической ошибки. Так и было в нашем прошлом — одно из самых крупных, передовых по своему развитию хлебопашеских, ремесленных и ратных славянских племен совершило переход с берегов южного Дуная, своей прародины, к берегам Ладожского озера, где ими была основана древняя столица Руси — нынешняя Старая Ладога. В свою очередь, от этого озера путь словен лежал дальше, к другому озеру Ильмену, где они воздвигли Новый город, нынешний Великий Новгород. Затем пошли к третьему большому «езеру» — Белому, где поставили град Белоозеро, современный Белозерск.

Доказательства такого пути можно найти в археологии, в которой на примере самых архаичных и одновременно устойчивых форм жилых построек выяснено, что «ладожские дома поразительно похожи на дома-пятистенки, обнаруженные археологами в Новгороде и Белоозере» (А. Н. Кирпичников, В. Д. Сарабьянов «Ладога — древняя столица Руси». СПб, 1996). Похожи, потому что их рубили, там жили одни и те же люди.

Зная, откуда есть и пошли наши предки, вернемся в Белозерск.

В 1488–1489 годах при князе Андрее Дмитриевиче Можайском и Белозерском этот городок переносится от истока Шексны на нынешнее место. Иван III, сын Василия Темного, носивший прозвище Державный, повелел в те же годы в новом городе Белоозере построить «рубленную осыпь» — высокий земляной вал со рвом и на

нем деревянный детинец-крепость. За год, если верить летописям и историкам, был выстроен деревянный кремль. По описи Белозера 1678 года кремль представлял собой «вал земляной, по валу рублены клетки в 3 угла, по городу 8 башен, и в том числе 2 проезжих».

В «Описании града Белеозера» конца XVIII века читаем: «По нагорной городской стороне стоит крепость, обнесена земляным валом, окружностью 530, а вышиной тот вал, кроме рва, 8 сажень. Ров же глубины по положению мест от 2 до 4 сажень... По вышине того вала, в ширину пространного прохода, прежде была пространная с батареями (артиллерии. — *В. Д.*) стена и башни деревянные, кои строения уже от ветхости сгнили».

Сохранившийся к тому времени Белозерский деревянный кремль, чудом не пострадавший 10 июля 1612 года, когда город был razoren, разграблен и выжжен польско-литовскими и казачьими разбойными шайками, разобрали в 1758 году. С тех пор жители и гости города видят оставшиеся от кремля высокие земляные валы, «осыпь», с которых открывается чудесный вид на город и на огромное озеро.

Согласно обмерам в описаниях, рубленая стена Белозерского кремля была высотой в две сажени (более четырех метров, двадцать два венца бревен) с шестью глухими башнями и двумя воротными (воротами), общей протяженностью почти в километр.

Представьте себе на сохранившихся, оплывших от древности, земляных валах, такое деревянное сооружение: настоящую древнерусскую сказку, рубленый красавец-кремль!.. Аналогов ему в мире нет и никогда не будет. Деревянный северный детинец — такое же чудо света, как египетская пирамида Хеопса, собор Василия Блаженного, мавзолей Тадж-Махал в Индии, город инков Мачу-Пикча и другие памятники, в том числе и карельские Кижы.

Верю, что найдутся силы и финансовые средства, чтобы восстановить этот легендарный кремль. Об этом я думал, когда присутствовал на вечере В. И. Белова в Зале Церковных Соборов великолепного Храма Христа Спасителя в Москве. Никто из нас, современников, не мог даже предположить, что восстанет из пепла, вернее, из хлорированных вод бассейна «Москва», этот исполин — символ победы над Наполеоном, храм русской воинской славы, духовный центр Русской земли!.. Прошло несколько лет — и вот он, торжественно-благолепный, принимает нас, вологжан, и одной из главных его духовных святынь является образ Богоматери Одигитрии (Путеводительницы) Смоленской, чудотворной иконы, спасшей Северную Русь от Смуты в начале XVII века, и происходящей из городского храма в Устюжне. Эта вологодская икона в богатом серебряном окладе находится на солее, где молится по большим православным праздникам президент России.

Мы всё можем, когда речь идет о восстановлении великой традиции или знаменательной страницы отечественной истории. Подняли же из руин каменную, куда более дорогостоящую, крепость в

Старой Ладогe, а в Якутске срубили башню местного острога, ставшую главной достопримечательностью города.

Вологжане в этом отношении для многих являются примером: они поддерживают в сохранности гигантскую каменную стену с башнями «государевой крепости» в Кириллове. На Спасо-Каменном острове семейство вологодских подвижников Плигиных из груды взорванного кирпича восстанавливает красавец монастырь — каменные Кижи. Рядом в селе Несвойском вологодский предприниматель Л. В. Комаров за четыре года построил практически заново каменный дворец времен Екатерины Великой общей площадью 1800 кв. метров. В Семёново, в музее под открытым небом, кропотливо собирается крестьянское и церковное деревянное зодчество Вологодчины. По всему пути от Вологды до Белозерска, если ехать по старой дороге, восстанавливаются, а то и заново возводятся сельские приходские храмы.

Поэтому ничто не мешает возродить чудо-крепость XIV века в Белозерске. Или хотя бы для начала одну «парадную» стену с двумя угловыми и въездной башнями. А там и дело доделается, стоит только его начать!.. Хитрости построения таких детинцев хорошо известны в реставрации, плотницкое мастерство еще, слава Богу, существует, лес в области для такой благой цели найдется...

Сегодня районный Белозерск пребывает в стороне от экономических, торговых и, как ни странно, туристических дорог. На водной трассе Волго-Балта, крупнейшей голубой артерии Европы, нет даже пристани «Белозерск», к которой еще в 1970–1980-ые годы приставали быстроходные «Ракеты» и «Метеоры», двух-трехпалубные теплоходы. Вместо пристани теперь здесь располагается частная гостиница.

В случае восстановления деревянного детинца-кремля, Белозерск станет туристическим центром России, городом великой древности нашей страны. И не только древности. Белоозеро вернет свою славу города воинской доблести, центра ратного дела, родины защитников Отечества.

Белозерцы тысячу лет сражались за свободу и независимость Родины. Первое упоминание о Белозерском полке относится к 1183 году. В 2005 году в Белозерске на территории кремля был открыт памятник белозерским князьям с дружиной, погибших, как сказал Дмитрий Донской, «ради земли Русской и веры христианской, чтобы старые рассказывали, а молодые помнили».

По указу Петра Великого в 1708 году был образован Белозерский пехотный полк, который двести десять лет победоносно шагал по дорогам Европы, став одним из лучших воинских формирований Российской империи. Полтава, Бородино, Севастополь — адреса его полковой славы. Висла, Рейн, Дунай, Сена — реки, из которых поили своих коней Белозерцы.

А сколько местных жителей погибли на полях Великой Отечественной войны!.. Переписываю данные только по одному Ануфриевскому сельскому совету Белозерского района: из деревни Ануф-

риево из 52 ушедших на фронт 33 погибли; из деревни Борисово из 5 ушедших погибших 3; из деревни Буково из 26 не вернулись 19; из села Воздвиженья — из 31 — 19; из деревни Волочек — 5 из 11... Во многих белозерских деревнях больше половины мужиков не пришли обратно.

Об этом думаешь, когда стоишь у старинных земляных валов Белозерска. Этот край исправно поставлял Руси-России защитников, рожал новых, растил и вновь отправлял рекрутов и добровольцев на поля сражений, славил героев и плакал на панихидах по убиенным.

В городе сегодня просыпается активный интерес к родной истории. Необычный музей «Княжеская гридница» (такого второго нет в России!) принимает экскурсантов, демонстрируя обычаи и быт далекой старины — парадную палату княжеского двора, где происходили военные советы и пиры дружинников. На стенах гридницы — оружие, червленые щиты, кольчуги и шлемы, в центре музея стоит резное кресло с волчьими шкурами, где восседает удельный князь. Все экспонаты можно не только потрогать руками, но и облачиться в кольчугу и надеть шлем, пофорсить в одеждах княгинь и боярских дочерей, пострелять на улице из лука, поносить тяжелый меч, одним словом, представить себя воином и жителей древнего Белоозера.

Музей создан активистами клуба исторической реконструкции «Белозерская дружина», существующего в Белозерске с 2000 года. Два десятка городских энтузиастов собрались, чтобы возродить память о прошлом родного края, исходя из самой характерной для Белоозера исторической особенности — города русской воинской славы. Хотя посад на озере славился ремесленниками (ювелирами, кузнецами и прочими мастеровыми людьми), купцами и рыбаками, мужественные вои — главные персонажи белозерской старины.

В клубе под руководством историка Игоря Ручина воссоздаются костюмы и бытовые вещи белозёров XI–XIV веков, их оружие и доспехи, которые можно увидеть в «Княжеской гриднице». В ближайших планах — изготовление древнерусской ладьи, строительство и расширение историко-архитектурного комплекса «Княжий двор» — городской усадьбы XII–XIII веков, создание интерактивной экспозиции «Приказная изба в городе Белоозеро».

Не сомневаюсь, что с восстановлением средневекового детинца в Белозерске постепенно соберется и обустроится Музей русской воинской славы, музей тысячелетней истории Белозерского полка. Основа его, благодаря городским энтузиастам, историку Игорю Александровичу Ручину, с помощью скромного бюджета муниципального района, ранее возглавляемого А. А. Цымбыловым, а сегодня — В. Л. Лебедевым, уже закладывается. Музей будет не менее интересен, чем музей подводной лодки, пришвартованной к пирсу в Вытегре. Такого рода необычные экспозиции, памятные места, реконструкции служат доброму и очень актуальному делу — воспитанию детей и молодежи в патриотическом духе, чтобы они с чувством благодарности смотрели на деяния своих предков, имели перед собой наглядный пример, кому подражать, кем и за что гордиться.

Восстановленный Белозерский кремль войдет в воссозданную историю фортификационного искусства, и, наряду с каменной крепостью в Кириллове, Музеем фресок Дионисия, станет местом паломничества сотен тысяч туристов со всех стран мира.

Представьте на минуту, вы подъезжаете к центру Белозерска, и вам не терпится увидеть, как впереди поднимутся рубленные в «обло» стены крепости-детинца с башнями, которые серебрятся лемехом шатровых покрытий, и весь вид этой мощной красоты, такой близкой взгляду и душе, заставит вас быстрее пройти по древнему мосту через ров в тяжело разведенные створы ворот с коваными замками...

Здравствуй, летописное, древнее и молодое, Белоозеро!..

* * *

В русских летописных сводах немало упоминаний о белозерских воинах, дружинах, полках, их походах и сражениях. Подборку материалов «Русские летописи о Белозерских князьях и крае (до XV века)» составил известный вологодский историк Ю. С. Васильев, знаток прошлого Белозерского края, для краеведческого альманаха «Белозерье» (Выпуск 2. Вологда, 1998). Судя по этой публикации, «белозерцы», как воины, упоминаются в летописях с 1096 года.

Впервые полное наименование «полк белозерцов» появилось в летописании в 1183 году. Более того, назван их командир — воевода Фома Ласков.

Свои приложения к истории Белозерского полка мы открываем именно этим сообщением.

В лето 6692 (1183). Иде князь велики Всеволод Юрьевич Владимирский на Болгары с братаничем своим со князем Изяславом Глебовичем, внуком Юрья Догорукаго... и со князем Мстиславом Давидовичем и со князем Владимиром Святославичем; призва же к себе на помощь и Рязанских князей, и Муромских... И поидоша водою в судех и берегом на конех, и пришедше в землю их, и вышедше на брег, и сташа у градка их, нарицаемаго Тугчина, и ту стоаше два дни, и в третий день поидоша к великому граду их, а сторожем ездящим напреду. Оттуда же нарядиша **полк белозерцов** (выделено нами. — *В. Д.*), и воевода бе у них Фома Ласков, и посла их к судом иже на воде стоаху, да стрегут их от половцев... Пришедшее же болгары близ к лодиям, и устремишася на бой, они же Божию помощью укрепльшеся, поидоша противу их. Видевше же их болгары, Божию помощью и пречистыа Богородицы устрашении быша, побегоша, и никому же гонящу их, точию гневом Божиим гоними, Белозерцы же с прочими своими вои их секуще я. Половцем же бежащим и истопе их тогда яко до двою тысящ... Князь же Всеволод Юрьевич Владимирский с болгары смирися и возвратися в Володимер в лодиях водою, а кони посла на Мордву.

(Полное собрание русских летописей. Т. X. С. 9–10; Т I. С. 389; Т. XV. С. 268–269.)

* * *

Об участии Белозерского полка в Куликовской битве упоминают почти все летописные и письменные источники различных времен. Разнятся, в основном, данные о количестве Белозерских князей, принимавших участие в битве с Мамаем. Но храбрость и бесстрашие их в сражении, героическая гибель на поле битвы отмечается всеми летописцами.

Выпишем некоторые характеристики действий Белозерского полка в эти памятные дни русской истории.

Из «Сказания о Мамаевом побоище»

«И пришли к нему (великому князю Дмитрию Ивановичу — В. Д.) князья Белозерские, готовы они к бою, и прекрасно снаряжено войско их: князь Федор Семенович, князь Семен Михайлович, князь Андрей Кемский, князь Глеб Каргопольский и андомские князья; пришли и ярославские князья со своими полками...»

«Князья же Белозерские отдельно со своим войском выехали (на поле битвы); изготовленным выглядит войско их.

Князь же великий отпустил брата своего князя Владимира дорогою на Брашево, а Белозерских князей — Болвановскою дорогою, а сам князь великий пошел на Котел дорогою».

«Князь же великий, въехав на возвышенное место с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, видя великое множество людей снаряженных, возрадовался назначил каждому полку воеводу. Себе же князь великий взял под командование Белозерских князей, и в полк правой руки назначил брата своего князя Владимира и дал ему под командование ярославских князей...»

«И немного погодя подъехал (великий князь Дмитрий Иванович) к месту, на котором лежали убитые вместе князья Белозерские: настолько твердо бились, что один за другого погибли».

Из «Задонщины»

«И уже соколы, и кречеты, и белозерские ястребы рвутся с золотых колодок из каменного города Москвы, обрывают шелковые пути, взвиваясь под синие небеса, звоня золочеными колокольчиками на быстром Дону, хотят ударить на несчетные стада гусиные и лебединые, — то богатыри и удалцы русские хотят ударить на великие силы поганого царя Мамаю».

«И сказал ему князь великий Дмитрий Иванович: «Брат Владимир Андреевич! Два брата мы с тобой, а внуки мы великого князя Владимира Киевского. Воеводы у нас поставлены — семьдесят бояр, и отважны князья белозерские Федор Семенович и Семен Михайлович...»

«Уже ведь те соколы и кречеты и белозерские ястребы за Дон скоро перелетели и ударили по несметным стадам гусиным и лебединым. То ведь были не соколы и не кречеты, — то обрушились русские князя на силу татарскую».

«Полегли побитые погаными татарами князя Белозерские, Федор Семенович и Семен Михайлович, да Тимофей Волуевич, да Миккула Васильевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович и много иных из дружины».

Из «Летописной повести о Куликовской битве»

«Тогда же на том побоище были убиты в схватке: князь Федор Романович Белозерский и сын его Иван...»

* * *

Книга «История 13-го пехотного Белозерского генерал-фельдмаршала графа Ласси полка (1708–1893)», составленная поручиком полка Э. М. Мержеиовским (Варшава, 1894), открывается краткой биографией Петра Петровича Ласси, имя которого носил полк.

Военные дела знаменитого в свое время полководца, одного из выдвигенцев Петра I, со временем стали забываться. 50 лет прослуживший ратной славе России, он был несправедливо задвинут на вторые, а то и на третьи роли в русской полководческой школе.

В глубокой тени генерал-фельдмаршал оставался и в учебниках советского времени.

Нам стоило немалых трудов найти, достойное славной биографии Петра Петровича Ласси, его жизнеописание. На Урале, в Екатеринбурге, в 2003 году вышла книга современного военного историка Александра Шапрана «Русские полководцы. Военная история России в ее главных действующих лицах», где едва ли не впервые за последнее столетие добрым словом вспомнили графа Ласси.

Петр Петрович Ласси заслужил светлую память потомков.

Александр Шапран

Пётр Петрович Ласси (1678–1751)

Наверное, среди наших соотечественников трудно найти человека, которому не было бы известно о таком событии, как переход в 1920 году Красной армии через Сиваш. Всем без исключения поколениям советских людей этот факт преподавался школьным курсом истории СССР, ему посвящен ряд художественных произведений, и неизменно это событие преподносилось нам как героический эпизод нашей истории. Да так оно, безусловно, и есть. Не давая нравственной оценки Гражданской войне и оставив в стороне свои политические пристрастия, нельзя не признать, что в чисто военном отношении переход армии через Сиваш явился великим подвигом в той братоубийственной войне.

Но при этом мало кому до сих пор известно (и официальная советская историография об этом предпочитала умалчивать), что переход массы войск через Сиваш в 1920 году был не первым, не вторым и даже не третьим в истории и что Красная армия в этом начинании была далеко не пионером. Командующий Южным фронтом советской республики М. В. Фрунзе был хорошо знаком с военной историей; в этой области знаний он мог считаться эрудитом. А потому, предпринимая переход через Сиваш как составную часть перекопско-чонгарской операции, что привело к окончательной победе над Врангелем, советский полководец знал, что в отечественной военной истории у него есть аналоги.

Но, к сожалению, подавляющему большинству наших соотечественников неизвестно, что задолго до Красной армии через Сиваш

трижды: в 1737, 1738 и 1771 годах перешла русская армия. И каждый из этих героических эпизодов также всякий раз становился одним из решающих факторов в победе над противником в ходе тяжелейших Русско-турецких войн.

В первых двух упомянутых случаях (1737 и 1738 гг.) вел русскую армию через Сиваш ее командующий Петр Петрович Ласси.

Одной из замечательнейших особенностей Петра I была его способность разглядеть таланты в других, что и позволяло ему безошибочно принимать на службу и приближать к себе даровитых, полезных государству людей, в том числе и иностранцев. Тут можно, конечно, возразить автору и вспомнить «героя» первой Нарвы герцога фон Круи и фельдмаршала Огильви. Но справедливости ради надо заметить, что оба были взяты Петром на службу, что называется, без проверки, только лишь благодаря имеющимся у них рекомендациям, в достоверности и объективности которых Петр, по свойственной русским людям доверчивости, не сомневался. Другое дело люди, отобранные либо лично Петром, либо его надежными соратниками. Эти, как правило, надежд Петра не обманули. Именно к таким людям и принадлежал видный военный деятель и полководец Петровской и послепетровской эпох Петр Петрович Ласси.

П. П. Ласси был выходцем из Ирландии. В юности он поступил волонтером во французскую армию и дослужился до капитана. В 1700 году, в самый канун Северной войны, он предложил свои услуги России, был принят Петром в русскую армию с тем же чином и участвовал практически во всех кампаниях той знаменитой войны со Швецией. За проявленную храбрость он в 1705 году был произведен в майоры, а после тяжелого ранения, полученного в Полтавском сражении, Петр Ласси становится подполковником. В составе армии фельдмаршала Б. П. Шереметева он участвовал в осаде Риги, после взятия которой получил чин полковника и был назначен комендантом Рижской крепости. Командуя пехотным полком, принимал участие в памятном Прутском походе, а с 1712 года, уже будучи генерал-майором, сражался в составе экспедиционного корпуса А. Д. Меншикова в Померании. Здесь он находился при осаде и взятии Тоннингена, участвовал в разгроме шведских войск генерала Стенбока, отличился при взятии Штеттина. На последнем этапе Северной войны, когда русское командование активизировало военные действия на Балтике, проведя ряд десантных операций на шведском и финском побережье, Ласси возглавлял десантные команды галерного флота адмирала Апраксина, с которыми доходил до предместий шведской столицы. В 1720 году он становится генерал-лейтенантом.

Вступив в 1725 году на престол, Екатерина I пожаловала Петру Ласси звание генерал-аншефа, ввела его в члены военной коллегии и назначила командующим войсками, расположенными в Петербурге, Ингрии, Новгородской губернии и Карелии, а в 1726 году П. П. Ласси занял должность рижского генерал-губернатора.

В 1727 году во главе пяти русских полков Ласси выступил походом в Курляндию. Цель предприятия — попытка подчинить курляндское герцогство, находящееся под протекторатом Польши, российской короне. Поход, инициированный князем Меншиковым, рассчитывавшим получить Курляндию в собственное владение, по причине падения и ссылки еще вчера, казалось бы, всемогущего фаворита закончился ничем.

В 1733 году правительство поставило Ласси во главе двадцатитысячной армии, отправленной в Польшу для содействия избранию на польский престол сына умершего саксонского курфюрста против его соперника Станислава Лещинского.

Не без помощи силы русского оружия Август III вззошел на престол, но его соперники не прекратили борьбы. Приверженцы противной стороны не смирились с поражением и развязали открытую вооруженную кампанию. Их сторону активно поддержала Франция, готовая от дипломатических усилий перейти к вооруженному вмешательству в конфликт на стороне Лещинского. Русские экспедиционные войска в Польше оказались втянутыми в серьезную и затяжную войну. В январе Ласси овладел Торном, а затем его войска осадили Гданьск, в котором засели сторонники Лещинского, и держали город в осаде вплоть до прибытия фельдмаршала Миниха, принявшего на себя командование русскими войсками в Польше. Летом и осенью 1734 года Ласси нанес ряд поражений сторонникам Лещинского. Сначала он разгромил корпус графа Тарло, следовавший на помощь к осажденному Гданьску, затем нанес поражение корпусу Мошинского, а в конце года занял древнюю столицу Польши город Краков.

В 1735 году двенадцатитысячный корпус под командованием Ласси двинулся к Рейну на соединение с союзной австрийской армией для совместных действий против поддерживающей Лещинского Франции. Войска уже миновали Богемию, когда между Австрией и Францией был заключен мир, положивший конец польской кампании, за которую Петру Ласси было пожаловано звание генерал-фельдмаршала.

Но не успели еще затихнуть баталии польской кампании, как разразилась война с Турцией, с самого начала которой русская армия твердо взяла инициативу в свои руки, и вся война со стороны России носила сугубо наступательный характер. Ранней весной 1736 года армия фельдмаршала Миниха осадила Азов, но в самом начале кампании командующему было приказано оставить азовский театр и возглавить военные действия на крымском направлении. Командование войсками под Азовом правительство возложило на фельдмаршала Ласси.

До этого дважды в своей истории русские силой оружия овладевали Азовом и дважды возвращали его Турции. В 1637 году донские казаки на собственном энтузиазме взяли Азов и просили государя Михаила Федоровича принять крепость в свое владение. Но тогда московское правительство не решилось на открытый конфликт с

Османской империей, которого было не избежать в случае занятия крепости царскими войсками. Казакам было велено вернуть Азов Турции, а царю Михаилу пришлось даже оправдываться перед султаном за своеволие казаков. Внук царя Михаила, царь Петр I, в 1696 году в результате упорной борьбы овладел Азовом и вновь был вынужден, согласно условиям унизительного Прутского мира, оставить добытую с таким трудом крепость. Теперь России предстояло снова, и на этот раз окончательно, овладеть выходом в Азовское море. Осада Азова войсками Ласси продолжалась четыре месяца и отличалась необычным упорством обеих сторон. Во все время осады русский лагерь подвергался постоянным налетам из степи татарской конницы, а потому и тыла у осаждающих практически не было. 17 июля полк русских гренадер, подкрепленный шестью казачьими сотнями и поддержанный огнем артиллерии стоящих на Дону судов, преодолел ров и овладел палисадом, прогнав защищавших его турок до ворот крепости. После этого азовский паша прекратил сопротивление и выказал готовность сдаться.

От Азова Ласси повел армию вдоль северного побережья Азовского моря на соединение с Минихом, но тот к тому времени уже закончил свой опустошительный поход в Крым, а генерал Леонтьев взял Кинбурн. Понеся большие потери, русская армия отступила на Украину и стала готовиться к следующей кампании.

В следующем году Миних двинул войска под Очаков, а Ласси повел свою армию в Крым. Прошлогоднее завоевание крымского ханства армией Миниха было первым в истории российско-крымских отношений. Надо заметить, что тогда Россия еще не обладала военным, экономическим и людским потенциалом для полномасштабного завоевания полуострова и присоединения его к империи. Это случится на несколько десятилетий позже, когда расширится в этом направлении экспансия России и ее границы продвинутся к Перекопу. А пока походы в Крым могли носить лишь характер кратковременных, опустошительных вторжений, по сути аналогичных набегам степняков на русские области, что имели место на протяжении нескольких предшествующих столетий. Цель таких походов — подрыв экономической, прежде всего продовольственной базы противника, освобождение пленников и, конечно, заурядная месть за прошлое.

После прошлогоднего похода Миниха крымцы успели кое-как поправить укрепления Перекопа, а под стенами крепости сорокатысячную армию Ласси встречал хан со стотысячным войском.

Но фельдмаршал не пошел напролом. В том месте, где против берега Азовского моря через узкий пролив выступает оконечность Арабатской косы, командующий приказал наводить мосты, используя для этого суда азовской флотилии контр-адмирала Бредаля, спустившейся в море из Дона. В 20-х числах июня вся армия по наведенным мостам перешла пролив и двинулась по косе в сторону Арабата. Узнав про это, хан оставил Перекоп и поспешил с войском к Арабату, где в тесном проходе намеревался остановить русскую армию и не

допустить ее в Крым. Тогда фельдмаршал отказался от следования на Арабат и приказал форсировать лежащий справа от косы по ходу движения армии мелководный залив Азовского моря — Сиваш. В последних числах июня армия переправилась через Сиваш и оказалась в Крыму. Когда хану стало известно, что противник уже у него в тылу, он стал спешно уходить в горы. Русский командующий повел армию следом. Настичь неприятеля удалось в двадцати шести верстах от города Карасубазар. Понимая, что оторваться от русского преследования ему все равно не удастся, хан решился на битву. Он первым атаковал боевые порядки русских, но вмиг был опрокинут, отброшен и, понеся большие потери, спасался бегством. А далее на пути до Карасубазара армию Ласси лишь тревожили наскоками отдельные ханские отряды, не имевшие, однако, хоть какого-нибудь успеха. Но у самого города дорогу русским колоннам преградил расположенный на возвышенности укрепленный лагерь с пятнадцатитысячным турецким гарнизоном, к которому и присоединились остатки разбитых отрядов ханского воинства. Фельдмаршал приказал своему авангарду с марша, не останавливаясь, атаковать неприятеля. И это сражение оказалось недолгим: после часового боя лагерь остался брошенным, а уцелевшие его защитники бежали в горы. Командующий велел казачьим частям пройтись рейдом по горам, как можно глубже, и, в случае сопротивления, уничтожить обнаруженного противника на месте. 15 июля военный совет принял решение возвращаться назад.

В следующем году Ласси с тридцатитысячной армией снова предпринял поход на Крым, и снова хан ожидал его, теперь уже со значительно поредевшим, всего лишь с сорокатысячным войском, у перекопской линии. Но на этот раз фельдмаршал, не поведя войска на штурм Перекопа, не пошел и на Арабатскую косу. Русские войска успели до прилива вброд обойти перекопскую линию, форсировать хорошо знакомый с прошлого года Сиваш и выйти на крымский берег в тыл ханским войскам. 26 июня перекопский гарнизон, в составе которого было и две тысячи турецких янычар, сдался. В качестве трофеев войскам Ласси досталось около сотни орудий. Взорвав укрепления Перекопа, русские войска в начале осени отошли на Украину. Поход для армии Ласси закончился без потерь.

По окончании Русско-турецкой войны фельдмаршал был назначен на должность Лифляндского генерал-губернатора, которую и занимал до 1741 года, вплоть до начала войны со Швецией, когда был поставлен во главе действующей армии.

Военные действия открылись в августе походом под укрепленный город Вильманstrandt. Удерживающий передовые позиции перед городом шведский корпус генерала Врангеля позволил себя захватить врасплох и был разбит наголову. В плену у Ласси оказалось 1200 шведских солдат и офицеров во главе с генералом. Трофеями армии стали 12 орудий. Овладев Вильманstrandтом, армия расположилась на зимних квартирах. Кампания следующего года проходила преимущественно на финской территории. 25 июня войска

Ласси заняли город Фридрихсгам, а на следующий день то же самое повторилось с Борго. 7 августа перед натиском русского оружия не устоял Нейшлот, а 16-го — Таваст. Наконец 24-го без боя капитулировал Гельсингфорс. В сентябре Ласси занял столицу финского княжества город Або, захватив в плен 17 тысяч человек шведского гарнизона.

В следующем году военные действия велись преимущественно на море. План русского командования предусматривал ряд десантных операций на побережье противника. 2 июня русская галерная эскадра с десантными войсками на борту, возглавляемыми Петром Ласси, прибыла в Гельсингфорс. Шедшая к ней на соединение другая русская эскадра с десантом, которым командовал генерал Кейт, встретила в море со шведским галерным флотом. Сражение закончилось победой русских, но остатки эскадры противника отошли к мысу Гангут и стали под защиту линейных кораблей. Противник перегородил дорогу русской галерной эскадре, не давая возможности Кейту соединиться с Ласси. Пришлось ждать прибытия основных сил русского флота. Но тот, прибыв к месту, не вступил в баталию с противником, как ни настаивал на том Ласси перед командующим флотом адмиралом Головиным. Но само прибытие главных сил российского флота сыграло свою роль. Шведские корабли, подняв паруса, ушли в сторону Стокгольма; возвратился в Ревель и Головин, но задачу свою его флот выполнил: десантные корпуса Кейта и Ласси получили наконец возможность соединиться. Их дальнейшие операции свелись к захвату островов, прилегающих к Финляндии, и занятию побережья и проливов в финских шхерах, где противодействие со стороны противника было очень слабым.

Захватив ряд островов, фельдмаршал посчитал, что пришло время тревожить противника в его собственной земле. На военном совете командующий объявил о своем решении идти к Руденгаму — последнему незанятому русскими острову в финских шхерах, а оттуда к берегам Швеции, где планировалась высадка десанта в непосредственной близости от Стокгольма. Выходе море намечался на 29 июня, как вдруг накануне пришло известие о начале мирных переговоров со Швецией.

По окончании войны и до конца своей жизни генерал-фельдмаршал П. П. Ласси занимал должность генерал-губернатора Лифляндии.

Имя Петра Ласси трудно встретить где бы то ни было. Сведения о его биографии редки и крайне скупы, но все же, располагая ими, можно представить образ человека, 50 лет прослужившего России на воинском поприще. Вступив на русскую службу при Петре Великом, Петр Ласси заканчивал службу в царствование его дочери. Начав свое боевое поприще в России в первый год войны против Швеции, заканчивал его в войне против нее же.

Ласси не вмешивался ни в какие политические перипетии петербургского двора, держась подальше от всех участников бесконечных дворцовых интриг. Ласси оставался верен этому правилу до конца,

являясь лишь служакой. Наверное, это и сохранило ему прочное положение, которое не поколебалось даже после переворота 25 ноября 1741 года, и поднявшаяся буря гонений на иностранных выходцев не затронула нашего героя.

За 50 лет безупречной службы русскому оружию у Ласси не было ни взлетов, ни падений, ни оглушительных побед, ни тяжелых поражений. Вернее сказать, поражений не было никаких. Он долго и упорно тянул лямку служаки, добывая делом, а зачастую и собственной кровью, каждый очередной чин. Только на 34-м году службы он получил под свое командование армию, став во главе которой провел три самостоятельных кампании: польскую (1734–1735), турецкую (1736–1739) и шведскую (1741–1743). В них полководец неизменно одерживал только победы, а потому роль Петра Ласси в нашей военной истории должна оцениваться весьма позитивно и имя его остается достойным нашей памяти.

Уже на излете существования Императорской армии, как будто предчувствуя ее близкий конец, в России больше внимания стало уделяться воинской памяти, полковым традициям, героическому прошлому.

В полках стали издаваться короткие брошюры для нижних чинов, в которых доходчиво, в сжатой форме рассказывалось о боевом пути их воинских подразделений. Сохранилась такое издание и о Белозерском пехотном полке. Называется оно «Памятка Белозерца», и найдено нами в Российской Государственной библиотеке.

Мы печатаем начало этого интересного документа (брошюра, в основном, состоит из перечисления многочисленных походов и сражений, в которых принимал участие полк).

ИЗ «ПАМЯТКИ БЕЛОЗЕРЦА»

Для нижних чинов. 1708–1906.

Составил 13-го пехотного Белозерского генерал-фельдмаршала графа Ласси полка капитан Мержеиовский.

Варшава, 1906

От составителя

13-й пехотный Белозерский полк, украшенный в 1891 году именем генерал-фельдмаршала графа Ласси, принадлежит к числу старейших полков русской армии. Жизнь полка, создания Петрова, полна истинной доблести и славы.

Первое боевое крещение Белозерцы получили в сражении у местечка Головчино, в ночь на 3 июля 1708 года, и с тех пор военная слава полка не покидала его знамен в течение почти двухвекового служения Престолу и Отечеству. Ни разу Белозерцы не согрешали против воинской чести и святой присяги. Они, крепкие данной клятвой, терпеливо переносили лишения и невзгоды, сражались храбро, как львы, и умирали, но ни один противник не коснулся дерзкой рукой их святыни — знамен. Наоборот, в церквах обеих столиц наших, в арсеналах и Московском Кремле собрана масса знамен и других видимых знаков побед над врагами, из числа каковых немалое количество добыто кровью Белозерцев, взято их мощными руками.

Вспомним же великие подвиги родного полка; вспомним и поучимся доблестным примерам у этих чудо-богатырей!

Пусть подвиги предков наших Белозерцев глубоко отзовутся в сердцах наших и наставят нас, как должно служить верой и правдой Царю и Отечеству!

Вы же, герои незабвенные, Белозерцы, следовавшие заветам Основателя вашего и принесшие на алтарь Отечества жизнь вашу, спите могильным спокойным сном и пусть тень ваша носится над нами в боях и военных походах, поддерживая нас в минуты трудные во славу России и ее Государя!

* * *

13-й пехотный Белозерский генерал-фельдмаршала графа Ласси полк сформирован в составе двух батальонов по Указу Государя Императора Петра Великого 10 марта 1708 года.

На сформирование полка, получившего название «Гренадерский князя Репнина полк», отчислено было по одной гренадерской роте от полков:

Шлиссельбургского (ныне 15-й пехотный Шлиссельбургский генерал-фельдмаршала Аникиты Репнина полк);

Бутырского (ныне — 13-й лейб-гренадерский Эриванский Его Величества полк);

Нижегородского (ныне — 22-й пехотный Нижегородский Ея Императорского Высочества Веры Константиновны полк);

Невского (ныне — 1-й пехотный Невский Его Величества Короля Эллинов полк);

Ярославского (расформирован в 1798 г.);

Белгородского (расформирован в 1731 г.);

Ямбургского (расформирован в 1712 г.);

Тверского (расформирован в 1712 г.)

Перемены в названии полка

Первоначальное свое название «Гренадерский князя Репнина полк» полк переименовал в 1725 году на «Пехотный Ласси полк»;

1727 г. — Первый Смоленский, а затем Белозерский пехотный;

1762 г. — Пехотный генерал-майора Ивана Шпрингера полк;

1798 г. — Мушкетерский генерал-лейтенанта Будкевича полк;

1799 г. — Мушкетерский генерал-майора Кульнева, а затем Мушкетерский генерал-майора Седморацкого полк;

1801 г. — Белозерский мушкетерский;

1843 г. — Пехотный генерал-адъютанта князя Волконского полк;

1852 г. — Белозерский пехотный;

1857 г. — Белозерский пехотный Его Королевского Высочества Великого Герцога Гессенского полк;

1864 г. — 13-й пехотный Белозерский Его Королевского Высочества Великого Герцога Гессенского полк;

1877 г. — 13-й пехотный Белозерский полк.

И, наконец, 25 марта 1891 г. — «13-й пехотный Белозерский генерал-фельдмаршала графа Ласси полк», под которым названием и ныне верно служит Царю и Отечеству.

* * *

Белозерцы удостоились двух Высочайших грамот русских императоров. Воспроизведем их тексты.

Высочайшая грамота

Божьей милостью
Мы, Николай Первый,
император и самодержец Всероссийский
и прочая, и прочая, и прочая

Нашему пехотному генерал-адъютанта князя Волконского полку

По случаю совершения ныне ста пятидесяти лет со времени учреждения императором Петром I в 1700 году основных частей, поступивших впоследствии на формирование 1-го, 2-го, 3-го и 4-го батальонов пехотного генерал-адъютанта князя Волконского полка, Мы Всемилостивейше жалуем сим батальонам новые знамена с надписью: «1700–1850».

Повелеваем: знамена эти, при сем препровождаемые, освятив по установлению, употреблять на службу Нам и Отечеству с верностью, усердием и храбростью Российскому воинству свойственными.

Николай

М. П.
Петергоф
25 июня 1850 г.

Высочайшая грамота

Божьей милостью
Мы, Александр Второй,
император и самодержец Российский
царь Польский, великий князь Финляндский
и прочая, и прочая, и прочая

Нашему Белозерскому пехотному Его Королевского Высочества Великого Герцога Гессенского полку

В ознаменование особенного Монаршего благоволения за оказанные подвиги мужества и храбрости 1-м и 2-м батальонами Белозерского пехотного Его Королевского Высочества Великого Герцога Гессенского полка при обороне Севастополя в 1854 и 1855 годах, Всемилостивейше пожаловали Мы батальонам сим приказом 30 августа 1856 года Георгиевские знамена с надписью «За Севастополь в 1854 и 1855 годах», с сохранением и прежней на знаменах надписи «1700–1850».

Повелеваем: знамена сии, освятив по установлению, употреблять на службу Нам и Отечеству с верностью и усердием Российскому воинству свойственными.

Александр

М. П.
Санкт-Петербург,
28 ноября 1858 г.

Шеф полка — генеральская должность в штатном расписании полков русской армии в XVII — XIX в. Шеф полка назначался и снимался по Высочайшему приказу. Находясь при полку, он носил полковую форму и исполнял обязанности, соответствовавшие должности командира полка. Во время отсутствия шефа его обязанности исполнял командир полка. В пехотном полку 1-й батальон или эскадрон в кавалерии назывался шефским и носил имя шефа полка.

При Павле I полки назывались по фамилиям шефов полка. Должность шефа полка отменена в армейских полках в 1815 году, а в гарнизонных — в 1816 году. Наименование «шеф полка» осталось лишь в качестве почетного звания. Должности шефа полка существовали и в ряде европейских армий.

Шефскими полками назывались части русской армии, шефами которых были члены императорской фамилии, а также иностранные монархи, принцы и герцоги. Подобное назначение считалось почетным как для полка, так и для его высочайшего шефа. Более 20 лет Белозерский пехотный полк носил имя Великого герцога Гессенского Людовика. Это было особо почетное наименование, говорившее о славе и доблести самого Белозерского полка. Полк при этом получал шефские вензеля на погоны и эполеты, а в некоторых случаях — и петлицы на офицерские мундиры.

При Николае I появились традиции назначать полкам «вечных шефов» из числа прославленных полководцев (имя генерал-фельдмаршала П.П.Ласси у Белозерцев как раз было из этой категории). Накануне Первой мировой войны шефов имели почти все части гвардии, все гренадерские, 63 пехотных и 16 кавалерийских полков русской армии.

С 1914 года вновь вернулись к памяти князя Волконского: 13-й пехотный Белозерский генерал-фельдмаршала князя Волконского полк. В январе 1918 года полк был упразднен.

СПИСОК ШЕФОВ 13-го ПЕХОТНОГО БЕЛОЗЕРСКОГО ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА ЛАССИ ПОЛКА

1708 г. — генерал от пехоты князь Репнин Аникита Иванович.

1708–1709 гг. — полковник Тейлер.

С 1709 г. по 16 февраля 1727 г. — полковник Ласси Петр Петрович, впоследствии граф и генерал-фельдмаршал.

С 25 апреля 1762 г. по 29 ноября 1796 г. — генерал-майор Шпрингер Иван.

С 29 ноября 1796 г. по 12 октября 1798 г. — генерал-лейтенант князь Долгорукий.

С 12 октября 1798 г. по 30 апреля 1799 г. — генерал-лейтенант Будкевич.

С 30 апреля по 13 мая 1799 г. — генерал-майор Кульнев.

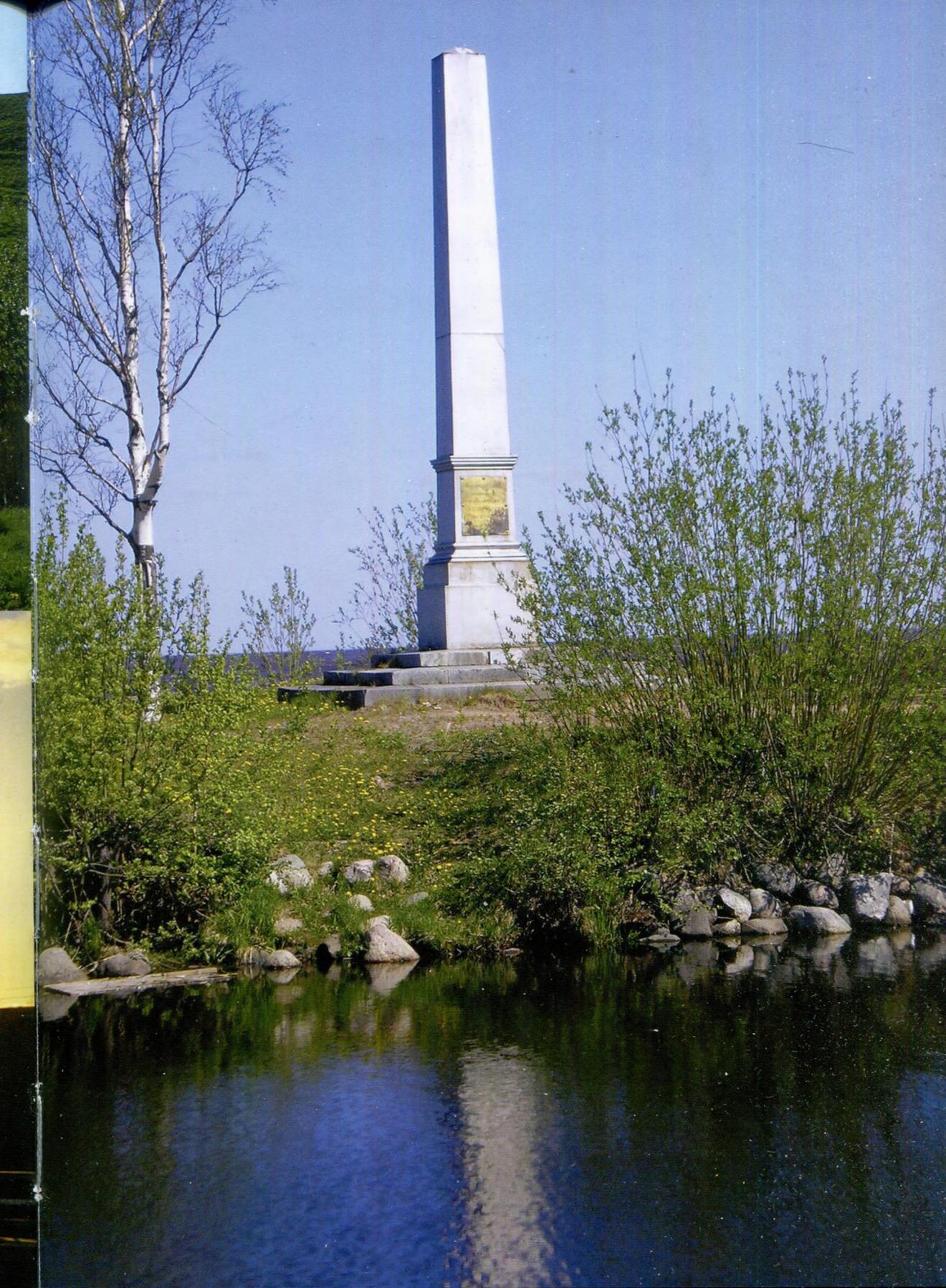

С 13 мая 1799 г. по 31 марта 1801 г. — генерал-майор Седморацкий.
1812 г. — генерал-лейтенант князь Горчаков, управляющий Военным министерством.

С 30 августа 1839 г. по 28 августа 1852 года — генерал-адъютант князь Волконский Петр Михайлович, впоследствии генерал-фельдмаршал.

С 30 августа 1856 г. по 6 июня 1877 г. — Его Королевское Высочество Великий герцог Гессенский Людовик.

С 25 марта 1891 г. — генерал-фельдмаршал граф Ласси Петр Петрович.

С 1914 г. — генерал-фельдмаршал князь Волконский.

13 пехотный Белозерский генерал-фельдмаршала князя Волконского полк

Старшинство — 6.12.1708 г.

Полковой праздник — 6 декабря

Дислокация — Ломжа (02.1913)

1. Организация

10.03.1708 г. — сформирован в Бешенковичах как гренадерский князя Репнина полк из гренадерских рот Шлиссельбургского, Бутырского, Ярославского, Нижегородского, Белгородского, Невского, Ямбургского и Тверского пехотных полков.

1708 г. — гренадерский Тейлера полк.

1709 г. — гренадерский Лассия полк. 13.11.1727 г. — Белозерский пехотный полк.

25.04.1762 г. — пехотный генерал-майора Ивана Шплингера полк.

29.11.1796 г. — Белозерский мушкетерский полк.

2.10.1798 г. — мушкетерский генерал-лейтенанта Буткевича полк.

30.04.1799 г. — мушкетерский генерал-майора Кульнева полк.

13.05.1799 г. — мушкетерский генерал-майора Седморацкого полк.

31.03.1801 г. — Белозерский мушкетерский полк.

22.2.1811 г. — Белозерский пехотный полк.

1812 г. — в начале года полк входил в состав 2-й бригады 17-й пехотной дивизии.

1812 г. — в начале кампании действующие батальоны находились со своей дивизией во 2-м пехотном корпусе 1-й Западной армии. Запасной батальон был определен на формирование 31-й пехотной дивизии, но поступил в гарнизон Рижской крепости и в составе отряда генерала Ф. Ф. Левиза участвовал в делах при Гросс-Экау и Даленкирхене.

07.1812 г. — резервный батальон формировался в Вельском рекрутском депо, был определен на формирование 41-й пехотной дивизии, но присоединился к 1-й Западной армии, поступив на укомплектование разных полков.

28.01.1833 г. — присоединен Троицкий пехотный полк.

3.01.1843 г. — пехотный генерал-адъютанта князя Волконского полк.

6.12.1850 г. — пехотный генерал-фельдмаршала князя Волконского полк.

28.08.1852 г. — Белозерский пехотный полк.

30.08.1856 г. — пехотный Его Королевского Высочества гросс-герцога Гессенского полк.

19.03.1857 г. — Белозерский пехотный Его Королевского Высочества гросс-герцога Гессенского полк.

25.03.1864 г. — 13-й пехотный Белозерский Его Королевского Высочества великого герцога Гессенского полк.

6.06.1877 г. — 13-й пехотный Белозерский полк.

25.03.1891 г. — 13-й пехотный Белозерский генерал-фельдмаршала графа Ласси полк.

19.03.1914 г. — 13-й пехотный Белозерский генерал-фельдмаршала князя Волконского полк.

1918 г. — упразднен.

2. Боевые походы

1700–21 гг. — участвовал в Северной войне.

1711 г. — участвовал в Прутском походе.

1733–36 гг. — участвовал в войне за польское наследство.

1735–39 гг. — участвовал в русско-турецкой войне.

1756–63 гг. — участвовал в Семилетней войне.

1763–68 г. — участвовал в польской кампании.

1768–74 гг. — участвовал в русско-турецкой войне.

1788–90 гг. — участвовал в русско-шведской войне.

1799 г. — участвовал в экспедиции в Голландию.

1805 г. — участвовал в русско-австро-французской войне; участвовал в десанте в Ганновер.

1806–07 гг. — участвовал в русско-пруско-французской войне; сражался при Янкове, Прейсиш-Эйлау, Гейльсберге, Фридрихсфельде.

1808–09 гг. — участвовал в русско-шведской войне.

6.08.1812 г. — первый бой полк принял в Петербургском предместье Смоленска, прикрывая отступление 1-й Западной армии, затем сдерживал неприятеля у Валутиной Горы (в этих боях потерял 11 чел. убитыми, 110 ранеными и 142 пропавшими без вести).

26.08.1813 г. — гренадерская рота 2-го батальона находилась в составе 2-й сводно-гренадерской бригады 4-го пехотного корпуса 1-й Западной армии, участвовала в Бородинском сражении и была присоединена к полку в Тарутинском лагере. В Бородинском сражении потери полка составили 70 человек убитыми, 132 ранеными и 11 пропавшими без вести.

1.09.1812 г. — в рядах полка 939 человек.

1812 г. — полк сражался при Тарутине, прикрывал отход российской армии от Малоярославца, особо отличился под Вязьмой и Красным.

1813–14 гг. — участвовал в сражениях при Баутцене и Лебау, затем в составе своей дивизии находился в 8-м пехотном корпусе в войсках генерала А. Ф. Лонжерона (Силезская армия), сражался при Кацбахе, под Левенбергом, Лейпцигом, Майнцем, Суассоном и Парижем.

01.–04.1813 г. — запасной батальон составлял гарнизон Варшавы, затем в отряде генерала Левиза участвовал в осаде Данцига, 1815 г. — запасной батальон участвовал во 2-м походе во Францию.

3. Командиры

1861–1863 гг. — полковник Дуже Николай Оттович.

01.1910 — полковник К. А. Жеглинский.

26.06.1910 — после 31.01.1913 гг. — полковник Дженеев Дмитрий Дмитриевич.

4. Шефы

20.04. 1807–11 гг. — генерал-лейтенант Горчаков 1-й Алексей Иванович.

3.01.1843–6.12.1850 гг. — генерал от инфантерии (с 6.12.1850 — генерал-фельдмаршал) светлейший князь Волконский Петр Михайлович.

30.08.1856–6.06.1877 гг. — великий герцог Гессенский Людвиг III.

5. Награды

1. Полковое знамя Георгиевское с надписями: «За Севастополь в 1854 и 1855 гг.» и «1708–1908». С Александровской юбилейной лентой. Высочайший приказ от 6.12.1908 г.

2. Знаки на головные уборы с надписью: «За Варшаву 25 и 26 Августа 1831 года». Пожалованы 6.12.1831 г.

6. Прочее

Георгиевские кавалеры. Офицеры и генералы

3-я степень

Князь Горчаков Алексей Иванович, генерал-лейтенант, шеф Белозерского мушкетерского полка — 22.08.1807 г. — «В воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражении 24-го мая против французских войск, где, командуя отдельным корпусом, благоразумными распоряжениями явил доказательство опытности и военных познаний, соединенных с отличною неустрашимостью, с кою атаковал неприятеля при Глотау, опрокинул две колонны, овладел лагерем и Гутштатом и взял в плен 11 офицеров и 462 нижних чина».

6.1. Полковые священники

1805–07 гг. — Чертков Павел Васильевич.

Воспоминания Бориса Александровича Штейфона, командира Белозерского пехотного полка в годы Гражданской войны, впервые опубликованы: Штейфон Б. «Кризис добровольчества» (Белград, 1928). Данный отрывок из воспоминаний опубликован в книге «Возрожденные полки Русской армии и Белая борьба на Юге России» (М., 2002).

Борис Штейфон

КОМАНДОВАНИЕ БЕЛОЗЕРСКИМ ПОЛКОМ

На станции Иловайская, в ожидании прибытия Главкомандующего, меня позвал генерал Май-Маевский:

— Я знаю, что вы желаете командовать полком. Хотите получить Белозерский полк?

Белозерский полк входил в состав 3-й дивизии, и о нем я, как начальник штаба, имел точное представление. Один из старейших и славных полков Императорской армии, он только лишь возродился.

Просматривая накануне ведомость боевого состава дивизии, я точно запомнил боевой состав Белозерского полка: 62 штыка!

Эта цифра быстро промелькнула в моей памяти.

— Разрешите, Ваше Превосходительство, подумать?

— Ну, подумайте. Даю вам пять минут на размышление.

За подобный срок я, конечно, ничего не мог «надумать». Я старался лишь прислушаться к тому внутреннему голосу, который в трудные минуты нашей жизни подсказывает нам то или иное решение.

Через две минуты генерал Май-Маевский снова позвал меня:

— Надумали?

Каким-то инстинктом я почувствовал в это мгновение, что Белозерский полк — это моя судьба, и, не колеблясь, ответил:

— Согласен, Ваше Превосходительство.

— Ну, вот и прекрасно. Я знаю полк давно. В нем всегда был прекрасный дух, и вы не будете сожалеть. Я доволен, что вы будете его командиром. Вот подходит поезд, и я сейчас доложу о вас Главкомандующему.

По-видимому, со стороны генерала Деникина никаких препятствий к моему назначению не было, так как тут же, на перроне, он поздравил меня командиром Белозерского полка.

Ныне с белозерцами у меня связаны самые светлые и сильные воспоминания, а время, когда я ими командовал, является лучшим периодом в течение всей моей 25-летней службы. И если судьбе было бы угодно снова поставить меня во главе Белозерского полка, я посчитал бы подобное назначение как величайшую для себя честь и радость.

Зарождение и формирование новых частей в Добровольческой армии происходило обычно по одному и тому же шаблону. Когда собиралось несколько офицеров какого-либо прежнего полка, они

начинали мечтать о его восстановлении. Если это были люди энергичные и дельные, то они переходили от слов к делу. Они разыскивали своих однополчан и образовывали N-скую ячейку. Когда ячейка имела 15–20 человек, она просила командира того «цветного» полка, в котором находилась, разрешение сформировать N-скую роту. Обычно командиры полков поддерживали подобное начинание и на усиление новой роты назначали 15–20 солдат, из числа пленных красноармейцев. Подобная рота, преследуя свои затаенные цели, стремилась набрать возможно больше пленных, захватив оружие, снаряжение и т. п. Короче говоря — сформироваться. Параллельно с этим разыскивался прежний командир, или кто-либо из наличных старших офицеров становился таковым. Он устраивался в ближайшем тылу и тихонько, без лишнего шума, формировал строевую канцелярию, хозяйственную часть, обоз... Рота, работающая на фронте, прекрасно знала, что если она начнет разбухать, то командир батальона отберет все «излишки». Поэтому эти «излишки» — пленные и вообще трофеи — переправлялись в штаб «своего» полка. О подобных отправках командир «цветного» полка, конечно, знал, однако подобный порядок формирования полка почитался неписанным добровольческим законом и нарушать его не полагалось.

Как Плюшкин «подтибривал» ведро у зазевавшейся бабы, так не считалось зазорным «зажать» у богатого соседа винтовку, снаряжение, патроны, а если представлялся случай, то и пулемет или лошадь.

Когда ловили с поличным — отдавали без запирательств, и обе стороны в таких случаях претензий друг к другу не имели.

В итоге, в зависимости от энергии и возможностей, в один прекрасный день к командиру «цветного» полка прибывала новая N-ская рота. Таким порядком создавался батальон. А когда это случилось, то командир нового полка являлся к начальнику дивизии, докладывал, что им сформирован батальон, просил дать батальону самостоятельный участок и «записать на довольствие».

Если часть была сильна духом, она, несмотря на потери в боях, усиливалась и развертывалась в полке, каковой затем и утверждался Главкомандующим. Морально слабая часть обычно хирела и не выходила из периода хронического формирования.

Приблизительно в таких условиях формировалось и ядро будущего Белозерского полка. Какое они имели имущество, что хранилось в их потайных складах, я не знал. Это была ведь их семейная тайна. Было ясно только одно: прежде чем командовать полком, его необходимо было сформировать.

Мой начальник дивизии генерал Витковский, с которым я жил дружно и работал в полном согласии, не считал возможным немедленно отпустить меня для вступления в новую должность. Он полагал и убедил командира корпуса и командующего армией, что в начинающейся большой операции я буду более полезным в роли начальника штаба, чем командира 62 штыков.

Так как новые части Добровольческой армии обычно не создавались попечением свыше, на основании определенной системы, а самоформировались явочным порядком, то решение генерала Витковского удержать меня на должности начальника штаба немало

способствовало успеху формирования Белозерского полка. Несмотря на беспристрастие начальника дивизии, все же и он, и довольствующие органы, по понятным человеческим слабостям, были, конечно, более щедрыми в отношении «полка начальника штаба»...

Принимая полк, я имел к тому времени и солидный служебный стаж, и высшее военное образование. В силу этих обстоятельств мои новые обязанности представлялись мне вполне отчетливо. Ни строевые, ни тактические вопросы меня не смущали. Робел я только перед одной областью — перед хозяйством. Не чувствуя склонности к делам подобного рода, я всегда их сторонился, а между тем эта отрасль полковой жизни играла громадную роль. Судьбе угодно было послать мне незаменимого помощника по хозяйственной части, генерал-майора Черниоловского, большого знатока-практика полкового хозяйства и человека кристальной честности. Он идеально вел обширное хозяйство, причем, чем я особенно дорожил, внес в эту отрасль все навыки, формальные и этические, какие были свойственны Императорской армии.

Когда во время Бредовского похода генерал Черниоловский погиб, полк и я искренно его оплакивали.

В Харькове Белозерский полк располагался на Москалевке, в бывших казармах Пензенского полка. Полком временно командовал полковник Радченко, молодой человек, служивший в полку еще в мирное время и пробывший в его рядах всю Великую войну. Храбрый, энергичный и невозмутимый, он был предан всей душой родному полку.

Когда я приехал принимать полк, ко мне навстречу вышел молодой высокий подпоручик, с гладко стриженной головой и добрыми, чистыми глазами.

— Здравия желаю, господин полковник! Пожалуйте, мы вас ожидаем.

Он сказал это таким приветливым голосом, его лицо так радостно улыбалось, что со стороны можно было посчитать, что подпоручик встречает не незнакомого командира полка, а близкого ему человека. Я в свою очередь поздоровался с ним тоже приветливо. Это был оперативный адъютант, подпоручик И.И.Глоба, в дальнейшем мой старательный, безотказный помощник и вернейший друг.

По прибытии в полк я захотел, прежде всего, познакомиться с офицерами и был приятно удивлен, когда при представлении мне командного состава увидел около 100 офицеров. Несмотря на стремление офицеров представиться мне возможно лучше, я все же обнаружил немало чисто внешних недочетов, что откровенно и высказал. В дальнейшем, когда мои отношения с полком приняли формы исключительного единения и доверия, я узнал, что мое первое появление вызвало горячие споры. Сторонники новых течений считали, что такая строгость не соответствует традициям Добровольческой армии. Поклонники регулярных начал, наоборот, одобряли:

— Командир полка никому ничего обидного не сказал, а сказал только правду. И если он подтянет всех, то будет только хорошо.

Продолжали прием, я все время испытывал приятное разочарование. В полку оказалось 3 батальона, а в ротах по 60–70 штыков. По добровольческому масштабу это был уже солидный полк. Хромали, и очень сильно, все отделы снабжения. Не хватало винтовок, пуле-

метов, телефонного имущества, обмундирования, снаряжения. Обоз находился лишь в зачаточном состоянии. В общем, полк был сформирован на живую нитку. Необходима была еще большая напряженная работа. Во всяком случае, то, что было уже сделано, свидетельствовало, как много любви и труда вложили в дело формирования полка и его временно командующий и офицеры.

После приема полка офицеры пригласили меня в собрание на чашку чая. Это был действительно только чай с каким-то печеньем, и мне понравилось, что ни за одним столом чай не отдавал спиртом. Играл оркестр, и, несмотря на свое недавнее формирование, играл вполне прилично.

Я знал, что мне не дадут долго засиживаться в Харькове и поэтому старался полностью использовать временный отдых полка.

Как было указано раньше, формирование новых частей в Добровольческой армии происходило в условиях крайне своеобразных и ярко отражавших нравы и обычаи того периода.

Как начальник штаба, я был знаком лишь с внешней стороной приемов формирования и, только став командиром полка, полностью познакомился с виртуозной техникой подобного дела. Причем познакомился, конечно, не сразу, а путем довольно продолжительного опыта.

Не сомневаюсь, что главное командование издавало те или иные общие законоположения, регламентирующие вопросы формирования. Однако должен признать, что лично мне эти законоположения остались неизвестными. И конечно, не моя вина, что я не получил необходимых указаний. Не получали их и другие командиры полков, почему каждая часть формировалась по своему усмотрению. Отрицательные последствия подобной импровизации не ограничивались, конечно, только пестротой штатов, отражавшейся на боеспособности полков. Последствия эти были гораздо глубже и печальнее: «личное усмотрение», применяемое при формировании, обычно и очень скоро распространялось решительно на все стороны полковой жизни и приводило как начальников, так и подчиненных к забвению законности.

С первого же дня своего командирства я убедился, что рассчитывать на какие-либо нормальные отпуска от интендантства и прочих довольствующих органов не приходится. Все надо было раздобывать собственным попечением и инициативой. Прекрасно зная по прежней штабной службе все возможности начальника дивизии и командира корпуса, я не затруднял этих лиц своими просьбами. При всем своем желании и тот и другой могли помочь полку очень малым: у них самих ничего не было.

Надо было идти не служебными и официальными путями, а частными и иногда довольно кружными.

Харьков, встретивший нас так ликующе, проявил большую жертвенную готовность всячески помогать армии.

В первые же дни по занятие города полк получил много офицеров и добровольцев, причем в числе последних преобладала главным образом учащаяся молодежь. Это пополнение и дало возможность сформировать третий батальон и усилить роты до указанного ранее состава.

Прием добровольцев протекал без признаков какой-либо системы. Каждая часть образовывала свое вербовочное бюро, которое и принимало всех желающих без лишних формальностей. Выбор части зависел исключительно от желания поступающих, причем это желание являлось зачастую следствием чисто внешних впечатлений — одних соблазняла нарядная форма дроздовцев, у других оказывались знакомые в артиллерии. Убежден, например, что большое число добровольцев, записавшихся в Белозерский полк, объясняется главным образом тем обстоятельством, что на параде в день приезда Главнокомандующего белозерцы произвели впечатление своими касками. Что же касается офицеров, то, насколько я мог судить, их привлекал Белозерский полк как полк прежней Императорской армии.

Для объяснения офицерской психологии тогдашнего времени является интересным нижеследующий факт: в Харькове, еще в мирное время, стоял полк 31-й пехотной дивизии, и офицеры этих частей, в числе нескольких сот человек (первоочередных, второочередных и запасных полков), воздерживались от немедленного поступления в Добровольческую армию. Они верили, что будут воссозданы их родные части, и личным почином образовали свои, очень сильные и духом и числом ячейки. К сожалению, о чем речь будет ниже, эти надежды, как правильно проведенная система, осуществлены не были.

Еще до моего вступления в командование полком у белозерцев тоже были сформированы две офицерские роты. Обходя при приеме полка все роты, я зашел в помещение одной из офицерских рот, бывшей в тот день в карауле.

Меня встретил солидный подтянутый полковник, которого я знал уже батальонным командиром в мирное время.

— Здравствуйте, господин полковник, как, и вы служите в Белозерском полку?

— Здравие желаю, господин полковник, так точно, служу.

— На какой же вы должности?

— Фельдфебель офицерской роты.

Я улыбнулся, но в душе испытал большую неловкость, ибо стоявший рядом командир роты был молодой штабс-капитан...

Моя предыдущая годичная служба в Добровольческой армии, конечно, не могла поколебать во мне всего того, что было создано и укреплено долготлетним пребыванием в Императорской армии. Эта служба не могла опровергнуть правильности тех основ военного дела, какие я приобрел в Академии. Поэтому я считал, что в тот период, когда Добровольческая армия вышла на «большую московскую дорогу» и стала осуществлять задачи общегосударственного масштаба, ей и надлежало вернуться к принципам регулярной армии. И это регулярство стало настойчиво проводиться в Белозерском полку, благо мне никто если и не помогал, то и не мешал. Это было тем легче выполнить, что в то же время армия переживала своеобразный «удельно-вечевой» период.

Каждый командир полка был фактически неограниченным хозяином своей части. Если он добросовестно выполнял даваемые сверху задания и если к тому же полк хорошо воевал, то этими данны-

ми, в сущности, и ограничивались его взаимоотношения с высшими инстанциями. Существовал неписанный, но всеми выполняемый и крайне вредный по своим последствиям командирский закон: раз начальство мне ничего не дает, то оно и не должно вмешиваться в мои внутренние дела...

Большим злом Добровольческой армии являлась партийность в офицерской среде. Это не была, конечно, партийность политического характера. Зло заключалось в делении офицеров на «старых» и «новых». Первая группа, притом меньшая числом, занимала командные должности и пользовалась всеми правами офицера и начальника. Вторая группа, резко увеличившаяся после выхода армии из Донецкого бассейна, в массе своей никакими правами не пользовалась, считалась рядовыми и лишалась даже тех офицерских преимуществ, какие дарованы уставом каждому офицеру.

Еще в Каменнотрольном районе, мне, как начальнику штаба дивизии, было известно, что в Белозерском полку существуют партии. К «старым» белозерцам причислялись не только те, кто служил раньше в полку, но и лица, присоединившиеся к Белозерской ячейке в первые месяцы ее существования. В свою очередь, «старые» тоже дробились на группы. Одни поддерживали полковника N.N. Эти печальные явления приносили не менее печальные последствия. Как человек для полка новый, я, конечно, не имел ни желаний, ни оснований поддерживать ту или другую группировку. «Надпартийность» командира дала прекрасные результаты: всякая партийность скоро исчезла и офицерский состав стал единым.

Не афишируя своих «регулярных» взглядов, мне удалось в короткий срок установить более или менее правильную полковую организацию и привить полку те тактические основы, какими всегда руководствовалась Русская армия.

И тот феерический расцвет духовных и материальных сил полка, какой наблюдался в дальнейшем, объясняется, на мой взгляд, исключительно принципами регулярства. Называю этот расцвет феерическим на основании цифровых данных: выступив из Харькова в составе около 800 штыков, имея не более 15 пулеметов, с зачаточным состоянием вспомогательных команд, обоза и хозяйственной части, полк, после трех месяцев тяжелых боев, потеряв около 4000 человек убитыми, ранеными и больными, к моменту штурма Чернигова имел 2000 штыков, более 100 пулеметов, конно-разведывательную команду (200 шашек), запасный батальон (около 600 человек), прекрасно снабженную полковую и батальонные команды связи и богатую хозяйственную часть с оборудованными мастерскими (оружейной, портняжной, сапожной и т. д.).

В полку имелась даже собственная газета «Ведомости пехотного Белозерского полка». И это не была газета полевого типа, выпускаемая, в подобных случаях, в количестве 20–30 экземпляров, отпечатанных на пишущих машинках. Нет, это была настоящая газета, печатавшаяся в местных типографиях, с ежедневным тиражом в несколько сот номеров. Она обслуживала не только полк, но и занимаемый район.

Как было указано раньше, при формировании новых частей вновь образованные ячейки всегда стремились вести свои форми-

рования при каком-нибудь достаточно сильном полку. В свое время белозерцы были пригреты дроздовцами. По выходе из Харькова к Белозерскому полку присоединились и формировались Иркутский гусарский полк, Олонецкий полк, Сводный батальон 31-й дивизии, а затем и Ладожский полк. Подобная тяга очень характерна и свидетельствует, что регулярные принципы встречали сочувствие офицерских масс.

Крепко памятуя пример Харькова и тлетворное влияние чествований и банкетов, я уже никогда в дальнейшем не принимал приглашений и не допускал у себя в штабе ни «объединений», ни «приветствий»...

Занимая тот или иной город, обычно устраивался парад войскам, причем произносилась речь. Всегда одна и та же по объему и по содержанию: «За великую, единую, неделимую Россию — ура!»

Этой «речью» в торжественной обстановке объявлялся жителям тот единственный лозунг, какой был написан на знаменах Добровольческой армии.

Дальнейшее наступление

В конце июня мне было приказано выслать на фронт, в распоряжение командира Сводно-стрелкового полка, один батальон. Я командировал 1-й батальон, наиболее сильный в то время и по духу, и числом. Батальон имел 8 пулеметов. Командиром его был капитан О., георгиевского военного таланта. Он давно погиб, но имя его считается гордостью полка.

В начале июля, у Богодухова, на участке Дроздовского полка произошла неустойка и весь Белозерский полк был спешно двинут на поддержку. Ко времени нашего подхода к Богодухову доблестные дроздовцы своими силами выпрямили положение, однако вышедший на фронт полк в резерв уже не возвращался.

Штаб полка и резерв располагались в маленьком заштатном городке Золочеве. Слабость наших сил была очевидна, и золочевцы не возлагали, по-видимому, особых надежд на силу белых войск, что побуждало их не слишком ярко выражать свои чувства.

В Золочеве, как и во всех иных местах, где мне приходилось бывать, я наблюдал одно и то же явление. В своей массе и горожане и крестьяне были явно на стороне белых. Однако неуверенность в завтрашнем дне — это особенно резко проявлялось в прифронтовой полосе — побуждала быть осторожней. Население охотно помогало армии всем, чем только возможно, но при условии, чтобы мы не «просили», а «требовали».

Как правило, гражданский тыл никогда не поспевал за войсками, потому я обычно никогда не встречал в занимаемом районе начальников уездов, уездную стражу и иных, столь же необходимых властей. Первое время — и зачастую продолжительное — освобожденные нами районы переживали полное безначалие, а так как жизнь предъявляла на разрешение массу вопросов, то явочным порядком воссоздавались прежние выборные органы управления. Причем я никогда не наблюдал, чтобы это были органы Временного правительства. Авторитет последнего был настолько поколеблен в

гуще населения, что лица, так или иначе связанные с идеологией этого правительства, не встречали никакого сочувствия. Это утверждение относится, впрочем, лишь к деревенским и уездным настроениям. В крупных центрах были, конечно, иные политические группировки и симпатии.

В деревнях появлялись обычно прежние старосты, и всегда это были разумные, хозяйственные мужики, с известной долей мужицкой хитрости, но с несомненно развитым государственным инстинктом.

Революционное похмелье давно уже прошло, деревня явно обнищала и на собственном опыте убедилась, что «рабоче-крестьянская» власть менее всего выгод дала крестьянам. И город и деревня жаждали власти, власти не призрачной, а твердой и справедливой. В представлении населения мы должны были быть именно такой властью. События, однако, показали, что мы не могли или не сумели оправдать этих ожиданий. Возможно, что было бы еще полбеды, если бы добровольческая власть оказалась нетвердой или пристрастной: жизнь, так или иначе, приспособила бы даже и такую власть к нуждам населения. В действительности оказалось худшее: совсем не было власти. Если она и существовала, то обычно вдоль железнодорожных магистралей. Чуть-чуть отходил я в сторону, как неизменно встречал полное безначалие. Первое, и довольно долгое время после прихода белых войск в деревнях преобладали государственно настроенные элементы, из числа тех, кто желал мирного труда и твердой власти. Элементы будирующие, хулиганствующие или со скрыто большевицким уклоном незаметно самопринижались. Их страшила сильная власть.

Однажды, я встретил двух степенных мужиков, сопровождавших телегу, в которой сидели два связанных молодых парня. Оказалось, что это «отправляли по начальству фулиганов».

Один из конвоиров, с которым я заговорил, пригрозил хулиганам до сих пор памятными мне словами:

— Деникин, он вашему брату потачки не даст.

Судя по хмурым, бледным лицам, этому верили, по-видимому, и сами арестованные.

К сожалению, эта глубочайшая вера стала все больше и больше колебаться. «Деникина» не видели и не чувствовали, а антигосударственные элементы стали снова поднимать голову, убедившись, что «Деникин» не так-то страшен. А когда появилась белая администрация и одинокий стражник затерялся в крестьянском море, к тому времени вера «государственников» была уже подорвана, а враждебные нам настроения настолько окрепли, что бессильный стражник уже никого не обнадеживал и никого не устрашал.

Лишенная мануфактуры, сахара, керосина и всего того, что могла дать лишь сильная власть, деревня охладевала к Добровольческой армии и в одинаковой степени отвернулась и от белых, и от красных. Города (я наблюдал преимущественно уездные) находились в несколько лучших условиях. Там все же появлялось начальство и своим присутствием укрепляло авторитет добровольческой власти.

Уездные города черноземной полосы обычно являлись не более как посредниками между большими обрабатывающими центрами

и деревней. Такие города не имели самодовлеющего значения. Поэтому российская политическая и экономическая разруха особенно отразилась на жизни подобных пунктов.

Жизнь явно замерла. Склады были пусты. В немногих магазинах уныло лежали на полках некоторые товары. Нужных же не было или было очень мало.

Все же прежний быт, создаваемый десятилетиями, еще сохранялся, и во многих мелочах чувствовались отголоски прежней привольной и сытой жизни.

Невольно обращало внимание отсутствие молодежи. Не только юношей, но и девушек. Впрочем, быть может, их так состарила революция, что они утратили и молодой вид, и звонкие голоса, и провинциальную шумливость...

Полку было приказано занять участок общим протяжением около 15 верст и не допускать выдвижения красных в сторону города Грай-ворона (около 40 верст севернее Харькова). Ровная, совершенно открытая местность и большое по сравнению с силами полка протяжение фронта значительно осложняли вопросы обороны. Большевики, наоборот, владели всеми командующими пунктами, дававшими им прекрасный артиллерийский и ружейный обстрел.

Формировать полк и вести бой — совмещение трудное. К нашему благополучию, большевики, по-видимому, находились еще под впечатлением прежних неудач и поэтому нечасто нас беспокоили. Несколько их попыток перейти в наступление и сбить полк успеха не имели. Постепенно роты и батальоны выучились маневрировать и скоро личным опытом убедились в могуществе этого боевого фактора. Пленные и взятое оружие наглядно свидетельствовали, что дух новой части крепнет.

Через две недели после выхода полка на фронт полк получил сперва от начальника дивизии, а скоро и от командира корпуса благодарность за боевую работу, причем впервые белозерцы были названы «доблестными». Этот незначительный по существу факт имел, однако, немаловажные последствия. Прослышав об успехах полка, из тыла стали прибывать офицеры и солдаты, находившиеся в госпиталях, приставшие к тыловым учреждениям и прочие. С ними зачастую приезжали и новые добровольцы. Все они неизменно просились в строй. Эта тяга в полк давала большое нравственное удовлетворение. В числе прибывших явился еще в Золочев полковник Г. Он служил в полку в мирное время и по праву мог называться «старым» белозерцем. Не веря, по-видимому, в возможность формирования полка, Г., имея протекцию, устроился при штабе армии. В Золочев он приехал под предлогом навестить своего приятеля полковника Радченко и, представляясь мне, доложил, что через три дня «обязан» вернуться к месту своей службы. Я прекрасно понял, что он приехал не «в гости», а убедиться лично, насколько молва о достижениях полка соответствует действительности. Ему была предоставлена полная свобода действий.

Через три дня полковник Г. обратился ко мне с просьбой вновь принять его в полк. Я охотно согласился и в дальнейшем в его лице имел помощника, горячо любившего родной полк, стремившегося воссоздать прежние традиции и вписавшего не одну славную стра-

ницу в историю белозерцев. Своим возвращением он увлек и ряд других прекрасных офицеров.

Эпизоды, даже мелкие, зачастую свидетельствуют более убедительно, чем пространные отвлеченные рассуждения, и пример полковника Г. иллюстрирует, как сложен был офицерский вопрос в Добровольческой армии.

Штаб полка состоял из трех человек: моего помощника полковника Радченко, оперативного адъютанта подпоручика Глобы и начальника команды связи подпоручика Л. (не зная, где находятся многие лица, о которых упоминается в настоящем изложении, я предпочитаю называть фамилии полностью).

Прекрасно знавший родной ему полк с начала формирования, всегда корректный, дисциплинированный, быстро уяснявший обстановку, полковник Радченко был прекрасным во всех отношениях офицером.

Подпоручик Глоба являлся именно тем адъютантом, какой был мне необходим: неутомимый в работе, крайне исполнительный, он умел хранить секреты и был ко всем благожелателен. Чистой души человек, он, как и полковник Радченко, отличался редким беспристрастием.

Подпоручик Л. быстро усвоил мои требования и в самой тяжелой обстановке давал идеальную связь. Его команда, казалось, не знала усталости. Среди телефонистов было много учащейся молодежи, и потому работа команды всегда была очень сноровистой и грамотной.

С первого же дня боевых действий штаб полка был соединен телефоном с батальонами и ротами. Столь элементарное правило связи, о котором в нормальных условиях ведения войны не приходилось бы и вспоминать, в Гражданскую войну являлось уже крупным достижением, которое не только подчеркивали, но которым гордились... В напряженные периоды боя, когда полковой участок имел 25–30 верст, Глоба или я не отходили от телефона. Мы слышали все переговоры командиров батальонов и рот и потому всегда были в полном курсе дела. Прежде чем получалось донесение о неустойке на том или ином участке, мы уже предугадывали критическое положение и к угрожаемому участку направлялся резерв. И когда батальонный командир возбужденным тоном докладывал о том, что «снимает телефон» и начинает отходить, в ответ ему сообщалось, что через 10–15 минут подойдет уже «полчаса тому назад» высланный резерв.

— Продержитесь?

— Так точно, продержимся, — слышался радостный и снова бодрый голос...

Подобная осведомленность скоро внушила крепкую веру полка в полковую штаб.

Строевая канцелярия находилась всегда в тылу. Ездить туда и, следовательно, оставлять полк я не мог, а потому периодически вызывал для доклада полкового адъютанта, подпоручика Х. Он почему-то боялся меня, хотя повода ему для этого я и не давал. Несмотря на подобную боязнь, он все же, пользуясь своей отдаленностью и отсутствием надзора, злоупотреблял моим доверием. Стал пить, уха-

живать, а иногда просто безобразничать. Открылось это случайно. Однажды он прибыл ко мне с докладом. По своему обыкновению, франтовато одетый, с тщательно сделанным пробором и сильно надушенный какими-то скверными духами.

Я долго крепился, но затем не выдержал:

— Что это вы так благоухаете?

Адъютант страшно смутился, покраснел и почему-то прикрыл рот рукой.

— Виноват, господин полковник, это вчера у меня были гости, мы случайно засиделись и...

— И немного выпили?..

Я смотрел на него, он на меня. Тут-то я почувствовал ясный аромат винного перегара.

Произошло забавное недоразумение. Спрашивая, почему он «так благоухает», я имел в виду исключительно запах духов. Поручик Х., зная за собой вину, вообразил, что под благоуханием я подозреваю винный перегар.

Это *qui pro quo* открыло мне глаза, и были приняты нужные меры.

Подобные случаи были, впрочем, единичны, и в своей массе строевое офицерство служило своей Родине с полным самопожертвованием и с большим аскетизмом.

С первых же дней выхода полка из Харькова я стал убеждаться, что фактом сформирования офицерских рот была допущена крупная ошибка. В первом же бою одна из таких рот проявила и нервность, и недостаточное упорство. Узнав об этом, я прибыл на участок роты и приказал ее собрать. Заметив суету, большевики стали посыпать нас шрапнелью. И под огнем противника происходил наш «разговор». В резких выражениях пристыдил я офицеров, поставил им в пример другие роты, тут же отрешил командира роты и пообещал в случае повторения малодушия применить суровые меры воздействия.

Серьезная боевая обстановка того периода побудила меня обойтись с офицерской ротой так строго и неприветливо. Однако и тогда, и теперь я отчетливо понимал и понимаю, что был несправедлив.

Поставленные в ненормальные условия, офицеры не могли полностью выявить своего духа и той доблести, на какую они были способны.

Я решил постепенно упразднить офицерские роты и вернуться к нормальной организации.

После моего разговора с офицерами на железнодорожной станции рота воевала вполне прилично, однако подлинную доблесть все эти «рядовые» проявили лишь тогда, когда были распределены по ротам и стали начальниками. Почувствовав себя на своем месте, в привычных им служебных взаимоотношениях, они дали полностью свои лучшие качества.

В период нахождения перед Грайвороном посетил полк командующий армией. Получив донесение о его приезде, я немедленно явился генералу Май-Маевскому. Он принял меня в своем вагоне.

Несмотря на ранний час (было около 6 часов утра), на столе стояла почти пустая бутылка вина. Во время доклада и последующего разговора Май-Маевский прикончил и остатки. Вначале команду-

ший слушал меня внимательно и задавал вопросы, ясно свидетельствовавшие, что его голова работает вполне хорошо. Через полчаса, под влиянием вина и жары, он стал все более и более сдавать.

Несколько раз входил в купе, в котором мы сидели, адъютант генерала Май-Маевского — Макаров. Прежде всего, его взгляд оставался на бутылке. Видя ее пустой, он порывался заменить ее новой, однако генерал, по-видимому, несколько меня стеснялся и выпроваживал своего адъютанта небрежным движением руки.

При появлении Макарова я всякий раз прекращал свой доклад и выходил его ухода. Командующий это заметил, и, когда адъютант вошел в купе в третий раз, Май сказал:

— Пошел вон!

Сказал таким тоном, что не оставалось сомнений в привычной обиходности этой фразы...

После доклада был обход позиций ближайшего батальона. Я видел, с каким трудом двигался генерал Май-Маевский. Он запыхался, как-то прихрамывал и явно изнемогал. Неумеренное потребление алкоголя приносило свои результаты.

Мы обошли участок лишь одного или двух взводов. Дальше командующий идти уже не мог и вернулся в свой вагон совсем измученным. Он грузно опустился на стул и стал жадно пить вино, принесенное Макаровым.

Мне было искренно жаль генерала. Он явно пропивал и свой ум, и здоровье, и незаурядные способности.

В этот момент я видел в нем лишь больного человека:

— Ваше Превосходительство, вы лучше легли бы и отдохнули. Май не обиделся на такое нарушение дисциплины, грустно улыбнулся и как-то безнадежно махнул рукой:

— Стал слабеть. Сам чувствую, что машина портится.

Я откланялся и вышел. На перроне меня нагнал Макаров:

— Господин полковник, нельзя ли устроить завтрак для командарма, он еще ничего не ел.

Убеденный, что инициатива завтрака исходит от Макарова, я холодно ответил, заявив, что у меня нет никаких запасов.

И действительно, в штабе не было ни вина, ни закусок. Макаров ушел. Через две минуты он снова подошел ко мне:

— Командарм просит вас не стесняться и дать, что у вас найдется. Хотя бы картошку. Вино и водка у нас есть.

После этих слов мне оставалось только исполнить желание командующего армией.

Через час был подан завтрак — чай, вареные яйца, яичница, картофель. В полном смысле походный завтрак.

В том районе, какой занимал полк, находилось несколько сахарных и винокурных заводов. Они не работали, но на заводских складах хранились большие запасы сахара и спирта. Склады эти охранялись, по моей инициативе, моими же караулами. Это многомиллионное богатство находилось в прифронтовой полосе, и им никто не интересовался. Не интересовались, правда, лишь те официальные органы, которые должны были интересоваться подобным «золотым» запасом. Полки и многочисленные военные учреждения, наоборот, очень скоро проведали о сахаре и спирте и ежедневно ко мне

являлись «приемщики» с просьбой выдать для их частей то или иное количество сахара и спирта. Наиболее скромные просили 30–50 пудов сахара, а ловкачи запрашивали вагон. В силу каких соображений, я не знаю, но заводская администрация не только не препятствовала выдачам, но как будто даже их поощряла. Все управляющие требовали только одну формальность — мою пометку, что сахар и спирт берутся действительно для нужд частей. Несмотря на доклады, я не получал по этому вопросу никаких указаний свыше. А обращенные ко мне просьбы штабов дивизии, корпуса и армии об отпуске сахара и спирта убеждали меня, что я являюсь как бы признанным расходчиком всего этого добра. Ввиду такого положения дел я не считал необходимым отказывать войскам, когда они ко мне обращались. Спирт отпускал скупое, сахар же более щедро. Конечно, не вагонами.

Окончив завтрак, Макаров обратился ко мне с просьбой дать для штаба армии спирта и сахара. Зная, что Макаров спекулирует, я отказал. Он пошептал что-то на ухо командующему, и генерал Май-Маевский, с благодушной улыбкой сытого и довольного человека, поддержал просьбу своего адъютанта:

— Дайте ему немного сахара и спирта. Штаб просил, чтобы мы им привезли.

Я исполнил это приказание, пометив на поданной мне записке — «15 пудов сахара и 1 ведро спирта».

Позже, уже после отбытия генерала, я узнал, что Макаров получил во много раз больше, чем ему было разрешено. Если память не изменяет, то 150 пудов сахара и 15 ведер спирта. Он, не смущаясь, приписал лишние цифры...

Командующий армией в доверительном разговоре предупредил меня о своем решении перейти в наступление в ближайшем будущем. И действительно, через несколько дней я получил приказание овладеть Грайвороном, а затем захватить и удерживать станцию Готня — железнодорожный узел того района.

Грайворон и железнодорожную линию Харьков — Кореново защищала красная дивизия. Она во много раз превосходила численностью Белозерский полк, однако подобное соотношение сил воспринималось как нормальное явление Гражданской войны. Всей группой красных войск командовал какой-то матрос. Силе и невежеству надо было противопоставить доблесть и искусство. Позиция большевиков была усилена окопами, имевшими у Грайворона двухъярусную оборону и проволочные заграждения.

Место предстоящего боя являло картину, какую можно было наблюдать только в период Гражданской войны. Между фронтами нашим и красных весь день работали крестьяне, убирая хлеб. Во время перестрелок охранения они ложились на землю, а когда огонь прекращался, снова принимались за работу. Иногда бывали среди них раненые.

Я приказал своему охранению без крайней нужды огня не открывать, и крестьяне скоро заметили, что инициаторами стрельбы являлись обычно большевики. Это обстоятельство вызвало большую неприязнь к красным, чем мы и пользовались. Мужики и бабы, желая насолить красным, охотно передавали нашим разведчикам все сведения о противнике.

Поля «наших» крестьян находились позади расположения полка, и пропуск через линию белозерского охранения был воспрещен. Когда утром крестьяне не выходили на работы, это всегда являлось признаком того, что большевики что-то готовят...

Красные войска обладали одной особенностью: они, как всякие слабые духом части, не любили ночных боев, и если бывали сбиваемые перед вечером, то уходили стремительно, стараясь возможно скорее оторваться от преследования.

Располагая слабыми силами, я решил использовать эту особенность красных и назначить атаку Грайворона под вечер. Накануне ночью была произведена соответствующая перегруппировка, и в течение дня выдвинутые роты лежали, прикрываясь наскоро вырытыми замаскированными окопами. Большевики не заметили всех этих приготвлений и, видя, что день проходит спокойно, успокоились и сами.

Стремительно поведенная во фланг атака, чего, по-видимому, мой партнер-матрос никак не ожидал, произвела на противника сильное впечатление. Матрос двинул все свои резервы на атакованный участок и, как потом выяснилось, выехал туда и сам. С нашей стороны это была, однако, только демонстрация, и главный удар был нанесен в центре. Все было закончено менее чем в 3 часа. Мы захватили более 200 пленных, несколько пулеметов, одно орудие и почти весь обоз красных. Среди взятой большой добычи оказался обширный склад английской парфюмерии. Зачем большевики привезли его в Грайворон, я так и не дознался.

Выполняя свою задачу, полк, с приданной ему Дроздовской батальей и дивизионом иркутских гусар, продолжал наступать к северу. Очень упорные и кровавые бои происходили за обладание железной дорогой Белгород — Сумы. Здесь разыгрался трагический эпизод, стоивший жизни прекрасному офицеру — командиру 1-й роты поручику А. После удачного боя А. подошел к группе безоружных пленных, и в тот момент, когда он мирно разговаривал с красноармейцами, к нему незаметно приблизился один из пленных и выстрелом из револьвера в спину убил А. наповал. Выстреливший оказался комиссаром. В одно мгновение он был растерзан солдатами 1-й роты, очень любившими своего командира, но это, конечно, не воскресило погибшего.

В середине 1919 года определенно обрисовался перелом в наших отношениях к пленным. Если в первый период существования Добровольческой армии война обеими сторонами велась, в сущности, на уничтожение, то к указанному периоду уже не наблюдалось прежнего озлобления. Пленные офицеры и солдаты, если они не были коммунистами, обычно и без особых формальностей принимались в ряды полонившего их полка. По неписанным добровольческим законам, все пленные считались собственностью той части, какая их взяла. Часть пленных, из числа лучше одетых, оставалась при полку, и ими пополнялись роты. Остальные, если они не были нужны, отправлялись в тыл, где и передавались корпусным и армейским командантам. Существовали ли по вопросу о пленных какие-либо общие инструкции, изданные главным командованием, я не знаю. Думаю, что таковые были изданы, но лично ко мне они не доходили.

Сама жизнь выработала известные правила отбора пленных, каковые и применялись командирами полков с теми или иными, но, в общем, незначительными вариациями.

Обычно каждая группа пленных сама выдавала комиссаров и коммунистов, если таковые находились в их числе. Иностранцы выделялись своим внешним видом или акцентом. После выделения всех этих элементов, ярко враждебных белой армии, остальная масса становилась незлобивой, послушной и быстро воспринимала нашу идеологию. За редким исключением большинство были солдатами в период Великой войны и потому, после небольшого испытания, ставились в строй. Они воевали прекрасно. В Белозерском полку солдатский состав на 80–90 процентов состоял из пленных красноармейцев или из тех мобилизованных, которые служили раньше у большевиков, а затем, при отходе, сбежали.

В других частях солдатский вопрос обстоял примерно так же, как и у меня. Много раз и с особым вниманием присматривался я к своим солдатам, бывшим красноармейцам, стараясь отыскать в них какие-либо «красные» черты. И всегда в своей массе это были добродушные русские люди, зачастую религиозные, с ярко выраженным внутренним протестом против большевизма. Всегда чувствовалось, что большевизм захлестнул их только внешне и не оставил заметных следов на их духовной сущности.

В Добровольческой армии вопрос о пополнении полков из запасных армейских частей был разрешен неудовлетворительно. Со времени выхода из Харькова и до начала Бредовского похода, то есть в течение семи месяцев, Белозерский полк пропустил через свои ряды более 10 000 человек — офицеров и солдат. И за все это время только один или два раза я получил, из какого-то армейского батальона, пополнение, общей сложностью 300–400 человек. Между тем громадная территория, занятая Добровольческой армией к октябрю 1919 года, давала, казалось, неиссякаемый источник людского запаса. В тот период имелись все материальные возможности создать не только правильно действующие запасные части, но сформировать и новую армию. Пример генерала Краснова, сумевшего в кратчайший срок создать молодую Донскую армию, достаточно убедительный. И не подлежит сомнению, что наличие в тылу сильных и готовых к действиям резервов не допустило бы той катастрофы, какая, в конце концов, постигла обессилевший фронт.

По справедливости надо признать, что недостатка в предупреждениях, и в предупреждениях очень серьезных, не было. В своем продвижении от Харькова до линии Орел — Чернигов малочисленная, растянутая на сотни верст, Добровольческая армия несколько раз переживала тяжелые кризисы. Величайшей доблестью и бесконечными жертвами фронт восполнял недочеты организации, сбивал врага, двигался вперед, по пути самоформировался и через некоторое время переживал очередное бессилие. Полковые участки в 25–30 верст протяжением, при составе в 800–1000 штыков, считались явлением нормальным...

Неудачное разрешение вопроса об армейских запасных частях побуждало каждого командира полка лично заботиться о пополнениях.

Мы и заботились, как умели, по своему крайнему разумению. Высшие инстанции всегда требовали от командиров возможно большее количество «штыков», то есть бойцов. Для нас — начальников — этот вопрос был тоже самым важным. Без «штыков» мы воевать не могли, а обстановка условий побудила меня в первый же месяц по выходе из Харькова сформировать свой запасный батальон и образовать при комендантской роте небольшой мобилизационный аппарат.

Командиром запасного батальона был назначен тот полковник, которого в Харькове я видел в должности фельдфебеля офицерской роты. Своими знаниями и опытом он принес полку немало пользы.

Батальон мог принять до 800 человек. Каждый строевой батальон имел свою запасную роту, поддерживал с нею тесную связь и всячески о ней заботился. Батальон комплектовался пленными и мобилизованными. И вновь утверждаю, что поставленные в строй солдаты дрались прекрасно. Среди длинного ряда всевозможных подвигов я не могу не вспомнить одного, особенно трогательного своею духовною красотю.

Один из белозерских батальонов был сбит и отходил, преследуемый красными. При отходе через деревню поручик Р. был ранен и упал. К нему подбежал солдат, недавно взятый в плен красноармеец.

— Господин поручик, что с вами? Вставайте. Следом подходят большевики.

— Не могу, у меня перебита нога.

— Ах, грех какой! Я же вас не дотащу.

Солдат был маленький, худенький, слабосильный.

— Пристрели меня, все равно пропадать, да уходи скорее сам...

— Что вы, господин поручик, это невозможно.

Солдат подхватил офицера и потащил в соседний двор. Втащил в сарай, зарыл в сено. Туда же спрятал свою фуражку и погоны. Хозяин дома — крестьянин — ему помогал и дал взамен фуражки старую шапку. В это время подбежали большевики. С винтовкой в руках и с крестьянской шапкой на голове солдат удачно разыграл красноармейца, якобы только что зашедшего во двор.

— А что, товарищ, никого здесь нет?

— Никого. Сейчас только осмотрел весь двор.

Притворившись затем больным, он лег у дверей сарая и никого не пропускал вовнутрь.

Через несколько часов деревня была снова взята нами. Первой ворвалась рота, в которой служил поручик Р. Его отсутствие было замечено, и солдаты желали найти своего офицера живым или мертвым.

Р. был найден. Его спас солдат, который к тому же его и не знал.

Как командир полка, я немедленно произвел солдата в унтер-офицеры и выдал ему денежную награду. Как временно командующий тогда дивизией, наградил героя Георгиевской медалью. Затем поцеловал от имени полка.

Солдат покраснел, сконфузился и сказал слабым голосом:

— Да я ничего такого, господин полковник, и не сделал...

Его лицо и глаза подтверждали его искренность. По-видимому, он не считал совершенный им подвиг, подвиг действительно

возвышенной души. Крестьянину, хозяину дома, подарили лошадь и два пуда сахара. Он был счастлив...

Что касается пленных и мобилизованных офицеров, то в своей массе они доблестно воевали, а когда приходилось — умирали. Конечно, развращающее влияние революции и большевизма не прошли бесследно и среди офицеров, впрочем, как явление крайне редкое, встречались люди малодушные. Понятно, что моя аттестация относится к строевым офицерам, то есть к тем, кто своей жертвенностью и кровью являл примеры величайшей доблести и патриотизма. В тылах было иное настроение, и наряду с натурами высокочестными встречались и люди беспринципные и нравственно опустившиеся.

Офицеры, перешедшие от большевиков или взятые в плен, если они не были коммунистами, решительно никаким репрессиям не подвергались. Все они для испытания назначались рядовыми в строй и после небольшого искуса уравнивались в правах с остальными офицерами полка.

Для характеристики офицеров, служивших раньше у большевиков, приведу два наиболее ярких примера.

Однажды полк вел бой с превосходящими силами красных. В тылу у нас находилась река с единственным мостом. Большевики напрягали все усилия захватить эту переправу, что поставило бы полк в катастрофическое положение. Батальон, прикрывавший путь к мосту, явно изнемогал. Я снял с отдаленного участка, на котором только что была отбита атака, роту и приказал ей бегом двигаться на поддержку. Рота могла прибыть не ранее 30–40 минут, а в это время уже обнаружилось, что большевики заходят в тыл атакованному батальону. Чувствовалось, что сейчас решится участь не только боя, но и полка. Стрельба с нашей стороны умолкла. Зловещий признак!.. В этот критический момент один из офицеров, взятый незадолго перед тем у большевиков, сорвал свои погоны и стал уговаривать других последовать его примеру и сдаться.

Узнав об этом, я приказал тут же расстрелять малодушного офицера, что и было немедленно исполнено. Эта трагическая сцена произвела сильнейшее впечатление...

Показалась спешащая на поддержку рота, и батальон был двинут в контратаку. Большевики отхлынули, а мы взяли более 300 пленных, 6 пулеметов, много оружия и патронов. Описанный бой был отмечен в официальных сводках штаба Главнокомандующего...

Другой пример выявляет тип офицера, противоположный первому.

В период боев под Курском я направлялся с подпоручиком Глобой на один из участков полка. По пути встретили партию пленных.

На мой вопрос, есть ли среди них офицеры, послышался ответ:

— Я офицер, господин полковник.

Взяв руку под козырек, передо мною вытянулся небольшого роста, коренастый человек 33–35 лет.

— Как ваша фамилия?

— Поручик Трохимчук.

— Где вы раньше служили?

— В мирное время был сверхсрочнослужащим в N-ском, полку, а на войне произведен в офицеры.

— Как же вам не стыдно было воевать против нас?

— Да уж так сложились обстоятельства, господин полковник.

При этих словах голос Трохимчука как-то дрогнул. Что-то хорошее и честное слышалось в ответах пленного.

— Желаете у нас служить?

— Так точно, желаю.

Поручик Трохимчук был зачислен в одну из рот, но не в ту, которая его пленила.

В течение двухнедельных боев я несколько раз справлялся, как держится Трохимчук, и ротный командир всегда отзывался о нем как о примерном офицере.

Однажды мне надо было во что бы то ни стало удержать переправу, выводящую во фланг нашего расположения. К тому времени полк понес большие потери. Почти все ротные командиры и много офицеров были выбиты. Это был очередной кризис, когда кровью восполняли недостаток сил и недочеты армейской организации. На переправу можно было выделить только полуроту крайне слабого состава при пулеметах. Туда требовался офицер, во всех отношениях надежный. Я вспомнил о поручике Трохимчуке и, узнав, что он цел, вызвал его к себе:

— Поручик Трохимчук, мне необходимо удержать такую-то переправу, и для ее обороны можно выделить только полуроту с 2 пулеметами. Я хочу назначить вас командиром этой полуроты.

— Покорно благодарю, господин полковник.

— Имейте в виду, что если большевики вас собьют, то положение полка будет тяжелым.

— Понимаю.

— Смотрите, поручик Трохимчук, удержитесь. Я вам верю.

— Конечно, я служил у большевиков... И не могу ничего вам доложить, но вы сами увидите, господин полковник...

Поручик Трохимчук действительно выполнил свое обещание.

Несмотря на тяжелое положение, он удержал переправу, потеряв убитыми и ранеными более половины своей полуроты. В конце боя, когда положение уже упрочилось, он был убит.

Много лет прошло с тех пор, но я всегда с волнением вспоминаю этого честного офицера...

Оборонительные бои

По овладении железнодорожной линией Белгород–Сумы полк продолжал наступать к северу и, форсировав реку Псиол, овладел городом Суджа. После нескольких дней передышки бои вновь возобновились. С каждым днем уширялся «Белозерский уголок» на городском кладбище.

Согласно армейским директивам, наступление полка было приостановлено. Необходимо было выровнять фронт корпуса и подготовиться к овладению Курском. Большевики, оправившись после падения Харькова и видя наше энергичное наступление, понимали, что развязка приближается. Они всемерно усиливали свой фронт и, пользуясь перевесом в силах, упорными боями обессиливали Доб-

ровольческую армию. Белый фронт был предоставлен собственным силам и знал, что армейских резервов нет.

Еще на станции Готня в мое распоряжение прибыл Сводный батальон 31-й дивизии, приступившей к формированию явочным порядком. Без обозов, бедно снабженный материальной частью, был двинут на фронт в период для себя наименее благоприятный, батальон все же был силен духом и дрался хорошо. Командира батальона полковника С. и его помощника полковника Т. я знал еще раньше. Это были прекрасные боевые офицеры. Несмотря на прибытие этого батальона, наши силы во много раз уступали большевистским. При таком неравенстве мы могли иметь успех только при наступлении, то есть тогда, когда располагали инициативой боевых комбинаций. Оборонять же слабыми силами 20-верстный фронт являлось задачей тяжелой и неблагодарной.

В Судженском районе я являлся старшим войсковым начальником. Все мои подчиненные несли мне свои заботы, свои огорчения и тот упадок душевных сил, какой иногда переживают, в период тяжелых боев, самые мужественные люди. Я обязан был всех выслушивать, ободрять и переливать свою волю в душу тех, кто в этом нуждался. Только свои силы я должен черпать в самом себе. Мне не к кому было обратиться ни за советом, ни за нравственной поддержкой. Подобное душевно-волевое одиночество было особенно тяжело.

Штаб полка был связан телеграфной проволокой со штабом дивизии, и этим исчерпывалась моя связь с внешним миром. Я не хотел докучать какими-либо жалобами начальнику дивизии. Не позволяла гордость, да к тому же знал, что он бессилен мне помочь. И, словно угадывая мое одиночество, генерал Витковский с особой сердечностью вел со мною телеграфные переговоры, сообщая новости общего характера и обнадеживая скорым переходом в наступление. Дней через семь после занятия Суджи начальник дивизии посетил полк, и его приезд внес значительное разнообразие в нашу монотонную боевую жизнь. В беседе наедине генерал Витковский предупредил меня секретным порядком, что в ближайшие дни ожидается усиление красных сил. И действительно, очень скоро стали попадаться пленные вновь прибывших частей. После 12-дневной обороны Суджи я вынужден был оставить город и отвести свои части к Мирополью в надежде, что этим отходом уменьшу свой участок по фронту и тем выиграю в силе. Подойдя к Мирополью и соединившись опять со штабом дивизии, я узнал, что усилившиеся большевики сбили не только меня, но и другие части дивизии. Мои надежды о сокращении фронта не осуществились: мне был дан участок протяжением до 30 верст. Полк же имел к тому времени около 800 штыков. Подобное несоответствие сил и пространства ярко свидетельствует, что уже в августе назревал кризис, какой в дальнейшем привел Добровольческую армию к катастрофе. Резкое несоответствие сил белых и красных создано не внезапно, а постепенно. Не только мудрая предусмотрительность, но и очевидная действительность властно требовали энергичного формирования новых частей. Формирования, подобные батальону 31-й дивизии, или прибывшему у Мирополя в мое распоряжение Олонецкому полку, имевшему 200–250 штыков

(остальные были безоружные), являлись нарушением элементарных основ военного дела...

Трехнедельная оборона Мирополя является самым тяжелым, по напряжению, периодом в течение всей боевой работы полка в Добровольческой армии. Главная борьба происходила у самого Мирополя. Каждый день, к вечеру, один из участков был сбиваем, и ночной атакой или наутро положение восстанавливалось. Восстанавливалось для того, чтобы к вечеру опять измениться. Несколько раз наше положение становилось безнадежным, и войска удерживались только сверхчеловеческими усилиями. Я находился на левом фланге корпуса и прекрасно понимал, что если меня собьют, то общее положение на фронте резко ухудшится. Оперативная сводка штаба дивизии от 22 августа дает точное и полное представление о состоянии войск вверенной мне группы. Она говорит о «подавляющем превосходстве сил противника и чрезвычайной усталости войск, уже полтора месяца ведущих бои с сверхчеловеческим напряжением. Люди по ночам галлюцинируют. Лучшие, наиболее опытные офицеры и солдаты выбиты, и требуются невероятные усилия командного состава для руководства войсками и выполнения поставленных задач».

Эти тяжелые, незабываемые дни я проводил вдвоем с оперативным адъютантом подпоручиком Глобой. Мы по очереди спали не более 2–3 часов в сутки. К концу операции офицеры и солдаты стали тенями: глубоко запавшие глаза, землистый цвет лица и вместо человека — сплошной комочек нервов. Истомленный до крайности организм желал лишь одного: спать, спать и спать. И эту телесную слабость мог побеждать только горящий дух с властным, все преодолевающим сознанием: надо держаться.

Посещая раненых и подбадривая их, я часто слышал в ответ:

— Ничего, господин полковник, по крайней мере, теперь высплусь.

Днем шел ожесточенный бой, а ночью войска насильно кормили, совершались необходимые передвижения и совершались ночные атаки. Положение восстанавливалось почти исключительно ночными атаками. Я держал в резерве свой лучший и наиболее сильный батальон и только в редких случаях двигал его днем.

И военная история, и мой личный опыт Маньчжурской, Великой и Гражданской войн свидетельствовали, что неудачи ночных атак происходили обычно потому, что войска, запаздывая, пропускали ценное предрассветное время и начинали атаку на рассвете, когда противник уже пробуждался от сна. Памятуя это, я всегда своевременно и лично приказывал будить батальонного командира. В телефонную трубку я слышал, как его будили и не могли добудиться, а когда подходил к телефону, ясно чувствовалось, что говорит автоматически совсем сонный человек, который не в силах побороть своей усталости. Убедившись, что он, наконец, проснулся и что его воля опять управляет измученным телом, я приказывал будить батальон. Под различными предлогами вызывались к телефону и ротные командиры, дабы и им передать бодрость. Благодаря подобным приемам роты всегда выступали в срок, и мы не имели неудачных ночных атак.

Полк таял с каждым днем. Кроме убитых и раненых, стали усиливаться остро-желудочные заболевания. Численный состав с ужасающей быстротой приближался к нормам Каменноугольного района. Запасной батальон был давно использован, из обоза и нестроевых команд было взято все, что возможно.

Если вопрос о пополнениях стоял очень остро, то снабжение частей оружием и снаряжением находилось в состоянии катастрофическом. За все время своего существования белозерцы получили из армейских складов в порядке официальном не более сотни винтовок и 2–3 пулемета. Более или менее правильно и обильно снабжали нас только патронами. Находясь все время на фронте, я не был знаком с той системой, какая была принята главным командованием в вопросах всех видов снабжения. Я могу лишь свидетельствовать о том, что фактически поступало в части. А поступало очень и очень мало. Почти что ничего. На моих глазах формировались иркутские гусары, батальон 31-й дивизии, Олонецкий полк, и все эти части испытывали тяжелый недостаток всех видов снабжения. Командиры Сводно-стрелкового, Самурского и 2-го Дроздовского полков не раз говорили мне о том же. Будучи в дальнейшем в Киевской области, я наблюдал и там недочеты. Таким образом, положение белозерцев в вопросах официального систематического снабжения являлось не исключением.

Все эти недочеты, в связи с повышенными требованиями боевой обстановки, побуждали командиров изыскивать всяческие пути для добывания оружия и снаряжения. Самый верный и самый обильный способ — это наступательный бой. Успешно развившееся наступление всегда давало полкам и сотни пленных, и много оружия.

Миропольская оборона, лишавшая по своему характеру тех трофеев, какие получались при движении, побудила меня изыскивать иные способы снабжения. Уже опытные в сих делах дроздовцы дали нам ряд практических и дельных советов. Раз невозможно было добывать оружие и снаряжение путями официальными, приходилось следовать советам и идти по путям извилистым, но зато более действенным. Первый путь — личные связи. Второй — гораздо сложнее: в тыл посылались офицеры из числа дельцов. Они вступали в конфиденциальные переговоры с младшими чинами довольствующих учреждений. Обычно при получении оружия, патронов и снаряжения существовала длинная очередь. С помощью денег, а чаще всего спирта и сахара, можно было из задних рядов очереди быстро проскочить в голову. В итоге расторопный офицер добывал то, в чем полк особенно нуждался. Добывал, правда, в ограниченном количестве, так как 75 процентов своего оружия и снаряжения полк доставал в бою.

Несмотря на всю свою тяжесть, период Миропольской обороны имел и благие последствия. Молодой полк закалился в ежедневных боях, научился маневрировать и крепко усвоил принцип взаимной выручки. Эти воинские добродетели и позволили впоследствии белозерцам с полным успехом провести столь сложную и серьезную операцию, как Черниговскую.

В Мирополье наш военный телеграф случайно соединился с каким-то большевистским комиссаром. Разговор, начавшийся с обыч-

ной в таких случаях перебранки, скоро принял серьезный характер. В силу каких соображений, я, конечно, не знаю, но комиссар, назвавший себя «убежденным коммунистом», с видимою искренностью сообщил о тяжелом положении большевиков:

— Мы в пять раз сильнее вас, а ничего с вами поделаться не можем. Красноармейцы отказываются воевать, и, прежде чем заставить их наступать, придется долго уговаривать, а иногда и расстреливать.

— Чем же вы это объясняете?

— Да тем, что каждый из вас воюет во имя идеи, а у нас господствует только страх.

Далее комиссар рассказал о развале их тыла, о недовольстве крестьян, которые, по его мнению, относятся к белым лучше, чем к красным, и затем спросил:

— Правда, что вы расстреливаете всех пленных?

— Нет, не правда. Не коммунистов мы не трогаем. У нас служат много ваших офицеров и солдат.

— Нам все время говорят, что вы расстреливаете всех пленных. Если бы не страх расстрела, к вам переходило бы много наших...

В конце концов, офицеры, беседовавшие с комиссаром, предложили своему собеседнику привести к нам его часть. Не помню точно, какой силы была эта часть, но, во всяком случае, не менее полка. Предложили так — на ура, не придавая значения своим словам. К удивлению, комиссар принял это предложение серьезно, и хотя в очень осторожных выражениях, но стал обсуждать полученное предложение. Он ставил только одно условие: гарантировать жизнь ему и вообще всем перешедшим. Лично я не принимал участия в этом разговоре, и когда мне доложили подробности, я приказал ответить, что условия сдачи принимаю. Говорил ли тогда действительно комиссар, или кто-либо другой назвался этим именем, я, конечно, не знаю. Лично более склоняюсь ко второму предположению.

Я прекрасно понимал, что переход на нашу сторону крупной красной части явился бы событием, крайне серьезным по своим последствиям. Передавая свое согласие комиссару, я не имел в виду тот момент должных полномочий от своего начальства, однако не сомневался, что в лице генерала Кутепова найду полную поддержку.

Были выработаны подробности сдачи, и намечен день. Решено было, что большевики перейдут якобы в наступление против нас, и когда приблизятся, то бросят винтовки и перебегут. Со своей стороны мы обещали не стрелять или стрелять по верху голов.

Опасаясь возможности какого-либо предательства, я принял некоторые меры предосторожности. В назначенный день несколько рот красных действительно перешли в наступление. Подойдя к нашим цепям на 300—400 шагов, они бросили винтовки и перебежали.

Большевики немедленно открыли огонь по сдающим, и это обстоятельство, видимо, и задержало сдачу других. Перешедшие к нам офицеры и солдаты утверждали, что сдаваться собрались «все». Почему предreshенная сдача не состоялась полностью, они не знали.

Сдавшиеся роты производили настолько хорошее впечатление своим настроением, что мои ротные командиры обратились ко мне с просьбой разрешить им немедленно разобрать пленных и поставить их в строй. Став в наши ряды, бывшие красные офицеры и солдаты добросовестно воевали и оставались до конца в рядах Белозерского полка.

На другой же день после сдачи, находясь уже в нашей цепи, они кричали «товарищам», чтобы те переходили на нашу сторону, и подтверждали, что мы никого из сдавшихся не тронули.

Описанный факт показывает, что в рядах большевистских войск уже назревал желательный психологический сдвиг. Надо было только использовать эти настроения. К сожалению, дело агитации было поставлено в Добровольческой армии крайне слабо. Официальные учреждения вроде «Освага» работали в глубоком тылу, а фронт не имел для этой цели ни соответствующих средств, ни навыка. В итоге большевистские войска совсем не подвергались желательным воздействиям с нашей стороны.

Через несколько дней после сдачи красных рот было получено так нетерпеливо ожидаемое приказание об общем переходе в наступление. Это начиналась Курская операция.

Наступление на Курск

Известие о переходе корпуса в наступление было принято войсками с большим энтузиазмом. Тяжелая оборона и сопряженные с нею жертвы и лишения утомили всех.

Удачной ночной атакой у Мирополья красные были сбиты. Наше наступление развивалось так стремительно, что, не давая противнику устроиться, мы на его плечах снова ворвались в Суджу. Дальнейшее продвижение на линию железной дороги Курск — Киев развивалось успешно, хотя большевики и притянули из тыла все свои свободные резервы. Наиболее сильное сопротивление было оказано на фронте станций Коренево — Льгов. Честь занятия Льгова принадлежит главным образом корниловцам и генералу Витковскому, лично руководившему атакой войск. Скоро был занят и Курск. Занятие этого города и выход на линию Курск — Киев являлись крупным успехом, давшим армии большие трофеи и поднявшим настроение, приниженное 2-месячными тяжелыми боями.

На Белозерский полк была возложена задача прикрыть Льгов со стороны Брянска. Бои временно прекратились, и нас ожидал столь необходимый отдых. Люди совершенно выбились из сил, а материальная часть пришла в серьезное расстройство. От непрерывной работы, дождей и грязи винтовки и пулеметы постоянно отказывали, и их необходимо было хотя бы почистить. Снаряжение и обмундирование оборвались. Офицеры и солдаты месяцами не раздевались и не мылись. О нормальном питании не приходилось и думать...

После длительных беспрерывных боев, от хронического недоедания все мы превратились в каких-то неврастеников. Прежде всяких иных действий необходимо было вымыться, переменить белье, вы-

спастись и досыта поест. В пределах возможного я и дал эти радости Белозерскому полку.

Система пополнения частей

На третий день пребывания полка в Льгове я получил телефонограмму с приказанием прибыть немедленно в штаб корпуса, находившийся на станции Льгов.

Генерал Кутепов ужинал и, прежде всего, спросил:

— Вы ужинали?

— Только что собрался, но получил ваше приказание и выехал.

— В таком случае сперва закусите, а затем поговорим о деле.

Я не сомневался, что этот вызов означает какое-нибудь новое боевое поручение.

Во время ужина генерал Кутепов задал мне вопрос:

— Сколько у вас штыков?

— 215.

— Как — 215? А я доложил командующему армией, что у вас 1200 штыков. — Командир корпуса был явно озадачен. — Ведь в ваших донесениях было указано 1200.

— То было, Ваше Превосходительство, раньше, а теперь только 215.

— Как же быть?

— Дайте полку неделю отдыха, и я опять буду иметь 1200 штыков.

— А винтовки и пулеметы у вас есть?

— Есть.

— Сколько?

Возможно, что я посмотрел на командира корпуса с некоторой подозрительностью, так как генерал Кутепов улыбнулся и успокоил меня:

— Не бойтесь, отбирать не буду.

Доброволец с первых дней формирования армии в Ростове, генерал Кутепов сам командовал добровольческим полком, и потому командирская психология была ему понятна. Мы понимали друг друга и знали, что «отобрать» можно, а «дать» более чем затруднительно.

И помню свой ответ, ответ чрезвычайно характерный по тому времени:

— Официально у меня столько-то пулеметов и винтовок, а неофициально — столько-то...

Генерал Кутепов сообщил мне, что вновь создаваемую 4-ю пехотную дивизию приказано передвинуть на усиление войск Киевской области. В состав этой дивизии должны были войти Белозерский и сформировавшийся, мало окрепший и бедно снабженный Олонецкий полки.

Упомянутая мною 4-я пехотная дивизия, части которой (то есть два полка) возникли явочным порядком, красноречиво свидетельствует о системе формирования, принятой в Добровольческой армии.

Предполагалось, вероятно, что если Белозерский полк сумел возникнуть «без расходов от казны», то подобным путем будут сформированы и остальные три полка.

«Правильно называть — правильно понимать», и, наоборот, неправильные определения приводят и к ложным представлениям. 4-я пехотная дивизия — это звучало внушительно, но явно не соответствовало действительной ее сущности, ибо дивизии как таковой не было.

Мне было приказано вступить в командование дивизией, перевезти ее в район Киевской области и там получить дальнейшие приказания от генерала Драгомирова.

Вместе с тем командир корпуса пообещал дать Белозерскому полку несколько дней отдыха, дабы мы могли привести себя в порядок.

Я тут же в вагоне решил произвести в ближайшие дни мобилизацию, о чем и доложил командиру корпуса.

Подобные самочинные мобилизации официально воспрещались, но за отсутствием пополнений из тыла каждый командир полка их производил.

Двигаться с 215 штыками и выполнять на новом месте серьезные боевые задачи я, конечно, не мог. Рассчитывать, что мне пришлют пополнение из тыла, было бы более чем наивно. Генерал Кутепов понимал все это не хуже меня и молчаливо принял к сведению мой доклад о мобилизации.

Вернувшись из штаба корпуса к себе, я в тот же вечер отдал все необходимые распоряжения, как о смене полка, так и о его пополнении. Время было дорого.

Как указывалось раньше, в полку был свой небольшой мобилизационный аппарат, уже имевший навык в подобных делах. Руководил им поручик В., командир комендантской роты, человек молодой, но чрезвычайно серьезный, положительный, с ярко выраженными способностями организатора.

Мобилизация в прифронтовых районах является актом чрезвычайно деликатным. Близость большевиков и неуверенность, на чью сторону склонится завтра военное счастье, побуждали население уклоняться от мобилизации и выжидать.

Я не захотел отвести полк в ближайший тыл и не соблазнился теми обстоятельствами, что там мы будем находиться под надежным прикрытием фронта. Полк сосредоточился на фронте же, но в районе никем не занят. Мы выставили свое охранение, и через два дня нам пришлось даже воевать, отбивая наступление красных.

Я не хотел слишком явно нарушать приказ Главнокомандующего о воспрещении частичных мобилизаций, не хотел не из боязни ответственности, ибо таковой для командира полка фактически не существовало, если его полк хорошо воевал, а по соображениям характера принципиального. Поэтому мобилизация производилась лишь в полосе, какая находилась между нашим и большевистским фронтами. Компромисс, давший мне известное нравственное удовлетворение.

В окрестных деревнях были расклеены печатные объявления с печатью полка о мобилизации соответствующих возрастов (если не ошибаюсь — до 28 лет), а прежним старостам, которые в подобных случаях сами автоматически появлялись, было указано доставить мобилизованных на сборный пункт. При этом призывным рекомен-

довалось являться в исправных сапогах и в форменном обмундировании.

К моему удовольствию и даже удивлению, мобилизация имела полный успех. По заявлению старост, уклонявшихся почти не было. Через два дня собралось около 2000 человек. Все это были солдаты прежней армии, и подавляющее большинство еще неделю назад служило у большевиков. Они воевали лишь до той поры, пока не эвакуировалась их волость, деревня. Как только это происходило, уроженцы данных мест дезертировали, чтобы затем подчиниться мобилизационным распоряжениям другой стороны.

В те времена деревня почти поголовно «донашивала» то обмундирование, какое солдаты принесли на себе после Великой войны. Призванные в Красную армию получали те же шинели, френчи и фуражки, какие были и у нас. Это обстоятельство крайне упрощало в полках вопросы об обмундировании.

За единичными исключениями, все мобилизованные были одеты вполне прилично и имели хорошую обувь. Предупрежденные, что сапог у нас нет, и, зная по личному опыту, какое значение имеет на войне исправный сапог, все они прибыли в лучшей своей обуви.

Двухтысячная толпа была хмурой. Война им надоела, но в то же время они понимали, что в охватившей Россию междоусобице их все равно в покое не оставят и они будут призваны в войска той или иной стороны. Вся эта масса людей, одетых в военное обмундирование, совсем не имела военного вида. Неопрятная, распушенная, она живо напоминала знакомые и мрачные картины 1917 года. Не было ни выправки, ни мало-мальской воинской подтянутости. Привыкшие к распушенности 1917 года, еще более опустившиеся во время службы у большевиков, многие открыто подчеркивали, что им «на все наплевать». Очень скоро обнаружилось, что среди призванных имеется несколько коммунистов, которые, не стесняясь, выражали протест против мобилизации и подчеркивали свое нежелание служить в белых войсках. Их явная и тайная агитация производила на остальных должное впечатление. Толпа начинала волноваться и, видя нашу малочисленность, все более и более наглеть. Из задних рядов раздавались отдельные выкрики, брань, а с офицерами, производившими разбивку, вступали в грубые пререкания. Наступал критический момент и необходимо было принять решительные меры.

Два главных зачинщика были тут же расстреляны. Этот пример мгновенно изменил настроение остальных. Словно они только и добивались увидеть проявление твердой власти.

Из нескольких групп раздались бодрые голоса:

— Ваше Благородие, вот тут тоже есть коммунист. Это они сбивают народ, а мы за порядок.

После того как было расстреляно еще три или четыре человека, хмурую, враждебную толпу нельзя было узнать: лица оживились, все подтянулось, сами выровнялись, появилась выправка. Многие тут же заявили, что они георгиевские кавалеры или унтер-офицеры. Приказания исполнялись точно, быстро. Когда поручик Б. произвел простейшее строевое учение, то через четверть часа все призванные вполне удовлетворительно, а многие даже и старательно выполняли подаваемые команды.

С места разбивки пополнение было отправлено с песнями. Старая солдатская песня «Соловей, соловей во саду» пелась громко, с несомненным подъемом и с тем присвистом, с каким хорошо настроенная часть пела в прежнее время. Эта песня, или, правильнее сказать, — характер ее выполнения, лучше всего свидетельствовала, что желаемый психологический перелом, по-видимому, произошел. Два часа назад это была опасная и злобная толпа. Теперь это были русские люди, вновь как бы себя нашедшие. Их застывшие сердца вновь отогрелись и своею теплотою возвращали им черты на время забытой человечности. На наших глазах совершилось перерождение: на сборный пункт они пришли большевистскими Савлами, а вернулись в роты русскими Павлами...

При распределении мобилизованных по батальонам и ротам было мною приказано назначать целыми деревнями, дабы люди, знавшие друг друга с детства, служили бы вместе. Эта мера дала прекрасные результаты и в дальнейшем укрепила взаимную выручку. Опасаться каких-либо заговоров не приходилось. Своею численностью они во много раз превосходили кадры полка. Этих людей, уже отрекавшихся от красного зла, надо было не запугивать подозрением и террором, а привлекать доверием, справедливостью и дисциплиной. Вместе с тем офицеры и старые солдаты зорко следили за настроением вновь прибывающих, и, по единодушным докладам всех батальонных и ротных командиров, настроение было прекрасное.

Через несколько дней призванные получили винтовки и красные (цвет полка) околыши на фуражки. Они стали белозерцами.

Перед выступлением полка в сторону Киева многие мобилизованные просили разрешения побывать дома — проститься или взять те или иные вещи. Главным образом белье. Я считал бесцельным отказывать в подобных просьбах. Если кто надумал сбежать, тот все равно мог проделать это в любую ночь. Уроженцы окружных деревень, они имели прочные связи среди населения и, зная, что полк скоро уйдет, всегда имели возможность укрыться в потайных местах до отъезда полка. К тому же я мало интересовался теми солдатами, которые только и мечтали о том, чтобы сбежать.

Жители ближних деревень отпускались на ночь, в более отдаленные пункты — на сутки.

Объяснив командирам батальонов и рот свои соображения, я встретил с их стороны полное сочувствие. Они тоже понимали, что процесс наблюдаемого «очеловечения» будет доверием лишь ускорен.

К общему нашему удивлению, почти все отпущенные вернулись обратно в полк. Сбежало не более двух десятков. Велико же было мое изумление, когда и эти «сбежавшие» догнали полк уже в пути. Исключительно личным почином они, не найдя полка на старом месте, куда-то ходили, кого-то расспрашивали, а главное, называли себя уже белозерцами и в конце концов добились своего: их отправили куда им было нужно. Эпизод, в сущности, незначительный, но чрезвычайно характерный.

Я умышленно задерживался на подробностях этой мобилизации, дабы беспристрастным изложением фактов восстановить в памяти подлинные нравы и настроения того времени. Мобилизация эта была примечательна еще и потому, что до тех пор наши наборы

происходили в губерниях с преобладающим малороссийским населением и мне впервые пришлось иметь дело с теми контингентами, которые все время находились лишь под большевистской властью и подвергались лишь большевистской обработке.

Когда мы подходили к Курской губернии — к границам Велико-россии, — нам представлялось, что нас встретит явно обольше-вленное население. Как видно из приведенных мною фактов, опасения эти были неосновательными. Внешне замутившаяся народная душа в своей основе оставалась чистой и глубоко национальной. Несмотря на пережитое в 1917 году общерусское растреление и на дальнейшие коммунистические опыты, деревня продолжала хранить инстинкт государственности. Мы являлись представителями этой государственности, и потому, за редким исключением, крестьянство обычно давало нам свои первоначальные симпатии и свою помощь.

Переезд полка. Формирование новых частей

Согласно распоряжению штаба корпуса, Белозерский полк с приданной ему артиллерией — двумя легкими и одной гаубичной батареями — должен был сосредоточиться у станции Ворожба. Туда же мной была притянута хозяйственная часть с ее запасами и мастерскими. Впервые после выхода из Харькова командир полка мог видеть свой полк собранным вместе.

Оружейная и пулеметная мастерские принялись энергично приводить в порядок достаточно запущенное оружие, постоянная работа которого тяжело отзывалась особенно на пулеметах. К этому времени в полку имелось более сотни пулеметов, в подавляющем большинстве захваченных у большевиков. Если мы мало обращали внимания на оружие, то красные в этом отношении были совершенно беспечны. Поэтому можно представить, в каком виде попадало к нам большевистское оружие. Между тем на пулеметы возлагались нами большие надежды. Еще в период Миропольской обороны мною были применены так называемые «пулеметные батареи», новшество, порожденное Великой войной. Собранная на небольшом участке масса пулеметов открывала одновременный огонь. Эта тархтящая батарея производила чрезвычайно сильное впечатление. Психика красных не выдерживала подобного огня. Я рассчитывал применять такое воздействие и в дальнейшем, а потому был крайне заинтересован в возможно лучшем состоянии полковых пулеметов.

Все строевые роты и команды ежедневно производили тактические и строевые учения. Я и теперь не могу удовлетворительно объяснить, какими причинами вызывался тот подъем, который в период десятидневного пребывания у станции Ворожба проявляли все офицеры и солдаты. Они работали от души и, по-видимому, заражали друг друга энергией.

Накануне выступления у станции Ворожба был устроен мною смотр полку. Роты имели 120–150 штыков, что в практике Добровольческой армии являлось фактом незаурядным. При каждом батальоне были свои пулеметные и разведывательные команды. Кроме этого, имелись еще полковая пулеметная рота, конно-разведывательная

команда в 200 шашек и богато снабженная команда связи. Общий вид выстроившегося на большом поле полка был чрезвычайно внушительный. Полковым маршем прежнего, дореволюционного Белозерского полка был марш «Славься вечно, славься вечно, православный Русский Царь»... Марш был принят и мною во всей его неприкосновенной красоте и величии.

Указанный мною смотр является для полка эпизодом историческим. На нем не произошло ничего внешне примечательного, проведен он был в обычных рамках строевого устава, но впечатление оставил незабываемое. В этот день все чины полка лично почувствовали силу полка, и виденная ими картина настолько запечатлелась в душах белозерцев, что до конца Гражданской войны никакие испытания уже не могли вытравить веры в свой полк. Много лет прошло с тех пор, но, когда я теперь встречаюсь с белозерцами, все они неизменно и с волнением вспоминают смотр у Ворожбы. Тот смотр объединил всех нас в одну крепкую полковую семью. Я это чувствовал всем своим существом. В подобных же переживаниях признавались мне потом и офицеры.

С этого дня я постиг воспитательные значения смотров, моральную ценность которых раньше преуменьшал. Система смотров и парадов была применяема и в Галлиполи. Она оказалась чрезвычайно жизненной и имела большое воспитательное значение, ибо ничто так не действует на людскую психику, как демонстрация дисциплинированной силы.

В период нахождения полка у Ворожбы туда приезжал генерал Кутепов, дабы посетить вновь сформированный 2-й Дроздовский полк (пехотный). Командиром полка был назначен полковник Манштейн, о котором я упоминал в начале своих записок как об офицере исключительной доблести.

Новый полк формировался в условиях достаточно благоприятных и отнюдь не схожих с таковыми же условиями олонцев, частей 31-й дивизии, Сводно-стрелкового полка и других. 1-й Дроздовский полк, полк сильный и богатый, щедро снабдил своего младшего брата всем, чем мог. Все же, несмотря на подобную помощь и на содействие начальства, 2-й полк испытывал нужду во многом. Полковник Манштейн лично высказывал мне, что он больше надеется на самоснабжение в боях, чем на отпуски из армейских складов. Дух дроздовцев и имя командира являлись надежным залогом того, что полк будет воевать прекрасно. И действительно, он воевал отлично, но не раз ему приходилось своею доблестью и кровью восполнять недочеты формирования. К приезду командира корпуса был выставлен почетный караул от белозерцев. Нарядный, однообразный вид караула, одетого в новое обмундирование, и большой оркестр, сиявший ярко начищенными инструментами, произвели, по-видимому, на генерала Кутепова отрадное впечатление, что он тогда же мне и высказал.

— А штыков у вас сколько?

— 2000.

— Здорово!

На лице командира корпуса отразилось некоторое недоверие, внутренне меня задевшее. Присутствовавший при этом разговоре полковника Манштейн случайно рассеял это недоверие:

— Белозерцы, Ваше Превосходительство, богатые. У них в ротах 120–150 штыков, много пулеметов.

И в голосе командира вновь формируемого полка послышалась естественная зависть.

В привокзальном скверике был устроен скромный обед для генерала Кутепова. Присутствуя на этом обеде, я из доклада Манштейна уже в подробностях узнал об огорчавших его недостатках снабжения. Командир корпуса утешал молодого командира полка и приводил в пример белозерцев. Ссылка эта только лишь утверждала истину, что в Добровольческой армии части не формировались нормальным порядком, а самозарождались и саморазвивались... Да и чем иным мог подбодрить Манштейна генерал Кутепов, сам не имевший никаких запасов?

В конце лета 1919 года главное командование приступило к формированию новых частей, справедливо полагая, что быстро увеличивающийся масштаб борьбы требует и соответственного развития сил. Это похвальное решение явилось, однако, сильно запоздавшим (речь идет о практическом осуществлении!), ибо безвозвратно было упущено лучшее для этого дела время — лето и не был использован полностью тот, несомненно, большой подъем, какой переживало население богатых южнорусских губерний в первый период освобождения от большевиков.

Как известно, в довоенные годы Харьков, Полтава, Курск, Кременчуг и ряд других городов являлись стоянками тех или иных частей. Во многих пунктах полки квартировали десятилетиями. Города считали эти части «своими», а офицерский состав имел прочные и разнообразные связи с населением. После развала фронта в 1917 году офицерство вернулось в свои прежние стоянки, с которыми они были связаны всеми своими интересами — служебными, семейными, имущественными и пр. Казалось бы, что, восстанавливая государство, надлежало самосознание, которое было всегда вне упрека. И не подлежит сомнению, что если приступили к воссозданию прежних частей, то подобная система дала бы прекрасные результаты. Города всячески пошли бы на помощь «своим» полкам. Зная в своем гарнизоне, как говорится, все ходы и выходы, офицерство, возрождая родные части, много помогло бы своими связями делу формирования. И эти были бы старые, доблестные полки, со столетней историей и с ярко выявленными государственными взглядами.

К сожалению, главное командование, несмотря на просьбы «с мест», отказалось от этой мудрой системы и шло по пути импровизации, поддерживая всем своим авторитетом добровольческие призывы.

Вместо формирования прежних полков, давших бы многочисленные резервы, в которых так нуждался фронт, было приступлено к развертыванию «цветных» полков в бригады, а затем и в дивизии. Подобное решение являлось ошибочным во всех отношениях. Как ни сильны были духовно и материально эти части, все же выделение всего потребного для формирования двух и трех полков значительно ослабило первоисточники. Повторялась та же ошибка, какая была проделана в начале 1917 года при образовании третьечередных дивизий. К тому же усиление армии на 3–4 полка, пер-

воначально слабых численно и бедно снабженных, мало изменяло соотношение сил на тысячеверстном фронте. С точки зрения идеи и системы эти формирования были типичной импровизацией. К тому же формирование частей происходило преимущественно на Орловском направлении. В итоге — усиленные войска этого направления выдвинулись клином к северу и подставили под удары большевиков свои открытые фланги.

Киевский фронт

После отъезда генерала Кутепова было получено приказание о сосредоточении 4-й пехотной дивизии в районе станции Бахмач — Круты, что и было выполнено незамедлительно. На станции Круты я получил указание прибыть на станцию Нежин и явиться там генерал-лейтенанту Бредову для получения дальнейших назначений.

С точки зрения войск Курского направления Киевский фронт расценивался как второстепенный. Это было, конечно, обывательское мнение, ибо успех Московской операции находился в непосредственной зависимости от того, насколько прочно обеспечены фланги армии. Поэтому стратегическое значение Киевского фронта было велико.

Войска Киевской области, находившиеся в непосредственном ведении генерал-лейтенанта Бредова, занимали правый берег Днепра, примерно на линии Святошино — Боярки. С севера, со стороны Чернигова, Киев прикрывался Козелецкой группой, оборонявшей участок Остер — Козелец. В общем, радиус обороны не превышал 20–25 верст, что для такого крупного центра, как Киев, было крайне недостаточно. Повсюду большевики имели двойное или тройное превосходство в силах. Особенно угрожающим обороне города являлся северный участок, ибо в случае успеха на Черниговском направлении большевики быстро выходили бы в тыл Киевской группы.

Третьим участком обороны был Нежинский. Кроме действовавших там красных частей, в болотах и лесах к северу от Нежина имелись сильные банды Кропивнянского. Бывший офицер Кропивнянский одинаково враждебно относился и к белым, и к красным. Среди крестьянского населения шайки эти, пополняемые местными уроженцами, имели известные симпатии.

Войска Козелецкого и Нежинского участков несколько раз пытались овладеть Черниговом, но безуспешно. Превосходящие во много раз силы большевиков, казалось, надежно прикрывали древний город.

Постоянная угроза Киеву и железной дороге Курск — Киев властно требовала необходимости разбить Черниговскую группу красных и отбросить ее за Десну. Только по исполнению этого можно было считать, что Киев и указанная железная дорога прикрыты с севера более или менее надежно.

С генералом Бредовым я встретился лишь однажды, еще в период лоянских боев, когда он был капитаном Генерального штаба, а я — юным подпоручиком конно-разведческой команды. Встреча была мимолетная, но она запала мне в душу, и в продолжение 15 лет

я сохранял в памяти привлекательный облик молодого и энергичного капитана.

Генерал Бредов встретил меня с той сердечностью, какая вообще свойственна этому выдающемуся генералу. К моему удивлению, он тоже не забыл нашу встречу под Ляояном и расцеловался со мною как со старым знакомым.

Объяснив мне обстановку, о которой я упоминал выше, генерал сообщил мне, что с подходом 4-й дивизии он решил овладеть Черниговом.

— Несколько раз я пытался покончить с этим злокачественным нарывом, но не удавалось. Бог даст, с вашим приходом мы достигнем цели...

Командующий генерал и я склонились над картой и углубились в тактические комбинации.

Описание боевых действий не входит в задачи моей книги, однако необходимо, хотя бы кратко, остановиться на некоторых подробностях Черниговской операции, ибо эта операция наглядно и убедительно свидетельствует, какая потенциальная сила сохранилась в прежних и затем вновь возрожденных частях Императорской армии.

Решено было наступлением вдоль железной дороги Круты — Чернигов сбить части противника, находившиеся в Нежинском направлении, выйти в тыл Козелецкой группы и отрезать ее от единственной переправы на реке Десне у города Чернигова. План был крайне дерзкий по замыслу, ибо требовал зайти глубоко в тыл (более 50 верст), предварительно разбив вчетверо сильнее врага. К тому же на левом фланге наступления находились сильные красные части, а правый упирался в Сейм.

Большевики располагали полнейшей возможностью ударом в левый фланг сбросить или, во всяком случае, прижать нас к Сейму. Благодаря малочисленности все сообщения (тыловые пути) были беззащитны.

Намеченный план в равной степени сулил большой успех и полную катастрофу. Предстояло единоборство не только сил, но и духа.

Один из полков 4-й дивизии должен был взять на себя все тяжести этого наступления, а другой удерживать переправу через Сейм в 30 верстах от путей намеченного наступления. И чем ближе приближался бы к своей цели полк, наступающий на Чернигов, тем более он отдалялся от своего соседа.

Генерал Бредов предложил мне, как начальнику дивизии, самому распределить роли полков в намеченной операции.

Справедливость требовала, чтобы Белозерский полк, как сильнейший, наносил бы главный удар. Слабые числом олонцы могли выполнить лишь второстепенную задачу. Находясь под впечатлением смотра у Ворожбы, я не колеблясь назначил Белозерский полк для нанесения главного удара.

На Нежинском участке находились уже гвардия и 2-й конный генерала Дроздовского полк. Согласно директиве, все гвардейские части должны были наступать левее железной дороги Круты — Чернигов, а белозерцы — правее. 2-й конный полк должен был прикрывать левый фланг операции.

Мое сообщение о решенном наступлении и объяснение всей важности возложенной на полк задачи были приняты офицерами с большим подъемом. Солдаты, конечно, не разбирались в обстановке, однако с видимой охотой и вниманием выслушивали разъяснения офицеров. Как и я, все они находились под гипнозом недавнего смотра. Кроме того, выяснилось, что в полку имеется много офицеров, связанных с Черниговом. Одни там родились, другие учились, третьи имели семьи или родственников. Поэтому известие о наступлении на Чернигов вызвало большой подъем. Накануне дня наступления во всех ротах раздавались песни, смех, оживленные разговоры. Подобное настроение являлось ценнейшим залогом успеха.

Чернигов

23 сентября началось наступление. В этот же день утром гвардия подверглась неожиданному удару со стороны противника и в Черниговской операции она уже участия не принимала. Исключение составляла только гвардейская артиллерия со своим прикрытием — прекрасной пулеметной командой полковника Шатилова. Обстоятельство это сразу осложнило положение белозерцев, ибо, кроме своего участка, им надо было занять и участок, назначенный для гвардии. Соотношение сил, бывшее и без того не в нашу пользу, снизилось еще больше. Даже твердый духом, всегда мужественный генерал Бредов счел необходимым запросить по телефону мое мнение, не отложить ли операцию? Порыв, однако, не терпит перерыва, и было решено осуществлять задуманный план, не смущаясь осложнениями.

Наступление началось действительно с большим порывом, и к вечеру мы имели повсюду успех. Были взяты пленные и пулеметы.

В первый же день операции прибыл к полку генерал Бредов. Он обладал в большой степени добродетелями старшего начальника и потому совершенно не вмешивался в мои распоряжения, как командира полка. Принимая к сведению мои доклады, генерал предоставил мне полную свободу действий, ибо понимал, что всякое «дерганье» в бою лишь нервнрует того начальника, который руководит боевыми действиями. Воинская добродетель, присущая подлинным военным.

Первую ночь операции я провел в тускло освещенной комнате маленькой станции Черниговской железной дороги. Тут же лежали убитые белозерцы, а рядом равнодушно стучал телеграфный аппарат. В углу надрылся телефонист:

— Матвеев, Матвеев, да оглох ты, что ли?

Привычная и жуткая своей привычностью обстановка боя...

На второй день большевики опомнились и, усилив себя резервами, сами перешли в наступление. 3-й батальон был сбит, и в итоге мы потеряли два орудия... Подобная неудача не предвещала ничего хорошего... Расходовать свой последний резерв, когда главные трудности ожидалась впереди, было невозможно: операция только начиналась.

Сбитому батальону пришлось собственными силами восстановить положение, что он и выполнил энергичной контратакой. На-

ибо более молодой по времени формирования батальон и его командир полковник Гауе хранили в своих сердцах то самолюбие, какое двигает воинские части на подвиги исключительные. Глубоко убежден, что этот батальон инстинктивно предугадывал уже ту славу, какую дал ему через несколько дней Чернигов и какую он в дальнейшем еще более приумножил...

О тех трудностях, какие пришлось преодолеть в течение пятидневных боев, свидетельствует донесение генерала Бредова на имя командующего войсками Киевской области: «Установлено, что против участка полковника Штейфона действуют 532-й, 533-й, 534-й и 539-й полки, занимающие сильно укрепленную позицию».

Преодолевая упорное сопротивление красных, белозерцы и 2-й конный полк продвигались вперед, все более и более углубляясь в тыл красных.

Утром 28 сентября 1-й и 3-й батальоны подошли к Десне. 2-му конному генерала Дроздовского полку было приказано выдвинуться по Киевскому шоссе, к югу от Чернигова, к деревне Яновке и прикрыть готовящийся штурм города со стороны Козелецкой группы. Эта сильная группа красных, узнав о нашем подходе к их единственной переправе, неминуемо должна была начать отход, дабы не быть отрезанной, что в действительности и случилось.

Чернигов соединялся 2-верстной дамбой — мостом. По этому дефиле, находившемуся под сильнейшим ружейным, пулеметным и орудийным огнем, надлежало перейти на западный берег, на котором расположен город.

В тот момент, когда 1-й батальон вел крайне тяжелый бой с превосходящими силами, а 3-й батальон готовился штурмовать дамбу, было получено сообщение о появлении в нашем тылу красной пластунской бригады (червонное казачество) с кавалерийским полком и с батареей. 2-й конный полк вел уже неравный бой с наседавшими на него большевиками у Яновки, в 10 верстах от Чернигова. Перед нами была единственная переправа на Десне, которую мы стремились штурмовать своими уже поредевшими рядами. Слева накатывалась к этой же переправе Козелецкая группа (60-я советская дивизия). Из тыла двигались большие силы, стремясь тоже к переправе. Справа был непроходимый вброд Сейм.

Момент был жуткий. Я отдал приказание 3-му батальону без промедления штурмовать мост. Поддержанные артиллерией и пулеметами, 9-я и 10-я роты бросились в атаку и своим порывом смяли интернациональный батальон, непосредственно оборонявший дамбу. Этот батальон был почти полностью уничтожен. Вслед за передними ворвались в город и остальные роты.

2-й батальон и все команды, какие только я мог собрать, были двинуты против тыловой опасности. Их усилиями эта группа красных была сбита к югу и, таким образом, к переправе не вышла. В разгар описываемого боя козелецкие части красных сбили своим десятирным превосходством доблестный 2-й конный полк.

1-й батальон, который уже находился в Чернигове, был повернут кругом и двинут по Киевскому шоссе на усиление конных дроздовцев. Победа была полной. Захвачено несколько тысяч пленных, масса пулеметов. Только в районе Яновки было захвачено 16 орудий.

Богатейшая добыча не поддавалась первоначальному учету. Между прочим, были отбиты и потерянные 24 сентября два орудия.

И этот, редкий даже в летописях Добровольческой армии бой вел полк, в состав которого две недели назад влилось около 2000 человек мобилизованных. Поставленные в условия нормальной дисциплины, руководимые мужественными офицерами, они воевали выше всяких похвал.

К концу пятидневной операции снова прибыл к полку генерал Бредов, и мы вместе вошли в город. Весь в зелени, в прежнее время тихий, мирный Чернигов, в период Гражданской войны перенес немало тяжелых испытаний. По моем прибытии меня окружили жители и со слезами на глазах выражали свою радость. Узнав, что нами захвачено несколько видных комиссаров, прославившихся своею жестокостью, жители в полном смысле слова умоляли меня приказывать повесить этих комиссаров всенародно.

Через 2 дня на площади у собора Святого Феодосия Черниговского был отслужен молебен и устроен парад, во время которого прибывшим начальником дивизии все солдаты 9-й и 10-й рот, участвовавшие в штурме дамбы, были награждены Георгиевскими медалями. Командир 10-й роты поручик Радченко, первый бросившийся на штурм и увлекший своим примером остальных, личной инициативой генерала Деникина был по телеграмме произведен в следующий чин. Я не мог немедленно сообщить эту приятную весть герою-офицеру, ибо, тяжело раненный, он находился уже в госпитале. Генерал Бредов горячо благодарил командира 3-го батальона полковника Гауса, всех офицеров и солдат за победный бой.

После взятия Чернигова полк получил решительно от всех старших начальников поздравительные телеграммы, в самых лестных выражениях отмечавших боевую работу белозерцев.

<...> Наиболее характерной является телеграмма командующего армией:

«Прошу передать полковнику Штейфону и доблестным родным мне белозерцам мое восхищение героическим штурмом Чернигова, воскресающим в памяти лучшие страницы воинской доблести».

Позанятие Черниговая, как старший представитель Добровольческой армии, явился высшей воинской и гражданской властью города и вновь освобожденного края. Тревожное и серьезное положение на фронте требовало от меня полного напряжения всех сил. Вместе с тем необходимо было заботиться и об устройстве города. На третий день ко мне явились представители самых разнообразных административных учреждений. Все они просили меня дать им руководящие указания и разрешить десятки неотложных нужд. Я был только военный начальник, и в моем распоряжении не имелось никакого гражданского аппарата. В ряде вопросов, предъявленных жизнью, я был совершенно несведущ. Какие, например, указания я мог дать управляющему конторой государственного банка по ряду специальных вопросов? А он домогался получить определенные инструкции. И не только он, но и другие. Я тонул в этой стихии безначалия и в то же время должен был отстаивать город, переживая при этом периодические тяжелые кризисы.

Конечно, на все домогательства своих посетителей я мог бы ответить фразой:

— Это не мое дело!

Поступить так, однако, не позволяла моя совесть. Я разрешил вопрос единственно доступным мне приемом: телеграфировал генералу Драгомирову и просил его, впредь до прибытия вновь назначенной администрации, поставить во главе всех гражданских учреждений тех лиц, кои ведали ими до революции. Генерал Драгомиров, человек ясного ума, понял мое положение и ответил согласием. Это не был, конечно, выход из положения, но все же это была хоть какая-нибудь система. Прибывший затем и посетивший меня вице-губернатор не скрывал всей своей беспомощности. Он и несколько приехавших с ним чиновников были, конечно, бессильны дать губернии желаемый порядок. Вице-губернатор поступил так, как поступил бы каждый на его месте: дал видимость власти городу и предоставил деревню собственной участи.

Деревня уже была настроена прекрасно. Назначенная мною мобилизация (понеся большие потери, полк: снова поредел) прошла успешно и даже с известным подъемом.

Отсутствие власти на местах и нездоровые навыки Гражданской войны породили в некоторых деревнях случаи незаконных реквизиций или, попросту говоря, — грабежей. Я сурово боролся с подобными явлениями, предавал виновных военно-полевому суду и без снисхождения утверждал смертные приговоры, о чем и объявлялось в «Ведомостях пехотного Белозерского полка».

Через 7–10 дней после занятия Чернигова неожиданно для меня появился ряд возов с мукой, овсом, сеном и прочими припасами. Прибывшие с возами крестьяне заявили, что все это они привезли в подарок Белозерскому полку:

— Мы знаем, что ваши солдаты не грабят, и за все взятое вы платите. Примите, покорно просим.

Этот «подарок» простых русских людей чувствительно меня тронул. Уезжая, крестьяне говорили:

— Если вам что будет надо, вы только скажите. Покорно благодарим, что не обижаете нас.

Описанный пример настолько яркий, что в комментариях не нуждается...

После восстановления в правах прежней администрации все же в городе была масса работы. В Чернигове была взята громадная военная добыча, и ей надо было дать толк, и не местными средствами, а указанием свыше. Среди взятого находились, например, мастерские и склады автомобильной части прежнего (периода Великой войны) Юго-Западного фронта. Это было богатейшее, многомиллионное имущество. Оно расхищалось, несмотря на принятые мною меры. Тщетно слал я телеграммы непосредственно в Ставку Главнокомандующего с просьбой прислать специалистов, дабы принять и вывезти это богатство, в котором остро нуждалась армия. В конце концов, прибыли, кажется, два офицера. Они не были в силах справиться с порученным им делом.

Приказом Главнокомандующего были учреждены в армии особые комиссии, ведавшие захваченной добычей. Деятельность тех ко-

миссий, каких я лично наблюдал, обычно бывала бумажной и чрезвычайно нежизненной. Наделенные диктаторскими полномочиями, подчиненные центру, комиссии накладывали свое veto на все взятое, и в итоге образовались громадные склады, месяцами лежавшие без всякого употребления. Мне известны примеры, когда подобные склады, пробыв много месяцев в наших руках, оставались нетронутыми и затем снова переходили в руки красных.

Взятые на учет указанными комиссиями склады зачастую расхищались и нередко способствовали развитию злоупотреблений среди младшего персонала, обслуживавшего эти склады.

Одна из таких комиссий очень скоро прибыла в Чернигов. Председатель ее потребовал, чтобы в его распоряжение была передана вся добыча, что я и исполнил с большой охотой. Спустя несколько дней большевики повели наступление и потеснили полк. Обстановка складывалась настолько грозно, что, в видах предосторожности, я отдал приказ своим тыловым учреждениям эвакуировать город. В самый критический момент обнаружился недостаток артиллерийских снарядов. Командир дивизиона вспомнил, что на складах реквизиционной комиссии имелись снаряды, захваченные при взятии Чернигова. В полном смысле слова была дорога каждая минута, и зарядные ящики помчались карьером к этим складам. Председатель комиссии заявил:

— Выдать снарядов не могу, они находятся на учете реквизиционной комиссии.

Этот склонный к бюрократии человек не хотел слушать никаких резонов и не хотел понять, что если город будет сдан, то вместе с этим будут оставлены и все «находящиеся на учете» склады. Только мое энергичное вмешательство дало возможность уже умолкнувшей артиллерии получить снаряды.

Большевики были отбиты, а после боя я предал председателя комиссии военно-полевому суду. На другой день была получена телеграмма от генерала Драгомирова. Командующий войсками просил меня отменить мое распоряжение и добавлял, что он отзывает из Чернигова всю комиссию, «по несоответствию».

Кроме забот по обороне и устройству города, мне приходилось разрешать много вопросов, ни в какой степени не касающихся компетенций командира полка и начальника группы. Я не мог отмахиваться от той массы просителей, какие ежедневно и в большом числе приходили ко мне. В большинстве это была совершенно обнищавшая интеллигенция. Она буквально голодала. Занятому свыше меры своими разнообразными обязанностями, мне надо было находить время и для посетителей. Не мог же я, представитель добровольческой власти, даже не выслушать тех, для кого новая белая власть являлась символом освобождения, справедливости и силы?

Приходила старушка и, плача, рассказывала (конечно, в пространных выражениях!), что большевики отобрали у нее все и что ей нечем прокормить двух детей-внучек. У нее имеется лишь немного советских денег, а советские деньги теперь никто не берет. За нею с грудным ребенком входила жена какого-то низшего служащего с подобной же просьбой. И еще, и еще. Что я мог поделаться? Я приказал полковому казначею брать, якобы на обмен, эти ничего не стоящие

бумажки и выдавать рубль за рубль добровольческими деньгами. Обрадованные люди уходили, горячо благодаря «добровольцев». Требовалась помощь, широкая, систематическая, а таковой не было, ибо не было власти. В моей комнате ежедневно разыгрывались десятки драм: стесняющаяся, плачущая бедность признавалась, что она голодна. Признавалась намеками, скорбью своих глаз, случайными фразами. Я приказал полковым кухням широко кормить желающих, а для тех, кто стыдился (тогда таких было много), заготовил пакеты с мукой, сахаром и другими продуктами. Люди, конфузясь, уносили эти пакеты и были радостны и сыты хотя бы несколько дней. Всего этого было, конечно, мало, но лучше сделать хоть что-нибудь, чем ничего.

Памятуя о переменности военного счастья и зная, с какими невероятными усилиями удерживается город, я предложил желающим жителям выехать в тыл, в иные, более спокойные и безопасные места.

Среди лиц, которых я лично навестил, предлагая свою посильную помощь, была и сестра героя Добровольческой армии генерала Дроздовского. Я знал Юлию Гордеевну давно, когда она была молодой, жизнерадостной барышней. Помня, что Дроздовские жили когда-то в Чернигове, я приказал навести справки. Оказалось, что Юлия Гордеевна с неизлечимой хронической болезнью находится в местной богадельне. Отправился к ней. В пожилой, изможденной женщине, лежавшей на грязном соломенном матрасе, я с трудом узнал прежнюю Юлию Гордеевну. Широко открытыми глазами, с явным недоумением и даже со страхом смотрела она на меня. Последний раз мы встречались, когда я был 17-летним юнкером.

— Здравствуйте, Юлия Гордеевна, узнаете меня? Я — Боря Штейфон. Помните?

Она вспомнила, расплакалась и судорожно схватила мою руку. Так и не отпускала моей руки, покуда я сидел у ее кровати.

На другой день я снова ее навестил. Она была к этому времени переведена в лучшую частную лечебницу, лежала в отдельной комнате на прекрасной кровати. Около нее находилась специально командированная полковая сестра. На ночном столике стояли цветы и лежала добытая с трудом коробка шоколадных конфет. Совершилась одна из сказок жизни!

О положении Ю. Г. я сообщил дроздовцам, и их трогательным попечением Ю. Г. была вывезена на юг.

Пятидневная Черниговская операция, а затем полуторамесячная оборона города потребовали от полка громадного напряжения.

Большие потери снова обессилили нас. Очередная мобилизация лишь временно отдала кризис, однако он назревал с каждым днем.

Еще более усилившийся материально после взятия Чернигова, Белозерский полк являлся, вероятно, самым богатым полком в армии. У меня имелось много пулеметов, винтовок, я располагал достаточным количеством обмундирования и снаряжения. Хозяйственная часть, отнюдь не прибегавшая к незаконным приемам, благодаря разумной экономии обладала большими запасами. В любое время мы могли по примеру «цветных» полков развернуться в сильную, прекрасно снабженную бригаду. И, несмотря на все эти данные,

полк таял с каждым днем. Как после Льгова, так и в Чернигове мне необходимо было иметь 5–7 дней спокойствия, дабы дать отдых измученным людям. Дать им две ночи спокойного сна. Только отведя полк в резерв, можно было действительно его пополнить, устроить и дать ему силы для продолжения успешных боевых действий. Однако о каком отдыхе могла быть речь, когда надо было слабыми силами оборонять двадцативерстный фронт, имея перед собою втрое сильнейшего врага?

И с чистой совестью можно признать, что войска Черниговской группы делали больше, чем можно было от них требовать. Постоянно получаемые благодарности от высшего начальства свидетельствовали об этом. 7 октября генерал Драгомиров, например, телеграфировал:

«Полковнику Штейфону, копия генералу Бредову.

Сердечно благодарю Вас и молодцов белозерцев за доблестную отвагу в боях 6 октября у ж.д. Товстолес — Халявино. Особенно благодарю за постоянную активность действий. Уверен, что под Вашим умелым руководством доблестные белозерцы отстоят грудью древний Чернигов».

Читать подобные признания белозерских заслуг было, конечно, приятно, но, как всякие слова, они начинали терять свое значение. Ряды защитников уменьшались с каждым днем.

Недостатка в пленных мы, правда, не ощущали, но по своим настроениям это были лучшие большевистские части — они не годились для немедленной постановки в строй.

Нам не хватало солдат. Роты вновь снижались до 40–50 штыков.

Катастрофа приближалась, но, к счастью для себя, фронт ее еще не предвидел. Растянутые тонкой линией на сотни верст, войска пытались своею кровью и величайшей доблестью исправить недочеты тыла и организации. И как ядро, прикованное к ноге каторжника, стесняет все его движения, так и неустройство тыла, несовершенство военной системы и вся совокупность сделанных раньше ошибок парализовали порыв фронта.

Приближалась осень. Истомленные войска не имели теплой одежды. Резервов не было. Части воевали уже только своими кадрами. Дух бойцов явно изнашивался. И когда после занятия Орла и Брянска советская Москва готовилась к эвакуации и на фронт была двинута даже личная охрана Ленина — Латышская дивизия, добровольческое командование уже не имело сил, чтобы сломить несомненно последнее сопротивление.

Наступила агония фронта и трагический отход к Новороссийску.

Черниговскую и Киевскую группы ожидал крестный путь Бредовского похода.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Наиболее полная библиографическая справка по истории Белозерска содержится в историко-литературном альманахе “Белозерье” (Выпуск 1. Вологда, 1994) в статье Э. А. Волковой «К истории г. Белозерска и Белозерского уезда (Список литературы)».

- Аишурков В. Н.* На поле Куликовом. Тула, 1976.
- Балязин В. Н.* Михаил Кутузов. М., 1991.
- Балязин В. Н.* Фельдмаршал М. Б. Барклай-де-Толли. Жизнь и полководческая деятельность. М., 1990.
- Бантыш-Каменский Д. Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. В 2 кн. Пушкино, 1991.
- Белов П. А.* За нами Москва. М., 1963.
- Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1968.
- Бессмертная эпопея. К 175-летию Отечественной войны 1812 г. и освободительной войны 1813 г. в Германии / Под ред. А. Л. Нарочницкого. М., 1988.
- Борисов Н. С.* Русские полководцы XIII–XVI веков. М., 1993.
- Бочаров Г., Выголов В.* Вологда, Кириллов, Ферапонтово, Белозерск М., 1976.
- Белозерье. Краеведческий альманах. Выпуск 2. Вологда, 1998.
- Борисов Н. С.* Иван Калита. М., 2005.
- Брагин М. Г.* Кутузов. М., 1995.
- Брикнер А. Г.* История Екатерины Второй. В 3 т. М., 1996.
- Брикнер А. Г.* История Петра Великого. В 2 т. М., 1996.
- Брикнер А. Г.* Потемкин. М., 1996.
- Буганов В. И.* Петр Великий и его время. М., 1989.
- Бушуев С. В.* История государства Российского. Историко-библиографические очерки XVII–XVIII вв. М., 1994.
- Военная одежда русской армии. М., 1994.
- Военная энциклопедия. Т. 1–18. М., 1910–1917.
- Военный энциклопедический словарь. В 2 т. М., 2001.
- Волков В. А.* Войны и войска Московского государства. М., 2004.
- Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 1993.
- Вологодская область. От древности до наших дней. Вологда, 2006.
- Вологодские зори. М., 1987.
- Володихин Д. М.* Иван Грозный. Бич Божий. М., 2006.
- Генералиссимусы: Энциклопедия военного искусства. Минск, 1993.
- Демин Л. М.* Белозерское удельное княжество. М., 2005.
- Дементьев Вадим.* Свет малой родины. Отчина и дедина. М., 2008.
- Демин Лев.* Глеб Белозерский. Исторический роман. М., 2003.
- Детская военная энциклопедия. От мушкета до ракеты. СПб.-М., 2002.

-
- Дружинин Н. М.* Внешняя политика России. М., 1988.
- Заозерский А. И.* Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989.
- Записки А. П. Ермолова 1798–1826. М., 1991.
- Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1972.
- Золотарев В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е.* Во славу Отечества Российского: Развитие военной мысли и военного искусства в России во второй половине XVIII века. М., 1984.
- Изборник. Повести Древней Руси. М., 1987.
- Иловайский Д. И.* Собиратели Руси. М., 1996.
- Иловайский Д. И.* Становление Руси. М., 1996.
- Иловайский Д. И.* Царская Русь. М., 1996.
- История военного искусства. В 5 т. СПб., 1993–1994.
- История СССР с древнейших времен до конца XVIII века / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1975.
- История 13-го пехотного Белозерского генерал-фельдмаршала графа Ласси полка (1708–1893) / Сост. Э. Мержеиовский. Варшава, 1894.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. В 12 т. Калуга, 1994.
- Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. М., 1980.
- Каргалов В. В.* Русские воеводы XVI–XVII вв. М., 2005.
- Керсновский А. А.* История русской армии. В 4 т. М. 1992–1993.
- Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976.
- Ключевский В. О.* Исторические портреты. М., 1990.
- Ключевский В. О.* Сочинения: Курс русской истории. В 5 т. М., 1956–1958.
- Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края. М.-Л., 1951.
- Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М., 1993.
- Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994.
- Кто есть кто в военной истории. Словарь. Лондон — Нью-Йорк — Москва. 2000.
- Кузнецов Александр.* Энциклопедия русских наград. М., 2001.
- Леонов О., Ульянов И.* Регулярная пехота: 1698–1801 гг. М., 1995.
- Лошиц Ю. М.* Дмитрий Донской. М., 1995.
- Лэннинг М. Л.* 100 великих полководцев. М., 1998.
- Ляшенко Л. М.* Царь-освободитель: Жизнь и деяния Александра Второго. М., 1994.
- Мячин А. Н.* 100 великих битв. М., 1998.
- Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004.
- Орлик О. В.* Гроза двенадцатого года. М., 1987.
- Павленко Н. И.* Александр Данилович Меншиков. М., 1981.
- Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984.
- Памятка Белозерца. Для нижних чинов. 1708–1906. Варшава, 1906.

Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981.

Пашуто В. Т. Александр Невский. М., 1995.

Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956.

Песков А. М. Павел I. М., 1999.

Пикуль Валентин. Исторические миниатюры. М., 1991.

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. В 2 ч. М., 1994.

Плевна и гренадеры 28 ноября 1877 г. М., 1887.

Плетнев С. А. Половцы. М., 1990.

Полевой Николай. Русские полководцы, или жизнь и подвиги российских полководцев от времен императора Петра Великого до царствования императора Николая I. М., 1997.

Полководцы, военачальники и военные деятели России в Военной энциклопедии Сытина. СПб., 1995.

Потрашков С. В., Потрашков А. С. Иллюстрированный военно-исторический словарь. Всеобщая энциклопедия военного дела. М., 2007.

Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990.

Разин Е. А. История военного искусства. М., 1957.

Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991.

Ростунов И. И. Генералиссимус А. В. Суворов. М., 1989.

Русская военная сила. История развития военного дела от начала Руси до конца XIX века. М., 1897.

Рыбаков Б. А. Куликовская битва. / Сб. Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.

Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964.

Семеновцы. История, биография / Авт.-сост. А. Ю. Бондаренко. М., 2004.

Сказки Белозерского края. Записали В. М. и Ю. М. Соколовы. Архангельск, 1981.

Скрынников Р. Г. История Российская IX–XVII вв. М., 1997.

Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988.

Славянская энциклопедия. Киевская Русь — Московия. В 2-х томах. М., 2002.

Строков А. А. История военного искусства. Т. 1. М., 1955.

Тарас А. Е. Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII веках. М., Минск, 2006.

Торопцев А. Век России. Книга битв. XVIII век. М., 1995.

Торопцев А. Мировая история войн. Энциклопедия. М, 2003.

Торопцев А. Наполеон. Книга битв. М., 1995.

Ульянов И. Регулярная пехота 1801–1855 гг. М., 1996.

Ульянов И. Регулярная пехота 1855–1918 гг. М., 1998.

Федосюк Ю. А. Что непонятно у классиков, или энциклопедия русского быта XIX века. Изд. 5. М., 2002.

Фомин В. В. Варяги и Варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.

Фортуатов П. К. Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950.

Фохт Н. А. фон. Краткая история 18-го пехотного Вологодского полка 1803–1897. Житомир, 1898.

Шапран А. А. Русские полководцы. Военная история России в ее главных действующих лицах. Екатеринбург, 2003.

Шепелёв Л. Е. Чиновный мир России. XVIII — начало XX в. СПб. 2001.

Шефов Н. А. 1000 боев и сражений русского оружия IX–XXI века. Изд. 4, М., 2007.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый. В 2 кн. М., 1997.

Шишов А. В. Георгиевские кавалеры. М., 1993.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	5
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПОЯСНЕНИЕ	11
ПОЯСНЕНИЕ ЛИЧНОЕ	17
ОТ СИНЕУСА ДО ВАСИЛЬКА РОСТОВСКОГО	24
ГЛЕБ БЕЛОЗЕРСКИЙ	34
КУЛИКОВСКАЯ БИТВА	40
ГОРОДОВОЙ ПОЛК XV–XVII вв.	48
ПО УКАЗУ ПЕТРА ПЕРВОГО	60
ПОБЕДНЫЙ МАРШ	65
О РУССКОМ СОЛДАТЕ	102
В БОРЬБЕ С НАПОЛЕОНОМ	116
И СНОВА ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА	143
ПОЛЬСКОЕ УСМИРЕНИЕ	145
ВОЛОГОДСКОЕ ОФИЦЕРСТВО	153
ВОЙНА НЕЗНАМЕНИТАЯ	190
ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ	194
И ВНОВЬ — ПОЛЬША	203
БЕЛОЗЕРСКАЯ СЕМЬЯ	206
В ОКОПАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	215
ПОД БЕЛЫМИ ЗНАМЕНАМИ	222
БИТВА ЗА МОСКВУ	230
НАСЛЕДНИКИ РАТНОЙ СЛАВЫ	238
ВОССТАНОВИМ ДЕТИНЕЦ РУССКОЙ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ — СЕВЕРНЫЙ ФОРПОСТ РОССИИ	253
ПРИЛОЖЕНИЯ	258
ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	315

Научно-популярное издание

ВАДИМ ВАЛЕРЬЕВИЧ ДЕМЕНТЬЕВ
Слово о полку Белозерском

История старейшего воинского формирования России

Корректор — **В. А. Щерблыкина**
Компьютерная верстка — **С. Ш. Лихачева**

На форзацах воспроизведен макет средневекового Белозерского кремля
(Белозерский областной краеведческий музей).

Автор — М. И. Верещагин

Подписано в печать 20.09.2008.

Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman PS MT. Усл. печ. л. 24,5. Уч. изд. л. 24,5.

Заказ 3341 Тираж 2000. Цена договорная.

Издательство «Книжное наследие»
Вологодской областной универсальной научной библиотеки
160035, г. Вологда, ул. М. Ульяновой, 1

Отпечатано: ООО «Полиграф-Книга», 160035, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3

